

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://ostrovskya1alexander.ru/> приятного чтения!

Собрание сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский

Лес*

Комедия в пяти действиях

Действие первое

ЛИЦА:

Раиса Павловна Гурмыжская, вдова, лет 50-ти с небольшим, очень богатая помещица, одевается скромно, почти в трауре, постоянно с рабочим ящиком на руке.

Аксинья Даниловна (Аксюша), ее дальняя родственница, бедная девушка лет 20-ти, одета чисто, но бедно, немного лучше горничной.

Евгений Аполлоныч Милонов, лет 45-ти, гладко причесан, одет изысканно, в розовом галстуке.

Уар Кирилыч Бодаев, лет 60-ти, отставной кавалерист, седой, гладко стриженный, с большими усами и бакенбардами, Гурмыжской. в черном сюртуке, наглухо застегнутом, с крестами и медалями по-солдатски, с костылем в руке, немного глух.

} Богатые соседи

Иван Петров Восмибратов, купец, торгующий лесом.

Петр, его сын.

Алексей Сергеевич Буланов, молодой человек, недоучившийся в гимназии.

Карп, лакей Гурмыжской.

Улита, ключница.

Усадьба Гурмыжской, верстах в пяти от уездного города. Большая зала. Прямо две двери: одна выходная, другая в столовую; направо от зрителей окно и дверь в сад; налево две двери: одна во внутренние комнаты, другая в коридор. Богатая старинная мебель, трельяжи, цветы, у окна рабочий столик, налево круглый стол и несколько кресел.

Явление первое

Карп стоит у двери в сад, входит Аксюша.

Аксюша. Раиса Павловна звали меня?

Карп. Так точное; только теперь гости приехали, так они в саду.

Аксюша (вынув из кармана письмо). Послушай, Карп Савельич, не можешь ли ты?..

Карп. Что вам угодно-с?

Аксюша. Передать. Ты уж знаешь кому.

Карп. Да как же, барышня? Теперь ведь уж словно как неловко. Правда ль, нет ли, у тетеньки такое есть желание, чтоб вам за барчонком быть.

Аксюша. Ну, не надо; как хочешь. (Отворачивается к окну.)

Карп. Да уж пожалуйста. Для вас отчего же... (Берет письмо.)

Аксюша (глядя в окно). Продала Раиса Павловна лес?

Карп. Продали Ивану Петрову. Все продаем-с, а чего ради?

Аксюша. Не хочет, чтоб наследникам осталось; а деньги можно и чужим отдать.

Карп. Надо полагать–с. Мудрено сотворено.

Аксюша. Говорят, она эти деньги хочет за мной в приданое дать.

Карп. Дай–то бог!

Аксюша (очень серьезно). Не дай бог, Карп Савельич!

Карп. Ну, как угодно–с. Я к тому, что все же лучше, пусть в приданое пойдут, чем туда же, куда и прочие.

Аксюша. Куда прочие... а куда же прочие?

Карп. Ну, это вам, барышня, и понимать–то невозможно, да и язык–то не поворотится сказать вам. Алексей Сергеич идут. (Отходит от двери.)

Аксюша смотрит в окно, Буланов входит.

Явление второе

Аксюша, Буланов, Карп, потом Улита.

Буланов (Карпу). Что ж, ты набил мне папиросы?

Карп. Никак нет–с.

Буланов. Отчего же нет? Ведь я тебе велел.

Карп. Мало что велели! А когда мне?

Буланов. Нет, уж вы здесь зазнались очень. Вот что. Я вот Раисе Павловне скажу.

Карп. Не скажете; вы при них и курить–то боитесь.

Буланов. Боитесь... Чтоб были набиты! Не десять раз тебе говорить! (Увидав Аксюшу, подходит к ней и очень развязно кладет ей на плечо руку.)

Аксюша (быстро обернувшись). Что вы! С ума сошли?

Буланов (обидясь). Ах!! Извините! Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?

Аксюша (почти сквозь слезы). За что вы меня обижаете? Я вам ничего не сделала. Что я здесь за игрушка для всех? Я такой же человек, как и вы.

Буланов (равнодушно). Нет, послушайте; вы в самом деле мне нравитесь.

Аксюша. Ах, да мне–то что до этого за дело! Какое вы имеете право трогать меня?

Буланов. Что вы все сердитесь неизвестно за что? Эка важность! Уж и тронуть нельзя! Свое, да не трогать! Кто ж мне запретит?

Аксюша (строго). А если не ваше, если чужое? Тогда что?

Буланов. Что за капризы! Надоело. Этак вы все дело испортите.

Аксюша. Какое дело?

Буланов. Какое... Будто не знаете? Вот какое: Раисе Павловне угодно, чтоб я женился на вас. А что Раисе Павловне угодно...

Аксюша. Тому и быть?

Буланов. Разумеется. Мы с вами люди бедные... Дождаться, покуда прогонят? Нет, уж покорно благодарю. Куда мне? Опять к маменьке? Бить сорок–ворон за чужим двором?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Карп. Потихе, сударь! Улита идет.

Входит Улита и чего-то ищет.

Вам чего здесь?

Улита. Я, кажется, забыла...

Карп. Ничего вы не забыли, это вы напрасно. У вас есть свой департамент, мы к вам не ходим.

Улита уходит.

Вот так-то лучше!.. Самая проклятая женщина!

Буланов. Расчет прямой; кажется, можно понять.

Аксюша. Да, я понимаю.

Буланов. Так и упрямитесь нечего. Перед кем здесь неприступность-то разыгрывать? Ведь Раиса Павловна обещает много денег дать; чего ж еще? Креститься надо обеими руками.

Аксюша. Иное можно купить за деньги, а другого нельзя.

Буланов (презрительно улыбаясь). Философия! (Серьезно.) Вы толку в деньгах не знаете, оттого так и разговариваете. Видно, нужды-то не видали? А тут впереди жизнь приятная... За деньги-то люди черту душу закладывают, а не то чтоб отказываться.

Показывается Улита.

Карп. Что вы шмыгаете взад и вперед? Не видали вас тут? Здесь комнаты чистые.

Улита. Уж и войти нельзя!

Карп. Как это вы себе покою не найдете? Мечетесь вы, как угорелая кошка. Позовут вас, тогда другое дело.

Улита уходит.

Аксюша. Насильно мил не будешь, Алексей Сергеич.

Буланов. Ну, да уж я добыюсь своего; у меня не отвертятся. Ведь вам лучше меня здесь не найти.

Аксюша (тихо). Ошибаетесь. Захочу поискать, так найду; а может, уж и нашла. (Карпу.) Если Раиса Павловна спросит, я буду в своей комнате. (Уходит.)

Явление третье
Буланов, Карп.

Карп (подходя). Ах, барин, барин!

Буланов. А что, Карп?

Карп. Молоды вы очень.

Буланов. Знаю, что молод.

Карп. А это нехорошо.

Буланов. Что ж мне делать-то?

Карп. Это не к пользе вашей... А вы старайтесь...

Буланов. Уж как ни старайся, а вдруг лет не прибавится: я только из гимназии.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Карп. Да что гимназия! Другие и в гимназии не были, да какие ловкие.

Буланов. Да на что ловкие-то?

Карп. Да на все, а уж особливо что мимо рук-то плывет.

Улита показывается из коридора.

Опять? Тыфу! Брысь ты, окаянная!

Улита (скрываясь). Обидчик!

Буланов (задумчиво). Да?.. Ну, что ж?

Карп. То-то: «да». Вы что барышню-то тревожите? Какой тут авантаж?

Буланов. Все-таки...

Карп. Осторожнее надо, сударь; недаром Улита тут ползает, перенесет сейчас. А понравится ли барыне? Еще неизвестно, куда вас Раиса Павловна определят. Они хоть и барыня, а ведь их дело женское: никак даже невозможно этого знать, что у них на уме. Вдруг одно, и сейчас другое; у них в мыслях не то что на неделе, на дню до семи перемен бывает. Вот вы говорите: жениться; а может, что другое заставят делать! Вы своей воли не имеете; привезли вас на пропитание, так как маменька у вас в бедности... А вы хотите... Уж вы и смотрите все в глаза.

Буланов. В глаза?

Карп. Беспременно. Так все ходите и смотрите, потому от них зависимы... А там по времени, из разговора или из чего и можете понять... Барыня идет. (Уходит.)

Буланов поправляет волосы и покручивает усики. Входят Гурмыжская, Милонов и Бодаев.

Явление четвертое

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов.

Гурмыжская. Я вам говорила, господа, и опять повторяю: меня никто не понимает, решительно никто. Понимает меня только наш губернатор да отец Григорий...

Милонов. И я, Раиса Павловна.

Гурмыжская. Может быть.

Милонов. Раиса Павловна, поверьте мне, все высокое и все прекрасное...

Гурмыжская. Верю, охотно верю. Садитесь, господа!

Бодаев (откашливаясь). Надоели.

Гурмыжская. Что вы?

Бодаев (грубо). Ничего. (Садится поодаль.)

Гурмыжская (заметив Буланова). Алексис, Алексис! Вы мечтаете? Господа, представляю вам молодого дворянина, Алексея Сергеича Буланова.

Буланов раскланивается.

Судьба его очень интересна, я вам сейчас расскажу. Алексис, погуляйте в саду, мой друг.

Буланов уходит, Гурмыжская и Милонов садятся у стола.

Милонов. Ваш родственник, вероятно?

Гурмыжская. Нет, не родственник. Но разве одни родственники имеют право на наше сострадание? Все люди нам ближние. Господа, разве я для себя живу? Все, что я

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
имею, все мои деньги принадлежат бедным;

Бодаев прислушивается.

я только конторщица у своих денег, а хозяин им всякий бедный, всякий несчастный.

Бодаев. Я не заплачу ни одной копейки, пока жив; пускай описывают имение.

Гурмыжская. Кому не заплатите?

Бодаев. На земство, я говорю.

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, не о земстве речь.

Бодаев. Никакой пользы, один грабеж.

Гурмыжская (громко). Подвиньтесь поближе, вы нас не слышите.

Бодаев. Да, не слышу. (Садится к столу.)

Гурмыжская. Этот молодой человек, господа, сын одной моей приятельницы. Я встретила с ней в прошлом году в Петербурге. Прежде, давно уж, мы жили с ней совершенно как сестры; но потом разошлись: я овдовела, а она вышла замуж. Я ей не советовала; испытавши сама, я получила отвращение к супружеству.

Бодаев. К супружеству, но не к мужчинам?

Гурмыжская. Уар Кирилыч!

Бодаев. Да я почем же знаю; я только спрашиваю. Ведь разные бывают характеры.

Гурмыжская (шутя). И к мужчинам, особенно таким, как вы.

Бодаев (привстает, опираясь на костыль, и кланяется). Премного вам за это благодарен.

Милонов. Раиса Павловна строгостью своей жизни украшает всю нашу губернию; наша нравственная атмосфера, если можно так сказать, благоухает ее добродетелями.

Бодаев. Лет шесть тому назад, когда слух прошел, что вы приедете жить в усадьбу, все мы здесь перепугались вашей добродетели: жены стали мириться с мужьями, дети с родителями; во многих домах даже стали тише разговаривать.

Гурмыжская. Шутите, шутите. А вы думаете, мне без борьбы досталось это уважение? Но мы удаляемся от нашего разговора. Когда мы встретились в Петербурге, моя подруга уж давно овдовела и, разумеется, глубоко раскаивалась, что не послушалась моих советов. Она со слезами представила мне своего единственного сына. Мальчик, как вы видите, на возрасте.

Бодаев. В солдаты годится.

Гурмыжская. Вы не судите по наружности. Он, бедный, слаб здоровьем, и, представьте себе, какое несчастье! Он поэтому отстал от своих товарищей, так что все еще был в гимназии и, кажется, даже еще в средних классах. У него уж и усики, и мысли совсем другие, и дамы стали им интересоваться; а он должен с мальчиками, шалунами, ходить в школу. Это унижало его, он скучал, удалялся от людей, бродил один по глухим улицам.

Бодаев. Не по Невскому ли?

Гурмыжская. Он страдал, страдала и мать; но средств помочь горю у ней не было. Имение совершенно разорено, сын должен учиться, чтоб кормить мать; а учиться прошло и время и охота. Ну, теперь, господа, судите меня как хотите. Я решилась сделать три добрых дела разом.

Бодаев. Три? Любопытно.

Гурмыжская. Успокоить мать, дать средства сыну и пристроить свою племянницу.

Бодаев. Действительно, три.

Гурмыжская. Я выписала сюда на лето молодого человека; пусть они познакомятся; потом женю их и дам за племянницей хорошее приданое. Ну, теперь господа, я покойна, вы знаете мои намерения. Хоть я и выше подозрений, но, если б нашлись злые языки, вы можете объяснить, в чем дело.

Милонов. Все высокое и все прекрасное найдет себе оценку, Раиса Павловна. Кто же смеет...

Бодаев. Ну, отчего же не сметь? Никому не закажешь; на это цензуры нет.

Гурмыжская. Впрочем, я мало забочусь об общественном мнении; я делаю добро и буду делать, а там пусть говорят что хотят. В последнее время, господа, меня томит какое-то страшное предчувствие, мысль о близкой смерти ни на минуту не покидает меня. Господа, я умру скоро, я даже желаю, желаю умереть.

Милонов. Что вы! Что вы! Живите! Живите!

Гурмыжская. Нет, нет, и не просите.

Милонов. Ведь это будут слезы, горькие слезы.

Гурмыжская. Нет, господа, если я не нынче умру, не завтра, во всяком случае скоро. Я должна исполнить долг свой относительно наследников. Господа, помогите мне советом.

Милонов. Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская. У меня близких родных только племянник моего мужа. Племянницу я надеюсь пристроить еще при жизни. Племянника я не видала пятнадцать лет и не имею о нем никаких известий; но он жив, я знаю. Я надеюсь, что ничто не препятствует мне назначить его своим единственным наследником.

Милонов. Полагаю.

Бодаев. Да о чем и толковать?

Гурмыжская. Благодарю вас. Я так и сама думала. Он меня не забывает, каждый год присылает мне подарки, но писем не пишет. Где он – неизвестно, и я не могу писать к нему; а я еще ему должна. Один должник его отца принес мне старый долг; сумма хотя небольшая, но она тяготит меня. Он точно скрывается от меня; все подарки я получила из разных концов России: то из Архангельска, то из Астрахани, то из Кишинева, то из Иркутска.

Милонов. Какое же его занятие?

Гурмыжская. Не знаю. Я его готовила в военную службу. После смерти отца он остался мальчиком пятнадцати лет, почти без всякого состояния. Хотя я сама была молода, но имела твердые понятия о жизни и воспитывала его по своей методе. Я предпочитаю воспитание суровое, простое, что называется, на медные деньги; не по скупости – нет, а по принципу. Я уверена, что простые люди, неученые, живут счастливее.

Бодаев. Напрасно! На медные деньги ничего хорошего не купишь, а тем! более счастья.

Гурмыжская. Но ведь он не жалуется на свое воспитание, он даже благодарит меня. Я, господа, не против образования, но и не за него. Развращение нравов на двух концах: в невежестве и в излишестве образования; добрые нравы посередине.

Милонов. Прекрасно, прекрасно!

Гурмыжская. Я хотела, чтоб этот мальчик сам прошел суровую школу жизни; я приготовила его в юнкера и предоставила его собственным средствам.

Бодаев. Оно покойнее.

Гурмыжская. Я иногда посылала ему денег, но, признаюсь вам, мало, очень мало.

Бодаев. И он стал воровать, разумеется,

Гурмыжская. Ошибаетесь. Вот посмотрите, что он писал мне. Я это письмо всегда ношу с собою. (Вынимает письмо из коробки и подает Милонову.) Прочитайте, Евгений Аполлоныч!

Милонов (читает). «Тетенька моя и благодетельница, Раиса Павловна! Сие излагаемое мною применительно к обстоятельствам моим, жизни, письмо пишу вам, с огорчением при недостатках, но не с отчаянием. О, судьба, судьба! Под гнетом собственного своего необразования, пристыжаемый против товарищей, я предвижу неуспех в своей карьере к достижению».

Бодаев. До сих пор лестного немного для вас и для него.

Гурмыжская. Слушайте дальше.

Милонов. «Но не усташусь! Передо мною слава, слава! Хотя скудное подаяние ваше подвергало меня не раз на край нищеты и погибели; но лобызаю вашу ручку. От юных лет несовершеннолетия до совершенного возраста я был в неизвестности моих предначертаний; но теперь все передо мной открыто».

Бодаев. И вам не стыдно, что ваш племянник, дворянин, пишет как кантонист.

Гурмыжская. Не в словах дело. По-моему, это прекрасно написано, тут я вижу чувство неиспорченное.

Входит Карп.

Карп. Иван Петров Восмибратов пришел с сыном-с.

Гурмыжская. Извините, господа, что я при вас приму мужика.

Бодаев. Только вы с ним поосторожнее, он плут большой руки.

Гурмыжская. Знаете, он такой, хороший семьянин; это – великое дело.

Бодаев. Семьянин-то семьянин, а чище всякого обманет.

Гурмыжская. Не верю, не верю! не может быть!

Милонов. Мы с вами точно сговорились; я сам горячий защитник семейных людей и семейных отношений. Уар Кирилыч, когда были счастливы люди? Под кущами. Как жаль, что мы удалились от первобытной простоты, что наши отеческие отношения и отеческие меры в применении к нашим меньшим братьям прекратились! Строгость в обращении и любовь в душе – как это гармонически изящно! Теперь между нами явился закон, явилась и холодность; прежде, говорят, был произвол, но зато была теплота. Зачем много законов? Зачем определять отношения? Пусть сердце их определяет. Пусть каждый сознает свой долг! Закон написан в душе людей.

Бодаев. Оно так, кабы только поменьше мошенников, а то больно много.

Гурмыжская (Карпу). Зови поди Ивана Петрова!

Карп уходит. Входят Восмибратов и Петр.

Явление пятое

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович! Восмибратов (раскланивается и садится). Петр, садись!

Петр садится у самой двери на край стула.

Милонов. Прикажете дочитать?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Читайте, он не помешает.

Милонов (читает). «Нужда, ты непостижима! Благодарю вас, благодарю. Скоро мое имя покроется бессмертием, а с ним и ваше никогда не умрет для потомства, детей и внуков. Еще раз благодарю за все, за все. Ваш покорный к услугам племянник, дитя природы, взлелеянное несчастьем, Гурмыжский».

Гурмыжская (принимая письмо). Благодарю вас, Евгений Аполлоныч! Вот спросим у простого человека; он правду скажет. Иван Петрович, хорошо это письмо написано?

Восмибратов. Первый сорт-с! Вот ежели бы кому прошение, уж на что лучше.

Милонов. Но ведь этому письму двенадцать лет; что же теперь с вашим! племянником, с его громкой славой?

Гурмыжская. Я вам говорю, не знаю.

Бодаев. Вдруг удивит.

Гурмыжская. Как бы то ни было, я горжусь этим письмом и очень довольна, что нашла в людях благодарность; Надо сказать правду, я его очень люблю. Я вас прошу, господа, пожаловать ко мне послезавтра откусать! Вы, вероятно, не откажетесь подписаться под завещанием? Оно будет готово, я думаю; впрочем, во всяком случае, милости просим.

Бодаев. Приеду.

Милонов. Поверьте, все высокое и все. прекрасное...

Гурмыжская. Конечно, если судить строго, я немного виновата перед наследником; я уж кой-что продала из имения.

Восмибратов. Да таки, сударыня, довольно: особенно как изволили проживать в столицах.

Гурмыжская. Я очень щедро помогаю. Для ближнего мне не жаль.

Восмибратов. Так-с. А хоша бы и для себя; вы своему хозяйка, всякий человек живая тварь.

Гурмыжская. А теперь, вот уж лет семь, я живу совсем иначе.

Восмибратов. Это точно-с; слухов никаких насчет, чтобы чего... постоянную жизнь ведете.

Гурмыжская. Ах, да я а прежде... да не об том речь. Я говорю, что живу очень экономно.

Бодаев. Извините! Не об вас речь! Вы не рассердитесь, пожалуйста! Но действительно у нас много дворянских имений вконец разорено бабами. Если мужчина мотает, все-таки в его мотовстве какой-нибудь смысл есть; а бабьей глупости меры не положено. Нужно любовнику халат подарить – она хлеб продает не вовремя за бесценок; нужно любовнику ермолку с кисточкой – она лес продает, строевой, береженный, первому плуту.

Восмибратов. Это вы, ваше высокородие, действительно. Коли им, женскому сословию, в чем воля, так добра мало.

Бодаев. Ты думаешь?

Милонов (Восмибратову). Ах, Ваня, Ваня, как ты груб!

Восмибратов. Вопче говорится, сударь.

Милонов. Все-таки, Ваня, надо быть осторожнее, мой друг... А вот ты и ошибаешься; не от дам разорены имения, а оттого, что свободы много.

Бодаев. Какой свободы? Где это?

Милонов. Ах, Уар Кирилыч, я сам за свободу; я сам против стеснительных мер... ну, конечно, для народа, для нравственно несовершеннолетних необходимо... Но, согласитесь сами, до чего мы дойдем! Купцы банкротятся, дворяне проживаются... Согласитесь, что наконец необходимо будет ограничить законом расходы каждого, определить норму по сословиям, по классам, по должностям.

Бодаев. Ну, что ж, представляйте проект! Теперь время проектов, все представляют. Не удивите, не бойтесь, чай, и глупей вашего есть.

Встает, Милонов тоже. Раскланиваются. Восмибратов и Петр встают.

Гурмыжская (провожая их). Господа, я вас жду послезавтра.

Милонов и Бодаев уходят.

Явление шестое

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Садись, Иван Петрович!

Восмибратов (сажаясь). Петр, садись!

Петр садится.

Изволили присылать, сударыня?

Гурмыжская. Да, мне очень нужно тебя видеть. Принес ты деньги?

Восмибратов. Нет, сударыня, признаться сказать, не захватил. Коли нужно, так прикажите, я завтра же занесу.

Гурмыжская. Пожалуйста. Ты водочки не хочешь ли?

Восмибратов. Увольте! Нам без благовремения... тоже... ведь люди, все одно.

Гурмыжская. Ты уж все принеси, как у нас уговор был.

Восмибратов. Слушаю-с.

Гурмыжская. Я не помню, кажется...

Восмибратов. Да уж не извольте беспокоиться.

Гурмыжская. Кажется, полторы тысячи. (Роясь о ящике.) Где записка? Неужели я ее выронила? Не найду никак.

Восмибратов. Поищите, сударыня, хорошенько.

Гурмыжская. Но, во всяком случае, мне этих денег мало. Не купишь ли у меня еще участок лесу?

Восмибратов. Да чтоб уж вам весь его продать. Куда вам его беречь-то!.. Ведь с лесом, сударыня, поверите ли, только грех один; крестьянишки воруют – судись с ними. Лес подле города, всякий беглый, всякий бродяга пристанище имеет, ну и для прислуги тоже, для женского пола... Потому как у них грибной интерес и насчет ягоды, а выходит совсем напротив.

Гурмыжская. Нет, я весь теперь не продам; что за имение без леса! Некрасиво. Может быть, со временем... а ты купи этот участок, что ближе к городу.

Восмибратов. Хошь я теперь и не при деньгах, а отчего ж не купить, коли сходно продавать будете. А я было, признаться, к вам насчет другого товару.

Гурмыжская. Не понимаю.

Восмибратов. Сродственницу имеете, девицу, небогатую...

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Так что же?

Восмибратов. Видел ее, что ли, где, или здесь как встретил мой парнишка.

Петр встает.

Гурмыжская. Он?

Восмибратов. Петр-с. Парень овца, я вам скажу. По глупости его и по малодушеству и приглянулась-с. Ну, конечно, мы с ним дорогого не стоим, а если б бог дал доброму делу быть, дали бы вы тысячки на четыре лесу на разживу ему, с нас бы и довольно. Он бы и поперился с вашей легкой руки и жить пошел.

Гурмыжская. Я очень благодарна вам; но, друзья мои, извините! У нее уже есть жених, у меня в доме живет. Может быть, в городе говорят вздор какой-нибудь, так вы знайте, что это жених.

Восмибратов (Петру). Слышишь ты? А ты лезешь! Только отца в дураки ставишь. Погоди ж ты у меня!

Гурмыжская. Вы не подумайте, что я гнушаюсь вами. Для нее твой сын партия даже завидная. Если у ней теперь жених дворянин, так это по особенной милости, а она совсем его не стоит.

Восмибратов. Понимаем-с.

Гурмыжская. Это дело решенное, и кончим разговор о нем. Поговорим о лесе. Купи, Иван Петрович!

Восмибратов. Не при деньгах, не при деньгах-с.

Гурмыжская. Быть не может.

Восмибратов. Обижать ценой не будете, так можно-с.

Гурмыжская. А сколько бы ты дал за него?

Восмибратов (подумав). Рубликов пятьсот-с вам довольно будет?

Гурмыжская. Что ты, что ты? За тот полторы, а за этот пятьсот; ведь этот больше и лучше.

Восмибратов. Точно-с. Извините! Это я так маханально, не подумавши; да и неохота с этим) делом вязаться теперь. А как ваша цена?

Гурмыжская. Да по крайней мере две тысячи. Мне эту цену давали.

Восмибратов. Мой совет: отдавайте.

Гурмыжская. Да я не хотела тебя обидеть.

Восмибратов. На этом очень вами благодарны; только я вам вот что скажу: хлопот не стоит.

Гурмыжская. Иван Петрович, стыдно! я сирота. Мое дело женское. Сироту обидеть грешно. Ты не забывай бога-то!

Восмибратов. Нам ежели бога забыть, творца нашего милосердного, нам в те поры, сударыня, податься некуда. По тому самому нам без бога нельзя; как одно, значит, у нас прибежище.

Гурмыжская. Ну, то-то же. Ты сам подумай, ведь мне деньги-то на доброе дело. Девушка на возрасте, ума большого не имеет, хочется заживо пристроить. Ну, что хорошего, без присмотра останется без меня; нынче народ знаешь какой! Ты сам отец, так рассудить можешь, у тебя тоже дочь, приятно ли тебе будет...

Восмибратов. Да ежели она, шельма...

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Иван Петрович, что за слова! Ты знаешь, я не люблю. Ну, слушай!
Только для тебя пятьсот рублей уступаю, отдаю за полторы тысячи.

Восмибратов. Барыша ничего не будет.

Гурмыжская. Ну, уж и говорить не хочу. А тебе стыдно, стыдно.

Восмибратов. Дорогонько, да уж извольте-с. (Махнув рукой.) Так уж, что прежде от вас пользовался.

Гурмыжская. Только мне деньги завтра же нужны.

Восмибратов. Еще почивать будете, принесем. А вы извольте приготовить записочку, чтобы завтра вам не беспокоиться, что за проданный на сруб лес в таких-то пустошах деньги сполна получили.

Гурмыжская. Значит, ты принесешь ровно три тысячи?

Восмибратов. Что следует, то и принесем-с. На прежние деньги у вас записочка есть; а на эти ваша воля, а по мне хоть и отказаться. Слову нашему вы не верите, на всякую малость записки да расписки отбираете; так что ж вам сомневаться? Я человек неграмотный, другой раз и сам не знаю, что в записке-то написано. Парнишку-то замучил, все за собой вожу руку прикладывать. Прощенья просим.

Гурмыжская. Прощайте!

Восмибратов и Петр уходят. Входит Карп.

Явление седьмое
Гурмыжская, Карп, потом Аксюша и Улита.

Карп. Сударыня, вы барышню спрашивать изволили, так они дожидаются.

Гурмыжская. Позови!

Карп уходит.

Хитрая и дерзкая девчонка! никогда в ней ни благодарности, ни готовности угодить. Наказанье мне с ней.

Входит Аксюша.

Аксюша (потупя глаза, тихо). Что вам угодно?

Гурмыжская. Ты, я думаю, знаешь, зачем я выписала сюда Алексея Сергеича?

Аксюша. Знаю.

Гурмыжская. Ты, пожалуйста, не возмечтай слишком много о себе! Это еще только предположение. Ты можешь расчувствоваться и потом ошибиться (со смехом), мне тебя будет жаль.

Аксюша. Отчего же мне расчувствоваться?

Гурмыжская. Ах, боже мой! Для тебя ли это не партия? Она еще спрашивает! Но я погляжу прежде, будешь ли ты стоять. Я и сама всем говорю, что он твой жених, и другие пусть говорят; но я еще подумаю, слышишь ты, подумаю.

Входит Улита.

Аксюша. Надо будет и меня спросить.

Гурмыжская. Я знаю, когда тебя спросить; не учи меня. А теперь я хочу, чтоб все считали его твоим женихом, мне так нужно. Но сохрани тебя бог кокетничать с ним или позволить себе какую-нибудь вольность!

Аксюша. Какую вольность? Что вы!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Ты не обижаться ли вздумала? Это очень мило! Ты знай, душа моя, я вправе думать о тебе все, что хочу. Ты девочка с улицы, ты с мальчишками на салазках каталась.

Аксюша. Не все я на салазках каталась, я с шести лет уж помогала матери день и ночь работать; а по праздникам, точно, каталась с мальчишками на салазках. Что ж, у меня игрушек и кукол не было. Но ведь я уж с десяти лет живу у вас в доме и постоянно имею перед глазами пример...

Гурмыжская. Дурные наклонности укореняются с детства. Потому не сердись, моя милая, если за тобой будет самый строгий надзор. (Со смехом.) Он хоть твой и жених, да зелен виноград.

Аксюша. Жених! Кому нужен такой жених?

Гурмыжская. Ну, это выше твоего понятия.

Аксюша. И не хорош, и не умен.

Гурмыжская. Вздор! Ты глупа, а он умен, хорош, образован. Скажите, скажите! Это ты нарочно. Ты не слепая. Тебе только хочется меня раздражить.

Аксюша. Да вам-то что же?

Гурмыжская. Как что? Это мой выбор, мой вкус. Не тебе чета, светские дамы им увлекались.

Аксюша. Чести им не делает.

Гурмыжская. Ах, ах! Она рассуждает! И почему ты знаешь, что честь, что бесчестье?

Аксюша. Я девочка с улицы, не светская дама, а не польщусь на такое сокровище.

Гурмыжская. А я тебе приказываю.

Аксюша. Я ведь не пойду за него; так к чему же эта комедия?

Гурмыжская. Комедия! Как ты смеешь? Да хоть бы и комедия; я тебя кормлю и одеваю, и заставлю играть комедию. Ты не имеешь права входить в мои намерения: мне так нужно, и все тут. Он жених, ты невеста, – только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором. Вот моя воля!

Аксюша (взглянув ей в глаза). Больше ничего?

Гурмыжская. Ничего, ступайте!

Аксюша уходит.

Нет, погоди! Были и получше тебя, да плясали по моей дудочке.

Явление восьмое
Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Поди сюда!

Улита. Что, матушка барыня, угодно?

Гурмыжская. Подойди поближе, садись, где стоишь, и слушай!

Улита (подходит и садится на пол). Слушаю, матушка барыня.

Гурмыжская. Ты меня знаешь? Ты знаешь, как строго я смотрю за всем домом?

Улита. Знаю. Как мне не знать?

Гурмыжская. Я Аксюше не верю, она девчонка хитрая. Она часто встречается с Алексеем Сергеичем; мне не хотелось бы, чтоб она с ним обращалась вольно. При мне, разумеется, она не смеет, но ведь не всегда же я с ними: они могут

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
встретиться и в саду, и в комнатах без меня. Так я прошу, даже приказываю тебе...

Улита. Понимаю, матушка барыня, понимаю. Пожалуйста ручку! (Целует руку Гурмыжской.) Уж как я вас понимаю, так это только одно удивление. Давно уж я за ними, как тень, слоняюсь, шагу без меня не ступят; где они, тут и я.

Гурмыжская (подумав). За то я тебя и люблю, что ты догадлива.

Улита (с жаром). Догадлива, матушка барыня, догадлива. Вчера платьишко все в тлен изорвала, по кустам ползала, изожглась вся, по крапиве елозила, все подслушивала, что они промежду себя говорят.

Гурмыжская. Изорвала платье? Беда не велика, ты и вперед платья не желей, у меня много; я тебе, за твое худое, хорошее подарю.

Улита (таинственно). Вот и здесь давеча сошлись.

Гурмыжская. Что же давеча?

Улита. Да все этот дурак Карп мешал; а все-таки кой-что заметить было можно.

Гурмыжская. Что же ты заметила?

Улита. Она-то к нему очень ласкова; а он как будто так... (делает жест рукой) выражал, что я, дескать, не желаю.

Гурмыжская. Да?.. Не ошиблась ли ты? (Смотрит ей в глаза.)

Улита. И как будто так даже (делает жест рукой)...

Гурмыжская. Ну!

Улита. И как будто... так можно заметить, что ему не совсем-то... чтобы уж очень...

Гурмыжская. Врешь ты, мне кажется.

Улита. Нет уж, матушка барыня, у меня глаз на это очень замечателен... И как будто у него на уме что другое...

Гурмыжская. Ну уж, что у него на уме, этого ты знать не можешь. Далеко ты, кажется, заехала.

Улита. Да уж усердие-то мое...

Гурмыжская. Уж как ни велико твое усердие, а в чужом уме ты не была, значит, и болтать по пустякам нечего.

Молчание. Улита, мы с тобой одних лет...

Улита. Матушка барыня, я постарше буду.

Гурмыжская. Мне этого не надо, ты напрасно... И я знаю, и ты знаешь, что мы ровесницы.

Улита. Право, матушка барыня, мне все кажется... Да что нам считать: обе мы сироты, вдовы безутешные...

Гурмыжская. Ну, ты не очень безутешная. Помнишь, что у нас с тобой было? Уж я и кротостью, и строгостью, ничто не помогало.

Улита. Да, было-то, матушка, точно было; да уж давно прошло. А вот последние лет шесть, как вы сами-то в такой тишине...

Гурмыжская. Да я не замечаю...

Улита. Вот разрази меня!

Гурмыжская. Послушай, Улита! Скажи мне, только говори откровенно... когда

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e случается тебе видеть красивого молодого человека... не чувствуешь ли ты чего, или не приходит ли тебе в голову, что вот приятно полюбить...

Улита. Что вы это! Старухе–то? Забыла, матушка барыня, все забыла.

Гурмыжская. Ну, какая еще ты старуха! Нет, ты говори!

Улита. Уж коли приказываете...

Гурмыжская. Да, приказываю.

Улита. Разве когда мечта (нежно)...так иногда найдет вроде как облако.

Гурмыжская (в задумчивости). Поди прочь, мерзкая!

Улита встает, отходит к стороне и искоса посматривает.

Гурмыжская встает и подходит к окну.

А ведь он мальчик недурен! Он на меня сразу произвел приятное впечатление. Ах, как я еще душой молода! Мне кажется, я до семидесяти лет способна буду влюбляться... И если б не мое благоразумие... Он меня не видит... (делает ручкой.) Ах, красавчик!.. Да, твердые правила в жизни много значат. (Оборачивается и видит Улиту.) А ты здесь еще? Ну, пойдем; я тебе вместо одного платья два подарю.

Уходят.

Действие второе
ЛИЦА:

Аксюша.

Петр.

Теренька, мальчик Восмибратова.

Геннадий Несчастливцев, Аркадий Счастливец } пешие путешественники.

Лес: две неширокие дороги идут с противоположных сторон из глубины сцены и сходятся близ авансцены под углом. На углу крашенный столб, на котором, по направлению дорог, прибиты две доски с надписями; на правой: «В город Калинов», на левой: «В усадьбу Пеньки, помещицы г-жи Гурмыжской». У столба широкий, низенький пень, за столбом, в треугольнике между дорогами, по вырубке мелкий кустарник не выше человеческого роста. Вечерняя заря.

Явление первое

Аксюша выходит из лесу с левой стороны и садится на пень; Петр выходит из лесу с правой стороны и потом мальчик.

Петр (громко). Теренька!

Из лесу выходит мальчик.

Влезь на дерево там, с краю, и, значит, смотри по дороге в оба... Да ты не засни, а то кто-нибудь застрелит заместо тетерева. Слышишь?

Мальчик (робко). Слышу.

Петр. Как, значит, тятенька, ты в те поры так и катись с дерева турманом, и прямо сюда. (Поворачивает его и дает ему легкий подзатыльник.) Ну, пошел.

Мальчик отходит.

Да, пожалуйста, братец, поразвязней!

Мальчик уходит в лес.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Аксюша (подходя к Петру). Здравствуй, Петя!

Петр (целуя ее). Здравствуй; какие дела?

Аксюша. Все те же, немножко хуже.

Петр. А мы так наслышаны, что много лучше.

Аксюша. Что ты сочиняешь!

Петр. За благородного выходите? Оно лучше-с; может, еще на разные языки знает; и то уж много превосходнее, что пальты коротенькие носит, не то что мы.

Аксюша (зажимая ему рот). Да полно ты, полно! Ведь знаешь, что этому не бывать, что ж прибираешь-то?

Петр. Как же, значит, не бывать, когда тетенька сами давеча...

Аксюша. Не бойся, не бойся!

Петр. Так уж ты прямо и говори, чья ты? Своя ты или чужая?

Аксюша. Своя, милый мой, своя. Да, кажется, меня и неволить не будут. Тут что-то другое.

Петр. Отвод?

Аксюша. Похоже.

Петр. А уж я давеча натерпелся. Тятенька таки о тебе словечко закинул, а она ему напрямки: «Просватана». Так веришь ты, пока они разговаривали, меня точно кипятком шпарили. А потом тятенька два часа битых ругал; отдохнет да опять примется. Ты, говорит, меня перед барыней дураком поставил.

Аксюша. Она бы рада меня с рук сбить, да денег жаль. Что ж, отец-то твой все еще приданого ищет?

Петр. Меньше трех тысяч не мирится. «Ежели, говорит, за тебя трех тысяч не взять, не стоило, говорит, тебя и кормить. Хоть на козе, говорит, женю, да с деньгами».

Аксюша. Делать нечего, трех тысяч мне взять негде. У меня-то спрашивал ты, чья я; ты-то чей? Свой ли?

Петр. Я-то чужой, про меня что говорить! Я каторжный, по рукам, по ногам скованный навеки нерушимо.

Аксюша. Что ты такой грустный, неласковый?

Петр. Да чему радоваться-то? Я и то уж по лесу-то хожу, да все на деревья посматриваю, который сук покрепче. Самой-то, чай, тоже не веселей моего.

Аксюша. Мне ни скучно, ни весело, я уж замерла давно. А ты забудь свое горе на время-то, пока я с тобой!

Петр. Так-то так, да все радости-то мало.

Аксюша. Ах ты глупый! Как же тебе не радость, какая девушка тебя любит.

Петр. Да что ж меня не любить-то? Я не мордва некрещеная. Да что вам делать-то больше, как не любить? Ваша такая обязанность.

Аксюша (сердито). Поди ты прочь, коли так.

Петр. Нечего сердиться-то! У меня теперь засад в голове, – третий день думаю, да мозги что-то плохо поворачиваются; и так кину, и этак...

Аксюша (все еще с сердцем). Об чем это ты думаешь? Ты бы обо мне-то подумал;

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
нужно ведь подумать-то.

Петр. О тебе-то и думаю. У меня надвое; вот одно дело: приставать к тятеньке. Нынче он, примерно, поругает, а я завтра опять за то же. Ну, завтра, будем так говорить, хоть и прибуьет, а я послезавтра опять за то же; так, покудова ему не надоест ругаться. Да чтоб уж кряду, ни одного дня не пропускать. Либо он убьет меня поленом, либо сделает по-моему; по крайности развязка.

Аксюша (подумав). А другое-то что?

Петр. А другое дело почудней будет. У меня есть своих денег рублей триста; да ежели закинуть горсть на счастье в тятенькину конторку, так пожалуй что денег-то и вволю будет.

Аксюша. А потом что ж?

Петр. А потом уж «унеси ты мое горе» – сейчас мы с тобой на троечку; «ой вы, милые!» Подъехали к Волге; ссь... тпру! на пароход; вниз-то бежит он ходко, по берегу-то не догонишь. Денек в Казани, другой в Самаре, третий в Саратове; жить, чего душа просит; дорогого чтоб для нас не было.

Аксюша. А знакомых встретишь?

Петр. А вот взял сейчас один глаз зажмурил, вот тебе и кривой; и не узнают. Я так тебе дня три прохожу. А то еще раз какой со мной случай, я тебе скажу. Посылал меня тятенька в Нижний за делом, да чтоб не мешкать. А в Нижнем-то нашлись приятели, заманили в Лысково съездить. Как быть? Узнают дома – беда. Вот я чужую чуйку надел, щеку подвязал, еду. На пароходе как раз тятенькин знакомый; я, знаешь, от него не прячусь, хожу смело, он все поглядывает. Вот вижу, подходит. «Вы, говорит, откуда едете?» – «Из Мышкина», – говорю. А я там сроду и не бывал. «Что-то, говорит, лицо ваше знакомо». – «Мудреного нет», – говорю; а сам, знаешь, мимо. Подходит он ко мне в другой раз все с тем же, подходит в третий, все пытается. Взяло меня за сердце. «Мне самому, говорю, лицо ваше знакомо. Не сидели ли мы с вами вместе в остроге в Казани?» Да при всей публике-то. Так он не знал, как откатиться от меня; ровно я его из штуцера застрелил. Встреча что!

Аксюша. А проживем мы деньги, что ж потом?

Петр. Вот тут-то я не додумал еще. Либо ехать виниться, либо выбрать яр покруче, а место поглубже, да чтоб воду-то воронкой вертело, да и по-топорному, как топоры плавают. Надо подумать еще...

Аксюша. Нет, уж ты, Петя, лучше первое-то попробуй.

Петр. Надоедать, стало быть?

Аксюша. Да. Ну, а уж там, коли... там подумаем. Ты проберись завтра к нам в сад попозднее, у нас рано ложатся.

Петр. Ладно.

Вбегают мальчик.

Что?

Мальчик. Тятенька. (Быстро убегает.)

Петр (проворно). Значит, шабаш. Бежать во все лопатки! Прощай!

Целуются и расходятся.

Явление второе

С правой стороны из глубины показывается Несчастливцев. Ему лет 35, но на лицо он гораздо старше, брюнет, с большими усами. Черты резкие, глубокие и очень подвижные, следы беспокойной и невоздержной жизни. На нем длинное и широкое парусиновое пальто, на голове серая, очень поношенная шляпа, с широкими полями, сапоги русские, большие, в руках толстая, суковатая палка, за спиной небольшой

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
чемодан, вроде ранца, на ремнях. Он, видимо, утомлен, часто останавливается, вздыхает и бросает мрачные взгляды исподлобья. В то же время с другой стороны показывается Счастливцев; ему лет за 40, лицо как будто нарумяненное, волосы на голове вроде вытертого меха, усы и эспаньолка тонкие, жидкие, рыжевато-пепельного цвета, глаза быстрые, выражающие и насмешливость и робость в одно и то же время. На нем голубой галстук, коротенький пиджак, коротенькие панталоны в обтяжку, цветные полусапожки, на голове детский картузик – все очень поношенное, на плече, на палке, повешено самое легкое люстриновое пальто и узел в цветном платке. Утомлен, переводит дух тяжело и смотрит кругом с улыбкой, не то печальной, не то веселой.

Сходятся.

Несчастливцев (мрачно). Аркашка!

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч. Как есть весь тут.

Несчастливцев. Куда и откуда?

Счастливцев. Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

Несчастливцев. Из Керчи в Вологду. Ты пешком?

Счастливцев. На своих-с, Геннадий Демьяныч. (Полузаискивающим-полунасмешливым тоном.) А вы-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев (густым басом). В карете. (Горячо.) Разве ты не видишь? Что спрашиваешь? Осел!

Счастливцев (робко). Нет, я так-с...

Несчастливцев. Сядем, Аркадий!

Счастливцев. Да на чем же-с?

Несчастливцев (указывая на пень). Я здесь, а ты где хочешь. (Садится, снимает чемодан и кладет подле себя.)

Счастливцев. Что это у вас за ранец-с?

Несчастливцев. Штука отличная. Сам, братец, сшил для дороги. Легко и укладисто.

Счастливцев (садится на землю подле пня). Хорошо, кому есть что класть. Что же у вас там-с?

Несчастливцев. Пара платья, братец, хорошего, в Полтаве еврей сшил. Тогда я в Ильинскую, после бенефиса, много платья сделал. Складная шляпа, братец, два парика, пистолет тут у меня хороший, у черкеса в карты выиграл в Пятигорске. Замок попорчен; как-нибудь, когда в Туле буду, починить прикажу. Жаль, фрака нет; был фрак, да я его в Кишиневе на костюм Гамлета выменял.

Счастливцев. Да на что же вам фрак-с?

Несчастливцев. Как ты еще глуп, Аркашка, как погляжу я на тебя! Ну, приду я теперь в Кострому, в Ярославль, в Вологду, в Тверь, поступлю в труппу, – должен я к губернатору явиться, к полицеймейстеру, по городу визиты сделать? Комики визитов не делают, потому что они шуты, а трагики – люди, братец. А у тебя что в узле?

Счастливцев. Библиотека-с.

Несчастливцев. Большая?

Счастливцев. Пиес тридцать и с нотами.

Несчастливцев (басом). Драмы есть?

Счастливцев. Только две-с, а то все водевили.

Несчастливцев. Зачем ты такую дрянь носишь?

Счастливцев. Денег стоит-с. Бутафорские мелкие вещи есть, ордена...

Несчастливцев. И все это ты стяжал?..

Счастливцев. И за грех не считаю, жалованье задерживают.

Несчастливцев. А платье у тебя где ж?

Счастливцев. Вот, что на мне-с, а то уж давно никакого нет-с.

Несчастливцев. Ну, а как же ты зимой?

Счастливцев. Я, Геннадий Демьяныч, обдержался-с. В дальнюю дорогу точно трудно-с; так ведь кто на что, а голь на выдумки. Везли меня в Архангельск, так в большой ковер закатывали. Привезут на станцию, раскатают, а в повозку садиться, опять закатают.

Несчастливцев. Тепло?

Счастливцев. Ничего, доехал-с; а много больше тридцати градусов было. Зимняя дорога-то Двиной, между берегов-то тяга; ветер-то с севера, встречу. Так вы в Вологду-с? Там теперь и трупы нет.

Несчастливцев. А ты в Керчь? И в Керчи тоже, брат, трупы нет.

Счастливцев. Что же делать-то-с, Геннадий Демьяныч, пройду в Ставрополь или в Тифлис, там уж неподалеку-с.

Несчастливцев. Мы с тобой в последний раз в Кременчуге виделись?

Счастливцев. В Кременчуге-с.

Несчастливцев. Ты тогда любовников играл; что же ты, братец, после делал?

Счастливцев. После я в комики перешел-с. Да уж очень много их развелось; образованные одолели: из чиновников, из офицеров, из университетов – все на сцену лезут. Житья нет. Из комиков-то я в суфлеры-с. Каково это для человека с возвышенной душой-то, Геннадий Демьяныч? В суфлеры!..

Несчастливцев (со вздохом). Все там будем, брат Аркадий.

Счастливцев. Одна была у нас дорожка, Геннадий Демьяныч, и ту перебивают.

Несчастливцев. Оттого, что просто; паясничать-то хитрость не велика. А попробуй-ка в трагики! Вот и нет никого.

Счастливцев. А ведь игры хорошей у образованных нет, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Нет. Какая игра! Мякина!

Счастливцев. Канитель.

Несчастливцев. Канитель, братец. А как пьесы ставят, хоть бы и в столицах-то. Я сам видел: любовник тенор, резонер тенор и комик тенор; (басом) основания-то в пьесе и нет. И смотреть не стал, ушел. Ты зачем это эспаньолку завел?

Счастливцев. А что же-с?

Несчастливцев. Скверно. Русский ты человек али нет? Что за гадость? Терпеть не могу. Обрей совсем или уж бороду отпусти.

Счастливцев. Я пробовал бороду-с, да не выходит.

Несчастливцев. Как так? Что ты врешь?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Счастливец. Да вместо волос-то перья растут, Геннадий Демьяныч.

Несчастливец. Гм! Перья! Рассказывай еще! Говорю тебе, обрей. А то попадешь мне под сердитую руку... с своей эспаньолкой... смотри!

Счастливец (робко). Обрею-с.

Несчастливец. А я, брат Аркаша, там, на юге, расстроился совсем.

Счастливец. Отчего же так-с, Геннадий Демьяныч?

Несчастливец. Характер, братец. Знаешь ты меня: лев ведь я. Подлости не люблю, вот мое несчастье. Со всеми антрепренерами перессорился. Неуважение, братец, интриги; искусства не ценят, все копейники. Хочу у вас, на севере, счастья попробовать.

Счастливец. Да ведь и у нас то же самое, и у нас не уживетесь, Геннадий Демьяныч. Я вот тоже не ужился.

Несчастливец. Ты... тоже!.. Сравнял ты себя со мной.

Счастливец (обижаясь). Еще у меня характер-то лучше вашего, я смиреннее.

Несчастливец (грозно). Что-о?

Счастливец (отодвигаясь). Да как же, Геннадий Демьяныч-с? Я смиренный, смиренный-с... Я никого не бил.

Несчастливец. Так тебя били, кому только не лень было. Ха-ха-ха! И всегда так бывает: есть люди, которые бьют, и есть люди, которых бьют. Что лучше – не знаю: у всякого свой вкус. И смеешь ты...

Счастливец (отодвигаясь). Ничего я не смею, а вы сами сказали, что не ужились.

Несчастливец. Не ужились?.. А тебя из какого это города губернатор-то выгнал? Ну, рассказывай!

Счастливец. Что рассказывать-то? Мало ли что болтают. Выгнал... А за что выгнал, как выгнал?

Несчастливец. Как выгнал? И то слышал, и то известно, братец. Три раза тебя выбивали из города; в одну заставу выгонят, ты войдешь в другую. Наконец уж губернатор вышел из терпения: стреляйте его, говорит, в мою голову, если он еще воротится.

Счастливец. Уж и стрелять! Разве стрелять можно?

Несчастливец. Стрелять не стреляли, а четыре версты казаки нагайками гнали.

Счастливец. Совсем и не четыре.

Несчастливец. Ну, будет, Аркадий! Не раздражай ты меня, братец! (Повелительно.) Подвигайся! (Встает.)

Счастливец. Подвигаюсь, Геннадий Демьяныч. (Встает.)

Несчастливец. Да, брат Аркадий, разбился я с театром; а уж и жаль теперь. Как я играл! Боже мой, как я играл!

Счастливец (робко). Очень хорошо-с?

Несчастливец. Да так-то хорошо, что... Да что с тобой толковать! Что ты понимаешь! В последний раз в Лебедяни играл я Велизария, сам Николай Хрисанфич Рыбаков смотрел. Кончил я последнюю сцену, выхожу за кулисы, Николай Рыбаков тут. Положил он мне так руку на плечо... (С силою опускает руку на плечо Счастливецу.)

Счастливец (приседая от удара). ой! Геннадий Демьяныч, батюшка, помилосердуйте!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Не убивайте! Ей-богу, боюсь.

Несчастливцев. Ничего, ничего, брат; я легонько, только пример... (Опять кладет руку.)

Счастливцев. Ей-богу, боюсь! Пустите! Меня ведь уж раз так-то убили совсем до смерти.

Несчастливцев (берет его за ворот и держит). Кто? Как?

Счастливцев (жметя). Бичевкин. Он Ляпунова играл, а я фидлера-с. Еще на репетиции он все примеривался. «Я, говорит, Аркаша, тебя вот как в окно выкину: этой рукой за ворот подниму, а этой поддержу, так и высажу. Так, говорит, Каратыгин делал». Уж я его молил, молил, и на коленях стоял. «Дяденька, говорю, не убейте меня!» – «Не бойся, говорит, Аркаша, не бойся!» Пришел спектакль, подходит наша сцена; публика его принимает; гляжу: губы у него трясутся, щеки трясутся, глаза налились кровью. «Постелите, говорит, этому дураку под окном что-нибудь, чтоб я в самом деле его не убил». Ну, вижу, конец мой приходит. Как я пробормотал сцену – уж не помню; подходит он ко мне, лица человеческого нет, зверь зверем; взял меня левою рукой за ворот, поднял на воздух; а правой как размахнется, да кулаком меня по затылку как хватит... Света я невзвидел, Геннадий Демьяныч, сажени три от окна-то летел, в женскую уборную дверь прошиб. Хорошо трагикам-то! Его тридцать раз за эту сцену вызвали; публика чуть театр не разломала, а я на всю жизнь калеккой мог быть, немножко бог помиловал... Пустите, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев (держит его за ворот). Эффектно! Надо это запомнить. (Подумав.) Постой-ка! Как ты говоришь? Я попробую.

Счастливцев (падая на колени). Батюшка, Геннадий Демьяныч!..

Несчастливцев (выпускает его). Ну, не надо, убирайся! В другой раз... Так вот положил он мне руку на плечо. «Ты, говорит... да я, говорит... умрем, говорит»... (Закрывает лицо и плачет. Отирая слезы.) Лестно. (Совершенно равнодушно.) У тебя табак есть?

Счастливцев. Какой табак, помилуйте! Крошки нет.

Несчастливцев. Как же ты в дорогу идешь, а табаком не запасся? Глуп.

Счастливцев. Да ведь и у вас нет?

Несчастливцев. «У вас нет». Смеешь ты мне это говорить? У меня такой был, какого ты и не видывал, одесский, первый сорт от Криона, да теперь вышел.

Счастливцев. И у меня тоже вышел-с.

Несчастливцев. А денег с тобой много?

Счастливцев. У меня и сроду много-то не было, а теперь копейки за душой нет.

Несчастливцев. Как же в дорогу без денег-то? Без табаку и без денег. Чудак!

Счастливцев. Лучше, не ограбят-с. Да разве не все равно без денег-то, что на месте сидеть, что по дороге идти?

Несчастливцев. Ну, до Воронежа, положим, ты с богомольцами дойдешь, Христовым именем пропитаешься; а дальше-то как? Землей войска Донского? Там, не то что даром, а и за деньги не накормят табачника. Облика христианского на тебе нет, а ты хочешь по станицам идти: ведь казачки-то тебя за беса сочтут – детей страшать станут.

Счастливцев. Уж вы не хотите ли мне займы дать, Геннадий Демьяныч? Надо правду сказать, душа-то нынче только у трагиков и осталась. Вот покойный Корнелий, бывало, никогда товарищу не откажет, последними поделится. Всем бы трагикам с него пример брать.

Несчастливцев. Ну, ты этого мне не смей говорить! И у меня тоже душа широкая;

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
только денег я тебе не дам, самому, пожалуй, не хватит. А пожалеть тебя, брат
Аркашка, я пожелаю. У тебя нет тут поблизости родных или знакомых?

Счастливец. Нет; да ведь если б и были, так они денег не дадут.

Несчастливец. Не об деньгах речь! А хорошо бы отдохнуть с дороги, пирогов
домашних, знаешь, наливочки попробовать. Как же это, братец ты мой, у тебя ни
родных, ни знакомых нет? Что же ты за человек?

Счастливец. Да ведь и у вас тоже нет.

Несчастливец. У меня-то есть, да я было хотел мимо пройти, горд я очень. Да уж,
видно, завернуть.

Счастливец. Ведь и у родных-то тоже не велика радость нам, Геннадий Демьяныч.
Мы народ вольный, гулящий, – нам трактир дороже всего. Я у родных-то пожил,
знаю. У меня есть дяденька, лавочник в уездном городе, верст за пятьсот отсюда,
погостил я у него, да кабы не бежал, так...

Несчастливец. Что же?

Счастливец. Нехорошо-с. Да вот я вам расскажу-с. Шлялся я без дела месяца три,
надоело; дай, думаю, дяденьку навещу. Ну и пришел-с. Долго меня в дом не пуцали,
все разные лица на крыльцо выглядывали. Наконец выходит сам. «Ты, говорит,
зачем?» – «Навестить, говорю, вас, дяденька». – «Значит, ты свои художества
бросил?» – «Бросил», – говорю. «Ну, что ж, говорит, вот тебе каморка, поживи у
меня, только прежде в баню сходи». Стал я у них жить. Встают в четыре часа,
обедают в десять; спать ложатся в восьмом часу; за обедом и за ужином водки пей
сколько хочешь, после обеда спать. И все в доме молчат, Геннадий Демьяныч, точно
вымерли. Дядя с утра уйдет в лавку, а тетка весь день чай пьет и вздыхает.
Взглянет на меня, ахнет и промолвит: «Бессчастный ты человек, душе своей ты
погубитель!» Только у нас и разговору. «Не пора ли тебе, душе своей погубитель,
ужинать; да шел бы ты спать».

Несчастливец. Чего ж тебе лучше?

Счастливец. Оно точно-с, я было поправился и толстеть уже стал, да вдруг как-то
за обедом приходит в голову мысль: не удавиться ли мне? Я, знаете ли, тряхнул
головой, чтоб она вышла, погода немного опять эта мысль, вечером опять. Нет,
вижу, дело плохо, да ночью и бежал из окошка. Вот каково нашему брату у
родных-то.

Несчастливец. Я бы и сам, братец, не пошел, да признаться тебе сказать, устал,
а еще до Рыбинска с неделю пропутешествуешь, да и дело-то найдешь ли,
неизвестно. Вот, если бы нам найти актрису драматическую, молодую, хорошую...

Счастливец. Тогда бы уж и хлопотать нечего-с, мы бы сами-с... остальных подобрать
легко. Мы бы такую труппу составили... Я кассиром...

Несчастливец. За малым дело стало, актрисы нет.

Счастливец. Да их теперь и нигде нет-с. Несчастливец. Да понимаешь ли ты, что
такое драматическая актриса? Знаешь ли ты, Аркашка, какую актрису мне нужно?
Душа мне, братец, нужна, жизнь, огонь.

Счастливец. Ну, уж огня-то, Геннадий Демьяныч, днем с огнем не найдешь.

Несчастливец. Ты у меня не смей острить, когда я серьезно разговариваю. У вас,
водевильных актеров, только смех на уме, а чувства ни на грош. Бросится женщина
в омут головой от любви – вот актриса. Да чтоб я сам видел, а то не поверю.
Вытащу из омута, тогда поверю. Ну, видно, идти.

Счастливец. Куда-с?

Несчастливец. Не твое дело. Пятнадцать лет, братец, не был, а ведь я чуть не
родился здесь. Детские лета, невинные игры, голубятни, знаешь ли, все это в
памяти. (Опускает голову.) Что ж, отчего ей не принять меня? Она уж старушка;
ей, по самому дамскому счету, давно за пятьдесят лет. Я ее не забывал, посылал,

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e братец, ей часто подарки. Из Карасубазара послал ей туфли татарские, мороженую нельму из Иркутска, бирюзы – из Тифлиса, кирпичного чаю, братец, из Ирбита, балык – из Новочеркаска, малахитовые четки – из Екатеринбурга, да всего и не упомнишь. Конечно, лучше бы нам с тобой подъехать к крыльцу в карете; дворня навстречу... а теперь пешком, в рубище. (Утирает слезы.) Горд я, Аркадий, горд! (Надевает чемодан.) Пойдем, и тебе угол будет.

Счастливец. Куда же, Геннадий Демьяныч?

Несчастливцев. Куда? (Указывает на столб.) Читай!

Счастливец (читает). В усадьбу «Пеньки», помещицы госпожи Гурмыжской.

Несчастливцев. Туда ведет меня мой жалкий жребий. Руку, товарищ.

Медленно уходят.

Действие третье
ЛИЦА:

Гурмыжская.

Буланов.

Несчастливцев.

Счастливец.

Восмибратов.

Петр.

Карп.

Старый густой сад; налево от зрителей невысокая терраса барского дома, уставленная цветами; с террасы сход в три или четыре ступени.

Явление первое
Гурмыжская на террасе. Буланов в саду.

Буланов (увидав Гурмыжскую, помогает ей сойти с террасы и целует ее руку). С добрым утром, Раиса Павловна!

Гурмыжская. Здравствуй, мой друг!

Буланов (с участием). Как ваше здоровье-с?

Гурмыжская. Благодарю тебя, мой милый. Я здорова и как-то особенно свежо чувствую себя сегодня, несмотря на то что плохо ночь спала. Какое-то волнение, и такие все неприятные сны видела. Ты снам веришь?

Буланов. Как же не верить-с? Может быть, если б я поучился побольше, я б и не верил-с. (Злобно улыбаясь.) А ведь я не доучился-с, я и растрепанный не хожу, и умываюсь каждый день, и снам верю-с.

Гурмыжская. Бывают сны, которых целый день не выживешь из головы.

Буланов. Что же вы, Раиса Павловна, изволили видеть?

Гурмыжская. Ну, положим, что я тебе всего не скажу.

Буланов. Извините!

Гурмыжская. И вины никакой нет. Другой сон я тебе скажу, а этот нет.

Буланов. Отчего же-с?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Оттого, что рассказывать сны иногда точно то же, что рассказывать свои тайные мысли или желания; а это не всегда удобно: я – женщина, ты – мужчина.

Буланов. Так что ж, что мужчина-с?

Гурмыжская. Уж это такая невинность, что из рук вон. Ну, я тебя видела.

Буланов. Меня? Это мне очень приятно-с.

Гурмыжская. Будто?

Буланов. Значит, вы обо мне думали-с, как почивать ложились.

Гурмыжская. Скажите пожалуйста! и ты этим очень доволен?

Буланов. Да как же не доволен-с? Я все боюсь, что вы на меня рассердитесь за что-нибудь и прогоните к маменьке.

Гурмыжская. Ах, как это смешно! Да за что же мне рассердиться на тебя? Бедный, ты меня боишься?

Буланов. Как же не бояться; говорят, вы очень строги.

Гурмыжская. Это хорошо, что так говорят. Но с тобой, мой друг, я строга не буду: хуже всего для тебя, если ты меня будешь бояться.

Буланов. Хорошо-с. Вот, если б я знал...

Гурмыжская. Что?

Буланов. Как угодить вам.

Гурмыжская. Догадайся.

Буланов. Догадаться-то разве легко-с? Да у меня на это и ума нет.

Гурмыжская. На что же у тебя ум?

Буланов. На все, что прикажут; вот еще именем управлять, мужиками-с. Если б были крепостные, вам бы лучше меня управляющего не найти; нужды нет, что я молод.

Гурмыжская. Ах, этот сон! Нейдет из головы, да и только.

Буланов. Чем же он вас так беспокоит?

Гурмыжская. Довольно трудно объяснить; но с тобой я могу говорить откровенно; я вижу, что ты мне предан. Вот видишь: у меня есть племянник.

Буланов. Я знаю-с. Вы его очень любите и часто говорите про него.

Гурмыжская. Мой друг, иногда говорят одно, а думают совсем другое. Зачем я всякому стану объяснять свои чувства! Я по родству должна любить его, ну, я и говорю, что люблю.

Буланов. А в самом-то деле не любите?

Гурмыжская. Не то что не люблю, а... как тебе сказать... он теперь лишний. Я так покойна, я уж задумала, как мне распорядиться своим состоянием, и вдруг он явится. Как ему отказать! Надо будет и ему дать какую-нибудь часть, и я должна буду отнять у того, кого люблю...

Буланов. Так вы не отдавайте-с.

Гурмыжская. Да нельзя. За что ж я ему откажу, если он почтителен и ведет себя хорошо! Да я здесь так себя поставила, что отказать родственнику не могу. Ну, а если он приедет без средств? надо будет его содержать; пожалуй, захочет

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
поселиться у меня. Ведь не выгнать же его.

Буланов. Прикажите мне, я выгоню.

Гурмыжская (с испугом). Ах, сохрани тебя бог! Береги себя, береги! Вот что я видела во сне: будто он приехал и убил тебя из пистолета при моих глазах.

Буланов. Меня? Ну, еще мы это посмотрим-с. Да вы, Раиса Павловна, лучше о нем не думайте, а то он все вам будет сниться.

Гурмыжская. Он очень умен был до сих пор, пятнадцать лет сюда и не заглядывал. Желала бы я, очень желала, чтоб и еще пятнадцать лет так прошло.

Буланов. Так вы, Раиса Павловна, лучше о нем забудьте совсем и не говорите, а то, чего доброго, накличете, пожалуй.

Гурмыжская. В самом деле, как бы не накликать.

Входит Карп.

Явление второе
Гурмыжская, Буланов, Карп.

Карп. Пожалуйте, сударыня, чай кушать, самовар готов-с.

Гурмыжская. Пойдем, Алексис!

Карп. Сударыня, сегодня ночью барин приехали.

Гурмыжская. Барин? Какой барин?

Карп. Геннадий Демьяныч-с.

Гурмыжская (с испугом). Неужели? Слышишь, Алексис? (Карпу.) Где же он?

Карп. Я их в беседку проводил, там и почивать им приготовил-с. Они говорили, что остановились в городе в гостинице, всю поклажу там оставили, а к нам пешком из городу заместо прогулки.

Гурмыжская. Еще ничего не говорил?

Карп. Ничего-с. Они были не в духе-с.

Гурмыжская. Как не в духе?

Карп. Как вроде в забвении-с; надо полагать, с дороги-с. Требовали бумаги и чернил; долго ходили по беседке, все думали; сели к столу, написали записку и приказали вам отдать. (Подает записку.)

Гурмыжская. Что такое? Стихи какие-то. (Читает.)

Судьба моя, жестокая!
Жестокая, судьба моя!
Ах, теперь одна могила...
Что это, Алексис? Я не понимаю.

Буланов. Вы не понимаете, а мне-то где же-с?

Гурмыжская (Карпу). Он спит?

Карп. Никак нет-с. Встали рано и ушли, должно быть, купаться. Я их сегодня не видал-с.

Гурмыжская. Ну, когда придет, проси в гостиную чай кушать!

Карп. Слушаю-с. (Уходит.)

Гурмыжская (пожимая плечами). Вот и не верь снам. Пойдем, Алексис.

Уходят.

Выходят: Несчастливцев, одетый очень прилично, на голове черная складная шляпа, и Счастливцев в прежнем костюме.

Явление третье
Несчастливцев, Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, тетушка моя женщина почтенная, строгая; я не хочу, братец, чтоб она знала, что я актер, да еще провинциальный. (Грозит пальцем.) Смотри, не проговорись; я Геннадий Демьяныч Гурмыжский, капитан в отставке или майор, уж как тебе угодно будет; одним словом, я барин, а ты мой лакей.

Счастливцев. Как лакей?

Несчастливцев. Так, просто, лакей, да и все тут. Нельзя ж мне тебя вести в гостиную! Как я тебя представлю тетеньке? Она женщина набожная, в доме, братец, тишина, скромность – и вдруг, представьте себе, – физиономия. А лакеем быть тебе, с твоей рожей, братец, в самый раз.

Счастливцев. Нет уж, извините! Это еще неизвестно.

Несчастливцев. Что неизвестно?

Счастливцев. Насчет рожи-то.

Несчастливцев. Нет, уж ты, брат Аркадий, не сомневайся.

Счастливцев. Да, как же!

Несчастливцев (грозно). Так же, говорю я тебе! Чего тебе еще? Накормят тебя здесь хорошо, служить ты будешь только мне.

Счастливцев. Да ведь я горд, Геннадий Демьяныч.

Несчастливцев. Очень мне нужно, что ты горд. Не тебе чета, сам Мартынов играл лакеев, а ты стыдишься! Как ты, братец, глуп!

Счастливцев. Да ведь то на сцене.

Несчастливцев. Ну, и ты, братец, представь себе, что ты на сцене.

Счастливцев. Нет, я не хочу. Ишь что выдумали! Как же! Я лучше уйду, и у меня есть амбиция.

Несчастливцев. Я знаю, что амбиция есть; а паспорт есть ли?

Счастливцев. Вам что за дело?

Несчастливцев. А вот что: уйди попробуй, так увидишь. Мне, братец, только мигнуть, и пойдешь ты по этапу на место жительства, как бродяга. Я ведь знаю, ты двенадцать лет без паспорта ходишь. Вместо паспорта у тебя в кармане статья Курских губернских ведомостей, где напечатано, что приехал актер такой-то и играл очень скверно. Вот и весь твой вид. Ну, что ж ты замолчал? То-то же! А ты сделай, братец, для меня! Кто тебя просит, подумай! Ну, по-товарищески, понимаешь, по-товарищески!

Счастливцев. Если по-товарищески, я пожалуй.

Несчастливцев. Ты не подумай, братец, что я гнушаюсь своим званием. А неловко, братец; дом такой: тишина, смирение. А ведь мы с тобой почти черти, немного лучше. Сам знаешь: скоморох попу не товарищ. Только ты насчет ссоры или драки, ну, и насчет чужого поостерегись, Аркаша! Хоть тебе и трудно будет, а постарайся, братец, вести себя, как следует порядочному лакею. Вот, во-первых, сними, братец, картуз да отойди к стороне, кто-то идет.

Входит Карп.

Явление четвертое

Несчастливцев, Счастливец, Карп.

Карп. Здравствуйте, батюшка барин! Как поживать изволили?

Несчастливцев. Ничего, братец, соснул недурно.

Карп. Что это, сударь, как вы постарели.

Несчастливцев. Жизнь, братец..

Карп. Понимаю, сударь, как не понимать. Тоже ведь эта служба..

Несчастливцев. Да, братец, эта служба..

Карп. Опять же, сударь, и походы..

Несчастливцев (со вздохом). Ох, походы, походы!

Карп. С места на место, сударь..

Несчастливцев. Да, брат, с места на место. Вы как здесь поживаете?

Карп. Какая наша жизнь, сударь! Живем в лесу, молимся пенью, да и то с ленью. Пожалуйте, сударь, пожалуйста! Тетенька вас чай кушать дожидаются.

Несчастливцев (подходя к террасе). Послушай, Карп, не забудь моего Аркашку, напой чайком, братец!

Карп. Слушаю, сударь, будьте покойны.

Несчастливцев уходит.

Счастливец. Ах, черт возьми, ушел, оставил с хамом! Вот уж он и с разговором лезет.

Карп. Как вас звать?

Счастливец. Сганарель.

Карп. Вы кто же будете? Иностранец, что ли?

Счастливец. Иностранец буду. А вас как?

Карп. Карп Савельич.

Счастливец. Не может быть.

Карп. Верно.

Счастливец. Да ведь карп – рыба.

Карп. То карпия.

Счастливец. Да что карпия, что карп – все равно. Уж лучше бы вас Сазаном Савельичем звали.

Карп. Ну, как можно. Хотите чаю?

Счастливец. Нет.

Карп. Как нет?

Счастливец. Так, нет.

Карп. Так-таки совсем и не хотите?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Счастливец. Совсем и не хочу.

Карп. Да почему же так?

Счастливец. Потому же.

Карп. Это я не понимаю.

Счастливец. Очень просто. Оно после купанья–то лучше бы...

Карп. Само собой, что лучше бы... только где взять?

Счастливец. Потрудитесь, Окунь Савельич!

Карп. Да не окунь, Карп. Нешто у ключницы попросить?

Счастливец. Попросите да принесите к нам в беседку!

Карп. Да уж постараюсь для вас.

Счастливец. Постарайтесь, Налим Савельич! (Кланяется и уходит.)

Карп. Ах шут гороховый! Откуда его вывезли, из каких таких земель? Должно быть, издалека. Вот так камардин. Да и то сказать – образование; а здесь что? Одно слово: лес.

Входят Восмибратов и Петр.

Явление пятое

Карп, Восмибратов, Петр.

Карп. Вам что?

Восмибратов. Барыню любопытно бы видеть, любезнейший.

Карп. Дождитесь своего термину, когда вас позовут.

Петр. Да чудак, ведь у нас с тятенькой дела.

Карп. Нужда нам велика до ваших дел! Нельзя же, помилуйте! Куда же вы лезете!

Петр. А ты все–таки поди доложь, попробуй!

Карп. Как вы говорите доложить, коли заняты с полковником. Племянник ихний приехал.

Восмибратов. Полковник?

Карп. Разумеется, полковник... Пятнадцать лет не выдавшись.

Восмибратов. Надолго?

Карп. Зачем ему надолго? Совсем приехали.

Восмибратов (подумав). Строги?

Карп. Само собой, а то как же! Об чем говорить еще! Какое звание! Возьмите себе в ум!

Восмибратов (махнув рукой). Ну, пушай их!.. А ты все–таки в свое время... (Уходит, за ним Петр.)

Карп. Учите еще!

Выходят из дому Несчастливец и Буланов.

Карп уходит.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Явление шестое
Несчастливцев и Буланов.

Несчастливцев. Какова у меня сестренка, братец?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Женись, братец, женись!

Буланов. Вы одобряете?

Несчастливцев. Да мне-то что за дело? Родятся люди, женятся, умирают; значит, так нужно, значит, хорошо.

Буланов. Прошу вас полюбить меня-с.

Несчастливцев. Да на что тебе моя любовь? Что в ней, братец, толку?

Буланов. Все-таки-с.

Несчастливцев. Разве наследства ждешь? Жди, братец, жди! А ты вот что: ты подыграйся к тетушке, она женщина богатая. Молод еще ты; а впрочем, как знать, эти способности рано открываются. Умеешь?

Буланов (стыдливо). Умею-с.

Несчастливцев. Bravo! Где же это ты научился в такие младенческие годы?

Буланов. Чему-с?

Несчастливцев. Подыгрываться-то, братец, угождать, ползать-то?

Буланов. Нужда научит-с.

Несчастливцев. Нужда? А почему ты ее знаешь, эту нужду-то?

Буланов. Как мне не знать-с? Я в жизни очень несчастлив-с.

Несчастливцев. Вздор, не верю. Ты счастлив. Несчастлив тот, кто угождать и подличать не умеет. Чем ты несчастлив, говори!

Буланов. Во-первых, мне папенька мало наследства оставил.

Несчастливцев. А тебе сколько нужно?

Буланов. Хоть бы тысячи две, три десятин земли-с, или деньгами тысяч сорок-с.

Несчастливцев. И ты был бы счастлив? Немного же тебе, братец, надо.

Буланов. Оно точно, что немного, а можно жить порядочно-с.

Несчастливцев. Ну, подожди, братец, я тебе больше оставлю.

Буланов. Вы нарочно-с?

Несчастливцев. Ну, вот еще! Родных у меня нет, ты мне очень понравился. А еще какое несчастье у тебя?

Буланов. Ученьем несчастлив-с... я даже в гимназии не кончил-с.

Несчастливцев (снимает шляпу и кланяется). Уж ты меня, братец, извини, сделай милость!

Буланов. В чем же-с?

Несчастливцев. В этом я тебе помочь никак не могу. И рад бы, да не могу.

Буланов. Да ничего, помилуйте-с! Это и не нужно-с; были бы деньги. Маменька

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e говорит, что у меня ум не такой, не для ученья-с.

Несчастливцев. Какой же?

Буланов. Практический-с.

Несчастливцев. Ну, благодари творца, что хоть какой-нибудь есть. А то часто бывает, что и никакого нет.

Буланов. Да и это ничего-с. Было бы только земли побольше, да понимать свой интерес, помещичий; а то и без ума можно прожить-с!

Несчастливцев. Да оно и лучше, голове легче. Так ума у тебя нет? Хоть папиросы есть ли?

Гурмыжская показывается на террасе.

Буланов (смеется). Тоже нет-с.

Несчастливцев. Чему же ты, братец, смеешься? Да ты куришь или нет?

Буланов (тихо). Я курю-с, и папиросы есть, только вот Раиса Павловна идут, а при них я никогда себе не позволяю.

Гурмыжская сходит в сад.

Явление седьмое

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, потом Карп.

Гурмыжская. Я бы тебя никак не узнала, так ты изменился. Благодарю, что ты меня не совсем забыл; а мы тебя вспоминали чуть не каждый день.

Несчастливцев. Могу ли я забыть вас! Вы не знаете моего сердца. Я помнил вас, помню и буду помнить.

Гурмыжская. Знаю, мой друг, и благодарю тебя за память. Уж ничем ты мне так не угодил, как четками.

Несчастливцев. Когда я посылал эти четки, я думал: «Добрая женщина, ты возьмешь их в руки и будешь молиться. О, помяни меня в твоих святых молитвах!»

Гурмыжская. Поминаю, мой друг, поминаю. Однако я до сих пор не спрошу у тебя. Судя по твоему платью, ты уж больше не служишь в военной службе.

Несчастливцев. Нет. Плохо здоровье, плохи силы, враг не грозит. Но, если... а!.. мне по душе кровавые потехи! Служить в мирное время для чинов, для почестей!.. я не честолюбив.

Гурмыжская. Но я не думаю, чтоб ты мог жить без дела. Ты, вероятно, только переменял службу?

Несчастливцев. Переменял.

Гурмыжская. И ты доволен своим положением?

Несчастливцев. Моя служба, тетушка, по мне: я доволен, и мной довольны.

Гурмыжская. Ты в отпуске?

Несчастливцев. Нет, я проездом, захотелось отдохнуть.

Гурмыжская. Очень рада, что ты догадался навестить меня. Удобно ли тебе в беседке?

Несчастливцев. О, не беспокойтесь! Сад, природа, зелень, уединение! Это рай для моей души.

Входит Карп.

Карп. Сударыня, Восмибратов давно дожидается-с.

Гурмыжская. Ах да, я и забыла, что велела приходить ему пораньше. Позови его сюда!

Карп уходит.

Не хочешь ли погулять по окрестностям? Вот Алексис будет тебе товарищем.

Несчастливцев. Нет, я гуляю только ночью. (Буланову.) Пойдем, братец, в беседку!

Буланов. Пойдемте-с.

Уходят.

Входят Восмибратов и Петр.

Явление восьмое

Гурмыжская, Восмибратов, Петр.

Гурмыжская. Ты меня извини, я про тебя и забыла.

Восмибратов. Ничего-с. Племянничек приехал?

Гурмыжская. Да, племянник.

Восмибратов. Дело хорошее-с. Однако, сударыня, не задерживайте!

Гурмыжская. Нет, уж я теперь тебя не задержу.

Восмибратов. То-то уж, не задерживайте-с!

Гурмыжская. Нет, нет, мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо-с!

Молчание.

Гурмыжская. Ты принес?

Восмибратов. Как же, свое дело помним-с.

Гурмыжская. Ну, так вот мы сейчас.

Восмибратов. Хорошо, хорошо-с.

Молчание.

Гурмыжская. Так как же, много ль там?

Восмибратов. Пожалуйста-с.

Гурмыжская. Что?

Восмибратов. Записочку-с, условьице-то наше.

Гурмыжская. Да как же, право; я не знаю, куда я ее дела.

Восмибратов. Поищите-с.

Гурмыжская. Где ж ее искать! Я, право, не знаю; я, должно быть, ее потеряла.

Восмибратов. Как же это так-с? Ведь вы меня таким манером можете обидеть.

Гурмыжская. Что за вздор! Как я тебя обижу?

Восмибратов. Да как только вам угодно, так и обидите. Вы записочку потеряли, я

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e тогда с вас тоже, по глупости, не взял. Вы скажете, что за десять тысяч продали: ведь уж я лес-то срубил и вывез, торговаться теперь не станешь.

Гурмыжская. Ну, вот еще! Разве ты меня не знаешь?

Восмибратов. Уж я на вас в надежде-с; потому я теперь весь в ваших руках-с.

Гурмыжская. А впрочем, что ж тебе сомневаться, Иван Петрович; я тебе записку приготовила новую.

Восмибратов. Приготовили-с?

Гурмыжская. Да. Что деньги я все сполна получила.

Восмибратов. Да-с. Это дело другое-с. Много вами благодарен. Однако же позвольте эту самую записочку полюбопытствовать.

Гурмыжская. Вот она! (Подает записку.) Посмотри!

Восмибратов (принимая). Без очков-то я не очень-с, а в очках-то еще хуже. Да вот сын прочитает. Петр, читай! (Отдаст записку Петру.)

Петр (читает). За проданный мною калиновскому купцу, Ивану Петрову Восмибратову...

Восмибратов. Да-с, это так точно-с!

Петр (читает)...на сруб лес в пустошах: Горелой и Паленой...

Восмибратов. Они самые-с.

Петр (читает). ...и две десятины в Пылаевой, деньги все сполна получила, калиновская помещица Раиса Гурмыжская.

Восмибратов (берет записку). Очень хорошо-с. (Вынимает бумажник и тщательно укладывает в него записку.) Извольте получить-с. (Вынимает деньги и считает.) Тысяча... тысяча триста, пятьсот, семьсот... (задумывается и как будто вспоминает) восемьсот. Пожалуйте-с! (Подает Гурмыжской.)

Гурмыжская. Как же тысяча восемьсот? Да ведь мне нужно...

Восмибратов. Виноват-с, простите великодушно! Вот память-то! (Вынимает деньги и подает.) Еще двести рублей! Теперь так точно. Кажется, так? Петрушка, так? Что ж ты молчишь? (Грозно.) Говори, дерево стоеросовое!

Петр. Так-с!

Гурмыжская. Иван Петрович, ты шутишь со мной? Три, а не две.

Восмибратов (обижаясь). Какие три! Что вы, помилуйте!

Гурмыжская. Разве ты забыл? За один полторы и за другой полторы.

Восмибратов. Нельзя этому быть-с, по расчету не выходит-с.

Гурмыжская. По какому расчету?

Восмибратов. Где же у меня глаза-то-с! Нешто такой лес за три тысячи покупают? Ведь мы тоже норючим чтоб без убытку.

Гурмыжская. Я на тебя надеялась, я тебя всем хвалила, что ты хороший, семейный человек...

Восмибратов. Это в состав не входит-с.

Гурмыжская. Если ты так, я не согласна.

Восмибратов. Как вам угодно-с. Прощения просим. Пойдем, Петр!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Да я не согласна продать тебе за эту цену Паленую и Пылаеву. Ну, рассуди сам. Ведь есть у тебя рассудок?

Восмибратов. Как не быть? Нам без него нельзя–с. Это вот вашей милости точно что рассудку не требуется, потому вы за готовым и так проживете. Если не согласны продавать, пожалуйста деньги назад; надо какой–нибудь конец сделать.

Гурмыжская. Полторы тысячи за Горелую оставлю, а пятьсот возьми.

Восмибратов. Нет, я вижу, нам долго торговаться–с. Я за Паленую и Пылаеву меньше двух тысяч не возьму, и то с вас только.

Гурмыжская. Как не возьмешь?

Восмибратов. Да так же–с. Я их купил у вас; за что, значит, хочу, за то и продаю.

Гурмыжская. Если я тебе отдам две тысячи, мне за Горелую ничего не останется.

Восмибратов. Это уж ваше дело–с.

Гурмыжская. Нет, нет, не хочу, не хочу.

Восмибратов. Ежели бы вы для нас, так и мы бы для вас; а вы нашим родом и званием гнушаться изволите...

Петр. Тятенька!

Восмибратов. Убью.

Гурмыжская. Нет, нет. Ты возьми пятьсот рублей.

Восмибратов. Чего ежели невозможно, зачем говорить! Пойдем, Петр!

Гурмыжская. Так как же?

Восмибратов. Это и малый ребенок поймет. Лес я у вас купил, деньги вам отдал, вы мне расписочку дали; значит, лес мой, а деньги ваши. Теперь поклон, да и вон. Прошенья просим! (Уходит; за ним Петр.)

Гурмыжская. Что ж это такое? Денной грабеж! Удивительное дело, ничего–то мне в жизни не удалось ни купить, ни продать, чтоб меня не обманули. Видно, уж так мне на роду написано. (Уходит на террасу.)

Входят Несчастливцев и Буланов.

Явление девятое

Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов.

Буланов. Как вы фокусы делаете бесподобно–с! Как же это у вас девятка–то...

Несчастливцев. Вольт, братец!

Буланов. Научите меня вольты делать!

Несчастливцев. Зачем?

Буланов. Вот видите ли, помещики у нас кругом богатые... иногда в карты–с... что ж мне за расчет проигрывать; я человек бедный–с.

Несчастливцев. Да ты, братец, молодец совсем.

Гурмыжская (сходя с террасы). Представь, Алексис, я продала Ивану Петрову лес за три тысячи, а получила только две.

Буланов. Как же это–с?

Гурмыжская. Я сама виновата: я ему вперед расписку отдала, что я все сполна

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e получила, ну, он и дал только две.

Несчастливцев (грозно). Ах, анафема!

Буланов. Зачем же вы так-с? Ах, какая жалость! Лучше бы...

Гурмыжская. Уж теперь нечего делать, мои друг; хорошо, что и две-то дал.

Несчастливцев (с жаром). Как нечего? Воротить его! (Поднимая глаза к небу.) Что я с ним сделаю! Боже, что я с ним сделаю!

Буланов. Да ведь у него расписка.

Несчастливцев. Толкуй еще! Нужно мне очень расписки знать! Где он? Подайте его сюда! Что я с ним сделаю!

Входят Карп и Счастливцев.

Гурмыжская (Буланову). Ах, какой он страшный! Пойдем, пойдем!

Буланов. Позвольте, я останусь; любопытно-с!

Гурмыжская уходит.

Ушел Иван Петров?

Карп. Нет еще, здесь, на дворе-с.

Несчастливцев. Вороти этого мошенника! Я его!.. За ворот тащи!

Карп уходит.

Аркашка, подай мои ордена!

Счастливцев уходит.

Буланов. Что же вы с ним будете говорить?

Несчастливцев. Почему я знаю, братец, что я буду говорить!

Буланов. Да разве можно против документов-с?

Несчастливцев. А вот я тебе покажу, что можно. Что мне за дело до документов, я не подьячий. Да отстань ты от меня, мне теперь, братец, не до тебя.

Счастливцев приносит бутафорские ордена.

Несчастливцев надевает их.

Буланов. Какие же это ордена-с? Иностранные?

Входят Карп, Восмибратов и Петр.

Явление десятое

Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр, Карп.

Восмибратов. Чего еще? Какая такая надобность? У нас тоже свое дело есть, разговоры-то уж нам надоели.

Карп. Пожалуйста! Мне что, коли требуют.

Буланов. Это иностранные ордена-с?

Несчастливцев. Иностранные. Оставьте, братец, меня в покое! (Восмибратову.) Поди сюда!

Восмибратов. Желая здравствовать, ваше высокородие! Имени, отчества не знаю-с...

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Несчастливцев. Поди сюда, говорят тебе!

Восмибратов (сыну). Петрушка, отдайся к стороне! Отойди маненько! Вот так-то!
(Несчастливцеву.) Что же будет вам угодно-с?

Несчастливцев. Не могу же я с тобой за версту разговаривать.

Восмибратов. Может, на ухо крепки-с, так мы подойдем, важности не состоит.

Несчастливцев. Как же ты посмел подумать!..

Восмибратов. Позвольте-с!

Несчастливцев. Молчи! Такая женщина! И ты...

Восмибратов. Какая женщина? Позвольте-с...

Несчастливцев. Какая женщина! Он спрашивает! Молчи, говорят тебе! Женщина, перед которой все, все, даже я... я благоговею! И ты, презренный алтынник!..

Восмибратов. Насчет чего же это-с?

Несчастливцев. Не перебивай меня! Благодарю бога, что у меня еще есть капля терпения! Горе тебе, если его не будет! (Грозит пальцем.)

Восмибратов. Петрушка! Что ты рот разинул! Стой хорошенько!

Несчастливцев. Несчастный! Не становись между львом и его...

Восмибратов. Что же вы кричите! Вы будете кричать, я буду кричать, будет базар, а толку не выдет.

Несчастливцев. Ты, ты?.. Ты будешь кричать?

Восмибратов. Да отчего ж не кричать, коли здесь такое заведение? Мы промеж себя говорим тихо, потому у нас глухих нет.

Несчастливцев (Буланову). Что он говорит? Что он говорит? Что он смеет говорить?

Буланов. Да-с.

Несчастливцев. Боже великий! И он жив еще? Я еще не убил его?

Восмибратов. Это на что же-с! А вы позвольте, что вам угодно? Потому мне тут даром гостить нечего.

Несчастливцев. Что мне угодно? Он спрашивает, что мне угодно! А! Ха, ха, ха! Мне угодно сказать тебе, что ты мошенник.

Восмибратов. Нет, вы уж это оставьте! Ни к чему не ведет. По нынешнему времени это лишнее.

Петр. Какие комплименты!

Восмибратов. Петрушка, поди сюда!

Петр. Я здесь, тятенька.

Восмибратов. Коли есть дело, так говорите, а нет, так прощенья просим. Да вот что, лучше ко мне пожалуйста, мне дома-то слободнее разговаривать. Петр, пойдём!

Несчастливцев (грозно). Постой!

Петр. За постой-то деньги платят.

Несчастливцев. Как же ты обманул честную женщину!

Восмибратов. Обман! Говорить-то все можно. Отчего же вы Тетеньке верите, а мне

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
нет?

Несчастливцев. Он спрашивает.. Она кроткая, как ангел, и он... (Всплеснув руками.)
Он еще разговаривает! Посмотрите на него! Одна рожа-то твоя, богопротивная, чего
стоит!

Восмибратов. Петрушка, стань тут!

Петр. Однако, тятенька, уж довольно бы этих куплетов слушать...

Несчастливцев. Кротость! Олицетворенная кротость!

Восмибратов. Этого у них никто не отнимает, только что рассудку... в умалении.

Несчастливцев. Что твой рассудок! На что твой рассудок! Рассудок вершок,
золотник, гран; а честь бесконечна. И ее-то у тебя нет.

Восмибратов. Нет уж, барин, ты что хочешь говори, а чести не трожь; судиться
буду. Как так у меня чести нет? Коли я свои документы оправдываю – вот моя и
честь. Да про меня спроси на сто верст, все тебе то же скажут. Мало тебе, я сам
про себя скажу, что я – честный человек. Уж насчет там чего другого я не
хваюсь, а насчет чести я вот что скажу, барин: я не человек, я – правило.

Несчастливцев (садится к столу и опускает голову). Ступай!

Восмибратов. Чего ступай?

Несчастливцев. Довольно! Пошел вон! О, люди, люди!

Восмибратов. Чего довольно? Нет, погоди. Хочешь, барин, я тебя одним словом
убью?

Несчастливцев. Меня?

Восмибратов. Да, тебя. (Подходит, вынимает бумажник и бросает на стол.) Видал ты
это?

Несчастливцев. Что такое?

Восмибратов. Может, твоя тетенька сама забыла; ну, да бог с ней, ты ей веришь,
бери на свою совесть, бери, сколько хочешь! Я не препятствую, бери.

Буланов. Берите скорей!

Несчастливцев (Буланову). Пошел прочь! (Восмибратову, отдавая бумажник.) Отдай
сам!

Восмибратов. То-то сам. (Отсчитывает деньги.) Вот я какой человек. В поминанье
меня запишите!

Несчастливцев. Руку!

Восмибратов. Чего руку! (Подает руку.) Давно бы так. Я какой человек? Ты, должно
быть, барин, знаешь мой характер? Коли меня раздражить, я в задор войду – все
отдам. Точно, что мы торговались за три, кажись, а наверное не скажу... Документов
нет, моя воля. На вот, отдай им тысячу рублей. А все-таки скажу: не порядок.

Входит Гурмыжская.

Явление одиннадцатое
Гурмыжская, Несчастливцев, Буланов, Счастливцев, Восмибратов, Петр и Карп.

Несчастливцев (подавая Гурмыжской деньги). Вот ваши деньги, получите. (Отходит к
стороне и стоит, скрестя руки и спустя голову.)

Гурмыжская. Очень тебе благодарна, мой друг!

Восмибратов. Получили-с? А только, если б не барин, не видать бы вам этих самых
Страница 35

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e денег. Да и я-то бы против себя виноват был; потому тоже совесть.

Гурмыжская. Ты на меня не сердись, Иван Петрович! Я женщина, с меня строго взыскать нельзя. Сделай милость, приезжай ко мне завтра обедать.

Восмибратов. От хлеба, от соли не отказываются. Да там еще насчет пеньков...

Гурмыжская. Ну, и насчет пеньков.

Восмибратов. Прощения просим! Прощай, барин сердитый! Петр, пойдем. (Уходит; за ним Петр и Карп.)

Гурмыжская (Несчастливцеву). Ах, как я тебе благодарна! А ты знаешь ли, ведь я тебе еще должна ровно такую сумму. (Как бы спохватившись, торопливо прячет деньги.)

Несчастливцев. Не верю.

Гурмыжская (запирая коробку). Я твои деньги берегу, мой друг, берегу!

Несчастливцев. Ах, тетушка, оставьте свои хитрости! Как вам не стыдно! О, сердце женское! Вы хотите предложить мне деньги, да не знаете, как это сделать поделикатнее. Вы мне должны! Ну и прекрасно! Когда-нибудь сочтемся! Не откажите, когда буду нуждаться, а теперь мне не нужны деньги, я богат.

Гурмыжская. Ну, как хочешь, мой друг.

Счастливцев (про себя). Что он ломается без копейки-то.

Гурмыжская (взглянув на Буланова). Я надеюсь, что ты погостишь у нас.

Несчастливцев. Два, три дня, не больше, если позволите.

Гурмыжская. Что ж так мало?

Несчастливцев. С меня довольно. Навестить родные кусты, вспомнить дни глупого детства, беспечной юности... Кто знает, придется ли еще раз пред воротами вечности...

Гурмыжская. Не думаешь ли ты, что стеснишь меня? Напротив, я была бы очень рада!

Несчастливцев. Благородная женщина! Не расточай напрасно передо мною сокровища твоего сердца! Мой путь тернист; но я не сойду с него.

Гурмыжская (показывает глазами Буланову, что она очень довольна). Как хочешь, мой друг. Я думала, что тебе будет здесь покойнее.

Несчастливцев. Мой покой в могиле. Здесь рай; я его не стою. Благодарю, благодарю! Душа моя полна благодарностью, полна любовью к вам, грудь моя полна теплых слез! (Утирает слезы.) Довольно милостей, довольно ласк! Я сделаюсь идолопоклонником, я буду молиться на тебя! (Закрывает лицо рукою и уходит.)

Счастливцев идет за ним, но останавливается и смотрит из-за куста.

Явление двенадцатое

Гурмыжская, Буланов, Счастливцев за кустом.

Гурмыжская. Ушел. Ну, теперь я покойна, он мне не мешает. Он какой-то восторженный! Просто мне кажется, он глупый человек. А как я давеча испугалась! Как он страшен!

Буланов. Нет, это ничего-с, это с простым народом очень хорошо-с.

Гурмыжская. Все-таки ты остерегайся! Береги себя, мой друг! Этот сон у меня из головы нейдет... у него такой бешеный характер.

Буланов. Да не беспокойтесь, мы с ним подружались.

Гурмыжская. Я никак не ожидала... сам от денег отказывается! Как это мило с его

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e стороны! И напрасно я напоминала про этот долг. С чего это я расчувствовалась! Играешь-играешь роль, ну и заиграешься. Ты не поверишь, мой друг, как я не люблю денег отдавать.

Буланов. Я не знаю, я еще молод-с; а умные люди говорят, Раиса Павловна, что скупость не глупость.

Гурмыжская. Да я не скупа; кого я люблю, тому я все отдам.

Буланов. А у вас много денег-с?

Гурмыжская. Много. Вот посмотри! (Открывает коробку.)

Буланов смотрит и вздыхает.

И все эти деньги я отдам тому, кого люблю.

Буланов (с глубоким вздохом). Ох-с!

Гурмыжская. Вот что я хотела тебе сказать, Алексис! Ты держишь себя очень подобоострастно, ты все еще смотришь мальчиком; это мне не нравится. Конечно, тебя нельзя судить строго; это в тебе от бедности. Ну, мы как-нибудь этому горю поможем, сделаем тебя посolidнее. Я хочу, чтоб ты был посolidнее, Алексис. На днях ты поедешь в губернский город, закажи себе побольше хорошего платья, попросторнее, купи дорогие золотые часы с цепочкой, ну, и прочее... Кроме того, нужно, чтоб у тебя постоянно было МНОГЕ денег в кармане; это придаст тебе ар1омь. (Вынимает из коробочки деньги, которые ей передал Несчастливиев.) Это деньги глупые, я их получила случайно. Я тебе их дарю.

Буланов (потерявшись). Мне-с? (Берет деньги.) Благодарю-с! (Целует руку.) Солидным приказываете быть? Буду-с.

Гурмыжская. Пойдем, составим список, что тебе купить в городе. (Уходят.)

Счастливец. Прощай, денежки! Ох, эти трагики! Благородства пропасть, а смысла никакого.

Действие четвертое
ЛИЦА:

Гурмыжская.

Буланов.

Несчастливцев.

Счастливец.

Аксюша.

Петр.

Карп.

Улита.

Другая часть сада: направо беседка, налево садовая скамья, вдали, сквозь деревья, видно озеро. Лунная ночь.

Явление первое
Несчастливцев и Счастливец.

Несчастливцев. Ты, Аркадий, поужинал?

Счастливец. Поужинал.

Несчастливцев. Хорошо тебя, братец, накормили?

Счастливец. Отлично. Умный человек, Геннадий Демьяныч, нигде не пропадет.

Несчастливец. Умный? Это ты про кого же?

Счастливец. Про себя-с.

Несчастливец. Ну, кто ж это тебе сказал, что ты умный? Ты, братец, не верь, тебя обманули.

Счастливец. Даже очень умный-с. Вот, во-первых, я ем с барского стола, я сказал, что так приучен у вас; а во-вторых, сошелся с ключницей и по этому случаю, Геннадий Демьяныч, занял у нее денег, да еще у меня бутылка наливки в уголку подле кровати, будто вакса.

Несчастливец. Для первого дебюта недурно, Аркашка. Ты, брат, старайся, играй свою роль хорошенько!

Счастливец. Я-то хорошо; вы-то как?

Несчастливец. Я нынче счастлив, Аркадий; я сделал хорошее дело.

Счастливец. Да-с, хорошее. А еще лучше, кабы эти деньги...

Несчастливец. Что?

Счастливец. Ампоше.

Несчастливец. Я тебе такое «ампоше» задам!

Счастливец. Сколько денег в руках было! Ах, Геннадий Демьяныч!

Несчастливец. Были, да сплыли.

Счастливец. Зачем же вы их отдали?

Несчастливец. Ты помешался, Аркашка! Как зачем? Они не мои.

Счастливец. Вот еще важность! Сейчас «давай бог ноги»! В город, на тройку... покатали бы!.., потом на пароход в Ярославль, туда-сюда, а там в Нижний на ярмарку!

Несчастливец. Удавить тебя, Аркашка, я так думаю, было бы и для тебя лучше, и для меня покойнее.

Счастливец. Удавить! Вот вы говорите, что умны; а гимназист-то, видно, умнее; он здесь получше вашего роль-то играет.

Несчастливец. Какая роль, братец. Ну, что он такое? Мальчишка, больше ничего.

Счастливец. Какая роль? Первый любовник-с.

Несчастливец. Любовник? (Грозно.) Чей?

Счастливец (комически-подобострастно). Тетеньки вашей.

Несчастливец. Ха, ха, ха! Ну, Аркашка, у тебя не только фигура, а и душа холопская. Только ты будь осторожней, не болтай лишнего, за это вашего брата бьют.

Счастливец. Ну да, бьют...

Несчастливец. И очень больно.

Счастливец. Как же не бить! (Отходит к кустам.) Он-то любовника играет, а вы-то... (из-за куста) простака.

Несчастливец (наступая). Я простака? Я?

Счастливец (перебегая на другую сторону). Над которым смеются.

Несчастливец (наступая). Надо мной смеются? Кто? кто? Говори, несчастный!

Счастливец (отступая). Да будет вам пугатьто! Я убегу... Чем же я виноват, я сам слышал, своими ушами.

Несчастливец. Да кто? Проклятие!

Счастливец. Тетенька с Булановым.

Несчастливец (хватаясь за голову). О!

Счастливец. Дураком называли. (Прячется за куст.)

Несчастливец. Аркашка! Иль тебе твоя гнусная жизнь надоела! Так поди удавись сам! Не заставляй меня марать рук об тебя!

Счастливец. Были деньги, да взять не сумели: по усам текло, да в рот не попало. А еще меня в товарищи звали! Коли товарищи, так все пополам, – тут и моя часть была.

Несчастливец. Да ведь я тебя в товарищи–то не на разбой звал.

Счастливец. Подайте мою часть, подайте!

Несчастливец. Аркашка! Ты пьян, что ли?

Счастливец. Ну, так что ж, что пьян! И горжусь этим.

Несчастливец. Нет, убить, убить, и кончено дело! И разговаривать нечего!

Счастливец (отступая). Ну, да как не убить! (Из-за куста.) Руки коротки! (Убегает.)

Несчастливец. Он солгал, бесстыдно солгал. О, как гнусен может быть человек! Но если... Пусть лучше он лжет, чем говорит правду! Я только прибью его... Но если моя благочестивая тетюшка, этот образец кротости и смирения... О, я тогда заговорю с ней по-своему. Посмеяться над чувством, над теплыми слезами артиста! Нет, такой обиды не прощает Несчастливец! (Уходит.)

Входит Карп.

Явление второе
Карп, потом Улита.

Карп. Поужинали; барыня в спальню ушла, можно и отдохнуть. (Садится на скамью.)

Входит Улита и осматривается.

Погулять вышли?

Улита. Да, Карп Савельич. Ночь уж очень...

Карп. Действительно... располагает... Что ж, погуляйте! И то сказать, живой человек, а живой о живом и думает.

Улита. Вы это про что же?

Карп. Хоть бы про вас.

Улита. В каких смыслах?

Карп. Сами можете понять.

Улита. Нет, однако?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Карп. Да мне что! Как хотите! Я вам не муж!

Улита. Это даже очень глупо, что вы говорите.

Карп. Уж это как вам будет угодно.

Улита. Не понимаю, как люди завсегда во всем только дурное видят.

Карп. Ничего я ни дурного, ни хорошего не вижу; а только что удивительно...

Улита. Что удивительно?

Карп. При ваших таких летах...

Улита. Каких таких? Вы на моих крестинах не были. Нечего вам говорить-то, я вижу.

Карп. Вас от разговору моего не убудет.

Улита. Сидите тут, как филин, да прибираете, что в голову придет.

Карп. Стало быть, я вам здесь мешаю?

Улита. Это к чему еще? Напрасно вы так обо мне понимаете!

Входит Счастливец.

Явление третье

Карп, Улита, Счастливец.

Счастливец. Честная компания!

Улита. Милости просим!

Карп. Ваш спит?

Счастливец (садясь). Кто его знает!

Улита. Вы долго у нас прогостите?

Счастливец. Что нам здесь делать!

Карп. А следовало бы. Порядок другой: вот давеча Иван Петров сейчас деньги отдал.

Улита. Конечно, мужчина.

Карп. А барыне где же! Добрые люди прикупают, а мы все продаем. Что одного лесу продано, что прочего! Набьет барыня полну коробку деньгами и держит их, и гроша никто не выпросит; а тут вдруг и полетят тысячи, и полетят.

Счастливец. Разве летают?

Карп. Летают.

Улита. Все бедным да родственникам.

Счастливец (не слушая). Вот бы поймать.

Карп. Да и ловят.

Улита. Все бедным да родственникам.

Карп. Как не родственникам!

Улита. А кому же, по-вашему?

Карп. Знаем мы, кому.

Улита. Вы бы стыдились хоть при посторонних-то!

Карп. Что его стыдиться! Он наш брат, стало быть, чего же...

Улита. Кажется, уж про нас на всю губернию известно, об нашей примерной жизни.

Карп. Я про деревню и не говорю; вот разве что дальше будет. А в Петербурге, а в Москве?

Улита. Все-таки вы не должны барыню осуждать.

Карп. Да разве я осуждаю! Барыня добрая, служить нам хорошо. А правду отчего не сказать? Я деньги-то на почту вожу, так мне верней знать, кому их посылают, родственникам или нет.

Счастливец. Любопытный разговор.

Улита. Ничего любопытного нет. Что вы! Он все сочиняет.

Карп. Доктору французу посылали? Итальянцу посылали? Топографу, что землю межует, посылали?

Улита. Ах, ах! Как это вам не стыдно!

Карп. Ну, что еще! Какой разговор! Я правду люблю. Однако же и спать. Ну вас! Счастливо оставаться!

Счастливец. Прощайте, Осетр Савельич!

Карп. Уж ты мне, балагур! (Уходит.)

Явление четвертое
Счастливец и Улита.

Улита. Пробовали наливочку? Не знаю, хороша ли; хотелось вам угодить, а уж, право, не знаю.

Счастливец. Очень хороша, отличная; должно быть, вы сами ее делаете.

Улита. Я слова эти ваши не иначе как в шутку принимаю. Хотите, я вам завтра к чаю сливок принесу?

Счастливец. Сделайте одолжение, только от бешеной коровы.

Улита. Ах, я вас не понимаю.

Счастливец. То есть рому. Он так у нас называется.

Улита. Поищу.

Счастливец. Поищите, если любите!..

Улита. Вот вы сказали: «если любите»! Знаете, что я вам скажу на это?

Счастливец. Нет, не знаю.

Улита. Вы вот это слово сказали мне в насмешку. А вы нашу сестру не судите!

Счастливец. За что же, помилуйте! Я очень доволен.

Улита. Мужчины завсегда довольны, потому на них ответу нет. А вы возьмите наше дело! Бывало... и вспоминать-то смерть, так жизнь-то, не живя, и коротали. Замуж тебя не пускают, любить тоже никого не приказывают... у нас насчет любви большой запрет был. Ну, одно средство: к барыне поддельваешься. Ползаешь, ползаешь перед барыней-то, то есть хуже, кажется, всякой твари последней; ну, и выползаешь себе льготу маленькую; сердцу-то своему отвагу и дашь. Потому ведь оно живое, тоже своего требует. Уж и как эта крепость людей уродует! Про себя вам скажу... Да вам

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
слушать-то будет скучно... само собой, во всем этом одна только подлость. И не
хочу я расстраивать ни себя, ни вас, потому как вы мне милы. (Оглядываясь.)
Никак, ваш барин?

Счастливец. Бить меня идет.

Улита. Ах, жалости какие!

Счастливец. Я присяду, а вы меня загородите: авось не заметит. (Приседает.)
Что, идет, приближается?

Улита. Нет, назад пошел; только так дико посмотрел. Какой у него взгляд! Ужаси
просто; так тебя в дрожь...

Счастливец (встает). Варвар!

Улита. Как же вы, мой милый, живете у такого барина?

Счастливец. Да какой он мне барин! Я такой же, как и он. Ишь ломается, благо
горло-то широко.

Улита. Что вы это говорите! У них барственность настоящая, врожденная. Этого
отнять у них никак невозможно.

Счастливец. Кто у него отнимает! Я говорю только, что мы с ним равные, оба
актеры, он – Несчастливец, я – Счастливец, и оба пьяницы.

Улита. Актеры? Ах, что вы! Что вы!

Счастливец. Больше десяти лет по России-то бродим, из театра в театр, как
цыгане. Оттого он и не был у тетки, что стыдно глаза показать.

Улита. Ах, ужаси!

Счастливец. Вот и теперь в Вологду пешком идет с сумочкой. Нельзя ж ему без
лакея показаться, он дворянин, ну и укланял меня. Так и обращайся хорошенько. Я
еще на провинции-то получше его считаюсь, нынче оралы-то не в моде.

Улита. Что только я слышу от вас!

Счастливец. Думает здесь попользоваться чем-нибудь от тетушки. Уж просил бы
прямо на бедность; так, видишь, стыдно. Давеча оплошал, не удалось зажать
деньги-то; вот теперь на меня за это бесится. Самой низкой души человек! В карты
давеча играл с гимназистом, заманивал его. Уж я ушел от них; обыграет его,
думаю, отнимет деньги да еще прибуьет. Да так и будет; ему это не впервой! Он
убьет кого-нибудь, с ним в острог попадешь. Вся ухватка-то разбойничья, Пугачев
живой.

Улита. Хорошо, что вы мне сказали. Прощайте!

Счастливец. Адю, мои плезир.

Улита (с испугом). Я уж пойду! Ах, страсти!

Счастливец. А, испугалась! А я так все чертей играл, прыгал вот так по сцене.
(Прыгает и кричит.) У! У!

Улита. Батюшки мои! Уж вы меня извините!

Счастливец. Да что мне в твоём извинении! Провалитесь вы и с усадьбой-то! Я вот
убегу от вас. Будьте вы прокляты!

Улита убегает.

Ушел бы сейчас, да боюсь; по деревне собак пропасть. Экой народ проклятый! Самим
есть нечего, а собак развели. Да и лесом-то одному страшно. Придется в беседке
переночевать; надо же туда идти, там библиотека и наливка осталась. А как
сунешься? Он не спит еще, такой монолог прочитает! Пожалуй, вылетишь в окно, не

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e хуже Фидлера. Пойду поброжу по саду, хоть георгины все переломаю, все-таки легче. (Уходит.)

Петр робко крадется в тени кустов и осматривается.

Явление пятое
Петр, потом Аксюша.

Петр. Ну, кажись, все в доме спать полегли. Только этот несчастный путается. Ну, да ему полтину серебра пожертвовать, так он отца родного продаст. Ночь-то очень светла, может, Аксюша не выйдет совсем, побоится, чтобы не увидали. А как нужно-то! Уж последний бы раз повидались, да и кончено дело. Эх ты, подневольная жизнь! Дрожит сердце, как овечий хвост, да и шабаш! Ничего с собой не сделаешь: и руки и ногл трясутся. Воровать легче! Приди в чужой дом повидаться с девушкой, не в пример тебя хуже вора сочтут. Эка эта любовь! Вон тятенька говорит, что это баловство одно, на год, на два, говорит, это занятие, не больше, а там сейчас насчет капиталу. Дождись, когда она пройдет, а пока что муки-то примешь. Никак, идет? И то.

Входит Аксюша; увидав Петра, подбегает к нему.

Аксюша. Ах, ты здесь!

Петр. Давно уж тут путаюсь. Здравствуй! Жива ли покуда? (Целует ее.)

Аксюша. Видишь, что жива. Ну, говори скорей! Некогда ведь, того гляди хватятся.

Петр. С тятенькой у нас опять разговор был.

Аксюша. Ну, что ж он? Говори скорей! Душа мрет.

Петр. Подается. Час ругал по обнаковению. Потом: «За тебя, говорит, дурака, видно невесту с приданым не найдешь! Хотя бы две тысячи за тебя дали, и то бы ладно». Слышишь?

Аксюша. Да ведь негде их взять.

Петр. Надо доставать.

Аксюша. У Раисы Павловны не выпросишь; нечего и унижаться.

Петр. А ты у братца попроси, у Геннадия Демьяныча!

Аксюша. Ай, что ты! Страшно, да и стыд-то какой!

Петр. Да ведь уж ау, брат! До самого нельзя вплоть приходит.

Аксюша. Надо ведь ему будет признаться во всем.

Петр. Ну так что ж! И признайся! Он свой человек. От него нам уж последнее решение выйдет.

Аксюша. Да, уж последнее.

Петр. А ведь кто его знает! На грех мастера нет. Он с виду-то барин добрый. Да ты поскорей, завтра же чем свет; а в полдень мы с тятенькой придем, ты мне скажешь.

Аксюша. Хорошо, хорошо.

Петр. Только ты долго этого разговору не тяни; а так и так, мол, до зарезу мне; вот и конец. Либо пан, либо пропал.

Аксюша. Да, да, разумеется. До стыда ли тут когда...

Петр. Что «когда»?

Аксюша. Когда смерть приходит.

Петр. Ну полно, что ты?

Аксюша. Вот что, Петя! Мне все пусто как-то вот здесь.

Петр. С чего же?

Аксюша. Я не могу тебе сказать, с чего, я неученая. А пусто, вот и все. По-своему я так думаю, что с детства меня грызет горе да тоска; вот, должно быть, подле сердца-то у меня и выело, вот и пусто. Да все я одна; у другой мать есть, бабушка, ну хоть нянька или подруга; все-таки есть с кем слово сказать о жизни своей, а мне не с кем, – вот у меня все и копится. Плакать я не плачу, слез у меня нет, и тоски большой нет, а вот, говорю я тебе, пусто тут, у сердца. А в голове все дума. Думаю, думаю.

Петр. А ты брось думать! Задумаешься – беда!

Аксюша. Да нельзя бросить-то, сил нет. Кабы меня кто уговаривал, я бы, кажется, послушалась, – кабы держал кто! И все мне вода представляется.

Петр. Какая вода?

Аксюша. Да вот что, милый ты мой, все меня в воду тянет.

Петр. Ой, что ты, перестань!

Аксюша. Гуляю по саду, а сама все на озеро поглядываю. Уж я нарочно подальше от него хожу, а так меня и тянет, хоть взглянуть; а увижу издали, вода-то между дерев мелькнет, – так меня вдруг точно сила какая ухватит, да так и несет к нему. Так бы с разбегу и бросилась.

Петр. Да с чего ж это с тобой грех такой?

Аксюша. Сама не знаю. Вот как ты говорил вчера, так это у меня в уме-то и осталось. И дома-то я сижу, так все мне представляется, будто я на дно иду, и все вокруг меня зелено. И не то чтоб во мне отчаянность была, чтоб мне душу свою загубить хотелось – этого нет. Что ж, жить еще можно. Можно скрыться на время, обмануть как-нибудь; ведь не убьют же меня, как приду; все-таки кормить станут и одевать, хоть плохо, станут.

Петр. Ну, что уж за жизнь!

Аксюша. А что ж жизнь? Я и прежде так жила!

Петр. Ведь так-то и собака живет, и кошка; а человеку-то, кажись, надо бы лучше.

Аксюша. Ах, милый мой! Да я-то про что ж говорю? Все про то же. Что жить-то так можно, да только не стоит. И как это случилось со мной, не понимаю! Ведь уж мне не шестнадцать лет! Да и тогда я с рассудком была, а тут вдруг... Нужда да неволя уж очень душу сушили, ну и захотелось душе-то хоть немножко поиграть, хоть маленький праздничек себе дать. Вот, дурачок ты мой, сколько я из-за тебя горя терплю. (Обнимает его.)

Петр. Ах ты горькая моя! И где это ты так любить научилась? И с чего это твоя ласка так душу разнимает, что ни мать, кажется, и никто на свете... Только уж ты, пожалуйста! Ведь мне что же? Уж и мне за тобой... не миновать, выходит.

Аксюша. Ну, уж это твое дело. Ведь уж мне не узнать, будешь ли ты меня жалеть, или будешь смеяться надо мной. Мне с своей бедой не расстаться, а тебе дело до себя, мне легче не будет.

Петр. Нет, уж ты лучше подожди; хоть немного, да поживем в свою волю. Да что загодя и думать-то! Еще вот что твой братец скажет?

Аксюша. Конечно, коли есть случай, зачем его обегать.

Петр. Может, и выручит.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Аксюша. Может быть. Ты никого не видал в саду?

Петр. Геннадия Демьяныча камарден тут путался.

Аксюша. Так ты ступай! Время уж.

Петр. А ты, Аксюша, домой, чтоб... а то... и боже тебя охрани!

Аксюша. Домой, домой, не бойся. Что мне за охота: у меня теперь все-таки что-нибудь впереди есть.

Петр. Ну, то-то же, смотри! (Целуются.) Я на тебя в надежде. (Уходит.)

Аксюша хочет идти домой, оборачивается и видит Несчастливцева, который выходит из беседки.

Явление шестое

Аксюша, Несчастливцев, потом Счастливец.

Несчастливцев (про себя). Женщина, прекрасная женщина. (Подходит к Аксюше.) Ты женщина или тень?

Аксюша. Братец!

Несчастливцев. А! Я вижу, что ты женщина. А я желал бы теперь, в эту прекрасную ночь, побеседовать с загробными жителями.

Аксюша. Братец!

Несчастливцев. Много тайн, много страданий унесли они с собой в могилу. Душа моя мрачна, мне живых не надо. Мне нечего говорить с живыми! Мне нужно выходцев с того света! Прочь!

Аксюша. Братец, и я много страдала, и я страдаю.

Несчастливцев. Ты?

Аксюша. Я. Я очень несчастна.

Несчастливцев. О, если ты несчастна, поди ко мне, поди на грудь мою.

Аксюша прилегает к нему на грудь.

Я два раза тебе брат: брат по крови и брат по несчастью.

Аксюша (опускаясь на колени). Братец, я виновата.

Несчастливцев (поднимая ее). Нет, нет, не передо мной! Можешь ли ты быть виновата? Ты, такая юная, такая прекрасная? И перед кем же? Что я? Я отребие, обноски человечества.

Аксюша. Я виновата передо всеми, перед собой! Я люблю...

Несчастливцев. Дитя мое! люби, кого хочешь. На то тебе бог дал сердце, чтоб любить.

Аксюша. Ах, что вы говорите! Любить! Я люблю, не помня себя; но ведь мне нужно выйти за него замуж, нужно, нужно!

Несчастливцев. А кто ж тебе мешает?

Аксюша. Люди мешают, люди, которые власть имеют.

Несчастливцев. А ты их не слушай! Иди за того, кого любишь. И да будет над тобой мое благословение!

Аксюша. Он не женится на мне без приданого, отец ему не позволяет. Нужно приданое, а у меня его нет.

Несчастливцев. Какой вздор! Счастье дороже денег.

Аксюша. Мне нет счастья без денег.

Несчастливцев. А много ль денег нужно?

Аксюша. Две тысячи рублей.

Несчастливцев. Какие пустяки! Неужели Раиса Павловна откажет тебе в такой малости?

Аксюша. Откажет. Меня держат из милости, кормят из милости; смею ли я еще просить приданого! Корку хлеба дадут мне, а денег нет.

Несчастливцев. И от такой ничтожной суммы зависит счастье девушки, счастье молодой души...

Аксюша. Нет, не счастье, а жизнь.

Несчастливцев. Жизнь? Силы небесные! Так ли ты сказала?

Аксюша. Так, братец.

Несчастливцев. Наконец, боже! Неужели я вижу женщину? И любовь твоя не простая прихоть? И ты готова на все жертвы?

Аксюша. Много я жертв принесла этой любви; а жизнь моя так горька, так горька, что ее и жалеть не стоит.

Несчастливцев. И ты без страха?

Аксюша. Без страха, хоть сейчас...

Несчастливцев (простирает над ней руки). Ангелы божий, покройте ее своими крылами!

Аксюша склоняет голову в молчании, сложа руки.

Короткая пауза.

Аксюша. Братец, не сердитесь на меня! Не подумайте обо мне дурно! Мне так тяжело сказать вам...

Несчастливцев. Говори, говори!

Аксюша. Братец, не сочтите меня за обманщицу, за бедную родственницу-попрошайку! Братец, мы жили с маменькой очень бедно; я была ребенком, но я ни разу не поклонилась, ни разу не протянула руки богатым родственникам; я работала. Теперь, братец, только вас одного я прошу, и то ночью, благо не видно стыда на щеках моих: братец, вы богаты, одиноки, дайте мне счастье, дайте мне жизнь. (Становится на колени.)

Несчастливцев (поднимает ее, растроганный и с дрожью в голосе). Дитя мое! Дитя мое!

Аксюша. Если б не страх стыда за мою грешную любовь, я бы никогда, никогда... Будьте мне отцом, я девушка добрая, честная. Я научу маленьких детей моих благословлять вас и молиться за вас.

Несчастливцев. О, замолчи, замолчи! Я вырву все свои волосы. О, дитя мое! Я преступник! Я мог иметь деньги, мог помочь тебе, мог сделать тебя счастливой; и я промотал, прожил их беспутно; я их втоптал в грязь вместе с своей молодостью, с жизнью. И вот когда они нужны, их нет у меня. Если б я знал, если б я знал, я бы питался одним хлебом, я бы ходил в рубище и каждый рубль зашивал в это рубище. Мы пьем, шумим, представляем пошлые, фальшивые страсти, хвастаем своим кабачным геройством; а тут бедная сестра стоит между жизнью и смертью. Плачь, пьяница, плачь!

Аксюша. Братец, братец!

Несчастливцев. Прости меня, прости! Я бедней тебя, я прошел пешком сотни верст, чтобы повидаться с родными; я не берег себя, а берег это платье, чтоб одеться приличнее, чтоб меня не выгнали. Ты меня считаешь человеком, благодарю тебя! Ты у меня просишь тысячи – нет у меня их. Сестра, сестра! не тебе у меня денег просить! А ты мне не откажи в пяточке медном, когда я постучусь под твоим окном и попрошу опохмелиться. Мне пяточок, пяточок! Вот кто я!

Аксюша (хватаясь за сердце). Ох, ох! Еще, еще горе! еще обман моему сердцу! За что же я себя обидела! И я, глупая, понадеялась! Разве я смею надеяться! Разве есть для меня надежда! Прощайте! (Отходит, шатаясь, потом быстрее и быстрее, и наконец бежит.)

Несчастливцев (смотрит ей вслед). Куда она? Она бежит, бросает платок с себя, она у берега. Нет, нет, сестра! Тебе рано умирать! (Убегает.)

Входит Счастливцев.

Счастливцев. Ну, убежал куда-то. Уж не топиться ли? Вот бы хорошо-то. Туда ему и дорога! Зайду в беседку, соберу свою библиотеку, и прощайте! Посижу в кустах до свету, и марш. Деньги есть; слава богу, занял-таки, удалось наконец. Хороший это способ доставать деньги; да все как-то мне несчастливилось до сих пор, такой мнительный народ стал. Ну, теперь доберусь до какого-нибудь театра. (Уходит в беседку.)

Выходит Несчастливцев, поддерживая Аксюшу, которая едва идет.

Несчастливцев. Нет, нет, дитя мое! Как ни велико твое горе, а умереть тебе я не дам. Тебе надо жить, ты еще так молода! Тебя заело горе, надоела тебе молодая жизнь? Забудь это горе, брось эту жизнь! Начнем новую, сестра, для славы, для искусства.

Аксюша. Я ничего не знаю, ничего не чувствую, я мертвая. Отдохнуть мне.

Несчастливцев (сажая ее на скамью). Ты ничего не знаешь? Нет, дитя мое, ты знаешь больше других; ты знаешь бури, знаешь страсти – и довольно!

Аксюша. Делайте что хотите. У меня впереди ничего нет. Куда вы меня зовете, зачем вы меня зовете, что там – я не знаю. Хуже не будет.

Несчастливцев. И там есть горе, дитя мое; но зато есть и радости, которых другие люди не знают. Зачем же даром изнашивать свою душу! Кто здесь откликнется на твое богатое чувство? Кто оценит эти перлы, эти брильянты слез? Кто, кроме меня? А там... О! Если половину этих сокровищ ты бросишь публике, театр развалится от рукоплесканий. Тебя засыпят цветами, подарками. Здесь на твои рыдания, на твои стоны нет ответа; а там за одну слезу твою заплачет тысяча глаз. Эх, сестренка! Посмотри на меня. Я нищий, жалкий бродяга, а на сцене я принц. Живу его жизнью, мучусь его думами, плачу его слезами над бедною Офелией и люблю ее, как сорок тысяч братьев любить не могут. А ты! Ты молода, прекрасна, у тебя огонь в глазах, музыка в разговоре, красота в движениях. Ты выйдешь на сцену королевой и сойдешь со сцены королевой, так и останешься.

Аксюша. Я убита, братец, убита.

Несчастливцев. Ты оживешь, сестра, первые звуки оркестра воскресят тебя.

Аксюша. А Петя?

Несчастливцев. Сестра, ты женщина, а женщины забывают скоро. Ты забудешь его, как забывают все свою первую любовь. Много молодых красавцев, много богачей будут ловить каждый твой взгляд, каждое твое слово.

Аксюша (качая головой.) Это нехорошо.

Несчастливцев. Тем лучше, дитя мое; тем больше чести для тебя. Ты брось, оттолкни с презрением золото богача и полюби бедного артиста. Решайся, дитя мое!

Аксуша. Как вам угодно. Я готова на все.

Несчастливцев. Ты будешь моею гордостью, моею славой. А я буду тебе отцом, дитя мое, буду твоей нянькой, твоей горничной. Пойдем ко мне! В такую ночь грешно спать. У меня есть несколько ролей, я тебе почитаю. Эту ночь я отдаю тебе, в эту ночь я посвящаю тебя в актрисы.

Аксуша. Пойдемте! (Идут к беседке, навстречу им Счастливец с узлом.)

Несчастливцев. Стой, беглец! Я великодушен, я тебя прощаю. Торжествуй, Аркашка! У нас есть актриса; мы с тобой пообедем все театры и увидим всю Россию.

Уходят в беседку.

Выходят Гурмыжская и Улита.

Явление седьмое
Гурмыжская и Улита.

Гурмыжская. Ты говорила ему?

Улита. Как же, сударыня, говорила и очень политично говорила. Барыня, говорю, не почивают, потому погода необнаковенная; гуляют они по саду, и даже, может, скучают, так как одни, не с кем им время провести. А вы лежите да нежитесь, какой же вы кавалер после всего этого. Он сейчас вскочил и стал одеваться.

Гурмыжская. Ну, хорошо.

Улита. Да вот еще, матушка барыня, уж и не знаю, как вам доложить.

Гурмыжская. Говори, что такое!

Улита. Барышня куда-то скрылась.

Гурмыжская. Ушла?

Улита. В комнате нет, и постель не смята.

Гурмыжская. И прекрасно.

Улита. Как же, матушка барыня?

Гурмыжская. Да так же. Я очень рада. Она мне уж давно надоела, я все не знала только, как ее выжить из дома. А теперь вот и причина есть; что мне ее жалеть, когда она сама себя не жалеет. Я говорила, что она его не стоит.

Улита. Не стоит, не стоит... Далеко ей! Уж и я немало дивилась, как этакому красавцу милому да такая...

Гурмыжская. Ну, это не твое дело!

Улита. Слушаю-с. Уж и еще я узнала кой-что, да только как-то и выговорить страшно. Как услышала я, так всю в ужас ударило, и так даже по всем членам трясение.

Гурмыжская. Сколько раз тебе приказано, чтоб ты таких глупых слов не говорила. Я сама женщина нервная. Ты всегда меня прежде напугаешь до истерики, а потом скажешь какие-нибудь пустяки.

Улита. Пустяки, матушка барыня, пустяки, не извольте беспокоиться! Насчет Геннадия Демьяныча.

Гурмыжская. Что же?

Улита. Да ведь он вас обманул; он не барин, а актер, и родовую свою фамилию нарушил, теперь Несчастливцев прозывается. И не столько на театре они, а больше все будто пьянством. И одежонка-то вся тут, что на нем, уж я это доподлинно

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
знаю; и пришли сюда пешком с котомочкой.

Гурмыжская. Так он Несчастливцев; слыхала, слыхала. Ну, это еще лучше.

Улита. И человек–то его тоже актер, только, матушка барыня, и из актеров–то он самый каторжный, как есть одних чертей представляет.

Гурмыжская. Тем лучше, тем лучше! Как все это ловко для меня устроилось.

Улита. Да чем же, матушка барыня, хорошо?

Гурмыжская. А тем, что завтра же утром их здесь не будет. У меня не гостиница, не трактир для таких господ.

Улита. Истинно, матушка барыня. Пожалуйте ручку. (Тихо.) Алексей Сергеич идут. (Отходя.) Уж вот, можно сказать, картинка, а не барин. (Уходит.)

Входит Буланов.

Явление восьмое
Гурмыжская и Буланов.

Буланов (торопливо поправляясь). Что же вы, Раиса Павловна, мне прежде не приказали? Вы бы мне сказали–с.

Гурмыжская. Что?

Буланов. Что вы любите гулять по ночам–с.

Гурмыжская. Да тебе–то что ж за дело! Я люблю природу, а ты, может быть, не любишь?

Буланов. Я ведь как прикажете–с. Ежели вам одним скучно...

Гурмыжская. А тебе не скучно в такую ночь? Тебя не трогает ни луна, ни этот воздух, ни эта свежесть? Посмотри, как блестит озеро, какие тени от деревьев! Ты холоден ко всему?

Буланов. Нет–с, как холоден! Я только не знаю, что вам угодно–с, как для вас приятнее.

Гурмыжская. А, мой милый, ты хочешь играть наверное?

Буланов. Я бы, кажется, бог знает что дал, только б узнать, что вы любите! Я бы уж так и старался.

Гурмыжская. Ну, а как ты думаешь, что я люблю? Это любопытно будет тебя послушать.

Буланов. Луну–с.

Гурмыжская. Какой он простодушный! Ах, милый мой! я луну любила, да это уж давно прошло; мне не шестнадцать лет.

Буланов (подумав). Родственников–с?

Гурмыжская. Ха–ха–ха! Прошу покорно! Он уморит меня со смеху! Ах, простота! (Смеется.) Как это мило: «родственников»!

Буланов. Виноват–с!

Гурмыжская. Говори, говори! я приказываю!

Буланов. Не знаю–с.

Гурмыжская. Тебя, дурак! тебя!

Буланов. Да–с... Я и сам думал, да не смел–с. Давно бы вы–с... а то что я здесь так

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
сколько времени... Вот так-то лучше, Раисонька! Давно бы ты... (Обнимает Гурмыжскую
и хочет поцеловать.)

Гурмыжская (отталкивая его). Что ты, с ума сошел? Пошел прочь. Ты неуч, негодяй,
мальчишка! (Уходит.)

Буланов. Что я сдуру-то наделал! Завтра же меня... отсюда... (Кричит вслед
Гурмыжской.) Виноват-с! Завтра же меня в три шеи! Не слушает. (Кричит громче.)
Виноват-с! Ничего знать не хочет. (Падает на скамейку.) Пропал, пропал, пропал!

Действие пятое
ЛИЦА:

Гурмыжская.

Милонов.

Бодаев.

Несчастливцев.

Счастливец.

Буланов.

Восмибратов.

Петр.

Аксюша.

Карп.

Декорация первого действия.

Явление первое
Карп, потом Буланов.

Карп (убирает чашки со стола и видит коробку Гурмыжской). Ишь ты, забыла свою
казну, а потом искать примется. Лучше уж не трогать, пуцай тут лежит.

Входит Буланов.

Геннадия Демьяныча чай кушать дожидаться не станете?

Буланов. Вот еще! Очень нужно!

Карп. Как угодно-с.

Буланов. Да когда он придет, так доложи мне, а Раису Павловну не беспокоить!

Карп. Слушаю-с.

Буланов. Я тебя прошу, Карп, исполнять мои приказания хорошенько. Я беспорядков
в доме не потерплю. Я вам не Раиса Павловна; у меня все по струнке будете
ходить, а то и марш со двора. У меня всякая вина виновата.

Карп. Что ж делать, сударь, будем исполнять. Мы и не то видали. Поживешь на
свете-то, так всего насмотришься. Такие ли еще чудеса бывают.

Буланов. Да и не разговаривать. Я этого не люблю.

Карп. Можно и не разговаривать, оно еще и лучше. Что тут разговаривать! О чем?
Дело видимое.

Буланов. Ну, и можешь идти.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Карп уходит. Входит Несчастливцев.

Явление второе
Несчастливцев и Буланов.

Буланов. Здравствуйте, господин Несчастливцев!

Несчастливцев. Несчастливцев? Ты знаешь, что я Несчастливцев?

Буланов. Знаю.

Несчастливцев. Я очень рад, братец; значит, ты знаешь, с кем ты имеешь дело, и потому будешь вести себя осторожно и почтительно.

Буланов. Да что ж такое? Провинциальный актер, что за важность?

Несчастливцев. Ну, значит, ты не знаешь, кто такой Несчастливцев и как с ним разговаривать. Жаль! Мне придется тебя учить уму-разуму, что, разумеется, для меня будет неприятно, а для тебя еще неприятнее.

Буланов. Ну, еще неизвестно. Ведь это в древние времена физическая-то сила много значила.

Несчастливцев. Что ж, мне с тобою огнестрельное оружие, что ли, употреблять! Нет, брат, я – человек простой и люблю простые средства, натуральные.

Буланов. Оставим этот разговор. Позвольте узнать, что вам угодно?

Несчастливцев. Уж, разумеется, не тебя.

Буланов. Кого же?

Несчастливцев. Что, ты от рожденья глуп, или сегодня вдруг с тобой сделалось? Кого? Кого? Ты в этом доме то же, что в операх бывают неизвестные; а я здесь в родной семье. Я пришел чай пить к своей тетке.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. В чем тебя извинить? Вот что: ты надень сумку через плечо, прицепи на пуговицу грифельную доску и поди доучиваться.

Буланов. Извините.

Несчастливцев. Ну, извиняю.

Буланов. Не меня; Раиса Павловна просит извинения. Она не может вас принять; она не совсем здорова и чувствует, что посещения и разные гости, хотя бы даже и родные, ей теперь очень в тягость.

Несчастливцев. Она меня гонит? Но за что же?

Буланов. Это до меня не касается. Вообще она просит вас освободить ее от вашего присутствия, которое ее расстраивает.

Несчастливцев. Ну, что делать! Я ее любил, я ее считал вместо матери. (Оттирает слезу.) Что ж такое, что я актер? Всякий обязан делать, что умеет. Я ведь не разбойник, я честным, тяжелым трудом добываю хлеб свой. Я не милостыню пришел просить у нее, а теплого слова. Обидно!.. О, женщины! Если уж ей хотелось обидеть меня, неужели она хуже тебя никого не нашла?

Буланов (горячо). Послушайте, милостивый государь!

Несчастливцев. О, боже мой! Он разговаривает! Слушай, ты, гимназист, школьник, ученик приходского училища! Из уважения к этому дому я тебя милую, но если ты мне в другом месте попадешься..

Буланов. Мы еще посмотрим!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Несчастливцев. Молчи, таблица умножения! Корнелий Непот! Пифагоровы штаны! Ты
выменяй образ моего ангела и молись утром и вечером, чтобы нам не встретиться. А
если где завидишь меня, так беги без оглядки, творя обеты и молитвы!

Буланов. Да что вы, в самом деле! Вы потише! Раису Павловну беспокоите.

Несчастливцев. Она сама виновата: зачем она посылает ко мне не человека, а котенка. Нельзя равнодушно разговаривать с котенком.

Буланов. Да, кажется, и не о чем разговаривать.

Несчастливцев. Есть мне о чем говорить или нет, тут твоего ума не хватит, ты еще не дорос.

Буланов. Если вы желаете что-нибудь сказать Раисе Павловне, скажите мне, я передам.

Несчастливцев. Да ты что такое? Оруженосец, паж, что ли, Раисы Павловны? Менестрель? Ну, наконец, скороход, шут? Говори.

Буланов. Что я, это вы после узнаете.

Несчастливцев. Не желаю. Ну, кто бы ты ни был, передай Раисе Павловне, что я на нее не сержусь, что я желал бы по-родственному проститься; но если она не хочет, так бог с ней.

Буланов. Хорошо, я скажу-с.

Несчастливцев (заметив коробку, про себя). Ящик здесь, надо это принять к сведению. Погоди же!

Буланов. Больше ничего-с?

Несчастливцев. Ничего. Прощай, грифель! (Уходит.)

Входит Гурмыжская.

Явление третье
Гурмыжская и Буланов.

Гурмыжская. Ну, уж теперь он сюда больше не заглянет. (Садится у окна.) А у тебя есть манера, есть тон; я, признаюсь, этого не ожидала.

Буланов (ходит, заложи руки назад). Все зависит, Раиса, от обстановки. Что я такое был у тебя? Нахлебник, самое фальшивое положение. Согласись сама, что нахлебнику очень трудно вести себя с достоинством.

Гурмыжская. Однако я на тебя сердита за вчерашнее.

Буланов. Ты, Раиса, поставь себя на мое место! Я так обрадовался!

Гурмыжская. На все есть форма, мой друг. Ты только представь себе, как ты меня оскорбил своим поведением! Что ты подумал обо мне? Как ты мог себе позволить! Репутация моя тебе известна. Вся губерния уважает меня, а ты...

Буланов (развязно целует ее руку). Прости меня!

Гурмыжская. Прощаю, мой друг, прощаю. Я вообще очень снисходительна, это мой недостаток. Но ты всегда уважай деликатность женщины, ее целомудренное чувство.

Буланов. Разумеется, я еще мальчишка. Что говорить! Но твоя любовь, твоя опытность помогут. Мне бы только установиться прочнее, посмотри, как я буду себя вести – я приберу в руки весь уезд. А что касается твоих интересов, Раиса, так уж поверь...

Гурмыжская. Верю, верю, мой милый. Поди прикажи позвать ко мне Аксюшу.

Буланов. Да, об этой девушке надо подумать.

Гурмыжская. Что об ней думать! Особенно тебе, мой друг! Это тебя совсем не касается. Ты уж теперь должен совершенно забыть о ней. Она убежала ночью из дому, от нее надо избавиться.

Буланов. Она была у брата, Геннадия Демьяныча; он всю ночь декламировал ей монологи.

Гурмыжская. Ты почему знаешь? Погляди мне в глаза, погляди!

Буланов. Я видел, проходя мимо беседки.

Гурмыжская. Я тебе верю. Но все-таки она оставаться здесь не может.

Буланов (с улыбкой). Ты начинаешь принимать предосторожности.

Гурмыжская. Не лишнее, мой друг: ты еще так молод, что за себя отвечать не можешь, да и я не могу вполне на тебя надеяться.

Буланов. Да ведь нельзя ж ее на улицу выгнать, у нее нет никого. Ее бы выдать замуж.

Гурмыжская. Но чтоб выдать ее из нашего дома и чтоб это было прилично, нужно ей дать приданое. А с какой же стати я стану роскошничать для нее? что вдруг за щедрость такая!

Буланов. Само собой! Нет, уж теперь, пожалуйста, Раиса, никаких лишних расходов! Кабы кто взял ее без приданого.

Гурмыжская. О, тогда другое дело. Чего же лучше! И все конвенансы были бы сохранены, и издержек немного. Я была бы посаженной матерью, ты посаженным отцом; устроили бы у себя вечер, девишник, благословили бы молодых, и бог с ними. Все это было бы благодетельно и недорого.

Входит Аксюша.

Вот она сама. Поди, мой друг, поди!

Буланов уходит.

Явление четвертое
Гурмыжская и Аксюша.

Аксюша. Что вам угодно?

Гурмыжская (встает). Послушай, Аксюша, мне не хочется, чтоб ты обманывалась. Ты живешь здесь и, кажется, воображаешь, что это может вечно продолжаться. В твоём заблуждении виновата я: было одно время, когда я думала отдать тебя замуж за Алексея Сергеича. Теперь ты не должна и думать о нем.

Аксюша. Я и не думаю.

Гурмыжская. Я тебе не верю; но все равно. Очень скоро я увидела, что вы не пара. Я тебе скажу прямо: ты не стоишь этого человека. Тебе даже и мечтать о нем было бы глупо. Что же ты молчишь?

Аксюша. Я слушаю.

Гурмыжская. Такие женихи не по вас, моя милая! Я не знаю, может быть, он даже за тобой и ухаживал...

Аксюша. Может быть.

Гурмыжская. Но ты пойми, что это ничего не значит. Это просто прихоть, шалость. Может быть, и ты с ним кокетничала?

Аксюша. Нет, этого не может быть.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Положим; но я должна тебе сказать – уж приятно ли тебе будет, неприятно ли, это не мое дело – ты ему не нравишься. (Про себя.) Вот тебе, милая.

Аксюша. Очень рада.

Гурмыжская. Рада? Однако ты хитрая девушка, но меня перехитрить трудно. (Про себя.) погоди же, я тебя кольну почувствительнее. (Аксюше.) Я еще тебе скажу: ему нравится другая. Что? приятно тебе?

Аксюша. Что же мне за дело?

Гурмыжская. Ты не беспокойся, я ведь себя обмануть не дам! Он теперь не жених тебе, вы люди посторонние, и, следовательно, вам в одном* доме жить нельзя.

Аксюша. Как вам угодно.

Гурмыжская. Ты должна будешь оставить мой дом.

Аксюша. Когда прикажете?

Гурмыжская. Но куда же ты денешься?

Аксюша. Я очень благодарна вам* за ваши милости; но когда я оставлю ваш дом, я уж попрошу вас обо мне больше не беспокоиться.

Гурмыжская. Но, может быть, ты думаешь поселиться где-нибудь поблизости?

Аксюша (про себя). Старушка-то ревнует.

Гурмыжская. Что ты шепчешь? Может быть, ты переедешь в город?

Аксюша. Может быть.

Гурмыжская. Но это невозможно.

Аксюша. Отчего же? Ведь город, Раиса Павловна, не в ваших владениях.

Гурмыжская. Но это ужасно! Это очень близко.

Аксюша. Да, недалеко.

Гурмыжская. Послушай, Аксюша, милая, нет ли у тебя родных где-нибудь подальше; поезжай к ним, я тебя отправлю на свой счет. Я так боюсь за тебя, моя душа, Алексис такой ветреный мальчик.

Аксюша. Да, он очень ветрен.

Гурмыжская. Ты заметила?

Аксюша. Еще бы не заметить! И если б я только захотела...

Гурмыжская. Вот ты сама говоришь. Послушай, милая! Ну, поди ко мне поближе! (Обнимает ее.) Ну, сделай это для меня!

Аксюша. Для вас? Это дело другое, так бы вы и говорили. А то что вам за надобность беречь меня и смотреть за мной! Просто вы ревнуете. Вы знатная барыня, а я девочка с улицы, и вы ко мне ревнуете своего любовника.

Гурмыжская. Что за слова ты говоришь!

Аксюша. Ну да. Я говорю правду. Признайтесь хоть раз в жизни! А то вы всегда и для всех святая, а мы грешные.

Гурмыжская. Душа моя, я тоже женщина.

Аксюша. Признайтесь! Признайтесь, и я убегу от вас за тысячу верст.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Ты хочешь, чтоб я открыла тебе свою слабость? (Обнимает ее.) Да, я ревнива.

Аксюша. Мне только и нужно. Я уйду от вас далеко, далеко. (Хочет поцеловать ее руку.)

Гурмыжская. За что, за что, моя милая?

Аксюша. За хлеб-соль.

Гурмыжская. Ах, не надо, не надо! (Целует ее.) Дай бог тебе всякого счастья!

Аксюша. Я пойду собираться. (Уходит.)

Гурмыжская (садится у окна). Ну, слава богу, теперь все улажено, и я могу вполне наслаждаться своим счастьем. Сколько я перенесла неприятностей за эту глупую комедию с родственниками! И поделом. Но уж зато теперь я покойна совершенно. Алексис будет управлять имением, а я займусь только добрыми делами. Определю себе для этого сумму, конечно небольшую, и буду совершенно в своей сфере.

Входит Карп.

Карп. Геннадий Демьяныч желает вас видеть.

Гурмыжская. Скажи, что я...

Карп. Да они здесь-с; они никаких резонов не слушают.

Гурмыжская. Боже мой, опять!

Входит Несчастливцев в дорожном платье, снимает котомку и кладет в угол, туда же ставит палку.

Явление пятое

Гурмыжская, Несчастливцев, Карп.

Несчастливцев. Поди, Карп, и не пускай никого! Скажи, что мы заняты.

Карп. Слушаю-с. (Уходит.)

Гурмыжская. Какой костюм!

Несчастливцев. Дорожный. Мы пешие путешественники. Это пальто – мой старый друг и товарищ. В непогоду я в этом пальто бродил, как старый Лир, по степям Новороссии. Часто в бурную ночь я искал убежища, и меня принимали в этом пальто, принимали чужие теплее, чем родные. Прощайте!

Гурмыжская. Прощай, мой друг.

Несчастливцев. Два только слова, и более я вас не буду беспокоить никогда.

Гурмыжская. Я слушаю. (Берет колокольчик.)

Несчастливцев. Что это? Вы хотите позвонить? Рано еще. Дайте мне колокольчик! (Берет колокольчик.) Я сам позвоню, когда надо будет. Нам свидетелей не нужно. Напротив, тетушка, вы уж постарайтесь, чтоб к нам не вошел никто, а главное, Буланов, если только вам дорога его мизерная жизнь.

Гурмыжская. Хорошо, я не прикажу никому входить. (Про себя.) Ах, сон!

Несчастливцев. И прекрасно. (Ставит колокольчик на стол и садится на стуле подле стола.)

Гурмыжская (замечая свою коробку на столе). Коробка! Я ее забыла. (Самым ласковым тоном.) Послушай, мой друг Геннадий, будь так добр, потрудись передать мне эту коробку.

Несчастливцев. Не беспокойтесь! Ей и здесь хорошо.

Гурмыжская. Ну, если ты не хочешь, я сама встану за ней.

Несчастливцев (вынимает пистолет и кладет на стол). Не трудитесь!

Гурмыжская. Что ты делаешь? Это ужасно! Я могу умереть со страху.

Несчастливцев. Не бойтесь! Мы будем разговаривать очень мирно, даже любезно. (Рассматривая коробку.) Знаете что? Подарите мне ее на память.

Гурмыжская (с испугом). Ах!.. Нельзя, мой друг, тут важные бумаги, документы по имению.

Несчастливцев. Планы, купчие крепости, межевые книги? Как же они уберутся в такую коробку! Извините, я позволю себе полюбопытствовать. (Открывает коробку.)

Гурмыжская. Вот попытка!

Несчастливцев. Вы ошиблись, тут деньги. Злато, злато! Сколько через тебя злато! Ну, мы пока ее закроем. (Закрывает коробку.) Был один актер провинциальный, оскорбила его женщина, жена антрепренера; он смолчал, но не забыл обиды. Всю зиму он терпел; в последнее воскресенье на масленице у антрепренера был прощальный вечер для артистов. Слушайте, тетушка!

Гурмыжская. Слушаю.

Несчастливцев. По окончании вечера стали все прощаться, подходит и он к хозяйке: «Пожалуйте ручку», – говорит; та ему подала, он ей, тетушка, было палец и откусил прочь.

Гурмыжская. К чему ты мне это говоришь?

Несчастливцев. Разумеется, он поступил глупо. Я его знаю, он дурак. Можно было сделать умнее.

Гурмыжская. Зачем мне знать все это?

Несчастливцев. На всякий случай не мешает. Другой актер поступил гораздо умнее. У одной богатой помещицы был племянник, человек с благородною душой, но бедный. Вздумал он навестить свою тетку, которую не видал лет пятнадцать. Вот собрался издалека, шел пешком долго; приходит, его принимают по-родственному. Вдруг тетка узнает, что он актер, гонит его из дому, не простясь, срамит его перед людьми, перед дворней.

Гурмыжская. Ах, нет, Геннадий..

Несчастливцев. То есть, она думала так поступить, а вышло не так. Трагик Несчастливцев не позволит играть собой. (Открывает коробку.) Вот, во-первых, трагику Несчастливцеву нужны деньги на дорогу, неприлично ему от богатой тетки пешком идти. Потом, у вас живет бедная девушка. Ну, что хорошего, если она, живя у вас и пользуясь вашими благодеяниями, утопитя?

Гурмыжская. Что ты сочиняешь?

Несчастливцев. Я ее возьму с собой, и на ее долю нужно что-нибудь уделить. Потом, так как мы отказываемся от всякого наследства после вас, – это нам легко сделать, вы нам и так ничего не оставите, а оставите все гимназисту, – и за это нужно что-нибудь взять. (Считает деньги.)

Гурмыжская. Ты не томи меня; скажи, сколько тебе нужно?

Несчастливцев. Я великодушен. (Встает, берет в одну руку пистолет, а в другую коробку с деньгами и подает ее Гурмыжской.) Дайте сами.

Гурмыжская (поглядывая на пистолет). Напрасно вся эта комедия! Я тебе должна тысячу рублей; вот твои деньги! Но если ты нуждаешься...

Несчастливцев (берет деньги). Довольно! Милостыни не надо. Благодарю вас.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
(Прячет деньги.)

Гурмыжская. Ах, убери, пожалуйста, этот пистолет! У меня душа не на месте.

Несчастливцев. Да чего вы боитесь? Я ведь не Стенька Разин. В крайнем случае, если бы вы меня оскорбили очень, я бы убил этого гимназиста, а уж никак не вас. (Кладет пистолет в карман.) Ну-с, теперь вы меня, конечно, проводите честь честью. Мы позавтракаем и расцелуемся, как следует родственникам.

Гурмыжская. Да, разумеется.

Несчастливцев. Баринoм я сюда явился, баринoм и уеду, с честью. (Звонит в колокольчик.)

Входит Карп.

Пошли кого-нибудь поскорее в город нанять самую лучшую тройку до первой пароходной пристани. Да вот, братец ты мой, я уезжаю, так барыня приказывает поскорее собрать хороший завтрак. Подай вина получше, шампанского.

Карп. Слушаю-с. Завтрак готов.

Гурмыжская. Подай в столовую!

Несчастливцев. Позови Аркадия! (Гурмыжской.) Я его вам представлю на прощанье; вы не много потеряли, что я не познакомил вас прежде.

Карп. Сударыня, Иван Петров с сыном дожидаются-с.

Гурмыжская. Скажи, чтоб он подождал в столовой.

Карп уходит.

Извини меня, любезный друг, я тебя должна оставить не надолго.

Несчастливцев. Помилуйте! Между своими...

Гурмыжская. Мне нужно одеться. Я жду гостей. Поди в столовую, покушай на дорогу, я приду с тобой проститься.

Несчастливцев. Значит, мы расстаемся мирно. Вы на меня не сердитесь?

Гурмыжская. Нет, не сержусь; но мне кажется, что можно было бы тебе вести себя поделикатнее, я все-таки дама.

Несчастливцев. О, боже! Я вас оскорбил? Скажите, оскорбил я вас? Я не прощу себе. Я застрелюсь при ваших глазах. (Вынимает пистолет.)

Гурмыжская. Ах, нет, нет!

Несчастливцев. Нет, вы мне скажите, обидел я вас? О, я!..

Гурмыжская. Ах, нет, нисколько! напротив. (Уходит.)

Несчастливцев. Вот так-то лучше... Я уж теперь и сам не разберу, Несчастливцев я или Ротшильд.

Входит Счастливцев.

Явление шестое
Несчастливцев и Счастливцев.

Несчастливцев. Ну, Аркадий, теперь можно будет нам и отдохнуть. Денег, братец, у меня много. (Показывает пачку ассигнаций.) Поедем мы с тобой до Волги в хорошем экипаже, а потом на пароходе в первом классе.

Счастливцев. Геннадий Демьяныч, бесподобно! Ах, бесподобно! Уж как я комфорт люблю, кабы вы знали.

Несчастливцев. Сделают нам выгодные предложения, так мы с тобой примем), будем играть, а нет, так и не надо. Поедем в Нижний на ярмарку за бенефисом; да бенефис чтоб в начале августа, а в сентябре, шалишь, не возьму! Покутим, братец.

Счастливец. И уж товарища вам лучше меня не найти: я, знаете, я, Геннадий Демьяныч, рожден для такой жизни. А бедность что! В бедности-то всякий жить умеет; нет, ты умеи прожить деньги с эффектом;; тут много ума нужно, Геннадий Демьяныч!

Несчастливцев. А теперь, брат, пойдем, выпьем доброго вина, закусим на дорогу, по стакану, по другому шампанского.

Счастливец. Вот жизнь, Геннадий Демьяныч! Вот это я понимаю. А то что: пешком... сам себя презираешь. Не знаю, как вы, а я презираю такую жизнь. Я всегда за богатых людей. Кто шампанское пьет, хорошие сигары курит, тот и человек, а остальное – ничтожество. Так ведь, Геннадий Демьяныч?

Уходят в столовую. Входит Аксюша.

Явление седьмое
Аксюша, потом Петр и Несчастливцев.

Аксюша. Где же братец? (Заглядывает в дверь.) Он в столовой, и Петя там. Как бы его вызвать! Мне бы только хоть два слова сказать на прощанье, при людях неловко будет. (Тихо.) Петя! Петя! Услыхал, идет.

Петр тихо боком прокрадывается в дверь.

Петр. А, это ты?

Аксюша. Тише, ради бога, тише! Конечно дело, у братца денег нет; я еду с ним далеко и навсегда. (Берет его голову, прижимает к себе и целует.) Прощай! Ступай! ступай!

Петр. Едешь? Куда, зачем?

Аксюша. В театр, в актрисы.

Петр. Что ты, опомнись, с ума ты сошла!

Аксюша. Решено, решено. Ступай, ступай!

Петр. Что ты! У меня сердце упало, ровно кто меня камнем в грудь-то ушиб. А ведь я с тятенькой опять говорил.

Аксюша (робко и оглядываясь). Ну, что же?

Петр. Сначала, известно, два часа ругал без отдыха; потом говорит: «Хоть бы тысячу за тебя, дурака, дали».

Аксюша. Я на прощанье словечко закину тетеньке; а впрочем, надежды мало. Ну, ступай! (Целует его.) Прощай! Ужо не прощайся! Стыдно. Глазами только проводи, я на тебя все глядеть буду.

Петр. Ах ты, жизнь! Вот бы когда в омут-то с великим моим удовольствием.

Входит Несчастливцев.

Несчастливцев. А! Попались!

Аксюша. Братец, потише!

Петр уходит.

Одно слово, одно слово, братец! Утопающий за соломинку хватается. Попросите тетушку, может быть, она сжалится надо мной; теперь только тысячу рублей нужно, только тысячу.

Несчастливцев. А что ж в актрисы-то, дитя мое? С твоим-то чувством...

Аксюша (прилегая к нему, нежно). Братец... чувство... оно мне дома нужно.

Несчастливцев (басом). Поколебалась! Что на земле незыблемо теперь? Пойдем, меня ждет компания. Дай мне хорошенько вдохновить себя, а то я поговорю. (Уходит в столовую.)

Выходят Милонов, Бодаев и Карп.

Явление восьмое
Милонов, Бодаев, Карп, потом Гурмыжская и Буланов.

Карп. Пожалуйте-с! Они сейчас выдут.

Милонов. Что это у вас, Карпуша, нынче как-то особенно парадно?

Карп. Не могу знать.

Выходит Гурмыжская, очень нарядно и молодо одетая, под руку с Булановым.

Гурмыжская. Извините, господа, что я заставила вас ждать!

Бодаев. Да мы ничего и не ждали.

Милонов (целуя руку). Вы прекрасны. (Отходит и смотрит издали.) Прекрасны! Вы все молодеете.

Гурмыжская. Мне и нужно молодеть. Господа, я вас звала для подписания завещания, но обстоятельства несколько изменились. Я выхожу замуж. Рекомендую вам будущего моего мужа.

Милонов. Прекрасно! Прекрасно!

Бодаев. Я так и ожидал.

Гурмыжская (садясь). Прошу покорнейше садиться!

Милонов и Бодаев садятся.

Алексис, садись!

Буланов (целуя ее руку). Ах, Раиса, позволь, я буду стоять подле тебя.

Гурмыжская. Не правда ли, он мил? Господа, я вижу, что в душе вы осуждаете меня. Прежде выслушайте, потом судите. Господа, у меня оправданий много. Я была беззащитна, имение расстроено; я думала поручить управление племяннику; но он меня поразил, поразил... Знаете, какую он карьеру избрал? Он актер провинциальный...

Милонов. Ужас, ужас, ужас!

Бодаев. Что такое?

Буланов. О племяннике...

Бодаев. А? Ну, не мое дело.

Гурмыжская. И ведет жизнь самую беспорядочную. Он здесь, у меня; вы можете его видеть.

Милонов. А ваша племянница?

Гурмыжская. Я недовольна ее поведением. Что же мне оставалось делать? я вас спрашиваю. При всем моем желании остаться навсегда вдовой (томно) и даже отказаться совсем от света, я решилась пожертвовать собой. Я выхожу замуж, чтоб устроить имение и чтоб оно не досталось в дурные руки.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Милонов. Это геройский подвиг! Вы героиня!

Бодаев. Ну, какая героиня? Просто блажит.

Милонов. Давно бы вам, давно бы..

Гурмыжская. Ах, Евгений Аполлоныч, надо было найти человека. Это так трудно нынче, так трудно. Ведь это что за человек, кабы вы знали! (Нежно взглядывает на Буланова.) Ах, друг мой!

Буланов (целуя ее руку). Раиса, ты меня конфузишь.

Милонов (грозя пальцем). Только смотрите, Раиса Павловна, смотрите за ним хорошенько! Он так еще молод.

Гурмыжская. Ах, нет. Он дал мне клятву, страшную клятву.

Буланов. Господа, поверьте, что я постараюсь быть достойным той чести, которую мне делает Раиса Павловна, избирая меня своим супругом. Что касается интересов Раисы Павловны, то, господа, в самом скором времени само дело будет говорить за меня; вы увидите наше имение в цветущем положении.

Милонов. Каков? каков? Прекрасно, молодой человек, прекрасно!

Гурмыжская. Я вам говорила...

Бодаев. Все врет, все промотает.

Буланов. Господа, хотя я и молод, но я очень близко к сердцу принимаю не только свои, но и общественные дела и желал бы служить обществу. Поверьте, что вы найдете во мне самого горячего защитника наших интересов и привилегий.

Милонов. А вот мы жаловались, что людей-то нет. Для новых учреждений нужны новые люди, а их нет. Вот они!

Бодаев. Что ж, пожалуй; пусть служит, мы неразборчивы.

Буланов (пожимая плечами). Вот только года мои... я не понимаю, к чему эти стеснения! Если я чувствую себя способным...

Милонов. Ну, что ж, мы подождем годика два; а там и в управу или другую почетную должность найдем.

Гурмыжская. Господа, кушать сегодня мы будем поздно; а теперь можно по бокалу шампанского. Карп, подай шампанского.

Карп. Слушаю-с. Честь имею поздравить, сударыня. (Про себя.) Пойти оповестить! (Уходит.)

Милонов. Но откуда такой ум, такая сила в молодом человеке?

Гурмыжская. Ах, он много страдал, бедный! Мать его была богатая женщина, и он с детства был приучен к неге, к раболепству прислуги и всех окружающих; потом они обеднели, и он узнал страшную нужду. Ужасно! Он рожден повелевать, а его заставляли чему-то учиться в гимназии.

Входит Карп с бутылкой шампанского и бокалами. Все встают.

Милонов (принимая бокал). Все высокое и все прекрасное основано на разнообразии, на контрастах. Возьмем самые изящные сочетания в природе, и что ж мы видим? Суровый гранит и меланхолический плющ, несокрушимый дуб и нежную повилуку. И теперь перед нашими глазами: непоколебимая добродетель, житейская мудрость, укрепленная опытом, в союзе с нежной, молодой отраслью благородного питомника. Раиса Павловна, Алексей Сергеич! Желаю вам многолетней, безмятежной жизни, на радость вам, на утешение ваших друзей и на пользу всего окрестного населения до самых отдаленных пределов!

В столовой «ура!».

Гурмыжская. Что такое?

Карп. Геннадий Демьяныч изволят... за ваше здоровье.

Милонов. Господа, я не могу говорить: все прекрасное и все высокое заставляет молчать уста мои и вызывает горячие и обильные слезы на мои ресницы.

Гурмыжская (жмет ему руку). Благодарю, благодарю вас.

В столовой «ура!».

Бодаев (с бокалом). Поздравляю! Постарайтесь жить счастливо, и я первый буду очень рад! (Пьет.)

Гурмыжская. Покорно вас благодарю! (Буланову.) Какой грубый человек!

Садятся.

В столовой «ура!». Двери из столовой растворяются, выходит Несчастливцев, остаются в дверях Счастливец, Восмибратов, Петр и Аксюша.

Явление девятое

Гурмыжская, Милонов, Бодаев, Буланов, Несчастливцев, Счастливец, Восмибратов, Петр, Аксюша, Карп.

Несчастливцев. Тетушка, поздравляю! Замуж выходите? Время, тетушка, время! И для вас хорошо, и для родственников приятно. Это делает вам честь, а нам удовольствие. Я, с своей стороны, очень рад и одобряю ваш союз. (Обращаясь к дверям.) Господа, что же вы стали!

Счастливец и Восмибратов подходят.

Тетушка, рекомендую: друг мой, Аркадий Счастливец!

Гурмыжская. Очень приятно!

Милонов. Это ваш племянник?

Несчастливцев (Милонову). Честь имею рекомендоваться: Геннадий Гурмыжский. (Бадаеву.) Гурмыжский, Геннадий!

Милонов и Бодаев встают, подают ему руки и садятся.

Восмибратов (Гурмыжской). Доброе дело–с. Значит, по закону, как следует. Чего же лучше–с. Очень приятно–с.

Гурмыжская. Ну, как тебе, Иван Петрович, нравится мой жених?

Восмибратов. Ничего–с, жених во вкусе–с. Ежели насчет малоумия, так это от малодушества, со временем проходит–с.

Несчастливцев (Счастлицецу и Восмибратову). Господа, покорнейше прошу садиться. Тетушка, позвольте мне распорядиться, как дома. Карп, подай, братец, нам вина, да побольше! Ты не жалея; такие случаи редки, ведь тетушка не каждый год замуж выходит. (Садится с правой стороны.)

Там же садятся Счастливец и Восмибратов, Карп уходит. Продолжайте, господа, ваш разговор, мы вам не мешаем.

Милонов. Нам интересно вас послушать.

Несчастливцев. С величайшим удовольствием, господа. Мне очень приятно говорить в таком благородном обществе. Тетушка, вы счастливы, вы безмерно счастливы?

Гурмыжская. Да, мой друг, я счастлива.

Несчастливцев. В счастии человек делается добрее, благороднее. Не так ли я

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
говорю? Правда, господа?

Милонов. Совершенно справедливо; прекрасно, прекрасно!

Несчастливцев. Тетушка, у вас есть племянница, милое, кроткое создание; у ней есть тоже жених. Он не так красив и смел, как ваш, но она его любит. А вот его тятенька.

Гурмыжская. Знаю, мой друг.

Несчастливцев. Он, то есть тятенька, человек русский, господа, благочестивый, но по душе совершеннейший коканец и киргиз-кайсак. Он человек семейный, очень любит своих детей, любит женить сыновей; но непременно желает получить приданого тысячу рублей, по своей жадности и по своему невежеству.

Восмибратов. Это точно, барин, что по невежеству: только нам без этого невежества никак нельзя, потому на нем весь круг держится.

Несчастливцев. Вот, тетюшка, для вас прекрасный случай сделать доброе дело.

Гурмыжская. Ах, нет, нет. Что еще за новости! Оставьте, пожалуйста! Это не твое дело. Я и так издержала очень много, потом впереди большие расходы.

Буланов. Нам с Раисой теперь нельзя тратить ничего лишнего. Я хочу конный завод завести, пруды надо чистить, копать каналы.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Деньги невелики; но согласитесь, господа, что бывают обстоятельства...

Несчастливцев. Да зачем деньги? Довольно вашего благородного слова в присутствии вот этих господ.

Восмибратов. Для нас ваше слово лучше векселя.

Гурмыжская. Нет, нет! Это не деликатно даже, вдруг, при посторонних... Такое требование... Это насилие... У вас комплот!

Буланов. Да ты, Раиса, откажи решительно.

Гурмыжская. Ну, согласитесь, господа, ведь нельзя же так вдруг... Я решительно отказываю.

Несчастливцев. Так не дадите?

Гурмыжская. Извини, мой друг, не могу.

Несчастливцев (Восмибратову). Почтенный, скинь что-нибудь! Уважь! Уступи!

Восмибратов. Не расчет, барин. И то уж так, что из хорошего дома, а то бы и внимания не взяли.

Несчастливцев (встает). Тетушка, Раиса Павловна! Благодетельница рода человеческого! Не роняйте себя перед почтенным обществом! Не стыдите фамилию Гурмыжских. Я краснею за вас. У вас только и родных – я да она; она уж больше не попросит, а мне приданого не нужно. Гурмыжская не может отказать в такой сумме! Вы женщина богатая, что значит для вас эта малость! Я бедный труженик; но если б у меня были... (Ударяет себя в грудь.) А? Что такое? Да они есть. (Вынимает из кармана деньги.) Вот они! Признаться, не грех бы бедняге Несчастливцеву и покутить на эти деньги; не мешало бы ему, старому псу, и поберечь их на черный день.

Счастливцев (дергая ею за руку). Что вы делаете?

Несчастливцев. Молчи, Аркашка! Так не дадите?

Гурмыжская. Я уж сказала.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Несчастливцев. Ну, если богатая помещица отказывает бедной девушке в приданом, так не откажет бедный артист. (Аксюше.) Поди сюда, дитя мое!

Счастливец. А говорили, на тройке поедем! Вот тебе и тройка! Вот и на пароход.

Несчастливцев. Молчи, Аркашка!

Аксюша подходит.

Вот тебе, дитя мое! Бери!

Аксюша. Что вы, что вы, братец! Не надо!

Несчастливцев. Бери, говорят тебе! Я что задумал – не передумываю, что сделал – не переделываю.

Аксюша (обнимая его). Братец! Братец!

Карп приносит бутылку вина и стаканы и ставит на стол.

Несчастливцев. Ну, довольно; я могу заплакать; а это нехорошо, – стыдно.

Аксюша. Как мне благодарить вас?

Несчастливцев. Как благодарить? Скажи «спасибо», и все тут. Вот теперь выпьем! (Подходит к столу и наливает два стакана.)

Аксюша отдает деньги Петру.

Петр (отдавая деньги отцу). Извольте получить–с!

Восмибратов отходит к стороне и считает.

Гурмыжская (Несчастливцеву). Это очень великодушно с твоей стороны!

Несчастливцев. Надеюсь! Поди, Аркадий, выпей!

Счастливец подходит и пьет.

Гурмыжская (Аксюше). Я очень рада, моя милая, что так устроилось, и готова способствовать твоему счастью всем, чем могу; я даже не откажусь быть твоей посаженной матерью.

Аксюша кланяется.

Восмибратов. Много вами благодарны–с. Уж у нас, сударыня, без вас дело не обойдется. Вы у нас на свадьбе–с – пятьдесят процентов к приданому, вот как мы вас ценим. А уж банкет я сделаю для вашей милости, так месяца на два в городе разговору хватит. Пуцай по крайности знают.

Милонов (подходя к столу). Прекрасно, прекрасно! Ваш поступок надо напечатать в газетах.

Несчастливцев. Что тут за газеты! Давай выпьем брудершафт!

Милонов. Но, мой милый... нельзя же...

Несчастливцев. А не хочешь, не надо. Убирайся! Пошел прочь. Выпьем, Аркадий.

Милонов отходит.

Бодаев (Буланову). Кто он такой? А?

Буланов. Актер.

Бодаев. Актер? Ах, черт его возьми! Bravo, bravo! (Подходит к Несчастливцеву.) Вашу руку! То-то я слушаю, кто так хорошо говорит, благородно. Это такая редкость у нас. (Указывая на Счастливецва.) А он тоже актер?

Несчастливцев. Актер.

Бодаев. Он ничего не говорит?

Несчастливцев. Нет, говорит.

Бодаев. Что же он говорит?

Счастливцев. Скворцом свищу, сорокой прыгаю.

Бодаев. А, bravo, bravo! (Отходит и сейчас же возвращается к Несчастливцеву.) Я ему пенковую трубку подарю. Заходите ко мне, милости прошу.

Несчастливцев. Забавлять-то тебя? Шутов заведи! Давай брудершафт выпьем!

Бодаев. Что? Ха-ха-ха! Он забавный! (Отходит.)

Гурмыжская (Буланову). Его надо как-нибудь выжить; он бог знает что наделает.

Буланов. Вы, кажется, ехать собираетесь?

Несчастливцев. Давно я, брат, собираюсь.

Буланов. Так не пора ли вам?

Несчастливцев. Аркадий, нас гонят. И в самом деле, брат Аркадий, зачем мы зашли, как мы попали в этот лес, в этот сыр-дремучий бор? Зачем мы, братец, спугнули сов и филинов? Что им мешать! Пусть их живут, как им хочется! Тут все в порядке, братец, как в лесу быть следует. Старухи выходят замуж за гимназистов, молодые девушки топятся от горького житья у своих родных: лес, братец.

Гурмыжская (пожимая плечами). Комедианты.

Несчастливцев. Комедианты? Нет, мы артисты, благородные артисты, а комедианты – вы. Мы коли любим, так уж любим; коли не любим, так ссоримся или деремся; коли помогаем, так уж последним трудовым грошом. А вы? Вы всю жизнь толкуете о благе общества, о любви к человечеству. А что вы сделали? Кого накормили? Кого утешили? Вы тешите только самих себя, самих себя забавляете. Вы комедианты, шуты, а не мы. Когда у меня деньги, я кормлю на свой счет двух-трех таких мерзавцев, как Аркашка, а родная тетка потяготилась прокормить меня два дня. Девушка бежит топиться; кто ее толкает в воду? Тетка. Кто спасает? Актер Несчастливцев! «Люди, люди! Порождение крокодилов! Ваши слезы – вода! Ваши сердца – твердый булат! Поцелуй – кинжалы в грудь! Львы и леопарды питают детей своих, хищные вороны заботятся о птенцах, а она, она!.. Это ли любовь за любовь? О, если б я мог быть гиеною! О, если б я мог остервенить против этого адского поколения всех кровожадных обитателей лесов!»

Милонов. Но позвольте, за эти слова можно вас и к ответу!

Буланов. Да просто к становому. Мы все свидетели!

Несчастливцев (Милонову). Меня? Ошибаешься. (Вынимает пьесу Шиллера «Разбойники».) Цензуровано. Смотри! Одобряется к представлению. Ах ты, злокачественный мужчина! Где же тебе со мной разговаривать! Я чувствую и говорю, как Шиллер, а ты – как подъячий! Ну, довольно! В дорогу, Аркашка! Прощайте! (Кланяется всем.) Тетушка, пожалуйста ручку!

Гурмыжская (прячет руку). Ах, нет, нет...

Буланов. Позвольте ему, он скорее уйдет.

Несчастливцев. Не укушу, не бойтесь.

Милонов. Разумеется, не укусит.

Буланов. Разумеется...

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Гурмыжская. Ах, нет, вы не знаете.

Несчастливцев. О, люди, люди! (Идет в угол, надевает котомку.)

Аксюша помогает ему и целует его. Берет в руки палку.

Ну, Аркадий, мы с тобой попиروвали, пошумели, братец; теперь опять за работу!
(Выходит на середину сцены, подзывает Карпа и говорит ему с расстановкой и
внушительно.) Послушай, Карп! Если приедет тройка, ты вороти ее, братец, в
город; скажи, что господа пешком пошли. Руку, товарищ! (Подает руку Счастливцеву
и медленно удаляется.)

Не все коту масленница
Сцены из московской жизни
Сцена первая
ЛИЦА:

Дарья Федосеевна Круглова, вдова купца, 40 лет.

Агния, ее дочь, 20 лет.

Ермил Зотыч Ахов, богатый купец, лет 60.

Ипполит, его приказчик, лет 27-ми.

Маланья, кухарка Кругловой.

Бедная, но чистенькая комната. В глубине дверь в переднюю; слева от зрителей
дверь во внутренние комнаты; с той же стороны, ближе к зрителям, диван; перед
ним стол, покрытый цветною скатертью; два кресла. На правой стороне два окна с
чистыми белыми занавесками; на окнах цветы, между окон зеркало, ближе к зрителям
пятьцы.

Явление первое
Круглова (на диване); Агния (у окна грызет кедровые орехи).

Агния. Погода-то! Даже удивительно! А мы сидим. Хоть бы погулять куда, что ли!

Круглова. А вот, погоди, дай срок, сосну полчасика, пожалуй, погуляем.

Агния. Кавалеров-то у нас один, другой – обчелся, гулять-то не с кем.

Круглова. А кто виноват? Не мне же ловить для тебя кавалеров! Сети по улицам-то
не расставить ли?

Агния. Разве вот Ипполит зайдет.

Круглова. И то, гляди, зайдет; день сегодня праздничный, что ему дома-то делать!
Вот тебе и кавалер; не я искала, сама обрящила. Вольница ты у меня. Ты его как
это подцепила?

Агния. Очень просто. Шла я как-то из городу, он меня догнал и проводил до дому.
Я его поблагодарила.

Круглова. И позвала?

Агния. С какой стати!

Круглова. Как же он у нас объявился?

Агния. Позвала я его, да после. Стал он мимо окон ходить раз по десяти в день;
ну, что хорошего, лучше уж в дом пустить. Только слава.

Круглова. Само собой.

Агния. Все говорить?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Круглова. Да говори уж заодно.

Агния (равнодушно и грызя орехи). Потом он мне письмо написал с разными чувствами, только нескладно очень...

Круглова. Ну? А ты ему ответила?

Агния. Ответила, только на словах. Зачем вы, говорю, письма пишете, коли не умеете? Коли что вам нужно мне сказать, так говорите лучше прямо, чем бумагу-то марать.

Круглова. Только и всего?

Агния. Только и всего. А то что же еще?

Круглова. Много очень воли ты забрала.

Агния. Заприте.

Круглова. Болтай еще.

Входит Маланья.

Явление второе
Круглова, Агния, Маланья.

Маланья (говорит медленно). Шла я тут-то по вулице...

Круглова. Так что ж?

Маланья. Так он... Как его?

Круглова. Кто, он-то?

Маланья. Как, бишь, его?... В суседях-то...

Круглова. Что же?

Маланья. Да нешто их тут всех... Много их. Такой черноватый...

Круглова. Седой, что ли?

Маланья. Да, седой. Что я!.. А я черноватый...

Круглова. Ахов, что ли?

Маланья. Надо, что он... Ахов его... что ли. Большой такой...

Круглова. Среднего росту?

Маланья. Да, пожалуй, что и так.

Круглова. Ну, что же он? Проснись ты, сделай милость!

Маланья. Что проснись!.. Не походя я сплю, а когда время... так что кому!
Кланяйся, говорит.

Круглова. Немного ж ты сказала.

Маланья. Что ж мне еще говорить? (Уходит и сейчас же возвращается.) Да, забыла...
Зайду, говорит.

Круглова. Когда?

Маланья. Кто ж его... Мне почем знать? (Уходит и возвращается.) да! Из головы вон...
Нынче, говорит, зайду. Ахов он, что ли, прозывается? Черноватый такой...

Круглова. Седой весь?

Явление третье
Круглова и Агния.

Круглова. Нашу слугу Личарду только послом посылать. Растолкует дело, как по-писаному. Как начнет толковать, так точно у ней в голове-то жернова поворачиваются.

Агния. Этот ваш Ахов дядя Ипполиту?

Круглова. Да, дядя.

Агния. Вот придет, помешает нам гулять идти. Зачем это он?

Круглова. Кто ж его знает! Вот что значит богатый-то человек! Распостылый он мне, распостылый, а все-таки гость. Никакого мне от него барыша нет, и не ожидаю; а как ты ему скажешь, миллионщику: поди вон! Вот какое дело! И какая это подлость в людях, что завели такой обычай – деньгам кланяться! Вот поди ж ты. Отыми у него деньги, вся цена ему грош; а везде ему почет, и не то что из корысти, а как будто он в самом деле путный. Отчего это не скажут таким людям, что не надо, мол, нам тебя и со всеми твоими деньгами, потому как ты скот бесчувственный. Да вот не скажут в глаза. Женщины на это скорей; кабы только нам разуму побольше. И что это он к нам повадился?

Агния. Должно быть, влюблен.

Круглова. В кого?

Агния. Да я так думаю, в вас.

Круглова. Не в тебя ли?

Агния. Ну, какая я ему пара! А вы, маменька, в самый раз. Что ж, богатой купчихой будете. Чего еще приятнее?

Круглова. Да и кажется... Господи-то меня сохрани! Видела я, дочка, видела эту приятность-то. И теперь еще, как вспомню, так по ночам вздрагиваю. А как приснится, бывало, по началу-то, твой покойный отец, так меня сколько раз в истерику ударяло. Верить ты, как я зла на них, на этих самодуров проклятых! И отец-то у меня был такой, и муж-то у меня был еще хуже, и приятели-то его все такие же; всю жизнь-то они из меня вымотали. Да, кажется, приведишь только мне, так я б одному за всех выместила.

Агния. Уж будто бы?

Круглова. Уж потешила бы свою душеньку; да не приходится. А и то сказать: что хвастать-то! Душа-то у нас коротка, перед деньгами-то, пожалуй, и растаешь. Проклятые ведь они.

Агния. Особенно коли их нет.

Круглова. Ну, я спать пошла.

Агния. С богом.

Круглова уходит.

Явление четвертое
Агния, потом Ипполит.

Агния (взглянув в окно). Опять мимо ходит. Что это у них за манера. (Открывает окно и кланяется.) Что, вы потеряли что-нибудь?

Ипполит за окном: «Окромя сердца ничего-с».

Что же вы ходите взад и вперед? Отчего вы прямо не войдете?

Ипполит за окном: «Не смею-с».

Кого же вы боитесь?

Ипполит за окном: «Маменьки вашей».

Чего же ее бояться? Она спит.

Ипполит за окном: «В таком случае, сейчас-с».

Агния. Такой видный, красивый молодой человек, а какой робкий.

Ипполит входит. Он одет чисто и современно: с маленькой бородкой, довольно красив.

Еще здравствуйте!

Ипполит. Наше почтение-с.

Агния. А мы вас ждали; хотим вместе гулять идти. Вы пойдете?

Ипполит. Даже с великим моим удовольствием-с. (Оглядывается по сторонам.)

Агния. Да не бойтесь, не бойтесь; я вам говорю, что спит.

Ипполит. Не то, чтоб я боялся, а как, собственно, что без их приглашения.

Агния. Все равно, я вас пригласила.

Ипполит. Все равно, да не одно-с. А вдруг выдет сама да скажет: «непрошенные гости вон!» Со мной такие-то разы бывали. Однако, оно довольно конфузно-с.

Агния. Да разве можно? Что вы!

Ипполит. Очень можно-с; особенно если хозяин или хозяйка с характером. И пойдешь как не солоно хлебал; да еще оглядываешься, в затылок не провожают ли.

Агния (смеется). А вас провожали?

Ипполит. Кабы не провожали, так я бы про эту самую деликатность и не знал.

Агния. Да не может быть.

Ипполит. От образованных людей, конечно, ожидать нельзя, а по нашей стороне всего дождешься. Кругом нас какое невежество-то свирепствует, – страсть! Каждый хозяин в своем доме, как султан Махнут-Турецкий; только что голов не рубит.

Агния. Вы, должно быть, трус.

Ипполит. За что же такая критика?

Агния. Всего вы боитесь.

Ипполит. Совсем напротив-с; я так себя чувствую, что во мне даже отчаянности достаточно.

Агния. Против кого?

Ипполит. Против всех-с.

Агния. И против хозяина?

Ипполит. И хозяин тоже, если что не дело, так немного у меня возьмет. Тоже осаду в лучшем виде.

Агния. Да правда ли?

Ипполит. С тем возьмите.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Агния. Ну, смотрите же! Я трусов не люблю, я вам вперед говорю.

Ипполит. Зачем же-с! Конечно, я не в том звании родился, нас с малолетства героизму не обучают, а ежели взять на себя смелость...

Агния. Так берите ее почаще.

Ипполит. Такой ваш совет-с?

Агния. Да, мой совет. И не бойтесь моей маменьки.

Ипполит. Так точно все и будет в аккурате исполнено-с.

Агния. Ну, и прекрасно. И во всем меня так слушайтесь.

Ипполит. Да оно теперь и самое время вам учить меня.

Агния. Почему же?

Ипполит. Я чувствую, что я совсем потерянный, и даже в мыслях разбивка пошла, врозь.

Агния. Что же с вами случилось?

Ипполит. От чувств.

Агния. Скажите пожалуйста, какой вы чувствительный!

Ипполит. Я-то? Сам себе не рад, вот как-с! Только что складу в словах не знаю, вот одно.

Агния. А то что ж бы было?

Ипполит. Сейчас бы все стихами.

Агния. Ну, можно и без них обойтись.

Ипполит (берет с пальцев вышитую ленточку для закладки книги). Это вы для кого же сувенир-с?

Агния. Вам что за дело?

Ипполит. Значит, мы сейчас конфискуем.

Агния. Кто вам позволит еще?

Ипполит. А ежели без позволения-с?

Агния. Как, без позволения? За это к мировому.

Ипполит. А я мировому скажу, что на знак памяти.

Агния. В знак памяти просят, а не сами берут.

Ипполит. А ежели, в случае, от вас не дожدهшься-с?

Агния. Значит, вы не стоите. Положите опять на место.

Ипполит. Хоша на один день позвольте попользоваться.

Агния. Ни на один час.

Ипполит. Жестокости пошли.

Агния. А вот за эти слова, сейчас положите на место и не смейте трогать. Для вас и вышивала, а теперь не отдам.

Ипполит. А коль скоро для меня, имею полное мое право.

Агния. Никакого права не имеете. Подайте! (Хочет отнять ленточку.)

Ипполит (поднимая руку). Не достанете.

Агния. Вы думаете, у меня силы нет? (Хочет нагнуть его руку. Ипполит ее целует.) Это что еще? Как вы смеете?

Ипполит. Как есть, кругом виноват-с.

Агния. Стыдно вам! (Сидится к пальцам и опускает голову.)

Ипполит. Оно точно, что стыдно; конечно, что невежество с моей стороны, а только ежели утерпеть нет никакой возможности... Хоша я человек теперича не вполне, потому как живу в людях и во всем зависим, но при всем том, ежели я вам сколько-нибудь не противен, я вашей маменьке во всем могу открыться как должно.

Агния молчит.

Со временем тоже и я могу человеком быть, и по своему делу даже очень много противу других понятия имею.

Агния молчит.

Мне теперича ежели что страшно, так это, собственно, какое от вас мне решение выдет.

Агния молчит и еще более опускает голову.

Хоть одно слово.

Агния молчит.

Ужли же так, без внимания меня оставите? Имейте сколько-нибудь снисхождения! Может, не верите моим чувствам? Всею душою заверить вас могу. Кабы ежели я не чувствовал, разве б я смел...

Агния (потупившись). Ну, хорошо, я вам верю. А долго дожидаться, когда вы вполне человеком будете?

Ипполит. Когда хозяин настоящее жалованье положит.

Агния. Ну, вот тогда и скажете маменьке; я и сама тоже поговорю. (Весело.) А ленточку все-таки подайте!

Ипполит. Нет уж, теперь собственность.

Агния. Ну, как не собственность! Отыму ведь. Только вы смотрите, ежели опять...

Ипполит. Как можно-с!

Агния отнимает ленточку. Ипполит ее целует. Входит Круглова.

Явление пятое
Круглова, Агния, Ипполит.

Круглова. Что это за возня! Покою нет. Вот славно!

Агния (тихо вскрикивает). Ах! (Садится на стул за пальцами.)

Ипполит отходит в глубину комнаты и робко стоит у притолки.

Круглова. Что ж это такое?

Агния. Что? Ничего.

Круглова. Как ничего? Я своими глазами видела, как он тебя целовал.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Агния. Эка важность, поцеловал!

Круглова. По-твоему, это не важность?

Агния. Да, конечно. Вот, кабы укусил, это нехорошо.

Круглова. Ты в своем разуме или рехнувшись? А срам, стало быть, ничего?

Агния. Какой срам! Срам-то бывает у богатых; а мы, как ни живи, никому до того дела нет. И хорошо и худо, все для себя, а не для людей. Хорошо живи, люди не похвалят, и дурно живи, никого не удивишь.

Круглова. Извольте подумать, чем она занимается!

Агния. А вы думали, я все еще в куклы играю?

Круглова. Потихоньку-то от матери...

Агния. Да я и при вас, пожалуй.

Круглова. Стыдочку-то, стало быть, немного.

Агния. На что его нужно, на то он есть.

Круглова. А все-таки нехорошо, что мать-то не знает.

Агния. Знать-то вам нечего; еще ничего верного-то нет. Придет время, не беспокойтесь, скажем; мы этот порядок знаем.

Круглова. С тобой говорить-то, что больше, то хуже. Лучше бросить; а то еще, пожалуй, у тебя сама виновата останешься. А что правда, то правда: не вовремя вы христосоваться начали.

Агния. Вперед зачтите. Конечно, удержать себя можно; да для чего? Молодость-то наша и так не красна; чем ее вспомнить будет?

Круглова (Ипполиту). Ну, а ты? Разве я тебя за тем в дом-то пускаю? Хорош, хорош!

Ипполит. От меня оправданий не услышите.

Круглова. Такие вы люди, чтоб вам верить, как же! Пусти козла в огород!

Ипполит. Я теперича без слов, все одно, как убитый. На все ваша воля.

Круглова. Притворяйся сиротой-то. Вот я погляжу, что будет от тебя, а то и турну, брат.

Агния. Да будет вам!

Круглова. Не любите слушать-то?

Агния. Гулять пойдемте.

Круглова. Гулянье на уме-то?

Агния. Да уж довольно, маменька. Свое дело исправили, побранили, ну и будет.

Круглова. Ну, шут вас возьми, и то сказать. Собираться, видно, да гулять пойти.

Входит Ахов.

Явление шестое

Круглова, Агния, Ипполит, Ахов.

Ахов. Вот и я к тебе забрел, в твою хижину убогую.

Круглова. Милости просим! Благодарим, что не гнушаетесь.

Ахов. Не гнушаюсь, не гнушаюсь, Федосевна; цени это! Ждали ль такого гостя-то? (Поглядывает косо на Ипполита.)

Круглова. И ждали, и нет.

Ахов. Как же? Ведь я с твоей дурой-то приказывал вам, чтоб ждали.

Круглова. Да ведь слуга-то у нас антик; не дожدهшься ее, пока у ней язык-то поворотится.

Ахов (Агнии). Весело ль прыгаешь?

Агния. Понемножку.

Ахов. Что ж так? А ты живи веселей! Коли мать обижать будет, так ты мне на нее жалуйся.

Круглова. Просим покорно садиться.

Ахов (косясь на Ипполита). Сяду, сяду, не проси. (Садится на диван.)

Круглова. Чем потчевать прикажете, Ермил Зотыч?

Ахов. Погоди еще потчевать-то, дай гостям усесться хорошенько.

Круглова. Усаживайтесь.

Ахов. Усаживайтесь! Ты погляди сначала кругом-то! Уселся я, да порядку у тебя в доме нет; вот что!

Круглова. Не знаю, батюшка, что ты говоришь.

Ахов (Ипполиту). Ну!

Ипполит. Что, дяденька, прикажете?

Ахов. Не знаешь?

Ипполит. Что же вам будет угодно-с?

Ахов. Да ты приди в себя! Где ты?

Ипполит. У Дарьи Федосевны-с.

Ахов (передразнивая его). У Дарьи Федосевны! Знаю, что у Дарьи Федосевны. Значит, по-твоему, тебе здесь и надо быть?

Ипполит. Я в гости пришел-с.

Ахов. А я зачем?

Ипполит. Так полагаю, дяденька, что вы тоже-с.

Ахов. Ну, так ты мне компания или нет? Догадался теперь?

Ипполит. Чего же я должен догадаться-с?

Ахов. Что где хозяин, там тебе не место. Понял?

Ипполит. Понимаю-с.

Ахов. Ну, и, значит, поди вон!

Круглова. За что ж ты его гонишь?

Агния. Для нас гости все равны.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ахов. Много вы знаете! Не ваше это дело! (Ипполиту.) Ты, как завидел хозяина, так бежать должен; шапку не успел захватить, так без шапки беги. Был, да след простыл, словно тебя ветром сдуло с лица земли. Что ж, кому я говорю?

Ипполит. Но позвольте-с...

Ахов. За волосы, что ль, тебя вытащить отсюда?

Ипполит. Как же это можно-с? При дамах даже-с...

Ахов. При дамах! Очень мне нужно. Вытащу, да и все тут.

Ипполит. За что же такая обида-с? Я здесь на благородном счету-с.

Ахов (привстает). Пошел вон, говорят тебе.

Ипполит (берет шляпу). Ежели вы непременно того желаете...

Агния (Ипполиту). Струсил?

Ахов (топая ногами). Вон без разговору, вон!

Ипполит уходит.

Явление седьмое

Ахов, Круглова, Агния.

Ахов. У меня струсишь; у меня и не такой, как он, струсит.

Агния. Что же вы, страшны, что ли, очень?

Ахов. Не страшен я; страшен-то черт да еще пугало страшное на огороде ставят, ворон пугать. Говорить-то ты не умеешь! Не страшен я, а грозен. (Кругловой.) А ты еще усаживаешь да потчуеть при мальчишке-то!

Круглова. Чем он тебе помешал, не понимаю.

Ахов. Пора понимать; не за мужиком замужем-то была. Порядок-то тоже в доме был заведен; чай, ученье-то мужнино и теперь помнишь? Что за невежество!

Круглова. Никакого тут невежества нет. Да что ты, в самом деле, учить меня стал! Поздно уж, да и не нуждаюсь я.

Ахов. Да мне что? Живи, как хочешь; тебе же хуже.

Круглова. Прожила век-то как-нибудь, теперь уж немного доживать осталось.

Ахов. Да ты только рассуди, как ему с хозяином в одной комнате? Может, я и разговорюсь у вас; может, пошутить с вами захочу; а он, рот разиня, слушать станет? Он в жизни от меня, кроме приказа да брани, ничего не слыхивал. Какой же у него страх будет после этого? Он скажет, наш хозяин-то такие же глупости говорит, как и все прочие люди. А он знать этого не должен.

Круглова. Ну, уж где нам эту вашу политику понимать!

Ахов. Мы иногда сберемся, хозяева-то, так безобразничаем, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Так нам и пустить к себе в компанию приказчиков, чтоб они любовались на нас?

Круглова. Это уж твое дело.

Ахов. То-то я и говорю. Вот ты, как только меня увидала, прежде чем сажать-то меня да потчевать, вытолкнула бы его за дверь; и ему на пользу, да и мне приятнее.

Круглова. Чаем просить прикажете?

Ахов. Не хочу, обидели. Я к вам было всей душой, а вы меня уважить не хотели.

Круглова. Трудно угодить–то на тебя.

Ахов. Нет, ты постой! Уважать нас очень надобно. Особенное нам должно идти уважение супротив других людей. А почему так? Я тебе скажу, если не знаешь.

Круглова. Скажи, послушаем.

Ахов. Ты богатого человека, коли он до тебя милостив, блюди пуще ока своего. Потому, ты своего достатка не имеешь: нужда али что, к кому тебе кинуться? А второе: разве ты знаешь, разве тебе чужая душа открыта, за что богатый человек к тебе милостив? Может, он так только себе отвагу дает, а может, сурьёз!! Потому что для нашего брата, ежели что захотелось, дорогого нет; а у вас, нищей братии, ничего заветного нет; все продажное. И вдруг из гроша рубль. Поняла?

Круглова. Ну, не вдруг–то.

Ахов. А вот сейчас тебе... (Агнии.) Можешь ты меня поцеловать теперь, при матери?

Агния. Могу, коли захочу.

Ахов. Ну, так захоти, в накладе не будешь.

Агния. Да и барыша мне не надо; а чтоб только из пустяков лишнего разговору не заводить, извольте. (Целует его.)

Ахов (Кругловой). Видела?

Круглова. Что видеть–то? Я и не то видала. Чмокнуть–то губами невелико дело! Хошь бы тебя она теперь! Это что! Все равно, что горшок об горшок; сколько ни бей, а масла не будет. А то есть дело, которое совсем другого рода; тогда уж мать смотри только.

Ахов. Нет, ты слушай! Ведь богатство–то чем лестно? Вот чем: что захотел, что задумал только – все твое.

Агния. Ну, если б я знала, что вы так будете мое снисхождение понимать, ни за что б вас не поцеловала.

Ахов. Ты молчи, ты молчи! Худо ты не сделала. Нет, я говорю, коли вся жизнь–то... может, не одной даже сотни людей в наших руках, так как нам собой не возноситься? Всякому тоже пирожка сладенького хочется... А что уж про тех, кому и вовсе–то есть нечего! Ой, задешево людей покупали, ой, задешево! Поверишь ли, иногда даже жалко самому станет.

Круглова. Что капиталом–то гордиться!

Ахов. А то чем же? (Со вздохом.) Сила, Федосевна, сила!

Круглова. Ну, да что говорить!

Ахов. Ну, так вот ты и обсуди, да подумай одна на досуге, с подушкой; авось дело–то ладней пойдет. (Встает.) Ну, прощайте покудова. А вы ничего, я не сержусь.

Круглова. Ну, и ладно, коли не сердись. Что хорошего сердиться!

Ахов. Разумеется, как давно ты в бедности, так от настоящих порядков отвыкла; а дай тебе деньги–то, так ты опять.

Круглова. Еще бы.

Ахов. Так ты вникни, Дарья Федосевна! (Значительно.) Советую. Помни одно: никто, как бог! (Агнии.) Прощай, стрекоза!

Агния. Прощайте, Ермил Зотыч.

Ахов. Я ведь, пожалуй, и опять скоро. Меня к вам ровно что тянет... Конечно, что и

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e с вашей стороны нужно... Ну, да будет. Завтра придеть, что ль?

Круглова. Что за спрос? Да когда только тебе угодно!

Ахов. Ладно, ладно. (Тихо Кругловой.) Завтра приду.

Круглова. Да что за секрет!

Явление восьмое
Круглова, Агния.

Агния. Маменька, когда Ипполит придет, гоните его без милосердия.

Круглова. Не Ермила ли гнать-то?

Агния. За что его? Он чем виноват? Как же ему не возноситься, когда ему все покоряются.

Круглова. Ты что ни говори, а мне Ипполита жалко.

Агния. Что его жалеть-то; он не маленький. Кабы у него совесть, так он сам бы стыдился, что его жалеют. Какого маленького обидели! Видеть его не могу.

Круглова. Что так грозно?

Агния. Ну, будь он женат, да с женой здесь, каково бы ей бедной!

Круглова. Попробуй-ка с Ермилом-то сговорить.

Агния. Не канатом он с Ермилом-то связан, бросил да и пошел. А я было чуть не полюбила его, плаксу.

Круглова. У тебя, видно, сколько дней на неделе, столько и пятниц. Не успела полюбить, да уж и разлюбила.

Агния. Да таки и разлюбила.

Круглова. А я так больше полюбила.

Агния. Ну, и поздравляю.

Круглова. И тебе советую.

Агния. Ну, уж напрасно.

Круглова. Потому, что он добрый.

Агния. Противный, распротивный.

Круглова. Ахов лучше?

Агния. И сравнения нет.

Круглова. Уж куда как хорош! Ну, и целуйся с своим Аховым.

Агния. Да, разумеется, лучше, чем с Ипполитом.

Круглова. Тебе бы об этом прежде догадаться.

Агния. Не попрекайте, не попрекайте, я уж и то себя проклиная.

Круглова. Я тебя не попрекаю; а уж, по-моему, коли понравился человек, так и держись одного.

Агния. Как же не так; стоит он! Я еще вот что сделаю, я напишу ему, чтоб он не смел к нам и показываться. (Идет в другую комнату.)

Круглова. Что писать-то напрасно; только даром руки марать!

Агния. Совсем не напрасно. (Уходит.)

Круглова. Как не напрасно; ведь вот, погода немного, другое письмо писать примешься, что приходите поскорее.

Агния (из другой комнаты). Да ни за что, ни за что на свете.

Круглова. Поверю я, как же.

Агния. И не говорите лучше! Конец знакомству – вот и все.

Круглова. Посмотрим, сказал слепой. (Уходит.)

Сцена вторая
ЛИЦА:

Круглова.

Агния.

Ахов.

Ипполит.

Феона, ключница Ахова и дальняя родственница.

Маланья.

Декорация первой сцены.

Явление первое

Круглова (на диване), Феона (на кресле) пьют чай. На столе самовар. У двери стоит Маланья (подперши рукой щеку).

Круглова. Ты, Феонушка, от обедни?

Феона. От обедни, матушка.

Круглова. Где стояла?

Феона. В Хамовниках.

Круглова. А далеко ведь?

Феона. Конечно, что не моим бы ногам, только что усердие, так уж... (Ставит чашку.)

Круглова (наливая). Пей еще!

Феона. Выпью, не обессудьте.

Маланья. А вот... в лени живущим все тяжело, которые ежили себя опускают. Другой раз поутру-то... так тебя нежит-томит... ровно тебя опоили, плоть-то эта самая точно в рост идет, по суставам-то ровно гудет легонечко... Не токма, чтобы какое дело великое, что по христианству тебе следует, а самовар, и тот лень поставить... все бы лежала.

Феона. А ты, девушка, блажь-то с себя стряхивай, – старайся! В струне себя норови... а то, долго ль, и совсем одубеешь. У нас так-то было с одной – вся как свинцом налитая сделалась. Ни понятия, говорит, ни жалости во мне ни к чему не стало.

Маланья. Само собой, что грехи... наши; а то я... про что же!

Феона. Пожила бы ты у нашего Ермила Зотыча. Он еще до заутрени чаю-то напился.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Маланья. Ишь ты, как его...

Круглова. Что ж у него за дело – спешное?

Феона. Да какое дело, окромя, что ворчать ходить да чтоб не спали? Ненавистник! Уж очень он за свою хлеб-соль обидчик! Его куском-то подавишься; он им тебя раз десять в день-то попрекнет. Кричит: «Я вас кормлю да жалованье плачу», а чужой работы не считает. Ему, кажись, кабы можно из рабочего дня-то два сделать, так он был бы рад-радостью. Вот и бродит спозаранку, и по двору бродит, и по саду бродит, по сараям, по конюшням бродит. Потом на фабрику поедет, там тоже только людям мешает: человек за делом бежит, а он его остановит, ругать примется ни за что; говорит: для переду годится. А с фабрики приедет, с детьми стражается – вот и все наши дела.

Круглова. Ты мне не говори; свой такой же чадо был. Один, видно, их портной кроит. Одна разница: мой-то нас мучил, мучил, да чуть не с сумой оставил; а ваш-то зарылся по горло в деньгах, и счет потерял, так и завяз там.

Феона. Да что и деньги-то! Только грех один. Хорошо, как в руки попадут, а то, кто его знает, что у него на уме. Один сын бежал из дому, Николай Ермилыч-то.

Круглова. Давно ли?

Феона. Бежал, матушка; бежал к теще. Еще на той неделе съехал. И кроткий человек, а не стерпел. Веришь ты, исхудал весь, ходит, да так всем телом и вздрагивает. Да и жена его, женщина молодая, измаялась совсем; в слезах встает, в слезах и ложится. Все старик их наследством попрекает. «Смерти моей, говорит, желаете, денег дожидаетесь, воли вам мало? Подождите, говорит, подождите; я с своими копленьми не скоро расстанусь; прежде я вас жить поучу, за свое добро над вами покуражусь так, что вы и деньгам не обрадуетесь».

Маланья. А и аспид же он у вас.

Феона. Аспид, как есть аспид. (Ставит чашку на стол.) Благодарю покорно.

Круглова. А еще?

Феона. Нет уж, вволю напилась, сколько хотенья было. Еще дома, приду, пить буду. Что ж делать от скуки-то? А сама что ж не пьешь?

Круглова. Уж мы с Агничкой напились. Это я так, с тобой балую. Маланья, убирай чай!

Маланья принимает самовар, поднос с чашками и уходит.

Феона. А вот Гриша у нас, другой-то, матушка...

Круглова. Знаю, знаю.

Феона. Не таков, озорноват; видно, в батюшку удался.

Круглова. Его-то хоть любит ли?

Феона. Никак нельзя его, матушка, любить-то; очень уж нескладен, да и бестолков так, что не накажи господи! Одно только и знает, что отцу в ноги кланяться, а уж пить да буянить – другого не найдешь. От этого от самого-то око-зрение у него притупилось. Как приедет откуда пьяный или привезут его, глаза вытаращит, как баран, уставится в одну сторону и давай перед отцом лбом в пол стучать. Тот его простит, а он опять закатится. Что жалоб на него было, что за него денег плачено! Вот недавно задурил; привезли его, из каких теплых местов, уж не знаю, только связанного. И двое побитых с ним, да одного, говорят, в Москве-реке топил. Ну, нечего делать, заплатил отец побитым за изъян, а тонущего, и которые его из воды тащили, еще и вином напоили, окромя денег. И сослал его отец на фабрику, чтоб держали там взаперти до усмирения.

Круглова. Эки дела! Как богатые-то купцы живут! Не позавидуешь и богатству-то их.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
феона. Что, матушка, в нем завистного! В этом богатстве-то чужих слез больно много, вот они и отзываются – до седьмого колена, говорят.

Круглова. Значит, старик-то теперь один; то-то он и повадился ко мне ходить.

феона. Почитай, что один. Дом-то у нас старый княжеский, комнат сорок – пусто таково; скажешь слово, так даже гул идет; вот он и бродит один по комнатам-то. Вчера пошел в сумерки да заблудился в своем-то дому; кричит караул не благим матом. Насилу я его нашла да уж вывела. Это он со скуки к тебе бродит. Гришу-то опять с фабрики привезли, матушка, только больного. Доктор ездит, да еще старичок-раскольник ходит, живых линей ему к подошвам прикладывает. На фабрике-то у нас елехтор немец, Вандер, и такой-то злой пить, что, кажется, как только утроба человеческая помещает; и что ни пьет, все ему ничего, только что еще лучше, все он цветней да глазастей становится. Ну, а наш-то еще молод, и не перенес, и нашло на него ума помрачение. Стал выбегать на балкон да в мужиков из ружья стрелять. Само собой, что не своей волей он это творил. Может, они еще к нему в Москве приступили, да нам-то невдомек было. Стали, говорит, они кругом его сначала как шмели летать, а потом уж в своем виде показались, как им быть следует. И все-то он теперь от них прячется. Ох, пойти! А то сам-то, пожалуй, заругается.

Круглова. Посиди. Кто ж у вас делом-то правит?

феона. Племянник, матушка.

Круглова. Ипполит?

феона. Он, матушка, он, Аполит. И по конторе и по фабрике – все он.

Круглова. Каков он, парень-то, я давно у тебя хотела спросить.

феона. Мученик, матушка, одно слово. Страстотерпец. Один за всех дело делает, покою не знает; а кроме брани, себе ничего не видит.

Круглова. Не пьет он?

феона. И, что ты, матушка! Ни маковой росинки. А должно, что запьет, я так полагаю, надо быть, в скорости.

Круглова. Отчего так?

феона. Не стерпит, невозможно. У нас все одно: что честно себя содержи, что пьянствуй – все одна цена-то; от хозяина доброго слова не дождешься; так что за напасть, из чего себя сокращать-то. Прежде Аполит все-таки повеселее ходил, а теперь такой пасмурный, из всего видно, что запить собирается. Ну, и деньгами бьется, бедный; положения ему нет, а что даст хозяин из милости.

Круглова. Эко, бедный, а!

феона. Да ты что про него спрашиваешь-то? Аль сватаешь кого?

Круглова. А хоть бы и сватаю; разве дурное дело?

феона. Кто ж говорит. Уж ты не свою ли?

Круглова. Что ж, и моя невеста.

феона. Ну, вот дуру нашла; поверю я, как же! Что тебе за охота за подначального человека!

Круглова. Я и за хозяином была, да горе-то видела. Разумеется, попадетсЯ состоятельный человек, мы брезгать не станем.

феона. Зачем брезгать! Да оно и по всему видно, что твоей птичке в золотой клетке быть.

Круглова. Ах, феонушка, клетка – все клетка, как ты ее ни золоти.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
феона. Что-то наш старик уж очень стал твою дочку похваливать.

Круглова. Пуцай его хвалит, нам убытку нет.

феона. Что ж не похвалить! И всякий похвалит. Да блажной ведь он старичишка-то; говорит такое, что ему не следует. Ведь ему давно за шестьдесят, она ему во внучки годится. А он на-ко-поди, ровно молоденький.

Круглова. Что ты говоришь?

феона. Будто ты его не знаешь? От него все станется.

Круглова. Ну, где же!

феона. Да уж верно, коли я говорю. Не в первый раз ему Москву-то страмить. Он, было, и за богатеньких брался, ума-то у него хватило, да местах в трех карету подали; вот теперь уж другое грезит. «Изберу я себе из бедных, говорит, повиднее. Ей моего благодеяния всю жизнь не забыть, да и я от ее родных что поклонов земных увижу! Девка-то девкой, да и поломаюсь досыта».

Круглова. А ведь эти старики богатые только сами много мечтают о себе, а ума в них нет.

феона. Нет, матушка, нет, один форс. А собьют с него форс-то этот самый, так он что твоя ворона мокрая. Ай, батюшки! Засиделась я.

Круглова. Прощай, феонушка!

За сценой голос Агнии: «Ты не плачь, не тоскуй, душа-девица».

феона. Это дочка, чай?

Круглова. Агничка.

феона. Веселенькая какая, бог с ней.

Входит Агния.

Явление второе
Круглова, феона, Агния.

Агния. Здравствуй, бабушка.

феона. Здравствуй, родная! Что ж замолчала? Пой, день твой. Ты знаешь ли, что в тебе поет-то?

Агния. Что?

феона. Воля. А вот, придет время, бросишь песенки-то.

Агния. Да я в неволю не пойду.

феона. И рада б не пошла, да коли так предуставлено. Счастливо оставаться! Что вы меня не гоните! Прощайте! (Уходит.)

Агния садится к пядьцам и задумывается.

Круглова. Посоветуйся с матерью-то! Что ты все одна вздыхаешь! Я ведь тебе друг, а не враг.

Агния. Нет, маменька, боюсь расплачусь; а плакать что хорошего. (Работает.)

Круглова. Сказать тебе новость?

Агния. Скажите!

Круглова. Ты Ермилу Зотычу очень понравилась.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Агния. Ах! Убили!

Круглова (улыбается). Мое дело сказать тебе; а там уж, как хочешь.

Агния. Ну, да уж, конечно.

Круглова. Воли я с тебя не снимаю.

Агния (работая). Покорнейше вас благодарю.

Круглова. Деньги никому еще на свете не надоели.

Агния. Еще бы!

Круглова. А как их нет, так и подавно.

Агния. Что и говорить!

Круглова. Ну, и почет тоже что-нибудь да значит.

Агния. Само собой.

Круглова. Завидный жених.

Агния. И спорить нечего.

Круглова. Стар только.

Агния. Ничего.

Круглова. Да нравом лют.

Агния. Это у него, бог милостив, пройдет.

Круглова. Да что ты вздурилась, что ли?

Агния. А что?

Круглова. Я таких речей от тебя прежде не слыхивала.

Агния. И я от вас не слыхивала. Коли вы шутите, ну, и я шучу; коли вы серьезно, и я серьезно.

Круглова. Я пошутила, да уж и не рада стала. Кто тебя знает, ты мудреная какая-то!

Агния. А вы не шутите в другой раз.

Круглова. А ну, как он, в самом деле, присватается?

Агния. Уж будто вы и слов не найдете?

Круглова. Слов-то как не найти!

Агния. Так чего же вам еще?

Круглова. А если он тебя спросит, ты что скажешь?

Агния. Я девушка-ангел, я скажу: «как маменьке угодно!»

Круглова. Ну, и ладно.

Входит Ипполит.

Явление третье

Круглова, Агния, Ипполит.

Ипполит. Наше вам почтение-с.

Круглова. Здравствуй, голубчик.

Агния молча слегка кланяется.

Садись, что стоишь!

Ипполит (сажаясь). Собственно, мне некогда-с; в момент надо при деле быть. За получением еду.

Круглова. Подождут.

Ипполит. С вексельями ждут-то, а не с деньгами-с. Полчаса промешкал, и лови его в Красноярске.

Круглова. По-моему, уж лучше не заходить, коли некогда. Что за порядок: повернулся, да и ушел. Терпеть не могу.

Ипполит. По направлению пути должен был мимо вас ехать, так счел за невежество не зайти.

Круглова. Ну, спасибо и за то. Что новенького?

Ипполит. Старое по-старому, а вновь ничего-с.

Круглова. Жалованья просить скоро будешь?

Ипполит. Как его просить, коли и заикаться не велели. Вот, что дальше будет, посмотрю.

Круглова. И дальше то же будет, коли зевать будешь. Приставай к горлу – вот и все тут.

Ипполит. Не на таких я правилах основан-с.

Круглова. Как хочешь! Я тебе добра желаю.

Ипполит. А при всем том, я об вашем разговоре подумаю-с.

Круглова. Думай! Не все тебе малолетним быть! Что у тебя впереди-то?

Ипполит. Сулит большое награждение. Только, если на него надеяться, надо будет при своей мечте в больших дураках остаться.

Круглова. В дураках-то бы ничего, как бы хуже не было!

Ипполит. Конечно, я за собой наблюдаю, сколько есть силы-возможности; а другой, на моем месте, давно бы в слабость ударился и сейчас в число людей, не стоящих внимания, попал. В младенчестве на брань и на волосяную расправу терпимость есть, все это как будто приличное к этому возрасту. А ежели задумываешь об своей солидности и хочешь себя в кругу людей держать на виду, и вдруг тебя назад осаживают, почитай что в самую физиономию! Обидно!

Круглова. Разумеется, обидно.

Ипполит. Ты, по своим трудам, хочешь быть в уважении и по всем правам полным гражданином, и вдруг тебя опять же на мальчишеское положение поворачивают, тогда в душе большие перевероты бывают к дурному.

Круглова. А кто тебя держит? Ты ведь не крепостной у него.

Ипполит. А куда же я пойду-с? На триста рублей в год и в лавку? И должен я лет пять биться в самом ничтожном положении. Когда же я человеком буду во всей форме? Теперь все-таки одно лестно, что я при большом деле, при богатом дяде в племянниках. Все-таки мне почет.

Круглова. Где? В трактире?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ипполит. Хоша и в трактире.

Круглова. Ну, так сам виноват, нечего тебя и жалеть!

Ипполит. Может, он когда и войдет в чувство.

Круглова. Дождайся от него чувства-то!

Ипполит. Я так понимаю, что мне с него тысяч пятнадцать по всем правам следует.

Явление четвертое
Агния и Ипполит.

Агния. Зачем же вы мне лгали вчера, что вы не боитесь хозяина?

Ипполит. Да уж очень обидно признаться-то-с. Ну, и говоришь про себя, как лучше, чтоб тебя за человека считали.

Агния. Вы трус, да и лгун еще. По вашему характеру, денег вы от хозяина не дождетесь, а вернее всего, что он сам вас прогонит.

Ипполит. Помилуйте, за что же? В таком случае, против его невежества можно и самому невежливым быть.

Агния. Давно бы вам догадаться.

Ипполит. Нешто вооружиться!

Агния. Вооружайтесь!

Ипполит. Коли вы одобряете, так и будет-с. Коль скоро человек своего должного не понимает и слов не чувствует, надо ему на деле доказать, чтоб он от своего необразования сколько-нибудь очуствовался.

Агния. Чем же вы ему докажете?

Ипполит. Даже очень немногим-с. Вот и сейчас он в моих руках. (Показывает векселя.) Всему только делу остановка, что у меня совести довольно достаточно.

Агния. И хорошо, что ее достаточно. Человека бессовестного любить нельзя.

Ипполит. Хорошо, что вы мне это заранее сказали-с.

Агния. А вы не знали?

Ипполит. Почем же я могу ваш характер знать-с! Обыкновенно у женщин больше такое понятие-с, что хоть на разбой ходи, только для нее и для дому будь добычник.

Агния. Я воров не люблю, а другие, как хотят – не мое дело.

Ипполит. Значит, только из одного того, чтоб любовь вашу заслужить?

Агния. Не говорите мне о любви, пожалуйста!

Ипполит. Почему же так-с?

Агния. Я не хочу мальчика любить. Какой вы мужчина?

Ипполит. По вашим словам, я самый ничтожный человек-с...

Агния. Это ваше дело.

Ипполит. Ото всех в презрении.

Агния. Кто ж виноват?

Ипполит. Вместо того, чтоб мне от вас утешение...

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Агния. Вас станут бить, как мальчишку, а я должна вас утешать! Да с чего вы выдумали?

Ипполит. Кто же меня пожалеет-с?

Агния. Мне-то что за дело! Смеяться над вами, а не жалеть.

Ипполит. После этого уж только помирать остается на моем месте.

Агния. Конечно, лучше.

Ипполит. Стало быть, вы обо мне очень низкого понятия?

Агния. Очень.

Ипполит. Однако, такой удар от вас! Я даже, как его перенести, не знаю.

Агния. Очень рада.

Ипполит. И никакого, значит, к человечеству снисхождения?

Агния. И не ждите.

Ипполит. Однако же, влетел я ловко! Вот так обман для моих чувств! Ошибался я в своей жизни...

Агния (отирая слезы). Не вы ошиблись, я ошиблась. Уйдите, пожалуйста! Уйдите, говорят вам. Стыдно мне, взрослой девушке, не уметь людей разбирать. Меня никто не тянул к вам.

Ипполит. Но позвольте мне в свое оправдание...

Агния. Подите, подите!

Ипполит. Но, однако, хоть малость пожалейте!

Агния. Послушайте! Нынче же выпросите себе у хозяина хорошее жалованье или отходите от него и ищите другое место! Если вы этого не сделаете, лучше и не знайте меня совсем, и не кажитесь мне на глаза!

Ипполит. Это уж от вас последнее слово-с?

Агния. Последнее.

Ипполит. Ну, так я знаю, что мне делать-с. Я эту штуку давно в уме держу.

Агния. Делайте, что хотите, только честно.

Ипполит. Это я не знаю, там сами рассудите. Опосля, хоть голову с меня снимите, только я от своего не отступлюсь.

Агния. Ваше дело.

Ипполит. Так прощайте-с!

Агния (кланяясь). Прощайте.

Ипполит. Стало быть, прощанье сухое будет?

Агния. Это что еще?

Ипполит. Хоша ручку-с.

Агния. Ни одного пальчика.

Входит Круглова.

Явление пятое

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Круглова, Агния, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит (Кругловой). Поддержите-с!

Круглова. В чем?

Ипполит. Хочу с хозяином войну начинать.

Агния. Не заплачьте перед хозяином, вместо войны-то!

Ипполит. Что за насмешки-с! Нет уж, теперича душа моя горит.

Круглова. Да я-то тут при чем? Не понимаю, голубчик.

Ипполит. Чрез полчаса я вам объясню в точности.

Входит Маланья и молча вздыхает.

Агния. Каких чудес не бывает!

Ипполит. Да уж докажу себя перед вами.

Маланья. Дединька идет.

Круглова. Какой дединька?

Маланья (вздыхая). Сединький.

Ипполит. Уж не хозяин ли?

Маланья. Должно, что хозяин. Да он и есть; что я говорю-то. (Уходит.)

Ипполит. Вот было попался.

Круглова. Пройди чрез мою комнату, и не встретитесь.

Ипполит уходит в комнату Кругловой. Круглова встречает в передней Ахова и входит вместе с ним.

Явление шестое

Круглова, Агния, Ахов.

Круглова. Пожалуйте, Ермил Зотыч! Милости просим!

Агния кланяется.

Ахов. Да! Милости просим! Милости просим! За что нас везде любят? Везде: «милости просим!»

Круглова. Ты думаешь, за богатство за твое?

Ахов. Притворяйся еще! Что ни толкуй, Федосевна, а против других отличка есть?

Круглова. Ну, само собой.

Ахов. Бедный человек пришел, хочешь – ты им занимаешься, хочешь – прогонишь, а богатый хоша бы и невежество сделал, ты его считаешь. (Указывая на Агнию.) Работает?

Круглова. Работает.

Ахов. Да! Это хорошо.

Круглова. Для скуки.

Ахов. А много ль ей годов? Все я не спрошу у тебя.

Круглова. Двадцать лет.

Ахов. Еще не стара. (Тихо.) Об женихах думает?

Круглова. Ну, какие женихи без приданого?

Ахов. Таким бог невидимо посылает.

Круглова. Что-то не слышать.

Ахов. Нет, ты не говори, бывает... за добродетель. Особенно, которые кроткие, покорные, вдруг откуда ни возьмется человек, чего и на уме не было, об чем и думать-то не смели.

Круглова. Бывает-то бывает, да очень редко.

Ахов. Молиться нужно хорошенько, – вот и будет.

Круглова. Да и то молимся.

Ахов. К Пятнице Парасковее ходила?

Круглова. Ходила.

Ахов. Ну, и жди. Только ты уж с покорностью; посватается человек, особенно с достатком, сейчас и отдавай. Значит, такое определение. А за бедного не отдавай.

Круглова. Что за крайность!

Ахов. Мало ли дур-то! Выдать недолго, да что толку! Есть и такие, которые совсем своего счастья не понимают через гордость через свою.

Круглова. Мы не горды.

Ахов. Да чем вам гордиться-то! Богатый человек, ну, гордись, превозносись собой: а твое дело, Федосевна, только кланяться. Всем кланяться, и за все кланяться, что-нибудь и выкланяешь, да и глядеть-то на тебя всякому приятнее.

Круглова. Спасибо за совет! Дай бог тебе здоровья.

Ахов. Верно я говорю. Ты сирота и дочь твоя сирота; кто вас призрит, ну, и благодетель, и отец родной, ну, и кланяться тому в ноги. А не то, чтобы, как другие, от глупости чрезмерной, нос в сторону от благодетелей.

Круглова. Да уж не учи, знаю.

Ахов. Ты-то знаешь, тебе пора знать; тоже школу-то видела при покойном. Страх всякому человеку на пользу; оттого ты и умна. А вот молодые-то нынче от рук отбиваются. Ты свою дочь-то в страхе воспитывала?

Явление седьмое
Агния, Ахов.

Ахов. Ну, об чем же мы с тобой говорить будем?

Агния. Об чем хотите.

Ахов. Ты закон знаешь?

Агния. Какой закон?

Ахов. Обыкновенно, какой, как родителей почитать, как старших?

Агния. Знаю.

Ахов. Да мало его знать-то, надобно исполнять.

Агния. Я исполняю: я все делаю, что маменьке угодно, из воли ее не выхожу.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ахов. Вот так, так. Что мать только тебе скажет, от самого малого и до самого большого...

Агния. Да, от самого малого и до самого большого...

Ахов. Вот за это люблю.

Агния. Покорно вас благодарю.

Ахов. Да еще как люблю-то! Ты не гляди, что я стар! Я ух какой! Ты меня в скромности видишь, может, так обо мне и думаешь; в нас и другое есть. Как мне вздумается, так себя и поверну; я все могу, могущественный я человек.

Агния. Приятно слышать.

Ахов. Ты слыхала ль, что есть такие старики-прокураты, что на молоденьких женятся?

Агния. Как не слыхать! Я слыхала, что есть такие и девушки, которые за стариков выходят.

Ахов. Ну, да это все одно.

Агния. Нет, не все одно. Старику приятно жениться на молоденькой, а молоденькой-то что за охота?

Ахов. Ты этого не понимаешь?

Агния. Не понимаю.

Ахов. Ну, я тебе растолкую.

Агния. Растолкните!

Ахов. Вот ты, например, бедная, а пожить тебе хочется; ну, там, как у вас, по-женски? Салоп, что ли, какой али шляпку, на лошадях на хороших проехать, в коляске в какой модной.

Агния. Да, да. Ах, как хорошо!

Ахов. Ну, вот то-то же! Я душу-то твою всю насквозь вижу; что на уме-то у тебя, все знаю. Вот и думаешь: «выйду я за бедного, всю жизнь буду в забвении жить; молодой да богатый меня не возьмет; дай-ка я послушаю умных людей да выйду за старичка с деньгами». Так ведь ты рассуждаешь?

Агния. Так, так.

Ахов. «Старик-то мне, мол, за любовь мою и того, и сего». (Очень серьезно.) Какие подарки делают! Страсть!

Агния. Неужели?

Ахов. Тысячные, я тебе говорю, тысячные! Еще покуда женихами, так каждый вечер и возят, и возят!

Агния. Вот жизнь-то!

Ахов. Да это еще что! А как женится-то, вот тут-то жене житье, тут-то веселье!

Агния. Да, да.

Ахов. Что? лестно?

Агния. Как же не лестно! Ни горя, ни заботы, только наряжайся.

Ахов. Весело небось?

Агния. Очень весело. Да и то еще приятно думать, что вот через год, через два

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e муж умрет, не два же века ему жить; останешься ты молодой вдовой с деньгами на полной свободе, чего душа хочет.

Ахов. Ну, это ты врешь; сама, может, прежде умрешь.

Агния. Ах, извините!

Ахов. Ты все хорошо говорила, а вот последним-то и изгадила. Ты этого никогда не думай и на уме не держи. Это грех, великий грех! Слышишь?

Агния. Я и не буду никогда думать; это так, с языка сорвалось. Я стану думать, что молодые прежде умирают.

Ахов. Да, ну вот так-то лучше.

Агния. Вы, пожалуйста, этого маменьке не говорите.

Ахов. Что, боишься?

Агния. Боюсь.

Ахов. Это хорошо. Страх иметь – это для человека всего лучше.

Агния. А вы имеете?

Ахов. Да мне перед кем? Да и не надо, я и так умен. Мужчине страх на пользу, коли он подначальный; а бабе – всякой и всегда. Ты и матери бойся и мужа бойся, вот и будет тебе от умных людей похвала.

Агния. Чего лучше.

Входит Круглова.

Явление восьмое

Агния, Ахов, Круглова.

Ахов. Ну, теперь я вас понял обеих, что вы за люди.

Круглова. И слава богу, Ермил Зотыч.

Ахов (встает). Я теперь у вас запросто; а уж к вечеру ждите меня гостем, великим гостем.

Круглова. Будем ждать.

Ахов. Ты не траться очень-то! Зачем?

Круглова. Это уж мое дело.

Ахов. Думала ли ты, гадала ли, что я тебя так люблю?

Круглова. И во сне не снилось.

Ахов. Ну, прощайте! Покуда что разговаривать! Будет время. (Агнии.) Прощай, милая!

Агния. Прощайте, Ермил Зотыч!

Ахов и Круглова подходят к двери.

Ахов. А дочь у тебя умная.

Круглова. И я ее хвалю.

Ахов. А ведь другие есть... наказание! Мать свое, она – свое. Никому смотреть не мило. (Агнии.) Слушай ты меня! Коли что тебе мать приказывает, – уж тут перст видимый!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Агния. Конечно.

Ахов. Ну, прощайте! (Уходит и возвращается.) Ты каким это угодникам молилась, что тебе такое счастье привалило?

Круглова. За простоту мою.

Ахов уходит.

Явление девятое
Круглова и Агния.

Круглова. Была ль я жива, уж не знаю.

Агния. Кабы вы послушали, он мне тут горы золотые сулил.

Круглова. Про горы-то золотые он мастер рассказывать, а про слезы ничего не говорил, сколько его жена покойная плакала?

Агния. Нет, промолчал.

Круглова. А есть что послушать. Дома-то плакать не смела, так в люди плакать ездила. Сберется будто в гости, а сама заедет то к тому, то к другому, поплакать на свободе. Бывало, придет ко мне, в постель бросится да и заликает часа три, так я ее и не вижу; с тем и уедет, только здравствуй да прощай. Будто за делом приезжала. Да будет тебе работать-то!

Агния. И то кончила. (Покрывает работу и уходит.)

Входит Ипполит.

Явление десятое
Круглова, Ипполит, потом Маланья.

Ипполит. Скоро я слетал-с? А еще в Московский забежал, два полуторных коньяку протацил.

Круглова. Это зачем же?

Ипполит. Для куражу-с. Как на ваш взгляд-с, ничего не заметно?

Круглова. Ничего.

Ипполит. Ну, и ладно. А кураж велик! Выпил на полтину серебра, а смелости у меня рублей на десять прибыло, коли не больше.

Круглова. Купленная-то смелость ненадежна.

Ипполит. Коли своей мало, так за неволю прикупать приходится. Позвольте-ка я в зеркало погляжусь. (Оправляется перед зеркалом.) Ничего, все в аккурате. Прощайте-с! Может, со мной что неладно будет, так не поминайте лихом!

Круглова. Ты, в самом деле, глупостей-то не затевай!

Ипполит. Никаких глупостей! Однакож, и так жить нельзя. Давешние слова вашей дочки у меня вот где! (Ударяет себя в грудь.) Да вот что! Поберегите это покудова! (Подает толстый пакет.)

Круглова. Что это? Деньги?

Ипполит. Деньги-с.

Круглова. Не возьму, не возьму, что ты! Может, это хозяйские?

Ипполит. Не ваше это дело-с! Мои собственные.

Круглова. Еще с тобой в беду попадешь.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ипполит. Да помилуйте, нешто у меня духу достанет вам неприятное сделать! Я на себя не надеюсь, человек пьяный, отдам вам под сохранение на один час времени. А там мои ли, хозяйские ли, вам все одно.

Круглова. Не возьму.

Ипполит. Эх! Не понимаете вы меня. Я сейчас оставлю у вас деньги, явлюсь к хозяину: так и так, потерял пьяный. Что он со мной сделает?

Круглова. Ишь, что придумал! Нет, уж ты меня не путай!

Ипполит. Так, не возьмете?

Круглова. Ни за что на свете.

Ипполит. А коли так-с... (Громко.) Маланья, ножик!

Круглова. Что ты! Что ты!

Маланья подает нож и уходит.

Ипполит (берет нож). Ничего, не бойтесь! (Кладет нож в боковой карман.) Только и всего-с.

Круглова. Что от тебя будет, смотрю я.

Ипполит. А вот что-с! У вас рука легка?

Круглова. Легка.

Ипполит. Пожалуйста на счастье! (Берет руку Кругловой.) Только всего-с. Прощенья просим. (Уходит.)

Круглова. Напрасно мы его давеча подзадоривали на хозяина. Эти головы меры не знают: либо он молчит, хошь ты его бей, либо того натворит, что с ним наплачешься. Пословица-то эта про них говорится: заставь дурака богу молиться, так он себе лоб разобьет. (Уходит.)

Сцена третья
ЛИЦА:

Ахов.

Ипполит.

Феона.

Небольшая комната в доме Ахова, вроде кабинета, мебель дорогая и прочная.

Явление первое
Феона, Ипполит.

Феона. Войди, Аполит, войди!

Ипполит. И то войду. Что хозяин делает?

Феона. Спит покуда. Да хоть бы и не спал, не съест он тебя.

Ипполит. Знаю, что не съест. Толкуй еще!

Феона (вглядываясь). Что это ты, словно...

Ипполит. А что?

Феона. Да не в своем разуме?

Ипполит. Мудреного нет; потому как я запил.

феона. Слава богу! Есть чем хвастаться.

Ипполит. Ты еще погоди, то ли от меня будет.

феона. Не удивишь, брат, никого. Давно уж от тебя этого ожидать надо было.

Ипполит. По каким таким приметам?

феона. Потому задумываться ты стал не в меру.

Ипполит. Это я от любви, от чрезвычайной.

феона. А от любви разве не запивают, особенно, коли неудача, брат?

Ипполит. Мне-то неудача? Не надеюсь; потому, я по этим делам...

феона. Ну, да ведь уж как же! Держи карман-то шире! И не таких, как ты молодцов за нос-то водят.

Ипполит. Я даже внимания не возьму говорить-то с тобой об этом.

феона. Как тебе можно со мной разговаривать! Больно высок стал. Каким чином пожаловали, не слышать ли?

Ипполит. При чине я все при том же; а про любовь свою никому не объясню; это пущай в тайне сердца моего останется. Ежели кто может понимать, статья высокая.

феона. Ну, да. Принцесса какая-нибудь, гляди. Уж никак не меньше. А я так полагаю: богатые по богатым разойдутся, умные по умным; а вашему брату валежник останется подбирать.

Ипполит. Ни богатые, ни умные от нас не уйдут.

феона. Где уйти! Все твои будут, ты всех так и заполонишь. Одна твоя беда, умом ты у нас не вышел.

Ипполит. Это я-то?

феона. Ты-то.

Ипполит. Я так полагаю, что я никого на свете не глупее.

феона. Ну, какой в тебе ум? Делом тебе надо заниматься, а ты про любовь в голове держишь. И вся эта мечта твоя ни к чему хорошему не ведет, окромя к пьянству. Сколько еще в тебе, Аполитка, глупости этой самой, страсть! Учат тебя, учат, а все еще она из тебя не выходит.

Ипполит. Ну, все теперь твои наставления к жизни я слышал или еще что у тебя осталось?

феона. Да ведь что стене горох, что вам слова, – все одно; так что и язык-то трепать напрасно.

Ипполит. И как это довольно глупо, что ты говоришь. Ты что видела на свете? Кругом себя на аршин. А я весь круг дела знаю. Какие в тебе понятия к жизни или к любви? Никаких. Разве есть в тебе образование или эти самые чувства? Что в тебе есть? Одна закоренелость, только и всего. А еще ты меня учишь жить, когда я в полном совершенстве теперь и лет, и всего.

феона. Твое при тебе и останется.

Ипполит. Значит, всей этой материи конец; давай новую начинать! Сердит дяденька?

феона. Нет, кто его знает, что-то весел, брат. Все ходит да смеется.

Ипполит. Что за чудеса!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
феона. Да и то чудеса. Нагнал это сегодня из городу небельщиков, обойщиков; весь дом хочет заново переделывать. Бороду подстриг, сюртук короткий надел.

Ипполит. Что ж, он рехнулся, что ли? Под старость–то, говорят, бесятся.

феона. Есть что–то у него на уме; только кто его поймет! Темный он человек–то.

Ипполит. Да кому нужно понимать–то его! Пусть творит, что чуднее. У человека умного можно понять всякое дело, потому у него ко всему есть резон; а если у человека все основано на одном только необразовании, значит, он как во сне, кто же его поймет! Да мне уж теперь все одно, как он ни чуди.

феона. Отчего ж так?

Ипполит. Всему конец, – прощай навек!

феона. Неужто оставить нас хочешь?

Ипполит. И даже – так, что глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

феона. Что ты говоришь только! Нескладный!

Ипполит (печально качая головой). Черный ворон, что ты вьешься над моею головой!

феона. Да батюшки! В уме ли ты?

Ипполит. Всему конец, прости навек.

феона. Ах, Аполитка, Аполитка, хороший ты парень, а зачем это только ты так ломаешься? К чему ты не от своего ума слова говоришь, – важность эту на себя напускаешь?

Ипполит. Это много выше твоего разума. Есть люди глупые и закоснелые; а другие желают, в своих понятиях и чувствах, быть выше.

феона. Вот от глупых–то ты отстал, а к умным–то не пристал, так и мотаешься.

Явление второе
феона, потом Ахов.

феона. Гриша совсем рехнулся, вот и этот на линии, да и старик бесится. Сам рядится, дом отделявает, не нынче, так завтра, того и гляди, петухом запоет либо собакой залает. Эка семейка приятная! Рассадить их на цепь по разным комнатам, да и любоваться на них ходить. По крайности, дома свой зверинец будет; за деньги можно показывать.

Голос Ахова: «феона!»

Проснулся чадо–то.

Голос Ахова: «феона, ты здесь?»

Ну, заблудился никак опять! Здесь.

Ахов выходит.

Ахов. Что ты здесь делаешь?

феона. Одно у меня дело–то: сидеть да в пустой угол глядеть.

Ахов. Ну, так я тебе другое найду.

феона. Найди, сделай милость; одуреешь так–то.

Ахов. И чтоб это сейчас, одна нога здесь, а другая там. Ты вот снеси к Дарье Федосевне этот самый презент и скажи: мол, Ермил Зотыч приказали вам отдать в знак вашей ласки! Слышишь? Ты так и скажи: в знак вашей ласки! Ну, как ты скажешь, старая?

феона. Молодой! Авось не проповедь какая! Умею сказать-то!

Ахов. Да, может, они без внимания возьмут, так ты заставь их рассмотреть хорошенько.

феона. Да уж рассмотрим, рассмотрим; только давай!

Ахов (отдает коробочку). Ты их тычь носом-то хорошенько, чтоб чувствовали, что это, мол, денег стоит.

феона. Ну, еще бы.

Ахов. Тысячи стоит. Сами-то вы того, мол, не стоите, что вам дарят.

феона. Ну, да уж как же!

Ахов. Кажется, мол, можно чувствовать! Может, не почувствуют, так ты им объясни: что вот купил я, деньги бросил большие, так чтоб знали они... Что можно им дрянью какую подарить, и то они очень довольны будут, а что я вот что... Так чтоб уж... ну, в ноги не в ноги, а чтоб было в них это чувство: что вот, мол, как нас... чего мы и не стоим! Ты пойми! Чтоб я недаром бросил деньги-то, чтоб видел я от них, из лица из их, что я вот их вроде как жалую свыше всякой меры. А то ведь жалко денег-то, ежели так, безо внимания. Может, они в душе-то и почувствуют, да ежели не выкажут, так все одно, что ничего. А чтоб видел я в них это самосознание, что нестойкие они люди, и что я вот кому хочу, тому и даю, не взирая.

феона. Да уж пойдем, пойдем.

Ахов. А ежели начнут у тебя про меня спрашивать, выведывать что, так ты все к лучшему, и так меня рекомендуй, что я очень добрый. А ежели что про семью знают, так говори, что все от детей, что разбойники, мол, уродились; характером, мол, не в отца, а в мать, покойницу.

феона. Ну, уж не в мать.

Ахов. Ты чей хлеб ешь? Какое ты свое рассуждение иметь смеешь? Коли я тебе даю приказ, должна ты его исполнять?

феона. Да уж хорошо.

Ахов. Ну, и все, и ступай!

феона. Аполит у нас повредился.

Ахов. А кому печаль? Пушай его. Что ты мне об нем рассказываешь, коли я тебя не спрашиваю? Может, я не хочу его и в мыслях держать? Он теперича мне и вовсе не нужен. Я все дела кончаю, фабрику сдаю канпаньону, так, значит, на что ж мне Ипполит. Прогоню его, вот и конец. Нешто я долго с ним разговаривать стану? Эка велика птица твой Ипполит! Очень мне нужна до него! Ты свое дело делай, что тебе приказано, а с хозяином разговаривать не лезь, чего тебя не спрашивают. Очень мне интересно! Тебя с разговорами-то и по затылку можно. Пошла!

феона. Иду.

Ахов. Стой! Слышишь ты! Коли спросят, рекомендуй меня так, что я самый добрый человек.

феона. Слушаю. (Уходит.)

Ахов. Ипполита я сейчас же с двора долой. Потому мне теперь в доме таких скакунов держать не приходится. Больно они, подлецы, с бабами ласковы. И говорит-то с молодой бабой или девкой не так, как с прочими людьми. Язык-то свой точно петлей сделает, – так и опутывает, так и захлестывает, мошенник. А бабам-то любо; и скалят, и скалят зубыто на их рассказы. Я Ипполитку и к двору-то близко не подпущу. Они ведь, оглашенные, благодетелев не разбирают, им все одно. А тут это родство дальнее, десятая вода на киселе, еще хуже. Будь она ему просто хозяйка, он бы в другой раз и подойти не смел; а тут «тетенька» да

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e «тетенька». Да этак, глядя на них, в чахотку придешь. Нет, шабаш! С двора его долой!

Входит Ипполит.

Явление третье
Ахов, Ипполит.

Ахов. Ты зачем?

Ипполит. К вам, дяденька-с.

Ахов. Как же ты смеешь, коли я тебя не звал!

Ипполит. Стало быть, мне нужно.

Ахов (строго). А мне не нужно, так поди вон!

Ипполит. Но, однако, я желаю..

Ахов. Поди вон, говорят тебе!

Ипполит. Но, позвольте-с! Коль скоро я пришел...

Ахов. Коль скоро ты пришел, толь скоро и уйдешь.

Ипполит. Я не с тем, чтоб... а как собственно...

Ахов. Долго ты будешь разговаривать? Знай свое место, контору! Как ты смеешь лезть к хозяину! Разве у меня только делов-то, что ты? Видел я твою образину сегодня, и будет с меня! Значит, поди вон без разговору!

Ипполит. Нет, уж это надо оставить. Коль скоро я пришел, так уж вон не пойду.

Ахов. А вот я тебя за вихор.

Ипполит. Не то что за вихор, пальцем тронуть не позволю.

Ахов. Как! Ты бунтовать?

Ипполит. Хоша бы и бунтовать. Потому, главная причина, на это закон теперь есть и права.

Ахов. Какой для тебя закон писан, дурак? Кому нужно для вас, для дряни, законы писать? Какие такие у тебя права, коли ты мальчишка, и вся цена тебе грош? Уж очень много вы о себе думать стали! Написаны законы, а вы думаете это про вас. Мелко плавааете, чтобы для вас законы писать. Вот покажут тебе законы! Для вас закон – одна воля хозяйская, а особенно, когда ты сродственник. Ты поговорить пришел, милый? Ну, говори, говори, я слушаю; только не пеняй потом, коли солоно придется. Что тебе надо?

Ипполит. Я насчет жалованья.

Ахов. Какого жалованья? Ты по какому уговору жил?

Ипполит. Кто ж теперь себе враг, чтоб стал даром служить?

Ахов. Так не служи, кто тебя держит. Оно и пристойней тебе будет самому обратиться, пока тебя в три шеи не прогнали.

Ипполит. А это, что я жил, значит втуне?

Ахов. Да разве ты за деньги жил? Ты жил по-родственному.

Ипполит. А работал?

Ахов. Еще бы тебе не работать! На печи, что ль, лежать? Ты по-родственному служил, я по-родственному помогал тебе, сколько моей к тебе милости было. Чего ж

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
еще тебе?

Ипполит. Но напередки я на таком положении жить не согласен.

Ахов. Да напередки мне тебя и не нужно. Отдай завтра отчет и убирайся.

Ипполит. За всю мою службу я должен слышать от вас одно, что убирайся.

Ахов. Не хочешь убираться, так жди, пока метлами не прогонят. Это твоя воля.

Ипполит. А награждение-с?

Ахов. Ну, это я еще подумавши. За что это награждение? За грубости-то? Вас дяденька вон приглашают – а вы нейдете. И за это вам награждение?

Ипполит. Однако, обещали.

Ахов. Обещал посулить, да теперь раздумал. Аль ты мало наворовал, что награждения просишь?

Ипполит. Этому я не подвержен и морали брать на себя не хочу.

Ахов. Связался я с тобой говорить; а говорить мне тошно. Либо ты глуп, либо ты меня обманываешь. Русской пословицы ты не знаешь: воруй да концы хорони? Не знаешь? Поверю я тебе, как же! А коли, в самом деле, ты, живя у меня, ничего не нажил, так кто ж виноват! Цена вам, брат, всем одна, Лазарем ты мне не прикидывайся! На честность твою я, брат, не расчувствуюсь, потому ничем ты меня в ней не уверишь. Отчего вам хозяева мало жалованья дают? Оттого, что, сколько тебе ни дай, ты все воровать будешь; так хоть на жалованье хозяину-то выгоду соблюсти. А награждением вас, дураков, манят, чтоб вы хоть немножко совесть помнили, поменьше грабили.

Ипполит. Значит, вы, дяденька, и сами обманываете и желаете, чтоб вас обманывали? Жаль, поздно сказали. Но я был совсем на других правилах и по тому самому считаю за вами, по крайности, тысяч пятнадцать.

Ахов. Считаю больше, считай больше, уж все одно. Двух грошей медных я тебе, милый, не дам. Что я за дурак!

Ипполит. За всю мою службу мне от вас такой результат?

Ахов. Это что еще за слово дурацкое! Ты меня словами не удивишь!

Ипполит. Я не словами, я вам делом докажу, сколь много я против вас благороднее. (Подает Ахову деньги.)

Ахов. Ты это по векселям получил?

Ипполит. По векселям-с.

Ахов. Какое же тут твое благородство, коли это твоя обязанность?

Ипполит. Ваша обязанность мне за службу заплатить, а вы не платите, все одно и я на тех же правах. Деньги под сокрытие, а вам доложить, что потерял их, пьяный...

Ахов. Об двух ты головах, что ли?

Ипполит. Дело обмозговано, страшного нет-с. Даже, может, с адвокатами совет был. Действуй, говорят, оправим. Но не беспокойтесь, я сейчас рассудил, что не ко времени мне деньги. Потому, все тлен. Мне уж теперь от вас ничего не нужно; будете силой навязывать, так не возьму. Во мне теперь одна отчаянность действует. Был человек, и вдруг стала земля... значит, на что же деньги? Их с собой туда не возьмешь.

Ахов. Это правда, что не возьмешь. Только, ежели тебя связать теперь, так я полагаю, что дело будет вернее.

Ипполит. Теперича уж поздно меня вязать.

Ахов. Нет, я думаю, самое время.

Ипполит. Ошибетесь.

Ахов. Неужели? А что же ты сделаешь?

Ипполит (вынимает из кармана нож). А вот сейчас – раз! (Показывает на свою шею.) Чик – и земля.

Ахов (в испуге). Что ты делаешь, мошенник! Что ты, что ты! (Топают на одном месте ногами.)

Ипполит. Глаза закроются навек, и сердце биться перестанет.

Ахов. Вот я тебя! Вот я тебя! (Топают.)

Ипполит. Чем вы меня, дяденька, испугать можете, коли я сам своей жизни не рад. Умерла моя надежда, и скончалась любовь – значит, всему конец. Ха-ха-ха! Я теперича жизнь свою жертвую, чтобы только люди знали, сколь вы тиран для своих родных.

Ахов. А вот я людей кликну, да за полицией пошлю.

Ипполит. Невозможно. Потому, ежели вы с места тронетесь или хоть одно слово, я сейчас – чик, и конец.

Ахов. Что же ты со мной делаешь, разбойник? Ипполит, послушай! Послушай ты меня: поди разгуляйся, авось тебя ветром обдует. (Про себя.) С двора-то его сбить, а там режься, сколько душе угодно!

Ипполит. Нет, дяденька, эти шутки надо вам оставить; у нас с вами всурьез пошло.

Ахов. Всурьез?

Ипполит. Всурьез.

Ахов. Ну, а коли всурьез, так давай и говорить сурьезно. А я думал, ты шутишь.

Ипполит. Стало быть, мне не до шуток, когда булат дрожит в моей руке.

Ахов. Что ж тебе от меня нужно?

Ипполит. Разочтите, как следует.

Ахов. Как следует? Мало ли, что тебе следует? Ты говори толком.

Ипполит. Вот и весь будет толк! (Вынимает из кармана бумагу.) Подпишите!

Ахов. Что ж это за бумага? К чему это?

Ипполит. Аттестат.

Ахов. Какой такой аттестат?

Ипполит. А вот: что, живши я у вас в приказчиках, дело знал в точности, вел себя честно и благородно даже сверх границ.

Ахов. Все это тут и прописано?

Ипполит. Все и прописано. Жалованья получал две тысячи в год.

Ахов. Это когда же?

Ипполит. Так только, для видимости. Ежели я к другому месту...

Ахов. Да? Людей обманывать? Ну, пушай. Ничего – можно.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Ипполит. И по окончании, за свое усердие, выше меры, награждение получил
пятнадцать тысяч...

Ахов. Тоже для видимости?

Ипполит. Нет, уж это в подлинности.

Ахов. Да что в подлинности-то? Рублев пятьсот, чай, за глаза?

Ипполит. Все полным числом-с.

Ахов. Нет, уж это, брат, шалишь!

Ипполит. Ежели вы опять за свою политику, так ведь вот он! (Показывает нож.)
Сейчас – чик, и конец!

Ахов. Да что ты все – чик да чик! Наладил!

Ипполит. Отчаянность!

Ахов. Тысячу рублей – и шабаш! Давай подпишу.

Ипполит. Ежели мне моя жизнь не мила, так разве от тысячи рублей она мне
приятней станет? Мне жить тошно, я вам докладывал: мне теперь, чтоб опять в
настоящие чувства прийти, меньше пятнадцати тысяч взять никак невозможно; потому
мне надо будет себя всяческими манерами веселить.

Ахов. Ну, грех пополам! Давай руку!

Ипполит. Давайте пятнадцать тысяч без гривенника, и то не возьму.

Ахов. Этакую силу денег? За что?

Ипполит. За десять лет. Чужому бы больше заплатили.

Ахов. Само собой, что больше, да не вдруг. А вдруг-то жалко. Пойми! Пойми!

Ипполит. Извините, дяденька! Я теперь не в себе, понимать ничего не могу.

Ахов. Ну, возьми половину, а остальные завтра. Жаль мне вдруг-то. Понял?

Ипполит. Я вам говорю, что понимать ничего я не в состоянии, значит, пожалуйста
все сейчас!

Ахов. Ну, что с тобой делать! Давай бумагу!

Ипполит подает бумагу. Ахов подписывает.

Бери деньги! Да только ты почувствуй это! (Отсчитывает из денег, принесенных
Ипполитом.)

Ипполит (берет деньги и бумагу). Покорно вас благодарю.

Ахов. Благодарю хорошенько!

Ипполит. Чувствительнейше вам благодарен.

Ахов. Поклонись в ноги, братец!

Ипполит. Это уж зачем же-с?

Ахов. Сделай милость поклонись, потешь старика! Ведь ты мне какую обиду, какую
болезнь-то сделал! А поклонись, все мне легче будет.

Ипполит. За свое кланяться, где же это видано.

Ахов. Ну, я тебя прошу, сделай ты мне это почтение! Авось у тебя спина-то не
переломится?

Ипполит. Нет, право, дяденька, что-то стал чувствовать; к погоде, что ли, лом стоит, никак не согнешься.

Ахов. Разбойник ты, разбойник! Врешь ведь ты! Тебе ж хуже; не кланяйся родным-то, так и счастья не будет ни в чем.

Ипполит. Ну, уж мой грех, на себя и плакаться буду.

Ахов. Будешь, будешь. Мне твоя эта непокорность тяжелей, чем эти самые пятнадцать тысяч.

Ипполит. Что ж делать, дяденька, я и сам не рад, да не могу-с, потому к погоде, что ли...

Ахов. Ну, скажи ты мне теперь, на что тебе эти деньги. Ведь прахом пойдут, промотаешь.

Ипполит. Очень много ошиблись, я жениться хочу.

Ахов. Дело недурное; только ведь хорошую за тебя не отдадут. Разве по мне? Что дядя у тебя значит везде...

Ипполит. Надо думать, что по вас.

Ахов. Где же ты присвататься думаешь?

Ипполит. Чтoб далеко не ходить, тут, по соседству-с.

Ахов. Да тут, по соседству, нет.

Ипполит. Ежели поискать хорошенько, так найдется. Вот Круглова Агничка... Но сколь мила девушка!

Ахов. Ах ты, обезьяна! Ты у кого спросился-то?

Ипполит. Что мне спрашивать, коли я сам по себе.

Ахов. Да она-то не сама по себе. Ах ты, обезьяна.

Входит Феона.

Явление четвертое
Ахов, Ипполит, Феона.

Ахов. Ну, что?

Феона. Приняли, благодарить приказали.

Ахов. Рады, небось?

Феона. Еще бы! Ведь денег стоит. Придешь, так, гляди-ка, как благодарить станут. Агничка так и скачет, как коза.

Ипполит (Феоне). Зачем же это они такой моцион делают-с?

Феона. Запрыгаешь, как Ермил Зотыч подарок ей тысяч в пять отвалил.

Ипполит. Ежели только они пошли на деньги, нет слов, я убит.

Ахов (Феоне). Подай шляпу!

Феона (подавая шляпу). Ты не убит, а поврежденный в уме.

Ахов (Ипполиту). Бери шапку, пойдем! Я тебе всю твою глупость, какова она есть, как на ладони покажу.

Ипполит. Дяденька! Но куда вы меня ведете?

Ахов. К Кругловой.

Ипполит. Это значит, на лютую казню. Лучше расскажите меня здесь; но не страмите.

Ахов (берет его за руку). Нет, пойдем, пойдем!

Все уходят.

Сцена четвертая
ЛИЦА:

Круглова.

Агния.

Ахов.

Ипполит.

Маланья.

Декорация первой сцены.

Явление первое
Круглова, Агния (выходят из другой комнаты).

Круглова. Однако дело-то до большого дошло. Вот он какими кушами бросает; тут уж не шуткой пахнет.

Агния. Думать долго некогда, надо решать сейчас.

Круглова. Легко сказать: решать! Ведь это на всю жизнь. А ну, мы этот случай пропустим, а вперед тебе счастья не выйдет; ведь мне тогда терзаться-то, мне от людей покоры-то слышать. Говорят, не в деньгах счастье. Ох, да правда ли? Что-то и без денег-то мало счастливых видно. А и то подумаешь: как мне тебя на муку-то отдать? Другая бы, может, еще и поусумнилась: «может, дескать, ей за ним и хорошо будет, – может, он с молодой женой и переменится». А у меня уж такого сомнения нет, уж я наперед буду знать, что на верную тебя муку отдаю. Как же нам быть-то, Агничка?

Агния. Почем я знаю! Что я на свете видела!

Круглова. Да ведь твое дело-то. Что тебе сердчишко-то говорит?

Агния. Что наше сердчишко-то! На что оно годится? На шалости. А тут дело вековое, тут либо счастье, либо горе на всю жизнь. У меня, как перед бедой перед какой, я не знаю, куда сердце-то и спряталось, где его и искать-то теперь. Нет, маменька! Видно, тут, кроме сердчишка-то, ум нужен; а мне где его взять!

Круглова. Ох, и у меня-то его немного.

Агния. А вот что, маменька! Я никогда к вам не ластилась, никогда своей любви к вам не выказывала; так я вам ее теперь на деле докажу. Как вы сделаете, так и хорошо.

Круглова. Что ты, дочка! Так уж ничего мне и не скажешь?

Агния. Что мне говорить-то? Только путать вас! Вы больше жили, больше знаете.

Круглова. А бранить мать после не будешь?

Агния. Слова не услышите.

Круглова. Ах ты, золотая моя! Ну, так вот что я тебе скажу: как идти мне сюда, я у себя в спальне помолилась, на всякий случай; вот, помолившись-то, и подумаю.

Агния. Подумайте, подумайте; а я ожидать буду себе...

Круглова. Что тебе долго ждать-то, мучиться?..

Агния. Погодите, погодите, я зажмурую глаза. (Зажмуривает глаза.)

Круглова. Хоть весь свет суди меня, а я вот что думаю: мало будет убить меня, если я отдам тебя за него.

Агния. Ох, отлегло от сердца.

Круглова. Потому как ни мало я сама страдала, и опять, ежели взять старого или молодого, какая разница!.. Одно дело...

Агния. Ну, довольно, довольно! Уж я знаю, что вы скажете. (Целует мать.)

Круглова. А все-таки я рада, что он... Хоть посмеюсь вволю.

Входит Маланья.

Явление второе

Круглова, Агния, Маланья.

Маланья. Дединька сединький и с ним этот... как его, бишь... беловатый?

Агния. Не черный ли?

Маланья. И то; никак черный.

Круглова. Кто же это? Неужели Ипполит?

Маланья. Да он и есть... самый... Мне вдруг-то... затмило...

Круглова. Вот чудо-то! Вместе?

Агния. А вот увидим.

Маланья уходит. Входят Ахов и Ипполит.

Явление третье

Круглова, Агния, Ахов, Ипполит.

Ахов (чинно раскланиваясь). Здравствуйте! Опять здравствуйте!

Круглова. Пожалуйте, пожалуйста!

Ахов. Получили?

Круглова. Покорно благодарим, Ермил Зотыч.

Агния молча кланяется.

Покорнейше благодарим! Уж больно ты расщедрился! По нас-то уж это и дорого, кажись. (Кланяется.) Напрасно беспокоились.

Ахов (очень довольный). Хе, хе, хе! Как так напрасно?

Круглова. Да ведь, чай, дорого заплатил?

Ахов. Что ты мне поешь? Кому дорого, а мне нет. Не разорил я себя, не дом каменный вам подарил! Дрянь какую-то прислал, а ты уж и разохалась, что дорого.

Круглова. А коли для тебя дрянь, так нам же лучше; не так совестно принять от тебя.

Ахов. Совесть еще какую-то нашла! Чудно мне на вас! (Указывая на Ипполита.) Вот не жалуйтесь, что я его давеча прогнал, я его сам привел.

Круглова. Благодарим покорно! Прошу садиться!

Ахов. Он теперь важный человек стал; свои капиталы имеет.

Круглова. Да ведь и пора уж.

Ахов. А вы как об нем думали? Вы ведь, поди, чай, то же, что и все добрые люди, думали, что он мальчишка, никакого внимания не стоящий? Нет, уж теперь подымай выше!

Круглова. Да будет тебе его!.. Что в самом деле!

Ахов. А для чего ж я его с собой и взял-то! Без дураков ведь скучно. В старину хоть шуты были, да вывелись. Ну, и пущай он нас, заместо шута, тешит. А коль не хочет в этой должности быть, зачем шел? Кто его здесь держит?

Ипполит. Мне идти некуда-с. От вас обида мне не в диковину. А уж я подожду, когда здешние хозяйки меня полным дураком поставят, чтоб уж вдосталь душа намучилась.

Ахов. Ну, вот слышишь? Да коли вы хотите смеяться, так я вас не так рассмешу. Он жениться хочет. Нет ли у тебя невесты, Дарья Федосевна?

Круглова. Одна у меня невеста, другой нет.

Ахов. Не посадить ли нам их рядом?

Круглова. Отчего ж не посадить.

Ипполит. Помилуйте, за что же такие насмешки-с?

Агния (тихо). Садитесь, нужды нет.

Садятся рядом.

Ахов. Чем не пара?

Круглова. Да и то.

Ахов (Ипполиту). Посидел с невестой? Ну, и будет, пора честь знать.

Ипполит. Отчего же так-с?

Ахов. Оттого, что эта невеста слишком хороша для тебя, жирно будет.

Ипполит. Ничего не жирно-с; по моим чувствам, в самый раз.

Ахов. А ты у ней прежде спроси: нет ли у нее жениха получше тебя! (Агнии.) Говори, не стыдись!

Агния. Это как маменьке угодно.

Ахов. Что тут маменька! У ней, у старой, чай, от радости ушки на макушке.

Круглова. Не знаю, батюшка, Ермил Зотыч, об чем ты говоришь.

Ахов. Как, не знаешь? Ты сыми маску-то, сыми! (Указывая на Ипполита.) Ты его, что ль, совестишься? Так он свой человек; да и есть он тут или нет его, это все одно, по его ничтожеству. Сыми маску-то! Тебя ведь уж давно забирает охота мне в ноги кланяться, а ты все ни с места.

Круглова. Отчего не кланяться! Да за что? За какие твои милости?

Ахов (сердито). Не вовремя, да и не к месту твои шуточки. Аль ты от радости разум потеряла? Стар уж я шутить-то надо мной.

Круглова. Да мы не шутим.

Ахов. От меня поклону ждешь, так не дожدهшься. Что ты, как статуя, стоишь! Головы у вас в доме нет, некому вас прибодрить–то хорошенько, чтобы вы поворачивались попроворней. Кабы муж твой был жив, так вы бы давно уж метались по дому–то, как кошки угорелые. Что вы переминаетесь? Стыдно тебе кланяться, так не кланяйся: а все ж таки благослови нас как следует. Будешь икону в руках держать, так и я тебе поклонюсь, дожدهшься этой чести.

Круглова. Благословить–то не долго: только ты спроси, подымутся ль руки–то у меня! Я вот как рассудила, Ермил Зотыч; если дашь ты мне подписку, что умрешь через неделю после свадьбы, – и то еще я подумаю отдать дочь за тебя.

Ахов. Что вы! Нищие, нищие, одумайтесь! Ведь мне только рассердиться стоит да уйти от вас, так вы после слезы–то кулаком станете утирать. Не вводите меня в гнев!

Круглова. Сердись ты или не сердись, – твоя воля.

Ахов. Что с тобой? Тут чуда нет ли какого? Не упал ли тебе миллион с неба? Нет ли у тебя жениха богаче меня? Только ведь одно.

Круглова. Нет, не одно. Женихов у нас нет. Есть один парень на примете; только подняться ему, бедному, нечем. Кабы было у него дело верное, так отдала бы, не задумалась.

Ипполит (отдает Кругловой деньги). А вот позвольте вам предоставить для сохранности. Я нынче за всю службу гуртом получил–с. Теперь своим делом могу основаться–с.

Круглова. Ну, и чего ж еще лучше! Да тут много что–то.

Ипполит. Копейка в копейку пятнадцать тысяч.

Агния. Теперь можно и помириться с вами.

Ахов. Так вот на какие деньги вы пировать–то собираетесь! Вот на какие деньги польстились! Эти деньги чуть не краденые. Он у меня их сегодня выплакал да выкланял.

Ипполит. Не выкланял, а вытребовал, что должное за службу свою.

Ахов. Да тебе бы и в живых–то не быть. От напрасной смерти я тебя спас. Вижу, человек резаться хочет...

Ипполит. Помилуйте, дяденька, что вы! Как можно резаться?

Ахов. Так бы и зарезался. Ты как чумовой стал, перепугал меня до смерти.

Ипполит. Что вы, дяденька! Какой мне расчет резаться в моих таких цветущих летах?

Ахов. А зачем у тебя ножик был? Зачем ты его к горлу приставлял?

Ипполит. Игра ума.

Ахов. Разбойник! (Хочет взять его за ворот.)

Ипполит (отстраняя его). Позвольте–с! Чем я разбойник? Я чужого ни копейки. А нешто я виноват, что от вас добром не выпросишь!

Ахов. Не будет тебе счастья, не будет.

Ипполит. Что ж делать! Как–нибудь и без счастья одним уменьем проживем, дяденька.

Ахов. Не проживешь! Не проживешь! У тебя нету ни отца, ни матери, я тебе старший; я тебя прокляну; на внуках и правнуках отзовется.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Круглова. Полно! Что ты бога-то гневишь!

Ахов (Агнии). Брось ты его! Что в нем хорошего? Мать у тебя глупа, растолковать тебе не может. Я лучше его; я добрый, ласковый. Денег-то у меня что тебе на наряды. Дом-то у меня какой! Большой, каменный, крепкий.

Агния. И крепка тюрьма, да кто ей рад!

Ахов. Ты тоже, видно, в мать уродилась! Ума-то у тебя столько же, что и у ней. (Кругловой сквозь слезы.) Федосевна, пожалей ты меня! Ведь я сирота, в этаким-то доме один я путаюсь, даже страх находит.

Круглова. Что тебя жалеть! Ты с деньгами себе всегда компанию найдешь, коли захочешь.

Ахов. Найдешь компанию! Спасибо, что надоумила! Знаю, что найду. Не ей чета, и красивее ее найду. Ты думаешь, я в самом деле, что ль, влюблен? Тьфу. Одно мне больно, одно обидно: непокорность ваша. Ведь я почетный, первостатейный, ведь мне все в пояс кланяются; а в этакой лачуге мне почету нет! Мне!! От вас!! Непокорность!! Курам насмех! Видано ль, слыхано ль? Хорошо ты сделала? Хорошо? Очувствуйся! Встряхни головой-то! Ведь это ты от глупости, а не от ума. Вы все одно, что в лесу живете, свету не видите. В такую лачугу, коли зашел наш брат, именитый человек, – так он там как дома; а то ему и ходить незачем; а хозяин-то, как слуга: «что угодно; да как прикажете?» Вот как от начала мира заведено, вот как водится у всех на свете добрых людей! Это все одно, что закон. А вы, дураки непросвещенные, одичали, тут живши-то. (Кругловой.) И сердиться-то на тебя нельзя и взыскать-то с тебя нечего; потому ты никаких настоящих порядков не знаешь. Как ты живешь! День да ночь, и сутки прочь. У тебя все одно: что богатый, что бедный, что мануфактур, что шатун! Невежество! У тебя для всех один резон, один разговор! А ты возьми, что значит образование-то: вчера ко мне благородная просить на бедность приходила; так она языком-то, как на гусях играла. Превосходительством меня называла, в слезы ввела. А ты что? Дуб. С тебя взыску нет. Сам виноват. Кабы ты знала, что такое уважение, что такое честь...

Круглова. Как чести не знать.

Ахов. Оно и видно, что ты ее знаешь! Была у вас честь да отошла. Делал я вам честь, бывал у вас; так у вас и в комнатах-то было светлей, оттого только, что я тут. Была бы вам честь, кабы дочь твоя купчихой Аховой называлась. Вот это честь! Я брошу вас, и опять в потемках жить будете. А то честь! Да вам всю жизнь не узнать, в чем она и ходит-то.

Круглова. Ну, довольно ты пел. Теперь меня послушай. Хочешь ты у нас гостем быть, так садись; а то так нам не мешай. Не порти ты нашу бедную, чистую радость своим богатым умом!

Ахов. Да ты, никак, забылась! Гостем! Что ты мне за компания! Я таких-то, как ты, к себе дальше ворот и пускать не велю. А то еще гостем! Не умели с хорошими людьми жить, так на себя пеняй! Близко локоть-то, да не укусишь! (Уходит в переднюю и сейчас возвращается.) Да нет, стой! Ты меня с толку сбила. Как мне теперь людям глаза показать? Что обо мне добрые люди скажут?..

Круглова. Не плакать же нам об этом, батюшка Ермил Зотыч.

Ахов. Нет; ты виновата, ты и поправляй.

Круглова. Палец об палец для тебя не ударю, батюшка Ермил Зотыч. Вот как ты мне сладок.

Ахов. Да не даром – за деньги, за большие деньги. Угоришь.

Круглова. Что ж такое за дело у тебя? Что за ворожба будет?

Ахов. С ними я говорить не хочу. Я их презрил. Ниже каблука своего считаю, вот где. А с тобой разговор заведем. Ведь, чай, тебе нужно и приданое? Не так отдашь, в чем она есть? Нужно приданое?

Круглова. Как не нужно, конечно, нужно.

Ахов. Так вот слушай! Чтобы этот разговор нарушить, что мне вы, ничтожные люди, нос утерли, мы будем ладить такую статью, что я Ипполитку женю.

Круглова. Что ж, это пожалуй.

Ахов. Обед у меня после свадьбы, какой не слыхано. И Фомина и всех цветами ограблю, по всем комнатам постановка будет. Две музыки, одна в комнатах, другая на балконе для зрителей. Официанты в штиблетах. Эффект?

Круглова. Эффект.

Ахов. Опосля всего Ипполитке награждение свыше меры. Не веришь, так за руки отдам... И вперед тебе на приданое...

Круглова. Да что дальше-то?

Ахов. А вот какой уговор! Жених с невестой, как из церкви, вся шестерня серых, как к воротам, – стой! А в ворота чтоб не въезжать! И сейчас им дворник по метле; и чтоб вымели они до крыльца... Ты не бойся, чисто будет, еще до них все выметут. А они чтоб только пример показали. А я с гостями буду на балконе стоять. Вот тогда я вас прощу и в честь вас произведу. И будете вы у меня промежду всеми гостями все равно, что равные.

Круглова. Да осыпь ты меня золотом с ног до головы, так я все-таки дочь свою на позорище не отдам.

Ахов. Не отдашь?

Круглова. Не отдам.

Ахов. Ну, так грязь грязью и останется; и будьте вы прокляты отныне и до века! Как жить? Как жить? Родства народ не уважает, богатству грубить смеет! Дядя говорит: поклонись по-родственному! Не хочу. Ну, поклонись ты, нищий, хоть за деньги! Не хочу. Умереть уж лучше поскорей, загодя. Все равно ведь, разве свет-то на таких порядках долго простоит. А как отцы-то жили! Куда они делись, те порядки, старые, крепкие? Разврат, что ли, в мире пошел? Так его и прежде, пожалуй, еще больше было! Бес, что ли, какой промежду людьми ходит да смущает их? Отчего вы не лежите теперь в ногах у меня по-старому; а я же стою перед вами весь обруганный, без всякой моей вины?

Не было ни гроша, да вдруг алтын
Комедия в пяти действиях
Действие первое
ЛИЦА:

Михей Михеич Крутицкий, отставной чиновник.

Анна Тихоновна, его жена.

Настя, племянница Крутицкого.

Домна Евсигневна Мигачева, мещанка.

Елеся, ее сын.

Истукарий Лупыч Епишкин, купец-лавочник.

Фетинья Мироновна, его жена.

Лариса, дочь их.

Модест Григорьич Баклушин, молодой человек.

Петрович, мелкий стряпчий из мещан.

Тигрий Львович Лютов, квартальный.

действие происходит лет 30 назад, на самом краю Москвы.

Слева от зрителей угол полуразвалившегося одноэтажного каменного дома. На сцену выходят дверь и каменное крыльцо в три ступени и окно с железной решеткой. От угла дома идет поперек сцены забор, близ дома у забора рябина и куст тощей акации. Часть забора развалилась и открывает свободный вход в густой сад, за деревьями которого видна крыша дома купца Епишкина. На продолжении забора, посередине сцены, небольшая деревянная овощная лавка, за лавкой начинается переулок. У лавки два входа: один с лица с стеклянной дверью, другой с переулка открытый. С правой стороны, на первом плане, калитка, потом одноэтажный деревянный дом мещанки Мигачевой; перед домом, в расстоянии не более аршина, загородка, за ней подстриженная акация. В переулок видны заборы и за ними сады. Вдали панорама Москвы.

Явление первое

Епишкин и Петрович сидят у лавки и играют в шашки. Мигачева стоит у калитки своего дома.

Епишкин. Фук да в дамки. Ходи!

Петрович. Эх-ма! Прозевал.

Епишкин. Ходи!

Петрович. Ходи да ходи! Куда тут ходить? (Раздумывая.) Куда ходить?

Епишкин. Ходи!

Петрович. Пошел.

Епишкин. Вот тебе карантин, чтобы ты не тарантил.

Входит Лютов.

Убери доску!

Петрович с доской уходит в лавку.

Явление второе

Епишкин, Мигачева, Лютов.

Лютов (Мигачевой). Там забор у тебя, а вот загородка! (Грозит пальцем.)

Мигачева. Из каких доходов, помилуйте! Кабы у меня торговля или что нечто б я... Ах, боже мой! Я бы только, Тигрий Львович, для одного вашего удовольствия...

Лютов. А? Что ты говоришь?

Мигачева. Да разве б я не окрасила? Окрасила бы, очень бы окрасила. А коли тут худо, в другом месте валится... а какая моя возможность? Чем я дышу на свете?

Лютов. Мне что за дело! Чтоб было окрашено!

Мигачева. Будет, будет, только б малость управиться. Хорошо тому, у кого довольно награблено, оченно ему можно быть исправным обывателем. Вот с кого спрашивать-то надо. Крась да мажь! У нас кому любоваться-то? И народ-то не ходит.

Лютов. Без рассуждений! Вот если завтра не будет выкрашено, я тогда посмотрю.

Мигачева. Вот и живи.

Лютов (оборачивается к каменному дому). Уж хоть бы развалился совсем поскорее. (Пожимает плечами и, махнув рукой, отворачивается.) Эх, обыватели!

Епишкин. Тигрию Львовичу наше почтение.

Лютов. Здравствуй, Истукарий Лупыч! (Подает руку.) Тебе-то, братец, уж стыдно! Забор-то не загородишь: ведь точно ворота проезжие.

Епишкин. Оно точно, что я оплошал: он маленько развалился, а мне невдомек было; так ваша ж команда на дрова себе растаскала.

Лютов. Загороди, братец.

Епишкин. Вы себя беспокоить не извольте, будет в порядке. Признаться, теперь в голове-то не то, об этих глупостях и думать-то не хочется.

Лютов. Не глупости, братец, коли начальство тебе приказывает.

Епишкин. Понимаем, Тигрий Львович, да ведь уж и обязанностей-то наших больно много. Ежели счесть теперь все повинности да провинности, оклады да наклады, поборы да недоборы, торжества да празднества, – так ведь можно и пожалеть по человечеству. С одного-то вола семи шкур не дерут.

Лютов. Разве я тебя не жалею? Я тебя ж берегу; деревья у тебя в саду большие, вдруг кому-нибудь место понравится: дай, скажет, удавиться попробую.

Епишкин. Верно извольте говорить; местоположение заманчивое для этого занятия. Такой сад, что ни на что окромя и не годен. Я уж и то каждое утро этих самых фруктов поглядываю.

Лютов. Ну, так ты народ-то не искушай! Следствие, братец; понял? А я тебе этой беды не желаю.

Епишкин. Уж что говорить! Ну, да, думаю, бог милостив.

Лютов. Кабы ты чистый человек, а то... Я, братец, ничего не знаю, я ничего не знаю, а, чай, слышал, какой разговор-то про тебя насчет притону-то?

Епишкин. Мало ли всяких разговоров-то! И про ваше благородие тоже кой-что поговаривают; да мы, признаться, внимания не берем и слушать-то.

Лютов. Так уж ты загороди; побереги хоть меня-то, коль себя не бережешь; с нас тоже ведь спрашивают.

Епишкин. Не извольте беспокоиться! Стоит ли об таких пустяках разговаривать! Милости просим на полчаса! Особенной попотчевать могу.

Лютов. Попозже зайду, теперь некогда. (Подает руку.)

Епишкин. Как угодно-с. Завсегда рады, завсегда вы у нас первый гость. Поискать еще таких-то благодетелей.

Лютов уходит.

Терпит же ведь земля, господи! (Уходит в лавку.)

Из лавки выходит Фетинья.

Явление третье
Мигачева и Фетинья.

Мигачева. Здравствуйте, матушка Фетинья Мионовна!

Фетинья (гордо). Здравствуй!

Мигачева. Куда бог несет?

Фетинья. Так, для воздуху, у лавочки посидеть. А ты куда?

Мигачева. Куда мне! Сына поглядываю.

Фетинья. На что он тебе?

Мигачева. Поругать хочется, Фетинья Мироновна.

Фетинья. После поругаешь, не к спеху дело.

Мигачева. Боюсь, сердце-то пройдет; сердце-то у меня круто, да отходчиво. А теперь бы он мне в самый раз попался: в расстройстве я.

Фетинья (подходя). Что так?

Мигачева. Квартальный, матушка, разобидел; пристаёт, забор красить, отдыху не даёт. Какие мои доходы, сами знаете: один дом, да и тот валится. Четверо жильцов, а что в них проку-то! Вот, Петрович – самый первый жилец, а и тот только за два с четвертаком живет. Ну, опять возьмите вы поземельные. Все б еще ничего, да ведь дом-то заложен, процент одолел.

Фетинья. Заложен?

Мигачева. Заложен.

Фетинья. Скажите!

Мигачева. Третий год я вам говорю, Фетинья Мироновна, одно и то же, а вы все будто не слышали, да все удивляетесь.

Фетинья. Ах, редкости какие! Коли у меня такой характер, что ж мне делать-то! А то так тебе и дать одной все порядку говорить! Этак ты всю материю скоро расскажешь. А нынче день-то год, пушай поговорим, куда нам торопиться-то; а время-то и пройдет, будто дело делали.

Мигачева. Помощник-то у меня, сами знаете, один.

Фетинья. Один? И то ведь один.

Мигачева. Да и тот неважный, так, какая-то балалайка бесструнная. Ну, еще по дому кой-что хозяйничает, а уж на стороне достать что-нибудь, на это разуму у него нет. Думала в люди отдать, хоть в лавку, да сама ни при чем останешься. А он все-таки и подбелит, и подкрасит, и подколотит.

Фетинья. Чего ж тебе лучше?

Мигачева. Заодно у нас с ним война: вдруг провалится, неизвестно куда. Синиц по огородам ловит, рыбу на Москве-реке ловит; а тут его, как на грех, нужно, ну, и пошла баталия.

Фетинья. Молод еще. Женила б ты его.

Мигачева. Женить! Лестно взять жену-то с деньгами, хоть с небольшими; а кто ж отдаст за него, кому крайность!

Фетинья. Нет, ты не говори. Бывают случаи. Другая девушка и с деньгами, да порок какой-нибудь в себе имеет: либо косит очень, один глаз на нас, другой в Арзамас, либо вовсе крива; а то бывает, что разумом недостаточна, дурой не зовешь, а и к умным не причтешь, так, полудурье; ну, вот и ищут женихов-то проще, чтоб невзыскательный был. А бедному человеку поправка.

Мигачева. Бывает людям счастье, да не нам.

Фетинья. У тебя все-таки сын, что тебе горевать-то? Так разве когда, от скуки, поплачешься для разговору только для одного. А вот наша забота с дочкой-то.

Мигачева. Так вы с деньгами.

Фетинья. Чудная ты, и с деньгами не берут. (Со вздохом.) Мало ль ее смотрели-то, Домнушка!

Мигачева. Какая ж причина? Такая ее красота...

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
фетинья. Уж чего еще! Поглядеть любо-дорого, самый первый вкус. Одно беда – разговором нескладна. Кабы только с глаз брали, так, кажется, ее давно бы с руками оторвали; а поговорят, ну, и прочь, и прочь. Войдет – удивит, убьет красотой всякого; а скажет слово, так и сразит, так с ног и сразит. А уж как выдать хочется.

Мигачева. Вам что; вы свою сбудете. А вы возьмите соседку, вот мается с девушкой-то, вот где слезы-то!

фетинья. Уж чем только они живы, бедные!

Мигачева. Чем живы? Выработают гривенник, купят калачика, тем и сыты.

фетинья. Как бы, мне кажется, у старика денег не быть; ведь он чиновник, с кавалерией, гляди, пенсию получает.

Мигачева. Кто его знает. От него толку не добьешься, он и не говорит ни с кем, только ругается да ворчит. Бродит весь день по Москве, только ночевать домой приходит.

фетинья. Я раз иду городом, а он у Казанского собора с нищими стоит.

Мигачева. С нищими? Вот ведь дела-то какие!

фетинья. С чего он в такой упадок пришел?

Мигачева. Все только руки врозь, матушка. Его в нашей стороне все знают; у него здесь свой дом был, лошади хорошие. Служил он в каком-то суде секретарем, ну, и отставили его за взятки, что уж очень грабил. Анна Тихоновна сказывала, что и стал он с той поры сумлеваться, как ему жить без дохода. Продал дом, лошадей, стал деньги в проценты отдавать. И зажили мы, говорит, день ото дня хуже: переехали в одну комнатку, прислугу всю он распустил, а там уж и кухарку сослал. И пришлось Анне Тихоновне самой и кушанье готовить, и за водой ходить. А потом и совсем, говорит, дома стряпать перестали, купим что-нибудь в лавочке и поедим, а когда и так просидим. А теперь вот к нам в соседство перебрались; дом-то этот еще с француза в тягбе находится, так с тех пор без починки и без всякого призрения и стоит; так Михея Михеича задаром пустили, чтоб он только на дворе присматривал, кирпичи подбирал да в кучку складывал.

фетинья. Что мы живем! Мы от жиру и бога-то забыли, а ты попробуй, вот так поживи.

Мигачева. Ну, старуха-то уж притерпелась, а каково девушке-то?

фетинья. Да откуда она у них взялась, скажи ты мне на милость!

Мигачева. Она Михею племянница родная, сиротка. Как случилась с ним беда, погнали его со службы, ее и взяла крестная мать, барыня богатая.

фетинья. Богатая?

Мигачева. Богатая. И воспитывала ее с дочерьми своими в полном достатке. Вот как выросла эта Настенька, и возненавидела ее барыня за красоту, что на Настеньку все прельщаются, а на ее дочерей нет, и прогнала ее без всякого награждения. А прежде обещала замуж ее выдать. Да мне Анна Тихоновна сказывала, что у Настеньки уж и жених был, молодой человек, хорошего роду. Приехала Настенька в эту конуру разряженная, в перчатках... И сесть-то боится, и дотронуться-то до всего ей гадко... Всплеснет, всплеснет вот так руками, за голову ухватится да и упадет без памяти. Больна с месяц лежала, насилу оправилась. Ну, разумеется, девушка избалованная, и кофейку, и чайку, того, другого, вот тетка-то все ее платица, колечки, сережки и продавала; за бесценок шло, даже жалость смотреть. А теперь, уж видно, не до чаю, и хлеб-то им стал в диковинку.

Крутицкий показывается на крыльце.

Явление четвертое

Мигачева, фетинья, Крутицкий.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e Крутицкий (в полурастворенную дверь). Ты, смотри, никуда не смей! Боже тебя сохрани! Скучно дома, ну, выдь на крылечко, посиди. А с крыльца ни шагу, слышишь ты! А? Что? Ну, хорошо. Так ты... того... сядь тут! Я ведь скоро, я бегом.

Мигачева. Здравствуйте, Михей Михеич!

Крутицкий. Здравствуйте! (Кланяется и хочет идти.)

Мигачева. Что это вы, Михей Михеич, в шинели?

Крутицкий. Что тебе шинель! Что тебе шинель! Не твоя шинель.

Мигачева. Да жарко.

Крутицкий. Кому жарко, а мне не жарко, я старичок. (Подходит к Фетинье и говорит ей тихо.) Оставь дома, так ее и украдут, пожалуй.

Фетинья. Ну, уж кому она нужна?

Крутицкий. Нет, ты не говори. Шинель хорошая. (Гладит по ворсу.) Это я сшил когда еще на службе был. Тогда у меня деньги были шальные.

Фетинья. Куда ж ты их дел?

Крутицкий. Прожили. Без дохода живем; все проживаем, все проживаем, а доходиков никаких, вот и прожили.

Мигачева. Мудрено что-то. По вашей жизни, вам и процентов-то не прожить с вашего капитала.

Крутицкий. Какого капитала! А ты почему знаешь, сколько у меня денег было? Кто тебе сказывал? Кто? Я тебе не сказывал, так ты и не болтай! (Фетинье.) Как прожил? Много-то было, так не берегли: я шампанское пил. Ты думаешь, на чужие деньги! На чужие-то я его море выпил, а случилось, бывало, и на свои бутылочку купишь. По десяти рублей ассигнациями за бутылку платил. В Сибирь меня надо за это сослать. Вино-то выпил, где оно? Тю-тю. А и денег-то нет. Вот как деньги-то проживают! Взаймы давал, пропадали; жена у меня не берегла ничего. (Фетинье почти на ухо.) Жена у меня мотовка. У! мотовка!

Фетинья. Не знаю я ваших делов.

Крутицкий. Мотовка, мотовка! Я ее любил, я ей дарил, много дарил. У меня каждый день был доход; ну, бывало, иногда и подаришь ей то десять, то пять рублей. Береги, Анна! Вот и уберегла. Было мое время, каждый день все прибывало, все прибывало.

Мигачева. Ну, как же, я ведь помню; знала я, все знала.

Крутицкий. Ничего ты не знала. Что ты могла знать! Никто не знал; жена – и та не знала. Я возил деньги домой, каждый день возил; а сколько я взял, с кого я взял, никто не знал. Я злодей был для просителей, у меня жалости нет, я варвар был.

Фетинья. Вот тебя бог-то и наказал.

Крутицкий. А других, а других? За что ж меня одного? Все брали, торговля была, не суд, а торговля. Кто меньше, кто больше, а все-таки брали. Бывало, товарищи мне говорят: «ты много берешь». А вы, говорю, мало берете, ну, значит, вы дешевле меня свою совесть продаете. Хе-хе-хе!

Мигачева. Эх, Михей Михеич, племянницу-то вы голодом заморили.

Крутицкий. Какую племянницу? Чем мы ее заморили? Я к тебе на кухню не хожу, горшков не нюхаю.

Мигачева. Конечно, что не мое дело; а со стороны жалко.

Крутицкий. Племянницу! Много всякой родни-то на свете! Мы все родня; все от одного человека. Всякий о себе. Пусть работает, я ей не мешаю.

Мигачева. Ну, много ли она выработает, такая барышня воспитанная?

Крутицкий. Вот язык-то у тебя без костей, вот уж без костей; так и болтает, так и болтает.

Мигачева. Хоть бы вы побаловали ее чем-нибудь, так, малость.

Крутицкий. Что ж, малость! Ты вот все болтаешь, сама не знаешь что; потому что разума у тебя нет. Малость, малость! Ее только избалуешь, а себя обидишь. Малость дай! Все дай, все дай; а мне кто даст? Всякий для себя. За что я дам? Как это люди не понимают, что свое, что чужое? Сколько я ни нажил, все – мое. Пойми ты! Рубль я нажил, так всякая в нем копейка моя. Хочу, проживаю ее, хочу – люблюсь на нее. Кому нужно свои отдавать? Зачем свои отдавать? (Отходя.) Все я дай, а мне кто даст? Попрошайки!

Мигачева. Ну, заворчала, грыжа старая!

Крутицкий (возвращаясь). А ты не болтай! Я не малость, я вот ей за приданым иду.

Фетинья. Что ж, ты его в узелке принесешь, все приданое-то?

Крутицкий. Нет, не в узелке, а вот здесь. (Показывает на боковой карман.)

Мигачева. Батюшки!

Крутицкий. Да, вот я что для нее.. А ты нюхаешь по горшкам, что едят, болтунья пустая. (Уходит, ворча.)

Фетинья. Пойти в лавочку, никак муж чай пьет.

Елеся показывается из калитки, в халате, с клеткой.

Явление пятое
Мигачева, Елеся.

Елеся (поет).

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.
Мигачева. Скажите на милость, а он дома был.

Елеся (громче).

Ах, братцы, мало нас,
Голубчики, немножко.
Мигачева. У матери такое расстройство насчет забора, а он песни поет. Погоди ж ты!

Елеся, бросив клетку, убегает в калитку, Мигачева за ним. Входит Настя; за ней, в нескольких шагах, Баклушин.

Явление шестое
Настя, Баклушин, потом Епишкин.

Баклушин. Милая девица, куда же вы так торопитесь?

Настя (быстро оборачиваясь). Стойте, стойте! Воротитесь, не ходите дальше, умоляю вас!

Баклушин. Боже милостивый! Настасья Сергевна, вы ли это?

Настя (потупляя глаза). Я, я; только вы не ходите за мной.

Баклушин. Что ж вы раньше не остановились, если узнали меня? Я версты две бегу за вами.

Настя. Я вас не видала, не узнала. Ах, уйдите, уйдите!

Баклушин. Скажите мне, существо прелестное, как вы попали в эту глушь? Ведь это край Москвы, это – захолустье.

Настя (обидчиво). Не всем же на Тверской жить; там для всех и места не достанет.

Баклушин. Так вы здесь и живете?

Настя (осматривая себя и конфузясь). Отчего же вы думаете, что я непременно должна здесь жить?

Баклушин. Вы сами сказали.

Настя. Ах, нет, нет, что вы! Я сюда пришла к знакомым, у меня есть дело. Вы не верите? Ну, право, право!

Баклушин. Ну, не здесь, так не здесь; к чему же так ажитироваться! А где же, позвольте узнать?

Настя (потупясь). Зачем вам?

Баклушин. Вот мило! Уж не прятаться ли вы от меня хотите? С какой стати, зачем?

Настя. Я не прятаться... Ах, право! Я не знаю. Уйдите!

Баклушин. Отчего такая перемена? Нет, вы скажите...

Настя (со вздохом). Что я скажу! Это не от меня. Мне нельзя... вот...

Баклушин. Вы хоть меня-то пожалейте! Ну, за что, за что? Я все тот же, все так же к вам привязан.

Настя. Все так же? Правда ли это?

Баклушин. Божусь вам!

Настя. Ну, так вот что: оставьте меня, мне теперь некогда, я вам после...

Баклушин. Когда после? Где я увижу вас?

Настя. Я вам напишу, я знаю ваш адрес. Ступайте! Ступайте!

Баклушин. Вы что-то скрываете от меня. Ну, да бог с вами, я вам верю. Вы, однако, изменились.

Настя (с испугом). Подурнела? Скажите пожалуйста, подурнела! Ах, я так и знала.

Баклушин. Успокойтесь, нисколько вы не подурнели; вы только похудели немного.

Епишкин выходит из лавки и садится на складном стуле.

Настя. Что же вы стоите здесь! Мне некогда, я за делом пришла.

Баклушин. Идите за делом, я вас подожду. У меня есть твердое намерение проводить вас до дому.

Настя. Нет, нет, ни под каким видом. Это невозможно. Я здесь до ночи останусь. Идите, идите, умоляю вас!

Баклушин. Ну, прощайте! Что с вами делать!

Настя. До свидания. (Дождается, пока Баклушин уходит за угол лавки, потом убегает в дом, где живет Крутицкий.)

Баклушин (возвращаясь). Одна, никто ее не провожает, ни человек, ни девушка! Без перчаток, в таком платье! Странно! тут что-нибудь да кроется. Но во всяком случае я очень рад, что опять нашел ее; мне без нее не шутя было скучно. (Епишкину.) Послушайте, почтеннейший!

Епишкин. Что вам угодно, сударь?

Баклушин. Вы знаете эту девушку?

Епишкин. Девушку-то? Я думал, вы про что путное спрашиваете. Не наше это дело. (Смотрит в другую сторону.)

Баклушин. По крайней мере, будьте так добры, скажите мне, она здесь живет?

Епишкин (как бы зевая). О-хо-хо! (Показывает рукой, не глядя.) Вон живет!

Баклушин. Покорно вас благодарю.

Епишкин. Не за что-с.

Баклушин. Можно войти в лавку написать письмо? Я вам заплачу за бумагу.

Епишкин. Пожалуйста! Там мальчик вам подаст.

Баклушин входит в лавку. Из калитки дома Мигачевой выбегает Елеся, растрепанный, в халате и останавливается подле калитки; из калитки показывается ухват.

Явление седьмое

Епишкин, Елеся, потом Мигачева.

Елеся. Но оставьте, маменька! Нехорошо! Эх, нехорошо! (Хочет войти в калитку.)

Мигачева (показываясь с ухватом). И не подходи, так, кажется, вот и разражу.

Епишкин (хохочет). Хорошенько его, Домна Евсигневна! Хорошенько!

Елеся. К чему это, маменька! Ну, к чему это! Вот уж к вам это не пристало, всегда скажу, что не пристало. Но оставьте же! Вон барышни смотрят. Ай, ай, ай! А барышни-то смотрят!

Мигачева (выходя из калитки). Очень мне нужно, что они смотрят! Я никого знать не хочу.

Елеся. А я-то, маменька, я-то! Меня-то пожалейте, ведь я жених...

Мигачева. Ах ты, наказание ты мое! Посудите только, добрые люди: дома денег ни копейки, а он чижей ловит да на барышень любит. Вот я тебя!

Елеся. Позвольте, маменька! Да на что нам много денег? Нам ведь серебряных подков не покупать, потому у нас и лошадей нет.

Мигачева. Какие серебряные подковы! Какие лошади! Двугривенного в доме нет, а он...

Елеся. Позвольте! Это верно. Нам теперь с вами какой-нибудь двугривенный дороже каменного моста.

Мигачева. Какой мост? Квартальный давеча страмил, страмил при людях, что забор не крашен.

Елеся. Важное дело! Кабы хитрость какая! А то взять голландской сажу, – вот и весь состав.

Мигачева. Когда еще этот твой состав будет!

Елеся. Одна минута.

Мигачева (ставит ухват у калитки). Без денег-то? Наказанье...

Елеся. Сейчас умом раскину...

Мигачева. Каким умом, каким умом? Наказанье ты мое, данное! Дурак ведь ты у меня

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
круглый, наказание ты мое.

Елеся. Что ж, что дурак, маменька? Видно, родом так.

Мигачева. Да отец-то был у тебя умный.

Елеся. Я, маменька, не в отца.

Мигачева (берет ухват). В мать, что ли? Дурак, дурак! Непочтительный!
Неуважительный! Супротивник ты для всего настоящего, что по закону требуется.

Епишкин (хохочет). Учи его, учи!

Мигачева. Слышишь, что добрые-то люди говорят, слышишь? Вон из моего дому, вон!
Я и знать тебя не хочу.

Елеся. Нет, вы, маменька, такими словами не шутите! Такие-то слова своему детищу
надо осторожно. Вы знаете, можно человека и в тоску вогнать.

Мигачева. Ах, скажите пожалуйста, нужно мне очень.

Елеся. А в тоске куда ж человеку? Одно средство – в Москву-реку.

Мигачева. Что ты, не грозить ли мне вздумал?

Елеся. Не грозить, а прочитают вам в «Полицейских ведомостях»...

Мигачева. Какие такие новости прочитают?

Елеся. Найдено тело неизвестного человека...

Мигачева. Ишь ведь глупости...

Елеся. «Юноша цветущих лет, прекрасной наружности». И тут же еще добавлено: «так
видно, что по неприятностям от родителей».

Мигачева (ставя ухват). Скажите пожалуйста, что он городит! Не рада, что и
связалась. Уйди ты от греха с глаз моих! (Идет в калитку.)

Епишкин. Домна Евсигневна! Ухват-тохвати!

Мигачева. Ах, извините! Я, знаете, по своей горячности, замечталась очень, вот
какое невежество на улицу принесла.

Епишкин. Нет, ничего, что за невежество! И ухват свою службу сослужит, как
ничего другого под руками нет. Я тоже дома попросту.

Мигачева (берет ухват). Ах, право! Вдруг закипит, и сделаюсь без понятия, даже
людям совестно. (Уходит.)

Из лавки выходит Баклушин с письмом.

Явление восьмое

Епишкин, Елеся, Баклушин.

Баклушин (Епишкину). Я там заплатил. Покорно вас благодарю. Не можете ли вы
передать это письмо?

Епишкин (будто не слышит). Чего-с?

Баклушин. Передать по адресу.

Епишкин. Эх, барин! Борода-то у меня уж поседела.

Баклушин. Что мне за дело до вашей бороды!

Епишкин. А то и дело, что отдавайте сами. Ходили тоже и мы по этим самым делам,
да уж теперь у меня у самого дочери двадцать седьмой годочек пошел.

Баклушин. По каким «этим делам»?

Епишкин. Ну, что уж! Вон парень–то без дела гуляет, пошлите его. Ему все равно, он у нас не спесив.

Баклушин (Елесе). Не можете ли вы доставить письмо?

Елесея. Кому–с?

Баклушин. Настасье Сергевне.

Елесея. Барышне–с?

Баклушин. Да, барышне.

Елесея. Истукарий Лупыч, а по затылку нашего брата за эти дела не скомандуют?

Епишкин. Снеси! Ничего.

Елесея. Я снесу, Истукарий Лупыч.

Епишкин. Снеси! Барин на чай даст.

Баклушин. Разумеется, не даром. (Дает Елесе двугривенный.) Так отдайте письмо. Эта барышня у кого живет?

Елесея. У тетеньки–с.

Баклушин. Чем они занимаются?

Елесея. Рубашки берут шить русские ситцевые на площадь на продажу, по пятаку за штуку.

Баклушин. Что? Может ли быть?

Елесея. Так точно–с.

Баклушин. Да, вот что. Так дайте письмо. (Берет письмо назад.) Ну, все равно, снесите! (Отдает опять и уходит.)

Елесея. Я отдам, Истукарий Лупыч. (У двери Крутицкого.) Получите письмецо! (Подает в дверь и подходит к лавке.)

Епишкин. А двугривенный–то тебе годится.

Елесея. И вот сейчас, Истукарий Лупыч, голландской сажи на всю эту сумму, только побольше.

Епишкин. Поди, отвесят тебе.

Елесея. Вот ведь она, кажется, сажа; а и матери удовольствие, и квартальному мило. (Уходит в лавку.)

Епишкин (встает). Фетинья!

Фетинья выходит из лавки.

Явление девятое
Епишкин, Фетинья.

Фетинья. Что угодно, Истукарий Лупыч?

Епишкин. Допреж в нашей стороне смирно было, а теперь стрекулисты стали похаживать да записочки любовные летают.

Фетинья. Что вы говорите!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Епишкин. Так точно. Значит, Ларису поскорей замуж надо.

Фетинья. Да, разумеется, надо.

Епишкин (вздыхнув). Так-то, брат, вот что!

Фетинья. Признаться, есть женишко-то, да не по ней.

Епишкин. Ну, да хоть уж плохенький, да только бы с рук скорей. Это вы только сами себе цену-то высоко ставите, да еще женихов разбираете; а по-нашему, так вы и хлеба-то не стоите. Коли есть избранники, так и слава богу, отдавай без разбору! Уж что за товар, коли придачи нужно давать, чтоб взяли только.

Фетинья. Коли вы дочь свою к товару применяете...

Епишкин. Товар ли, не товар ли, как хочешь ее поворачивай, все дрянь. (Уходит в лавку, Фетинья за ним.)

Из лавки выходит Елеся. Лариса, разряженная, гуляет по саду подле развалившегося забора.

Явление десятое

Елеся, Лариса, потом Фетинья.

Елеся. Наше почтение-с!

Лариса (постоянно держась прямо). Здравствуйте! Тиранов моих нет здесь?

Елеся. Это вы насчет родителей-с?

Лариса. Они-то самые мои тираны и есть.

Елеся. Почему же вы так заключаете?

Лариса. Я хочу завсегда у людей на виду быть, а мне из дому выхода нет. Я, собственно, своего требую, чтоб люди меня видели, потому зачем же я наряды имею.

Елеся. Это действительно-с.

Лариса. Маменька говорит, что я разговору не знаю. Коли хотят, чтоб я знала разговор, дайте мне настоящих кавалеров. А то как же мне знать разговор, коли я все сию одна и сама промежду себя думаю?

Елеся. О чем же вы думаете?

Лариса. Я этого не могу сказать, потому мы с вами довольно далеки друг от друга. Имеете так близко предмет и сами себя отдаляете.

Елеся. И видит кошка молоко, да рыло коротко. Ежели б я только смел-с... Потому как я давно чувствую любовь.

Лариса. Может, ваша любовь бесчувственная.

Елеся. Как же может быть бесчувственная, когда вы харуим.

Лариса. Коли вы так чувствуете, отчего вы ко мне не подойдете?

Елеся. Стало быть, мне к вам в сад поступить?

Лариса. Поступайте!

Елеся переходит в сад. Фетинья выходит из лавки и садится на стуле.

Вы умеете целоваться?

Елеся. Похвастаться против вас не смею; а так думаю, что занятие немудреное.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Лариса. Поцелуйте меня!

Елеся. Даже очень приятно-с. (Целует Ларису.)

Фетинья прислушивается.

Лариса. Нет, вы не умеете.

Елеся. Да нечто б я так-с, только звание мое очень низко, так я сумлеваюсь.

Лариса. Коль скоро я вам позволяю, вы забудьте ваше звание и целуйте, не взирая.

Елеся. Только за смелостью и дело стало. (Крепко целует Ларису.)

Фетинья заглядывает в сад.

Фетинья. О, чтоб вас! Напугали до смерти. Я думала, что чужой кто. Ведь от Ларисы все станется. А это ты, мой милый!

Елеся (потерявшись). Про-про-валиться здесь на месте, не нарочно-с. И сам не знаю, как это я! Вот поди ж ты, Фетинья Мироновна, на грех мастера нет.

Фетинья. Ну, с тобой после. Ты только хоть уж молчи-то. (Ларисе.) А тебе это среди белого-то дня и не совестно! На-ко! На всем на виду! Солнышко-то во все глаза смотрит...

Лариса. Вам давно сказано, что я не могу жить против своей природы. Чего ж еще! Чем же я виновата, когда моя такая природа? Значит, я все слова ваши оставляю без внимания! (Уходит.)

Фетинья. Что с ней будешь делать! Нет, уж надоело мне в сторожах-то быть. (Уходит.)

Елеся. Вот так раз! Что-то мне теперь будет за это? Чего-то мне ожидать? Быть бычку на веревочке!

Петрович выходит из лавки.

Явление одиннадцатое
Елеся, Петрович.

Елеся. Абвокат, выручай! Попался, братец!

Петрович. В каком художестве?

Елеся. Купеческую дочь поцеловал.

Петрович. Дело – казус. Какой гильдии?

Елеся. Третьей.

Петрович. Совершенных лет?

Елеся. Уж даже и сверх того.

Петрович. По согласию?

Елеся. По согласию.

Петрович. Худо дело, да не очень. А где?

Елеся. В саду у них.

Петрович. А как ты туда попал?

Елеся. Через забор, друг.

Петрович. Шабаш! Пропала твоя голова.

Елеся. Ох, не пугай, я и так пуганый.

Петрович. непоказанная дорога – вот что! Тут с их стороны большая придирка.

Елеся. Придирка?

Петрович. Но и с нашей крючок есть.

Елеся. Какой, скажи, друг?

Петрович. Ты держись за одно, что ногами ты стоял на общественной земле.

Елеся. На общественной?

Петрович. На общественной. А только губы в сад протянул.

Елеся. Облегчение?

Петрович. Большое.

Елеся. Спасибо, приятель! Чай за мной.

Уходят в калитку. Анна Тихоновна и Настя сходят с крыльца.

Явление двенадцатое
Анна, Настя.

Настя. Ах, тетенька, голубок! Вот бы поймать!

Анна. Лови, коли тебе хочется. Дитя ты мое глупое, беда мне с тобой. Не с голубьями тебе, а с людьми жить-то придется.

Настя. Улетел. (Снимает с головы небольшой бумажный платок.) Ах, этот платок, противный! Сокрушил он меня. Такой дрянной, такой неприличный, самый мещанский.

Анна. Что делать-то, Настя! Хорошо, что и такой есть. Как обойдешься без платка!

Настя. Да, правда. От стыда закрыться нечем.

Анна. Ох, Настя, и я прежде стыдилась бедности, а потом и стыд прошел. Вот что я тебе расскажу: раз, как уж очень-то мы обеднели, подходит зима, – надеть мне нечего, а бегать в лавочку надо; добежать до лавочки, больше-то мне ходить некуда. Только, как хочешь, в одном легком платье по морозу, да в лавочке-то простоишь; прождешь на холоду! Затрепала меня лихорадка. Вот где-то Михей Михеич и достал солдатскую шинель, старую-расстарую, и говорит мне: «Надень, Аннушка, как пойдешь со двора! Что тебе дрогнуть!» Я и руками и ногами. Бегаю в одном платьишке. Побегу бегом, согреться не согреюсь, только задохнусь. Поневоле остановишься, сердце забьется, дух захватит, а ветер-то тебя так и пронимает. Вот как-то зло меня взяло; что ж, думаю, пускай смеются, не замерзать же мне в самом деле, – взяла да и надела солдатскую шинель. Иду, народ посмеивается.

Настя. Ах, это ужасно, ужасно!

Анна. А мне нужды нет, замер[з] совсем стыд-то. И чувствую я, что мне хорошо, руки не ноют, в груди тепло, – и так я полюбила эту шинель, как точно что живое какое. Не поверишь ты, а это правда. Точно вот, как я благодарность какую к ней чувствую, что она меня согрела.

Настя. Что вы говорите, боже мой!

Анна. Вот тут-то я и увидела, что человеческому-то телу только нужно тепло, что теплу оно радо; а мантийки там да разные вырезки и выкройки только наша фантазия.

Настя. Тетенька, ведь вы старуха, а я-то, я-то! Я ведь молода. Да я лучше... Господи!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анна. А вот погоди, нужда-то подойдет.

Настя. Да подошла уж. Уж чего еще! я последнее платье заложила, вот уж я в каком платке хожу. А давеча, тетенька, побежала я в ту улицу, где Модест Григорьич живет, хожу мимо его дома, думаю: «Неужто он меня совсем забыл!» Вот, думаю, как бы он увидел меня из окна или попался навстречу; а про платок-то и забыла. Да как вспомнила, что он на мне надет, нет уж, думаю, лучше сквозь землю провалиться, чем с Модестом Григорьичем встретиться. Оглянулась назад, а он тут и был; пустилась я чуть не бегом и ног под собой не слышу. Оглянусь, оглянусь, а он все за мной. Платок-то, платок-то, тетенька, жжет мне шею, хоть бы бросить его куда-нибудь. А потом взглянула на башмаки. Ах!

Анна. Ну вот, видела ты, наконец, своего Модеста Григорьича?

Настя. Да, видела. Думала, что, бог знает, как обрадуюсь, а только испугалась да сконфузилась.

Анна. Кто он такой, скажи ты мне!

Настя. Да я не знаю.

Анна. Вот хорошо! Хотела замуж идти, а за кого – не знаешь.

Настя. Да он милый такой.

Анна. Все ж таки хоть звание-то его знать надо.

Настя. Как это? Вот который с портфелем все ходит.

Анна. Чиновник?

Настя. Так, кажется.

Анна. И он хотел жениться на тебе?

Настя. Да. Маменька крестная хотела приданое дать.

Анна. Он тебя любит?

Настя. Ох! Очень, очень любит.

Анна. Ты почему это знаешь?

Настя. Как же мне не знать! Он мне, бывало, в уголке потихоньку каждый день про свою любовь говорил.

Анна. Только про любовь?

Настя. Да. У маменьки крестной ни о чем другом в доме и разговору не было. Только про любовь и говорили, – и гости все, и она сама, и дочери.

Анна. Можно богатым-то про любовь разговаривать, им делать-то нечего.

Настя. Ах, как жаль, что у меня денег нет.

Анна. Ну, а если б были, что ж бы ты сделала?

Настя. Вот что: наняла бы хорошенькую квартирку, маленькую, маленькую, только чистенькую; самоварчик завела бы, маленький, хорошенький. Вот зашел бы Модест Григорьич, стала бы я его чаем поить, сухарей, печенья купила бы.

Анна. Ну, а дальше что?

Настя. Дальше – ничего. Ах, тетенька, вы представить себе не можете, какое это наслаждение – принимать у себя любимого человека, а особенно наливать ему чай сладкий, хороший! Вот он пишет, что нынче же придет к нам. Что мне делать, уж я и не знаю.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анна. Помилуй, до гостей ли нам.

Настя. Дяденька идет.

Анна и Настя быстро уходят в дом. Крутицкий проходит за ними, не останавливаясь.

Мигачева выбегает из своей калитки, за ней выходят Елеся и Петрович. Фетинья выходит из лавки.

Явление тринадцатое

Мигачева, Елеся, Петрович, Фетинья, потом Крутицкий, Анна, Настя.

Мигачева. Пришел, матушка, пришел. Что-то он принес – вот любопытно.

Фетинья. Потерпи, узнаем. Куда торопиться-то!

Мигачева. Каково терпеть-то! Неужли он в самом деле деньги принес.

Петрович. Кто ж его знает; человек темный, аред как есть.

Елеся. Алхимик.

Мигачева (подбегая к окну). Бранятся что-то.

Выходят из дома Крутицкий, Анна, Настя.

Крутицкий. Идите, говорю вам! Идите! Вот тебе приданое! Вот, на! (Дает Насте бумагу.)

Настя. Нет, нет, ни за что! Лучше я с голоду умру, сейчас с голоду умру!

Крутицкий. Ну, умирай, умирай! Только уж на дядю не жалуйся! Тебе стыдно у богатых просить, стыдно? А не стыдно у дяди кусок хлеба отнимать? Я сам нищий. У нищего тебе отнимать не стыдно?

Анна (берет у Насти бумагу). Михей Михеич, побойся ты бога! Что ты с нами делаешь?

Крутицкий (Фетинье). Вот они какие! Вот они какие! Они глупые. Я им хлеб достал, хлопотал для них, а они упрямятся. Отец родной того для нее не сделает, а она бранится. Да вот, все меня бранят; а ведь я им... знаете что?

Фетинья. Что же за сокровище ты добыл?

Крутицкий. Да, сокровище. Верно ты говоришь, сокровище. Я им свидетельство достал на бедную невесту. Вот я что! И священник подписал, и староста церковный подписал.

Мигачева. Ах, ах, ах!

Крутицкий. Пойдут по городу, по лавкам, что денег-то наберут! Какой доход! Счастье ведь это, счастье!

Фетинья. Да, счастье... на мосту с чашкой.

Мигачева (подбегая к Анне). Позвольте бумажку, полюбопытствовать!

Анна (подавая бумагу). Да на что вам? Ведь вы читать не умеете.

Мигачева. Все-таки интересно, помилуйте! (Рассматривая бумагу.) Ах, ах! Ну, вот, уж чего вам лучше!

Петрович. Постой ты! Подай сюда! (Берет бумагу.) Что ты смыслишь! (Просматривает бумагу, потом щелкает по ней пальцем.) Верно! Ничего, идите смело! По этой бумаге ходите смело. (Отдает Анне бумагу.)

Настя. Что ж, очень это стыдно?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e Мигачева. Да таки порядочно. Как начнут страмить, так только держись, особенно приказчики.

Елеся (смеется). Приказчики? Приказчики проберут.

Настя. А много денег собрать можно?

Мигачева. Счастьем ведь это. Кто рублик даст, кто просто поклонится да рукой махнет, значит – проходи мимо; кто насмеется вволю; а добрые люди попадаются – и по десяти и по двадцати рублей дают.

Настя. Тетенька, мне очень нужны деньги.

Фетинья. Ступайте! Кому ж не мило даром-то деньги брать! Случалось, что рублей и по сту набирали, особенно если девушка повидней да на всякий разговор нестыдлива.

Крутицкий. Какой доход! Какие деньги! Вот что я вам! Вот что!

Настя. А мне деньги очень нужны. Уж как мне нужны сегодня деньги! Уж пойдете, тетенька, что ж делать! Ах, несчастная я, несчастная. (Плачет.)

Анна (тихо Насте). Ну, ничего! Ну, не плачь! Вот можно будет...

Крутицкий прислушивается.

...платье выкупить и платочек купить хорошенький.

Крутицкий (отводя Анну к стороне). Что ты, безумная! Что ты говоришь! какие платочки? Еще не видя денег, да уж мотать задумала? Мотовка, мотовка! Ты ей и не показывай, что тебе дадут, ты все мне носи! И боже тебя сохрани!

Анна. Она, благородная девушка, за деньги-то такой стыд принимать будет, а мы у нее их отнимем.

Крутицкий. Что ее жалеть-то! не родная дочь. А ты, что покрупней-то, и зажди в руке-то, и зажди! Жаль тебе ее? О, мотовка! (Злобно.) Анна, если я узнаю, что у тебя были в руках большие деньги, да ты их из рук выпустила...

Анна. Что ты при людях-то, Михай Михеич!

Крутицкий. В петлю тебя, в петлю!

Фетинья. Вот вы бы и шли; самое время теперь, все купцы в городе.

Анна. Пойдем, Настенька.

Мигачева. Да постоит! Как вы пойдете? На все нужно порядок знать. Вы, Анна Тихоновна, вперед идите; а вы, Настенька, так шага три сзади, так и идите. Платочком-то поприкройте для скромности. А если кто захочет на вас полюбопытствовать, поманит вас, вы и подойдите и платочек откройте. Ну, идите в добрый час.

Фетинья. Пойдите! Как вы бумагу-то держите? Так ведь нехорошо. Все ведь это надо знать, коли уж пошли за таким делом. Надо в чистый платок завернуть. Нет у вас? Вот возьмите мой, только назад принесите, а то вы, пожалуй... (Завертывает бумагу в платок.) Да вот так, против груди и держите! (Отдает бумагу.) Вот так, вот! Ну, и ступайте! Дай бог счастливо.

Анна и Настя медленно уходят.

Мигачева (Елесе). Елеся, Елеся, погляди! Ведут ее, бедную, как овечку. Ах, как интересно!

Действие второе
ЛИЦА:

Крутицкий.

Анна.

Настя.

Мигачева.

Елеся.

Фетинья.

Лариса.

Баклушин.

Декорация та же.

Явление первое

Мигачева у калитки. Фетинья у лавки. Крутицкий сходит с крыльца. Анна за ним.

Фетинья. Вернулись, что ли?

Мигачева. Ох, вернулись.

Фетинья. Принесли что-нибудь?

Мигачева. Еще не слыхала. Вон Михей Михеич; спросить бы у него, да боюсь.

Крутицкий. Кто хозяин-то, кто? Кто у вас большой-то? Как вы смели купить без позволения? Нынче и хлеб-то дорог, и хлеб-то надо по праздникам есть, а вы чаю да тряпок накупили. Чай пьют! Вы меня с ума сведете! Набрал я тебе липового цвета на бульварах, с полфунта засушил, вот и пейте.

Анна. Она на свои купила.

Крутицкий. Какие у нее свои? Откуда у нее свои? У нее нет своих, все мои, – я ее кормлю. Да ты врешь, ты затаила деньги, затаила!

Анна. Не верь, пожалуй, бог с тобой, а я тебе все отдала.

Крутицкий. У, мотовка!

Мигачева. Позвольте, Михей Михеич, сколько же вам бог да добрые люди...

Крутицкий. Не подходи!

Мигачева. Уж и спросить нельзя! Кажется, не велик секрет! Не краденые деньги.

Крутицкий. Отступись, говорю! Что тебе до чужих денег! Иль ограбить меня хочешь! Меня и так ограбили. (Анне.) Обманули меня! Чаю захотели! Есть у вас липовый цвет и изюмцу есть немножко, я у бакалейной лавки подобрал. Он чистый, я его перемыл. А то чай! чего он стоит! Вот я посмотрю, сколько вы завтра принесете. Я сам с вами пойду.

Мигачева. Она завтра не пойдет; что ей за неволя мучиться.

Крутицкий. Не пойдет – из дому выгоню, ночью на улицу выгоню. (Уходит.)

Настя выходит на крыльцо с гребенкой в руке, причесывая голову.

Явление второе

Фетинья, Мигачева, Анна, Настя.

Настя. Что же вы, тетенька! Попросите поскорей у кого-нибудь самоварчик-то. Наш подать нельзя, он никуда не годится. Мы здесь будем пить чай, под деревьями, здесь хорошо. Я пока приоденусь немножко; я того и жду, что Модест Гпигорьич придет. (Показывая шелковый платок.) Тетенька, вот платочек-то! Ах, душка, какой

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
милый!

Анна. Милый, милый! А ты не забывай, что нам завтра опять идти.

Настя. Нет, уж завтра я не пойду. Хорошенького понемножку; я и нынче не знала, ворочусь ли живая. Да вы бы сами-то приоделись.

Анна. Во что мне!

Настя. Да хоть немножко! Хлопочите, тетенька, поскорей, скоро вечерни. (Уходит.)

Мигачева (подходя к Анне). Ну, матушка Анна Тихоновна, рассказывайте!

Фетинья подходит медленно и важно.

Анна. Что рассказывать – дело обыкновенное. Одолжите нам самоварчик.

Мигачева. После трудов-то хотите чайку напитокся? Это хорошо. Извольте, извольте! Уж я и посуду свою дам, и столик. Елеся, Елеся!

Выходит Елеся.

Явление третье
Анна, Мигачева, Фетинья, Елеся.

Елеся. Что вам, маменька?

Мигачева. Вынеси столик сюда и чайник с чашками да поставь самовар. Накрой вон там, у крылечка, да поскорей поворачивайся!

Елеся. Спешу не спешу, а поторапливайся. (Уходит, напевая «Чирика», и потом в продолжение сцены приносит стол и прибор чайный.)

Мигачева. Еще чего не нужно ли? Хоть весь дом возьмите, Анна Тихоновна, я на это женщина простая, только уж расскажите, не томите! Измаялась!

Анна. Да, право, занимательного немного; вот разве один случай.

Мигачева. Ах, так и случай с вами был!

Анна. Заходим мы в один магазин, в амбар ли, уж не знаю; хозяин такой видный, важный, стоит за конторкой, что-то пишет. Ну, мы поджидаем, когда он кончит. Он попишет, взглянет на нас да опять писать примется. Мы стоим, приказчики посмеиваются. Вот он кончил, кивнул нам головой и указывает рукой на дверь. Я хотела подойти, бумагу подать: «Знаю, знаю, говорит, мы в эти дела не входим». Я было заговорила, что я благородная: «Вам, говорит, сказано, кажется; ну, и довольно с вас; мне теперь некогда, а пожалуйста в другое время». А сам закричал на парня, который у двери стоит: «Ты, говорит, что смотришь! Вперед не допускать до меня просящих!» Так мы со стыдом и вышли. Прошли немного, только глядим, этот купец догоняет нас. Поклонился так учтиво и стал расспрашивать. Расспросил все подробно и адрес записал; я, говорит, навещу вас сегодня вечером из городу. Как у меня, говорит, своих детей нет, то я желаю быть этой девушке благодетелем. И дает мне десять рублей.

Мигачева. Однако же это довольно хорошо.

Фетинья. Надо ж куда-нибудь им деньги-то девать.

Анна. Потом поговорил немножко с Настенькой, так хорошо, солидно и ей дал пятнадцать.

Мигачева. Ах, скажите!

Фетинья. Мало ль проказников-то!

Анна. Еще по мелочи рублей шесть набрали.

Мигачева. А ведь, поди, чай, все мужу отдала, себе ничего не оставила?

Анна. Конечно, все; как ему не отдать, он из души вытянет. Настенька истратила кой-что на себя; а рублей пять все-таки у ней он отнял.

Мигачева. Теперь уж у него не выпросишь. И всю-то жизнь ты с ним так маешься?

Анна. Всю жизнь. Он сначала, еще когда молодой был, точно пришиб меня чем-нибудь. Жила я с ним вместе, а никогда не знала, есть у него деньги или нет. Бывало, мне со стороны говорят: «Хорошо твое житье, сколько твой муж грабит». – «Не знаю, говорю, не вижу у него денег, видно, где-нибудь на стороне проживает». И после, когда он дом, лошадей и все наше заведение продал, я у него спрашивала: «Михей Михеич, где ж деньги-то?» – «В долги, говорит, роздал, в долгах пропали». И точно, был разговор, что он деньги за большие проценты займы давал; только получал ли он их обратно, не знаю. Верите ли, двадцать пять лет я за ним замужем, а как прежде в его кабинет не смела войти и не была там ни разу, так и теперь в его каморку глазом заглянуть не смею. Войдет – запрется и выйдет – на два замка запрет.

Фетинья. Только сам себе свой, а то все чужие. Бывают такие-то идола.

Анна. Так я всю жизнь в своих руках денег и не видала. Извините, что я вас беспокоила насчет самовара. Да вот вы обещали; так уж не одолжите ли платочка на плечи накинуть?

Мигачева. Ничего, что вы! Елеся, подай мой ковровый.

Елеся уходит.

Али вы кого ждете? Кажись, гостей-то у вас не бывало прежде.

Анна. Какие гости! Настенькин знакомый, молодой человек, благородный...

Мигачева. Благородный?

Анна. Богатый человек, хорошей фамилии.

Мигачева. Скажите!

Анна. Он познакомился с Настенькой, когда она жила у крестной матери.

Мигачева. Не он ли сватался?

Анна. Он самый. Хочется принять получше; ведь может быть... А то, сами подумайте, куда нам с ней деваться!

Мигачева. Конечно, конечно. Дай бог!

Входит Елеся с платком.

Да вон Елеся вам все приготовил и платок принес.

Анна (Мигачевой). Благодарю покорно. (Фетинье.) А ваш платочек извольте.

Фетинья. Да ведь завтра, чай, опять потреплетесь, так понадобится. А мне что за крайность! У меня этой дряни много.

Анна уходит.

Явление четвертое
Мигачева, Фетинья.

Мигачева. Набрали Христа-ради да и закутили.

Фетинья. Я слушаю да только помалчиваю. С чем сообразно: сами милостыню просят, а жених благородный, видишь ты, хорошей фамилии.

Мигачева. Да, может, он не знает их похождения-то.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
фетинья. А вот надо с них форс-то сшибить.

Мигачева. Это даже и оченно можно.

фетинья. Мы вот и с деньгами, да своей Ларисе жениха не найдем, а они нищие, да за благородного норовят. Каково слушать-то!

Мигачева. Само собой. Ну, да ведь у нас не взыщите, мы так одолжим, что чудо.

фетинья. Счастье вот людям! А уж я б свою, право, и без разбору отдала.

Мигачева. Куда торопиться-то?

фетинья. Как ты говоришь! Одно дело, девке удержу нет, а другое, нам зять в дом нужен. Сам стар, торговля у нас опасная.

Мигачева. А и выгодна ваша торговля, нет ее лучше.

фетинья. Еще бы. Само собой, что мы овощную и погребок только для виду держим; а настоящий наш товар темный.

Мигачева. Тут глаз да и глаз нужно.

фетинья. Да и хлопотно. Эти самые люди приходят к нам на рассвете; ночью-то они на промысле. Ну, старику-то и тяжело. Кабы зять, так одну ночь сам, а другую зять; да вот нет избранников.

Мигачева. Вы об женихах, а я об невестах. Женила б вот Елесю, да какого лысого беса за него отдадут!

фетинья. Зачем лысого!

Мигачева. А то какого же?

фетинья. Нет, он не об лысом думает.

Мигачева. О каком же? Где еще ему! Он младенец.

фетинья. Младенец-то младенец, а по чужим садам лазит.

Мигачева. Охота у него.

фетинья. И я говорю, что охота.

Мигачева. Птиц сетью накрывает.

фетинья. Не он накрывает, а я его накрыла и с птицей вместе. Только птица-то большая, больше тебя ростом будет.

Мигачева. Матушка, виноваты! Ах, упаду. Ах, он разбойник! Погубил он мою голову.

фетинья. Не твою, а мою. Узнает Истукарий Лупыч, кого причесывать-то будут? Не тебя, а меня. Так уж вот что! Вы мне не противны, а сам-то, пожалуй, тоже не прочь. Он об своей дочери невысокого мнения, а так надо сказать, что и за человека ее не считает, так много спорить не будет. Конечно, Елеся против нашего звания и приданого жених низменный; да, видно, уж судьба. Вели ты сыну одеться почище, да приходите к нам, не мешкая. Какое-нибудь решение нам выдет: либо мне быть битой, либо нам свадьбу пировать...

Мигачева (целуя в плечо фетинью). Матушка, благодетельница! То-то мне нынче во сне-то...

фетинья. Ну, да уж и я сон-то...

Мигачева. Чему быть-то, так уж, видно...

фетинья. Да вот, на грех-то мастера нет. Прощай покуда! Приходите скорей, пока сам дома.

Мигачева. Прощайте, приятная моя! Мы мигом.

Входят Елеся с самоваром, Анна и Настя. Фетинья уходит в лавку.

Явление пятое

Анна, Настя, Мигачева, Елеся.

Елеся. Кипит.

Мигачева. Брось скорей! Поди, чисти сертук; в гости зовут.

Елеся. Везде поспею. (Уходит в калитку, Мигачева за ним.)

Настя. Он писал, что ровно в четыре часа...

Анна. А к вечерне уж звонили.

Настя. Что я с ним буду говорить? У меня в голове все перепуталось. Мне хочется и плакать и смеяться. Я готова прыгать и хлопать в ладошки, как глупый ребенок в большой праздник; а что мне нужно, мне того не выговорить.

Анна. Мы прежде послушаем, что он скажет.

Настя. Тетенька, вы шаль-то вот так. (Поправляет платок на тетке.) Да пожалуйста, как можно поделикатней!

Анна. Ну, уж как умею. Лгать-то я не мастерица.

Настя. Нам бы как-нибудь, тетенька, припрятать свою бедность-то, чтоб не очень уж сразу-то.

Анна. Постараюсь.

Настя. Тетенька, он идет.

Анна. Поди, встретить его.

Входит Баклушин.

Явление шестое

Анна, Настя, Баклушин.

Настя. Вы-таки пришли. Ну, уж нечего с вами делать! Милости просим. Пожалуйста сюда!

Баклушин. Куда же?

Настя. А вот сюда, под деревья. Здесь лучше, чем в комнатах.

Баклушин. Как? На улице? Это довольно оригинально.

Настя (представляя Баклушина). Модест Григорьич Баклушин! Тетушка моя, Анна Тихоновна.

Баклушин кланяется.

Анна. Садиться не угодно ли?

Баклушин садится.

Настя (наливая стакан чаю). Не прикажете ли чаю?

Баклушин. Покорно вас благодарю. (Берет стакан.)

Настя. Не знаю, хорошо ли я хозяйничаю. Право, так неожиданно. Сладко ли я вам налила?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Баклушин. Превосходно. Отличный чай, отличные сухарики.

Настя. Ах, нынче и погода какая! И все так... Не угодно ли вам еще?

Баклушин. Позвольте. (Подает стакан.)

Настя (наливая). Ах, как мне весело, что мой чай вам нравится. Мне так это приятно слышать от вас. (Подает стакан.) Не правда ли, у нас хорошо? Мы живем конечно, небогато, но зато тихо, покойно. Мне, право, здесь так весело.

Входит Елеся в жилете с сертуком в руках.

Явление седьмое

Анна, Настя, Баклушин, Елеся, потом Мигачева.

Настя. Никто нас не трогает, никто нам не мешает.

Елеся (вешает сертук на дереве подле стола и начинает чистить).

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.

Настя (сконфузившись). Конечно, соседи у нас люди простые. (Елесе.) Елеся, вы бы дома сертук-то чистили. (Баклушину.) Но все нас так уважают.

Елеся. Очень нужно дома-то пылить.

Настя (почти сквозь слезы). А на нас-то зачем пылите! Отойдите по крайней мере.

Елеся. Ничего-с, кушайте чай, вы мне не мешаете.

Баклушин. А он чудак порядочный!

Настя. Не обращайтесь на него внимания, он малоумный.

Елеся. Уж и сертучок, Настасья Сергевна. (Надевает сертук.)

Настя. Оставьте меня!

Елеся. Да вы поглядите! (Поворачивается кругом.) Красота! Великонек немножко, да не перешивать же! Авось вырасту; что доброе-то портить!

Входит Мигачева, принарядившись очень пестро и без вкуса.

Баклушин. Это что за явление?

Настя. Это его мать! Она очень хорошая женщина! Учтивая, обязательная.

Мигачева (Елесе). Скоро ль ты, чучело гороховое?

Елеся. Готов. Совсем Максим, и шапка с ним.

Мигачева (проходя мимо Насти). Чай да сахар всей компании. Ох, не очень ли важно вы расселись-то. (Уходит в сад, Елеся за ней.)

Настя (сквозь слезы). Это ужасно! Я не знаю, за что они нынче все обижают меня. А все-таки здесь хорошо.

Баклушин. Нет, Настасья Сергевна, не утешайте себя, вам здесь нехорошо. Напрасно вы оставили вашу крестную маменьку.

Настя. Разве я сама ее оставила! Она начала меня упрекать: «Что ты все хорошеешь!» Ну, а что же мне делать! Я не виновата. Стала меня одевать похуже, а я все-таки лучше ее дочерей. Рассердилась за это да и прогнала меня.

Баклушин. Да, так вот что! Ну, теперь для меня дело ясно.

Анна. Да, ни за что обидели девушку. Да и нам-то какая тягость! Мы и сами-то с куска на кусок перебиваемся, а тут еще ее нам на шею спихнули.

Настя (с упреком). Тетенька!

Анна. Что, Настенька, скрываться–то, коли он тебе знакомый! Пусть уж все узнает. Кабы с рук ее сбыть, вот бы перекреститься можно.

Баклушин. Сбыть! Точно вещь какую. А куда же сбыть ее вы думаете?

Анна. Кроме как замуж, куда ж она годится! Ничего она не знает, ничего не умеет.

Баклушин. Неприятное положение! Надо подумать об этом серьезно. Что же вы делаете?

Настя. Так, кой–что.

Баклушин. Не кой–что, вам надо трудиться! Вы хоть бы уроки давали.

Настя. Чему? Я сама ничего не знаю. Вы видели, как меня воспитывали. Меня учили только тешить гостей, чтоб все смеялись каждому моему слову; меня учили быть милой да наивной; ну, я и старалась.

Баклушин. Да. правда. Ну, так вот что: сами учитесь! Да учитесь прилежней.

Анна. Оно, точно, хорошо; только, пока учишься, надо кушать что–нибудь.

Баклушин. И то правда.

Анна. Богатые думают об ученье, а бедные о том, чтоб только живу быть.

Настя. Постойте, погодите, тетенька! Дайте нам поговорить. (Отходит к стороне и манит Баклушина.) Подите сюда на минуточку!

Баклушин (подходя). Что вам угодно?

Настя. Можно вас об одном спросить?

Баклушин. Спрашивайте, что хотите!

Настя (тихо). Вы меня любите по–прежнему?

Баклушин. Больше прежнего.

Настя. Ах, как это хорошо!

Баклушин. А вы?

Настя. Про меня–то что и говорить! Кого ж мне и любить, как не вас? Так смотрите же!

Баклушин. Что смотреть–то?

Настя. Не обманите меня.

Баклушин. В чем? Я вам ничего не обещал.

Настя. Вы обещали меня любить, а это мне дороже всего.

Баклушин. Если я вам так дорог, отчего же вы давеча не хотели сказать мне своей квартиры?

Подходят к столу.

Настя. Я боялась, что вы войдете к нам, увидите нашу бедность и разлюбите меня. (Плачет.)

Баклушин. А плакать–то об чем?

Настя. Мне стыдно.

Баклушин. А зачем же стыдиться бедности?

Анна. А то чего же стыдиться-то! Есть ли что еще хуже, обидней бедности, ообенно для молодой девушки?

Баклушин. Мало ль что есть хуже бедности!

Анна. Вы посмотрите хорошенько на людей-то! Многие ль стыдятся того, что хуже-то, а бедности-то всякий стыдится. Вы сами бедности не знаете, оттого не по-людски и судите.

Настя. Оставьте, тетенька, этот разговор. Вы опять за то же. Я так счастлива, что Модест Григорьич у меня в гостях! Можно нам теперь хоть ненадолго и забыть про свое горе.

Баклушин. Вот теперь вы очень мило рассуждаете. Позвольте за это поцеловать вашу руку!

Настя. Ах, извольте, извольте!

Выходят из сада Фетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.

Явление восьмое

Анна, Настя, Баклушин, Фетинья, Мигачева, Лариса и Елеся.

Фетинья. Ишь, блаженствуют! Ну, не обида это?

Мигачева. А вот я сейчас осажу их. (Подходит к столу.) Уж вы очень проклажаетесь за чужим-то самоваром. Нам самим нужно, у нас тоже гости; они хоть и не благородные, а пожалуй, что и почище будут. Бери, Елеся!

Елеся берет самовар и уносит.

Настя. Что с вами? За что вы нас обижаете?

Мигачева. Уж не взыщите! За свою собственность всегда могу.

Настя. Нам он был уж не нужен, мы бы и сами вам отдали.

Мигачева. Ну, еще когда вас дожدهшься, а так-то лучше. Да и платок-то бы отдали. Что щеголять-то в чужом.

Анна (отдавая платок). Возьмите!

Настя. Ах, какой стыд, какой стыд!

Лариса (подходя к Насте). Здравствуйте, Настенька!

Настя (отворачиваясь). Здравствуйте!

Лариса. Это ваш жених? Даже очень недурен.

Настя. Какой жених! У меня нет жениха.

Лариса. Ах, напрасно. Вы не должны от нас скрываться, формально все доказывает, что этот самый и есть ваш жених.

Настя. Оставьте вы меня!

Лариса. Коль скоро вы ходите по лавкам собирать на приданое и даже бумагу для этого выправили, как же вы можете быть без жениха? Потому вы не должны народ обманывать.

Настя. Ах, ах! (Закрывает лицо руками.)

Лариса. А вдруг и мы хотим дать вам рубль серебра и говорим: «Окажите нам вашего жениха для видимости. Может, с вашей стороны обман!» (Отходит к Фетинье.)

Настя стоит как убитая.

Фетинья. Ай да Лариса! Она, нет-нет, да и скажет словцо!

Явление девятое
Баклушин, Анна, Настя.

Баклушин. Что это значит? Куда я попал?

Настя (складывая руки и умоляющим голосом). Простите меня!

Анна (берет ее за руку). Полно ты, полно! Что за оправдания! Ну, пошли, так и пошли. Надо чем-нибудь кормиться.

Баклушин. Можно ли, можно ли? У меня руки опускаются. Что мне думать о вас?

Настя. Вы меня разлюбите?

Анна. Да что за беда такая! Дядя и свидетельство достал и приказал ей идти, потому что кормить лишнего человека нам нечем, – мы сами часто не евши сидим. Вот и все. Она не смела не идти.

Баклушин. Вы говорили, что для молодой девушки ничего нет хуже, обидней бедности. Просить, побираться, милостивая государыня, вот что хуже бедности.

Анна. Это не хуже бедности, милостивый государь, это самая бедность-то есть. Сначала просить, потом воровать...

Баклушин. Что за ужасы! Что вы ее пугаете! Вам еще далеко до крайности, вы пьете хороший чай.

Настя. Ах, этот чай! Вся и беда-то от него. Послушайте! Вы писали, что придете ко мне, а у меня решительно ничего не было, нечего и заложить; а мне хотелось вас чаем напоить, вот я и пошла. Я не знала, что это так дурно.

Баклушин. Так вы это для меня? Благодарю вас. Но вот что, Настасья Сергевна: коли денег нет, так работать надо, работать, а не милостыню просить.

Анна. А вы думаете, мы сложа руки сидим? Мы чуть не ослепли от работы. Да что стоит наша работа, когда мы ничего не умеем. Мы на хлеб не вырабатываем.

Баклушин. По-моему, уж лучше в горничные идти.

Настя. Тетенька, вон что говорят. Найдите мне место, я пойду в горничные.

Анна. Мало ль что говорят, а ты слушай всех. Где тебя держать будут? Тебе рубля в месяц не дадут. Ты и утюга-то в руки взять не умеешь. (Баклушину.) Вы видите наше положение, вы ее любите; вот вам бы и помочь бедной девушке.

Баклушин. Чем же я могу?

Анна. Ведь вы холостой?

Баклушин. Холостой.

Анна. Женитесь!

Настя. Тетенька, перестаньте.

Анна. Что за церемонии! Спасите ее, ведь погибнет.

Настя (с испугом). Тетенька, разве я погибну?

Анна. Погибнешь, душа моя. Не ты первая, не ты последняя.

Настя. Ах, как страшно! (Баклушину.) Так спасите меня!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Баклушин. Ангел мой, я люблю вас, но жениться было бы безумие с моей стороны. У меня ничего нет. Жалованья мне только хватает на платье, да и то я чуть не всем портным в Москве должен. Я сам ищу богатой невесты, чтоб поправить свои дела.

Анна. Да, вот что?

Настя. Хорошо же вы меня любите!

Баклушин. Вас-то я люблю очень.

Настя. А себя больше?

Баклушин. Немножко больше.

Настя. Бог с вами! (Отворачивается и плачет.)

Баклушин (берет ее за руку). Ну, перестаньте, Настасья Сергевна! Настенька! Ну, рассмейтесь! Ну, агунюшки, дитя мое милое! Ну, какой я муж? Я ведь шалопай совершеннейший. Ну, рассмейтесь!

Настя улыбается.

Анна. А, так вы шалопай? Да, я вижу. Ну, а нам не до шутовства! Мне слушать больно. У нас забота о насущном хлебе, а вы хотите смешить нас! Ей не агунюшки нужны! Ей нужен теплый угол да кусок хлеба. Вот подойдет осень, этому ребенку и надеть-то нечего, и кушать-то нечего, и жить-то негде. Если дядя и не погонит, так она в нашей сырой конуре умрет через неделю. Мы на вас надеялись: она, бедная, последние деньжонки истратила, чтоб принять вас поприличнее.

Баклушин. Я бы рад всей душой помочь Настасье Сергевне, но у меня есть одно ужасное обстоятельство, которое связывает мне руки. Ах, если б вы знали!

Анна. Разговор короток. Ей помощь нужна настоящая, а вы, как я вижу, ровно ничем ей помочь не можете.

Баклушин. Отчего же ничем? Дружеским участием, советом.

Анна. Отчего это богатым никто ничего не советует, а все только бедным? Как будто у бедных уж и ума нет. У нас, бедных, только денег нет, а ум такой же, как и у вас. Что нынче за свет такой! С наставлением набивается всякий, а денег никто не дает.

Баклушин. Где мне взять денег! Мне самому не хватает. Разве малость какую-нибудь!

Анна. Да хоть и малость, все-таки ей помощь. У ней ведь уж чисто ничего.

Настя. Тетенька, я от него не возьму ни за что.

Анна. Ты не возьмишь, я возьму. Коли теперь с вами нет, занесите как-нибудь. Доброе дело сделаете.

Баклушин. Непременно занесу, непременно. Ох, этот ростовщик проклятый, опутал он меня по рукам и по ногам. А я, знаете ли что, я все-таки подумаю; может быть, ведь...

Анна. Подумайте! Душу-то ее пожалейте! А то ведь я... уж там суди меня бог! Я с голоду умереть ей не дам. Я знаю, что такое голод.

Баклушин. Прощайте, мой милый ребенок. Я вот что, я к вам сегодня же зайду.

Настя. Приходите!

Баклушин раскланивается и уходит.

Явление десятое
Анна, Настя.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анна. Ну, видела я теперь твоего знакомого довольно хорошо. Надо бы тебя поругать хорошенько, да уж и жалко.

Настя. За что?

Анна. Истратила ты свои последние деньжонки, а что толку! Послушай-ко ты меня! Выкинь ты его из головы вон.

Настя. Да ведь он сказал, что еще подумает.

Анна. Ну, да, как же! Будет он думать, нужно ему очень! А коли и будет, так ничего не выдумает. Ему бы только болтать о пустяках, вот его дело. Много таких-то по Москве бегают, да не очень-то они нам нужны. Мы иной день не евши сидим, а он придет с разговорами только оскомину набивать. И не надо его, и бог с ним.

Настя. Ах, не прогнать же его!

Анна. Отчего ж не прогнать; и прогоним. Вот он нынче придет; я тебя научу тогда, что ему сказать. Поверь, что он больше и не заглянет к нам. Да и хорошо бы. Какая от него польза? На что он нам? Сбивать тебя с толку? Так у тебя и то его немного. А тебе, душа моя, пора самой думать о себе, да, ох, думать-то хорошенько. Ребячество твое кончилось, миновалось.

Настя. Я знаю, что оно миновалось.

Анна. Нет, плохо знаешь! Все еще ты ребячишься. А ребячиться тебе уж не то что стыдно, а как-то зазорно глядеть-то на тебя. Богатая девушка прыгает, так ничего, весело; а бедная скачет, как коза, так уж очень обидно на нее. Что было, то прошло, того не воротить; а впереди для тебя – нечего мне скрывать-то – и сама ты видишь, ничего хорошего нет. Жить с нами в нищете, в холоде, в голоде тебе нельзя. И остается тебе...

Настя. Что мне остается?

Анна. Что тебе остается-то? Бедная ты, бедная! Лучше бы всего тебе теперь...

Настя. Что, тетенька?

Анна. Что? Умереть, вот что.

Настя. Ах, умереть...

Анна. Да. Я об тебе и плакать бы не стала. В могилку-то тебя как в постельку бы положила.

Настя. Страшно, тетенька! (С криком.) Ах, страшно, страшно! Холодно. Повезут меня на этих черных дрогах... такие страшные! Лежать в могиле, а все живут!.. Мне жить хочется, я такая молоденькая.

Анна. Ох, жить! Да ведь уж нечего делать! Бог смерти не дает, так, видно, жить надобно. Только я уж тебе сказала, что жить так, как мы живем, тебе нельзя. Да и что за напасть! Ты такая хорошенькая, тебе можно жить и лучше.

Настя. А как же?

Анна. А вот в сумерки придет купец... Дело-то ясное; я давеча тебе всего не сказала, что он со мной говорил.

Настя (закрывая лицо руками). Ах, ах! Нехорошо!

Анна. Да, нехорошо. Что дурное хвалить! А где ж взять для тебя хорошего-то? Тебе его в жизни и не дожидаться никогда. Уж худого-то не минуешь. Так из худого-то надо выбирать, что получше.

Настя. Дайте мне подумать.

Анна. Думай, Настенька, думай, душа моя, хорошенько. Хуже всего, коли руки

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e опустишь. Затянешься в нашу нищенскую жизнь, беда! Думай теперь, пока еще в тебе чувства-то не замерли, а то и солдатской шинели будешь рада.

Настя. Ай, что вы! Нет, нет!

Анна. Ходить по домам побираться, то кусочек сахарцу занять, то огарочек свечки; подбирать на чужих дворах щепочки, чтоб вскипятить горшок пустых щей...

Настя. Ах нет, нет! Не говорите, замолчите! (Подумав.) Тетенька!

Анна. Что, душа моя?

Настя. А много девушек умирают... от бедности, от горя?

Анна. Довольно-таки.

Настя. А много и таких...

Анна. Каких?

Настя. Ах, как стыдно!

Анна. Ох, много, много!

Настя. И все смеются над ними, презирают, обижают их... бедных?

Анна. Есть, кто и пожалеет; только мало христианства-то в людях.

Настя. И ведь никому-то, никому, кто на тебя косо взглянет, кто от тебя отворотится, рассказать нельзя, объяснить нельзя, что тебе только и оставалось или смерть или такая жизнь.

Анна. Думай, Настенька! Времени остается нам немного; купец придет скоро, – надо будет ему сказать что-нибудь. Да ты не забудь и того, что завтра нам опять идти собирать; а если ты не пойдешь, так дядя тебя прогонит из дому.

Настя. Помогите мне, посоветуйте!

Анна. Нет, мой друг, я греха на душу не возьму. И не слушай ты никого, будь ты сама над собой большая. А я ни советовать тебе, ни осуждать тебя не стану. Хочешь ты, живи...

Настя. Да, тетенька, простите меня, не презирайте меня, мне хочется пожить получше! (Прилегает на грудь к Анне Тихоновне.)

Анна. Бог тебя простит; я тебе не судья.

Действие третье

ЛИЦА:

Крутицкий.

Анна.

Настя.

Фетинья.

Лариса.

Мигачева.

Елеся.

Петрович.

Баклушин.

Декорация та же. Летние сумерки.

Явление первое

Выходят: Елеся из своей калитки с кистью и ведром краски, Петрович из лавки.

Петрович. За мастерство?

Елеся. За мастерство, друг. Не так живи, как хочется, а как люди приказывают.

Петрович. А тебе как хочется?

Елеся. Чего лучше не бывает, вот как.

Петрович. Дело-то о поцеловании купеческой дочери мировой кончили?

Елеся. Еще какой мировой-то! Жених, брат, я. Вот пословица-то: не родись умен, не родись пригож, а родись счастлив.

Петрович. На грех-то, говорят, и из палки выстрелишь.

Елеся. Именно, брат. Не надеялся, нечего сказать.

Петрович. Чудеса!

Елеся. Вот поди ж ты.

Петрович. На баб-то дивиться нечего, на них куричья слепота бывает, а как же это сам-то! Он тебя не в первый раз видит; дарование и образование твое ему известны.

Елеся. Сам ничего, сам меня любит. Знаешь за что? У тебя, говорит, характер хорош, легок; если тебя когда счеитами по затылку, ты не обидишься.

Петрович. Что тут обидного?

Елеся. Само собой. Русская пословица: за тычком не гонись! Так-то, Петрович, за тычком не гонись!

Петрович. Верно твое слово. Да и нечему дивиться, что, не доглядя, тебя за человека приняли; ты вот чему подивись!

Елеся. Чему, друг?

Входит Крутицкий, останавливается у своего крыльца и прислушивается.

Явление второе

Елеся, Петрович и Крутицкий.

Петрович. Я вчера Михея видел в совете опекунском.

Елеся. На подъезде с нищими? У него, гляди, там место откуплено.

Петрович. То-то нет. В зале стоит у окошечка. Кладет ли он, вынимает ли, уж не рассмотрел, а в руках у него деньги видел.

Елеся. Он ли, полно?

Петрович. Верно. А и то сказать, и удивляться-то нечего! Сколько лет он процентщиком-то был!

Елеся. Слышали мы, брат, слышали; да что ж у него денег-то не видать?

Петрович. Увидишь ты, как же! Ишь ты у него решетка-то какая крепкая. Кабы денег не было, зачем бы ему за железной решеткой жить.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Елеся. Значит, свою осторожность наблюдает?

Петрович. Наблюдает. У него, говорят, и дверь-то внутри железная, двумя замками запирается. Только нет таких замков, Елеся, которых бы отпереть нельзя было. Ключ не подойдет, так разрыв-трава есть на то.

Елеся. Да и надо этих процентщиков грабить, братец ты мой, потому не пей чужую кровь.

Петрович. Да и не забывают их: это грех сказать. Что ни послышишь, того убили, другого ограбили.

Елеся. Все ж таки, брат, лучше, ничем честных людей.

Петрович. Ну, друг, у воров этого расчета нет. Вор ворует, где ему ловчее, а конечно, и того не забывает, что у процентщика сразу много зацепить можно. Про Михея, должно быть, наши мастера еще не знают, а прослышат, так не миновать и ему. Да уж, кажется, своими бы руками помог, так я на него зол.

Елеся. За что, про что?

Петрович. Есть тому причина. Еще когда он служил, так попался я по одному казусному делу, по прикосновенности. Человек я тогда был состоятельный, дела вел большие, конкурсами занимался. Не Петровичем меня звали-то, а Иваном Петровичем Самохваловым.

Елеся. Ну, и что же, друг единственный?

Петрович. Ну, и спрятал он меня в каменный мешок, что острогом зовут. Томил, томил, сосал, сосал деньги-то, да тогда только погулять-то выпустил, когда всего набело отчистил. В одном сертуке пустил. Век я ему не забуду. (Уходит в калитку.)

Михеич подходит к Елесе.

Елеся. Михею Михеичу наше почтение!

Крутицкий. Здравствуй, Елеся! А я вот целый день бродил; обещали мне помочь на бедность, да ничего не дали, так целый день даром и проходил.

Елеся. А я так слышал, что вас поздравить надо с получением, с большим получением.

Крутицкий (машет руками). Что ты закричал! Что ты закричал! Эх, Елеся! Ну, кто услышит, и убьют меня. Убить-то убьют, а найдут у меня грош; старичка за грош и убьют, даром душу и загубят. Тебе кто сказал (тихо), что я деньги получил?

Елеся. Петрович сказал.

Крутицкий. Хороший человек Петрович, я его люблю. Ты ему скажи, что я его люблю. Только он ошибся.

Елеся. Да нечто я ему верю!

Крутицкий. Ошибся он; долго ль ошибиться! Дельный человек этот Петрович, дельный.

Елеся. Еще какой делец-то! По судам ходит, дела охлопатывает.

Крутицкий. Да, да.

Елеся. Пачпорта пишет.

Крутицкий. Да, да... А кому он их пишет?

Елеся. Стало быть, кому нужно. Правой рукой пишет, левой руки прикладывает.

Крутицкий. Хорошее занятие, доходное. Хороший человек Петрович, дельный... А воров
Страница 133

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e он знает?

Елеся. Первый друг им всем. Вот здесь в лавочке по ночам пачпортами и торгует. У него и печати всякие есть.

Крутицкий. И жилец он исправный, на квартире его держать хорошо.

Елеся. Что ж его не держать! За квартиру платит. Скоро нас тут, Михай Михеич, одна компания будет, потому меня лавочник в зятя берет.

Крутицкий. Хорошая компания, хорошая. Все вы хорошие люди. А я вот нынче, Елеся, гривенничек было потерял. Как испугался! Потерять всего хуже; украдут, все-таки не сам виноват, все легче.

Елеся. Зато найти весело, Михай Михеич. Вот кабы...

Крутицкий. Кому счастье, Елеся. А нам нет счастья; бедному Кузиньке бедная и песенка. Терять – терять, а находить – не находил. Очень страшно – потерять, очень! Я вот гривенничек-то засунул в жилетку, да и забыл; вдруг хватился, нет. Ну, потерял... Задрожал весь, руки, ноги затряслись, – шарю, шарю, – карманов-то не найду. Ну, потерял... одно в уме, что потерял. Еще хуже это; чем бы искать, а тут тоска. Присел, поплакал, – успокоился немножко; стал опять искать, а он тут, ну и радость.

Елеся. Да, Михай Михеич, нашему брату и гривенник деньги. Деньги вода, Михай Михеич, так сквозь пальцы и плывут. Денежка-то без ног, а весь свет обойдет.

Крутицкий. Бегают денюжки, шибко бегают. Безумия в мире много, оттого они и бегают. Кто умен-то, тот ловит их да в тюрьму.

Елеся. Хитро ловить-то их; это не то, что чижей, не скоро поймаешь.

Крутицкий. Не скоро поймаешь, не скоро. (Отходит к своему крыльцу.)

Елеся (начинает красить загородку своего сада).

Чижик-пыжик у ворот,
Воробушек маленький.

Крутицкий. Ай, ай, ай! Что я слышал-то, что я слышал! Что затевают! Что девают! Вот она, жизнь-то наша! Убить собираются, ограбить! Уберег меня бог, уберег. А я вот услышал, ну и спрячусь, сам-то и цел буду. Ну, и пусть их приходят, пусть замки ломают. Приходите, приходите! Милости просим! Немного найдете. Мы и дверей не запрем! Хорошо бы их всех, как в ловушку, а потом кнутиком. Иголочку бы с ниточкой мне поискать. Ну, да еще поспею. Приводи гостей, Петрович, приводи! А я пока вот в полицию схожу. (Уходит.)

Выходит из калитки Лариса.

Явление третье

Елеся, Лариса, потом Фетинья, Мигачева.

Лариса. Но как вы не аванжны!

Елеся. Умыться-то недолго; да ведь сколько ни умывайся, белей воды будешь. Медведь и не умывается, да здоров живет.

Лариса. Вы, пожалуй, и на крышу влезете.

Елеся. Что ж, Москву видней-с.

Лариса. Но когда же вы мной заниматься будете? К вам и подойти нельзя.

Елеся. Ничего-с, я со всякой осторожностью. Пожалуйте, здесь довольно свободно разговаривать можно.

Лариса подходит к нему. Выходят из калитки Фетинья и Мигачева.

Фетинья. Я, матушка, никогда не закусываю, этой глупой привычки не имею.

Мигачева. Вы такая умная, такая умная, что уж я и руки врозь.

Елеся (Ларисе). Однако наши старушки разговорцу–то себе прибавили.

Лариса. Одно для них развлечение, потому как они ко всему в жизни довольно бесчувственны.

Фетинья. Почему я умна?

Мигачева. Бог одарил.

Фетинья. Потому я женщина ученая.

Мигачева. Уж одно при одном.

Фетинья. Я женщина ученая, очень ученая.

Мигачева. Другие б и рады, да негде им этого ученья взять.

Фетинья. Моему ученью ты не обрадуешься: я себе все ученье видела от супруга.

Мигачева. От супруга? Скажите!

Фетинья. Да, от супруга. Ты спроси только, чем я не бита. И кочергой бита, и поленом бита, и об печку бита, только печкой не бита.

Мигачева. Однако же...

Фетинья. Первая мне наука была за мои чувства, что чувствительна я до всего и сейчас в слезы. Вторая за характер.

Мигачева. Что ж, ваш характер очень даже легкий.

Фетинья. Не скажи ты этого, не скажи! Женщина я добрая, точно... и если б не мой вздорный характер, дурацкий, что готова я до ножей из всякой малости, кажется, давно бы я была святая.

Мигачева. Вспыльчивы?

Фетинья. Вот за это–то за самое.

Мигачева (Елесе). Что ты носишься с ведром–то, слоны–то продаешь! Красил бы поскорее, да и к стороне. Наговориться–то после успеете.

Лариса (Елесе). Оставьте эти слова безо внимания.

Елеся. Любовь, маменька.

Мигачева. Ну, любовь! Ты дело–то отделай сначала!

Елеся. Я, маменька, живо!

Мигачева. Да ты старательней!

Елеся. Что тут! Не живопись какая! Я, маменька, сразу, я вот как. (Поет.)
Танцуй, Матвей. (Красит машинально, переговариваясь и пересмеиваясь с Ларисой.)

Фетинья (садясь на скамью у калитки). И сама я не похваляю свой характер; из–за малости, вот из–за малости, готова я съесть человека. Приятна ты мне, а задень меня чем–нибудь... Присесть, устала. (Садится на скамью подле загородки.)

Мигачева. Ах, вы поосторожней! Тут...

Елеся (одной рукой обнимает Ларису, другой красит, не глядя). Танцуй, Матвей. (Задевает Фетинью кистью по лицу.)

Фетинья. Уах! Батюшки! Что это такое?

Елеся. Не жалея лаптей. (Задевает еще.)

Фетинья. Ай!

Мигачева. Разбойник, что ты делаешь! Что сделал, погляди!

Елеся (взглянув на Фетинью). Окрасил. (Бросает кисть и с отчаянием опускает руки.)

Мигачева (Фетинье). Матушка, Фетинья Мироновна, утритесь! (Хочет утереть ее.)

Фетинья. Не тронь, не тронь! Вотрешь, хуже будет, внутрь войдет. Ах!

Мигачева. Матушка, умойтесь подите! Ручки, ножки буду целовать.

Фетинья. Нет! Вы будете красить, а я умывайся. Тебе хочется, чтобы знаку-то не было. Нет! Не хочу, не хочу. По всей Москве так пойду, пусть люди смотрят.

Мигачева. Матушка, припадаем к стопам твоим! Умойся!

Фетинья. Нет, по улицам пойду, по всем переулкам пойду. Вот призрели нищих, а они на-ко что! Поняла я тебя теперь, очень хорошо поняла!

Мигачева. Да я-то чем же...

Фетинья (Елесе). Ты не то что в наш сад, и мимо-то не ходи, а то собак выпущу! (Мигачевой.) Поняла я тебя теперь довольно хорошо. Вот вы что, заместо благодарности. Да чтоб я забыла, да, кажется, ни в жизнь. (Ларисе.) Иди, говорят! Аль того ж дожидаться? Поводись с нищими-то, от них все станется. Окна-то на вашу сторону заколотить велю.

Лариса. Да пойдёмте, будет вам маскарад-то представлять. (Уходит.)

Явление четвертое

Мигачева и Елеся.

Мигачева (плача). Все ты, разбойник, нарушил, все ты нарушил.

Елеся. Вешайте! одно слово, вешайте! Удавить меня теперь одно средство!

Мигачева. Что мне проку вешать-то тебя, что проку? Ну, удавлю я тебя, ну, удавлю, да что толку-то будет? Отвечай ты мне, что толку-то, отвечай! Ну, не злодей ты для своей матери?

Елеся. Я, маменька, злодей. Я злодей. Теперь я сам вижу, что я злодей.

Мигачева. И не кажись ты мне на глаза отныне и до века! И к воротам ты не подходи! Хоть бы ты провалился куда, развязал бы мою голову. Нет вот на человека пропасти!

Елеся. А вдруг от слова-то станется!

Мигачева. Что еще с тобой станется, погубитель?

Елеся. Прочитаете в «Полицейских ведомостях».

Мигачева. Отвяжись ты с своими ведомостями! Провались ты и с ведомостями вместе! Не расстройвай ты меня больше! И так мне слез своих не проплакать. Вот тебе и счастье! Словно во сне видела. У, варвар! (Уходит.)

Выходит Петрович.

Явление пятое

Елеся и Петрович.

Елеся. Петрович, погибаю.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Петрович. Опять?

Елеся. Еще хуже.

Петрович. Иль уголовщина?

Елеся. Она самая. Фетинью Мироновну окрасил.

Петрович. Каким колером?

Елеся. Да все одно.

Петрович. Нет, брат, разница.

Елеся. Сажей, друг.

Петрович. Худо!

Елеся. Голландской.

Петрович. Еще хуже. Ну, плохо твое дело! Ты бы лучше в какую-нибудь другую.

Елеся. Почему так, скажи, братец?

Петрович. Тут вот какой крючок! Окрась ты ее в зеленую или в синюю: можно сказать, что без умыслу. А сажа! Что такое сажа? Ее и в лавках-то не для краски, а больше для насмешки держат. Тут умысел твой видимый.

Елеся. Ответ велик?

Петрович. Велик. Что муж в гильдию платит, так за жену вдвое заплатишь, а кабы дочь окрасил, так вчетверо.

Елеся. Прощай, друг! Не скоро увидимся.

Петрович. Куда ты?

Елеся. Скитаться. (Убегает.)

Петрович входит в лавку. Из дома выходят Анна и Настя.

Явление шестое

Анна, Настя, потом Баклушин.

Анна. Он теперь, того гляди, придет, коль не обманет. Помни все, что я тебе говорила. Так прямо ему и режь. Об чем ты, дурочка, плачешь? Ведь уж все равно, долго он ходить к тебе не станет, скорехонько ему надоест, сам он тебя бросит. Тогда хуже заплачешь, да еще слава дурная пойдет. А тебе славу свою надо беречь, у тебя только ведь и богатства-то. Вон он, кажется, идет. Смотри же, будь поумнее! Богатым девушкам можно быть глупыми, а бедной девушке ума терять нельзя, а то пропадешь. (Уходит.)

Входит Баклушин.

Баклушин. Вот я и опять к вам.

Настя. Ах, это вы!

Баклушин. Да, я. Видите, как я держу слово.

Настя. Напрасно беспокоились. У вас, должно быть, времени некуда девать.

Баклушин. Чтоб видеть вас, я всегда найду время.

Настя. Неужели? А лучше бы вы не ходили, оставили меня в покое.

Баклушин. Что так? Что с вами?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Настя. Мне некогда занимать вас разговорами; я бедная девушка, мне нужно работать. Вы такой щеголь, вы любите одеваться хорошо, а хотите, чтоб я встретила вас в этом платье и не стыдилась! За что вы меня мучите? С меня довольно и того, что я каждый день плачу, когда надеваю это рубище. Вы одеты вон как хорошо, а я – на что это похоже.

Баклушин. Ах, какое вы бедное существо!

Настя. Ну, вот бедная, так мне и нечего разговаривать с вами, а надо работать.

Баклушин. Ну, одну минуточку.

Настя. Да что минуточку! Вот мне завтра опять идти в город, у купцов просить.

Баклушин. Что вы, что вы! Послушайте! Вам нельзя оставаться в этом положении.

Настя. Я знаю, что нельзя; я и не останусь.

Баклушин. Как же вы поступить хотите?

Настя. Да вам что за дело. Вот были давеча деньги, истратила вот задаром...

Баклушин. Вы меня пугаете.

Настя. Хоть бы какие-нибудь деньжонки, а то ничего! Как это! Ни платья, ничего...

Баклушин. Мне страшно за вас. Вы в опасности.

Настя. Ну, что ж такое! Туда мне и дорога. Никому меня не жалко; никто меня не любит. Как это, ни башмаков, ничего...

Баклушин. Как бы мне хотелось помочь вам!

Настя. Ну, так что ж, за чем же дело стало?

Баклушин. Но как помочь, как?

Настя. Дайте мне тысячу рублей ассигнациями.

Баклушин. Не меньше?

Настя. Не меньше. Мне так нужно.

Баклушин. Но отчего же непременно тысячу, отчего не больше? Вам это слово нечаянно попало на язык, вот вы и говорите.

Настя. Вы думаете? Как же! Нет, нет, уж я знаю. Вот если не дадите тысячу рублей, ну, и...

Баклушин. Ну, и что же?

Настя. Ну, и разговаривать вам со мной, и видеть меня нельзя.

Баклушин. А если дам?

Настя. Тогда пожалуйста к нам, когда вам угодно. Да что, Модест Григорьевич, ведь у вас нет, так нечего и говорить.

Баклушин. И очень жалко, что нет.

Настя. И я жалею, да уж делать нечего.

Баклушин. Скажите, кто вас научил так разговаривать?

Настя. Что вы меня все еще за дуру считаете! Нет, уж извините! Да что мне разговаривать! мне некогда, меня тетенька забранит.

Баклушин. За что?

Настя. Что я не работаю. Хорошо разве тут с вами под забором-то стоять! Вам хочется, чтоб про меня дурная слава пошла?

Баклушин. Ну, бог с вами! Прощайте! Будьте счастливы!

Настя. Покорно вас благодарю. А что ж, вы давеча обещали подумать-то? Подумали вы?

Баклушин. Извините! Обстоятельства такие, просто самому хоть в петлю.

Настя. Я так и знала. Ну, прощайте!

Баклушин медленно удаляется.

Что тетенька со мной сделала! Вот уж я теперь совсем одна в божьем мире. И точно вот, как я бросилась в море, а плавать не умею. (Входит на крыльцо и кланяется Баклушину, который стоит у лавки.)

Входит Разновесов и осматривается. На крыльцо выходит Анна.

Явление седьмое

Анна, Настя, Разновесов, вдали Баклушин.

Настя. Тетенька, куда вы?

Анна. Погляди, кто пришел-то! Встретить надо.

Настя. Вот он! Ах! Что же, что же вы скажете?

Анна. Что же мне говорить, Настенька? Я могу только попросить его, чтоб он не обижал тебя.

Настя. Да за что ж меня обижать! Я ведь беззащитна, совсем беззащитна.

Анна подходит к Разновесову. Настя стоит на крыльце в оцепенении.

Анна (Разновесову). Здравствуйте!

Разновесов (кланяется). Пожалуйте сюда к сторонке!

Анна. Вы бы в комнату пожаловали, посмотрели, как мы живем.

Разновесов. Нет, уж вы нас извините-с! Этот самый ваш домик-с? Плох-с. Отсюда вижу.

Анна. Да что ж хорошего на улице...

Разновесов. Нет, уж извините-с! Мы тоже осторожность свою знаем. Не зная-то, да в семейный дом неловко, – бывали примеры.

Анна. Хоть убейте, не пойму.

Разновесов. Меня тоже, так как слабости наши многим известны, записочкой пригласили в один дом.

Анна. Ну, так что же-с?

Разновесов. Ну, только что взошел, ту ж секунду расписку в пятьсот целковых и взяли. Можно и здесь; разговор не велик. Пожалуйте сюда, к сторонке. (Отходит к стороне и говорит с Анной тихо.)

Баклушин подходит к Насте.

Баклушин. Что это за господин?

Настя. Ах, оставьте меня, отойдите! Зачем вы воротились? Зачем! Боже мой! (Убегает в комнату.)

Разновесов (Анне). Уж это само собой-с, из рук в руки. И насчет вас мы тоже этот порядок знаем; вы не беспокойтесь! Ситчику темненького, а когда и шерстяной материи, недорогой; нынче эта фабрикация в ходу.

Анна. Покорно вас благодарю.

Разновесов. Насчет скромности очень нам желательно, чтоб разговору этого меньше.

Анна. Какой разговор! Чем тут хвастаться, батюшко, помилуйте!

Разновесов. Так-с, правду изволите говорить. А от нас уж разговору не будет, потому мы тоже опасность имеем от супруги, так как наша супруга, при всей их бестолковости, очень горячий характер имеют-с.

Анна. Уж вы поберегите.

Разновесов. Само собою-с. Дебошу от нас не ожидайте. У других это точно, что дебоширство на первом плане, потому в том вся их жизнь проходит, а мы совсем на другом положении основаны. Конечно, иногда, с приятелями...

Анна. Ох, уж с приятелями-то...

Разновесов. Ничего-с, сударыня, нельзя же. Иногда с обеда-с какого немножко навеселе: куда ж деться! А, впрочем, деликатно.

Анна. Знаю я вашу деликатность-то. Кто и видывал-то вас вдоволь, и тому глядеть на вас сердце мрет, а кто не видывал-то, подумайте! Да, кажется... Боже вас сохрани!

Разновесов. Однако ж мы себя ничем не доказали с дурной стороны.

Анна (горячо). Да если вы ее обидите, я с вами жива не расстанусь. Варваром надо быть, зверем, а не человеком.

Разновесов. Почему же так вы не верите нашей солидности?

Анна. За нее я, господи боже мой, я вас со свету сживу.

Разновесов. Мы, признаться сказать, при вашей бедности, от вас таких претензий не ждали. А коль скоро вы, еще не видя от нас ничего, ни худого, ни доброго... Так мы лучше все это дело оставим. Потому что ежели кляузы...

Анна. Какие кляузы! А жаль мне ее, бедную. (Плачет.)

Настя (выглядывая из двери, Баклушину). Что, ушел? Ушел?

Анна. Извините вы меня! У меня сердце поворачивается, ведь она сирота круглая. (Падает на колени.) Батюшко, отец родной! Ведь она голубка чистая! Грех вам будет ее обидеть!

Настя (на крыльце). Тетенька, тетенька, что вы! Вот бы когда умереть-то! Модест Григорьич! Модест Григорьич!

Баклушин подходит.

Дайте мне ножик! Дайте мне ножик!

Баклушин. Что вы, что вы! Успокойтесь!

Анна (рыдая). Не погубите, вас бог накажет.

Разновесов (поднимая Анну). Что вы, помилуйте! Нешто мы не понимаем? Тоже чувства имеем. Будьте без сумления. Так уж завтрешнего числа пусть и перебираются, куда я сказал. На углу большой трущобы и малого захолустья. Изволите знать?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анна. Хорошо–с. Знаю.

Разновесов. Прямо на все готовое–с. Прощенья просим.

Анна. Прощайте!

Разновесов уходит.

Настя (бросаясь к тетке). Тетенька!

Анна. Ну, Настенька, не вини меня ни перед богом, ни перед людьми.

Настя. Нет, нет, за что же! Я сама. Я одна виновата, я, я, несчастная.

Баклушин. Настасья Сергевна, что это? Что с вами?

Настя. Оставьте, меня! Уж теперь, как бы я вас ни любила, я для вас навек чужая. Я куплена!

Баклушин (растроганный). Ах, боже мой, что вы делаете!

Настя (падая ни грудь тетке). Тетенька, я погибла, я погибла!

Анна (плача). Успокойся, мой друг, успокойся.

Настя (бросаясь на колени с поднятыми руками). Господи, ничего я не прошу у тебя! Одной смерти, только одной смерти!

Действие четвертое
ЛИЦА:

Крутицкий.

Анна.

Настя.

Епишкин.

Фетинья.

Мигачева.

Елеся.

Петрович.

Лютов и два будочника.

Декорация та же. Рассветает.

Явление первое

Анна и Настя выходят из дому; Крутицкий в кустах сада Епишкина.

Анна. Михей Михеич, где ты бродишь?

Крутицкий (выходя из кустов). А? Кто тут? Кто тут? (Увидав Анну.) Ты зачем? Ты что не спишь? Ты спи, спи! Я стерегу.

Анна. Отдохни немножко, ты старый человек.

Крутицкий. Нет, нет, ты поди спи, ты спи!

Анна. Да как мне уснуть–то! Ты всю ночь бродишь; Настя вот с вечера все металась да бредила, а теперь вот проснулась, плачет. Мы бы посидели на крылечке. А ты бы пошел, соснул.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e Крутицкий. Нет, нет, я тут погуляю.

Анна. Ну, как хочешь. Сядь тут, Настенька! Ветром тебя обдует, лучше тебе будет.

Настя. Какой страшный сон! Я и теперь вся дрожу!

Анна. Да ты что видела, милая? Чего так испугалась?

Настя (в дремоте). Будто иду я по улице и вижу свои похороны. Несут меня в открытом гробе...

Анна. Ты засыпаешь, никак?

Настя. Нет. И сама я на себя смотрю. И все я будто прячусь от людей, все совещусь. Надета на мне шинель, старая, изорванная, и странно... какая-то она двуличневая. В одну сторону отливает одним цветом, каким уж – не помню, а в другую золотым... Спать хочется... Так и сквозит, просвечивает золото. И, как будто... (Засыпает, прислонясь к плечу Анны.)

Анна. Ну, уснула.

Настя (во сне). Держите меня, не выпускайте!

Анна. Э, матушка, вот ты что заговорила. Настенька, проснись! Пойдем в комнату, там уснешь.

Настя. А? Что вы? Где я? Пойдемте!

Анна. Михей Михеич, мы пойдем домой.

Крутицкий. Идите, идите, я постерегу.

Анна. Что ты, Михей Михеич, все стережешь! Этак и в самом деле подумают, что у нас денег много. Еще убьют, пожалуй; с тобой до беды доживешь (Уходит, Настя за ней.)

Крутицкий. И убьют, и убьют. Чувствует, бедная.

Из лавки выходит Лютов.

Явление второе
Крутицкий, Лютов.

Лютов (в дверь лавки). Сделай милость, Истукарий Лупыч, не торгуй по ночам! Нехорошо. (Подходит к Крутицкому.) Ну, что?

Крутицкий. Не были, не пришли нынче. Что делать-то, не пришли.

Лютов. Да и не придут. Только вы полицию беспокоите.

Крутицкий. Нет, батюшка, Тигрий Львович, нет. Уж я вам их заманю, нарочно заманю. Я старый подьячий, я свое дело знаю. Разом всю шайку накроете, орден получите.

Лютов. Недурно бы.

Крутицкий. Верно, верно. Я сам слышал своими ушами, как они сговаривались.

Лютов. Ну, теперь светло, я свою команду возьму. Надо квартал дозором обойти. (Подает руку Крутицкому.)

Крутицкий. Уж завтра-то не откажите, батюшка, батюшка. (Подобострастно берет обеими руками руку Лютова и несколько раз кланяется.) Возьмите теперь, возьмите.

Лютов дает свисток и уходит; два будочника выходят из кустов и издали идут за ним.

Я от старых сыщиков слышал: никогда ты вора не хватай прежде времени, не мешай

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
ему, не мешай, а то он на суде отвертится. А ты дай ему дело сделать, дай ему
простор, да тогда и бери его. Вот мы их впустим, да и дадим им время
распорядиться... Ведь, может быть... Что делать-то! Что делать-то! (Утирает слезы.)
Может быть, они Анну и тук! (Делает рукой жест, как рубят топором.) Что
делать-то! Зато уж всех на каторгу, всех на каторгу. Жаль Аннушку, да что ж! Это
смерть хорошая; все равно что мученица. Да, да. А воров-то на каторгу.

Входит Елеся.

Явление третье
Крутицкий, Елеся.

Крутицкий. Откуда ты?

Елеся. Где был, там нету, Михей Михеич!

Крутицкий. Что ж ты бродишь по ночам! Что ты бродишь?

Елеся. Будешь бродить, Михей Михеич, как из дому-то ухватом. Разве б я спать-то
не умел? Да, видно, скачи враже, як пан каже. Вот и скачи по холодку-то и
слоняйся, как вор.

Крутицкий. Да, как вор, как вор.

Елеся. А что у нас тут воров, Михей Михеич!

Крутицкий. Много?

Елеся. Страсть! Я всех знаю.

Крутицкий. Знаешь?

Елеся. Знаю, Михей Михеич. Я по ночам рыбу ловлю, так часто их вижу. И, как их
увидю, сейчас с ними в разговор: «Здравствуйте, господа жулики!» А они мне:
«Здравствуйте, господин Мигачев!» – «У меня, в моем переулке, чтоб честно и
благородно!» – «Слушаем, Елисей Иваныч!» – «А то смотрите!» – «Будьте покойны,
Елисей Иваныч!» Вот я как с ними! Я над ними командую, задачи им задаю. Видели у
Ларисы собачку маленькую, лохматенькую? Это я ей подарил. Говорю: «Господа
жулики!» – «Что угодно, Елисей Иваныч?» – «Вы, говорю, по разным местам за своим
промыслом ходите, так уж вам кстати. Чтоб была мне, говорю, собачка, маленькая,
лохматенькая, хвостиком вот так!» – «Предоставим, Елисей Иваныч». Через день
готова в лучшем виде, так точно.

Крутицкий. Ты мне их укажи как-нибудь, чтоб мне их в лицо-то знать. Укажи!

Елеся. Извольте. Да вот сейчас все эти воры подле нас будут.

Крутицкий (с испугом). Где? Где?

Елеся. А вот сюда в лавочку один по одному соберутся. Квартальный ушел из лавки?

Крутицкий. Ушел.

Елеся. Ну, так уж гляди, есть кто-нибудь.

Крутицкий. Как же я их не видал?

Елеся. У них с той улицы особый ход есть. У всякого плута свой расчет, Михей
Михеич.

Крутицкий. Много их?

Елеся. Человек восемь. Сбудут свой товар Истукарию Лупычу да уж налегке и
разойдутся по своим местам. Вон в окошечко смотрят.

Крутицкий. Куда смотрят?

Елеся. Дозор нейдет ли, да и на вас поглядывают.

Крутицкий (прячась за Елеся). На меня?

Елеся. Что, мол, такой за новый сторож проявился. Им тоже нужно сторожей знать; они тоже свою осторожность должны иметь.

Крутицкий. Я не стеречь, я так вышел, погулять, не спится.

Елеся. А дубина-то зачем с вами? Ха-ха-ха!

В лавке хохот.

Крутицкий (испугавшись). Я брошу ее, Елеся, брошу ее.

Елеся. Бросьте лучше; а то ведь она об двух концах. (Хохочет.)

В лавке хохот.

Крутицкий. Чему они смеются, Елеся, чему?

Елеся. Страсть напускают.

Крутицкий. Они нас это, нас пугают?

Елеся. Да вы не бойтесь. Это они игру ведут. Так, шутя. А все ж таки, чтобы и опасались. Что же это вы такое стержете?

Крутицкий. Молчи ты, услышат.

Елеся. Видно, у вас и вправду денег много.

Крутицкий. Молчи ты, молчи, болтун! Эх, какой ты болтун. Ну, что ты болтаешь, ну, что! Ведь услышат!

Елеся. Ну, а нет, так нет. Мне что.

Крутицкий. Да зачем болтать, зачем болтать? Ну, услышат, что у меня деньги, ну, убьют меня, ну, туда мне и дорога, я уж старик. А тебе-то нехорошо; ты молодой человек, а все болтаешь. Так вот болтуном и прозовут, и нехорошо. Все и будут: болтун да болтун! Ну, что? Ну, что?

Елеся. Да я к примеру, Михей Михеич.

Крутицкий. Да не надо мне твоего примера.

Елеся. Ведь я какой человек?

Крутицкий. Какой? Глупый.

Елеся. Нет, погодите! Я вот какой: будь у вас в кармане сто тысяч...

Крутицкий (зажимая ему рот). Провались ты!

Елеся. Нет, постойте! Хоть бы доподлинно, я никому не скажу! Мне что за дело! у вас в кармане деньги, значит...

Крутицкий. Разбойник, разбойник! Вот навязался. Там слушают, пугают, а ты...

Елеся. Ну, и значит, ваше при вас, а мое дело сторона. Так аль нет я говорю? Что мне до чужих денег, хоть бы у вас их миллион.

Крутицкий (замахивается дубиной). Провались ты!

Елеся. И провалюсь. Пойти метлу поискать да улицу подместь. Все-таки на улице порядок да и моцион, а то что-то меня к утру-то ветерком пробирать начало. Калитка-то у нас заперта. Да вот кто-то выходит.

Выходит Петрович.

Явление четвертое
Крутицкий, Петрович.

Петрович (про себя). Это кто? Михей? Он и есть. Ого! Какую дубину прибрал! Как награбленное-то бережет.

Крутицкий, увидя Петровича, отворачивается.

Что отворачиваешься от знакомых? Ты погляди на меня.

Крутицкий. Невежа ты, вот что. Я чиновник.

Петрович. Чины мы будем днем разбирать, а теперь, благо никого нет, поговорим запросто.

Крутицкий. Иди своей дорогой, куда шел.

Петрович. Вот что я тебе скажу! Ты в такую пору на улицу не выходи, а то, брат, неровен час...

Крутицкий. Нечего мне бояться.

Петрович. Ишь ты святой какой! Нечего ему бояться. Мало ль ты народу-то обидел? Мало ль по миру пустил? Ты меня бойся!

Крутицкий хочет уйти.

Куда ты, куда? (Останавливает его.) Нет, ты поговори со мной!

Крутицкий (злобно). Я тебе ничего не сделал. Отойди, отступись! Служил я, так со всех брал, ты не лучше других; ты мне не отец родной, чтоб с тебя не брать. Ты сам по делам ходишь, сам с людей берешь.

Петрович. И сам беру, и знаю, как люди берут, ты мне не толкун. Попался тебе баран лохматый, ну, и обстриги его. А ведь ты со шкурой норовишь. Ты у меня с деньгами-то полбока вырвал. Я барином зажил, а ты меня сразу в нищие разжаловал. Только одна своя душа осталась, а то все ты отнял. Ты из меня, как паук, всю кровь высосал.

Крутицкий. Долго же ты помнишь! Ишь, какой памятный!

Петрович. Век не забуду. И не попадайся ты мне лучше, не вводи меня в грех.

Крутицкий. Мы не в бессудной земле живем, не в бессудной.

Петрович. Ну, да уж в Сибирь пойду, а тебя доконаю. Отольются тебе мой слезы.

Крутицкий (толкнув Петровича). Отойди от меня! Поди, поди!

Петрович. Ну, ты потише; а то ведь я из тебя баранок наверчу.

Крутицкий (замахивается дубиной). Отойди, говорю тебе!

Петрович. Что! Ты дубиной грозиться! Ах ты, мухомор! (Отнимает дубину.) Тряхну хорошенько, только тебе и житья! (Замахивается дубиной.)

Крутицкий (бежит и задевает шинелью за дерево). Ай, ай! Кто меня держит? Пустите!

Явление пятое
Крутицкий один.

Крутицкий. Вот он какой! Вот он какой! Насилу дух перевел. От него бегать надо. Он злой человек. (Задумывается.)

Вдруг в лавке громкий хор: «Хороша наша деревня». Крутицкий в испуге со всех ног бросается к своему крыльцу. На ходу, подле лавки, у него из шинели выпадает

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
сверток. Он этого не замечает.

Разбойники! Оглашенные! Измучили они меня. (Садится на крыльцо.) Ох, сил моих нет. Сердце упало. Всех бы вас кнутиком, кнутиком: не воруй, не воруй! Да и этого стряпчего вашего тоже: «не пиши фальшивых паспортов». Что он тут про шинель болтал! Нет, шинель (встает и гладит рукой по ворсу) хороша. Пovýтерлась кой-где, ну, носишь, носишь, так по шву, разумеется, разорвется. А на то есть иголочка да ниточка. Нет, шинель хороша: а ежели издали поглядеть, так она почти новая. Глупый ты стряпуга! «Худа она, по швам ползет». Ах ты, глупый! А кабы ты знал, что эта шинель стоит! Хорошо мне в ней, радостно. Шубы собольей не возьму за нее, десяти, ста шуб. Смейтесь надо мной, бейте меня, я стерплю. Я завернусь в свою шинель, мне и хорошо, мне и тепло, мне и весело, да еще сам над вами посмеюсь, над всей Москвой посмеюсь. Чиновник в худой шинели! А не знаешь ты, глупый человек (оглядываясь), что я из одной полы пять домов каменных выстрою; из другой полы пять деревень куплю. Тут и твои деньги целы. Все тут, все со мной. (Ощупывает подкладку шинели и радостно смеется.) Вот они, вот они! Вот и здесь, вот и здесь, вот... Ах, ах, потерял! (Обезумев от испуга, опускается на ступени.) Нет, нет, найдутся. Куда им пропасть? Я вдруг духом упал; вот я посижу, вздохну немножко да и найду. За подкладку завалились, за подкладку. Да, да. А зашивал, а зашивал! Эх, Михай! Вот я пошарю сейчас. (Опускает руку.) Страшно! А ну, как там нет! Нет, я подожду искать. Ну, что же, ну, хоть и потерял, ведь я здесь потерял, здесь и найду. Вот... где я ходил? Здесь я ходил, в саду я прятался, вот и поищу, вот и найдутся. Здесь никто, кроме меня, не ходил? Да нет, право, не ходил, ей-богу, не ходил... Ах! (Ударяет себя рукой по лбу.) Елеся ходил... он ходил, он и в саду был... Нет, кажется, не был. Да нет, нет, не был. Что я! Да тут они, тут. Вот опущу руку, и тут. А я было... Хе-хе-хе!

Елеся выходит из калитки с метлой.

Явление шестое
Крутицкий, Елеся.

Елеся. Михай Михеичу, снова здорово!

Крутицкий. Елеся, поди сюда.

Елеся. Какие дела, Михай Михеич? Что это вы, об чем плакали?

Крутицкий (заикаясь). Нет, я ничего. О чем мне? О, Елеся, ты хитрый?

Елеся. Я хитрый, Михай Михеич, хитрый.

Крутицкий. Ну, ничего. А ты не завидуешь?

Елеся. Завидую.

Крутицкий. Кому?

Елеся. Богатым.

Крутицкий. А как этак... ты зорок глазами?

Елеся. Зорок, за версту вижу.

Крутицкий. Ну, а если ты найдешь что-нибудь?

Елеся. Конечно дело, не отдам.

Крутицкий. Грех-то какой! (Показывает рукой.) Гляди, вон церковь-то, вон крест-то!

Елеся. Оченно я вижу.

Крутицкий. Бога-то ты не боишься? Ах, грех-то!

Елеся. Нет уж, вы не беспокойтесь! Мы это соблюдаем в лучшем виде.

Крутицкий. Ну, коли ты бога не боишься, так вон это что, это что?

Елеся. Что ж такое за диковина! Частный дом.

Крутицкий. Что, мороз–то по коже подирает, подирает тебя?

Елеся. С чего же это? Частный дом нам очень хорошо известен; знаем все ходы и выходы; и с переднего крыльца, и с заднего бывали.

Крутицкий. Ты знаешь? Это хорошо, что знаешь. Так вот туда и водят веревочке.

Елеся. Видали.

Крутицкий. Вот и поведут.

Елеся. Кого?

Крутицкий. Кто найдет, да не объявит.

Елеся. Я не дурак; я коли найду, сейчас объявлю: так и так, мол; я закон–то знаю.

Крутицкий. Ну, так и объявляй скорей, и объявляй! Вот и пойдем вместе, вот и хорошо.

Елеся. Да об чем? Я в жизнь–то ничего, кроме пуговиц без ушков, не находил; так про что объявлять–то?

Крутицкий. Ты обманываешь меня, ты ведь хитрый.

Елеся. Хитер, да не на то.

Крутицкий. На что же?

Елеся. Секрет, Михей Михеич.

Крутицкий. А ты бога все–таки помни! Коли есть что на душе, ты лучше скажи, повинись.

Елеся. Это вы успокойтесь, религия в нас настоящая. А вот улицу подмести надо, это точно.

Крутицкий. Ты где будешь мести?

Елеся. С той улицы, перед домом.

Крутицкий. Ну, ступай, ступай. Только ты делай дело хорошенько, сюда уж ты и не заглядывай. Всякое дело делай хорошенько!

Явление седьмое

Крутицкий один.

Крутицкий. Вот я сперва за подкладкой пошарю, а после и поищу. Ведь тут, тут; а как было я испугался! (Щупает за подкладкой.) Нет! Ну, и поищу, и поищу... (Потерявшись.) Теперь вот... через две минуты я либо опять с деньгами, либо... Господи, не попусти! (Плачет, как ребенок.) Двадцать лет я голодал, двадцать лет жену морил голодом. Господи! Я хуже мота, хуже пьяницы; те хоть удовольствие себе делают, а я копил, копил, да и потерял. Казнить меня на площади, жилы тянуть. Как потерять! Деньги берегут, а не теряют. Ведь я знаю, что их берегут, я лучше всех знаю, как берегут их. А я–то вот и потерял, как глупый ребенок. Михей, где денежки, где денежки? Ну, что я скажу! (Плачет.) Потерял... Я оглупел, я дурачком стал на старости лет. (Плачет.) Ищи, Михей, ищи! (Вслушивается.) Кто сказал – ищи? Это я сам сказал – ищи! Да, да, ищи, а не найдешь, заплачешь, не так заплачешь, ох, как заплачешь, горько заплачешь! Зачем копил, зачем? Бывало, жена больная дрожит от холода, стонет: «Михей, Михей, сжался, я умираю, чайку мне, хоть чашечку, согреться бы мне». А мне было жаль гривенника для нее... Ищи, Михей, ищи! (Оглядывается.) А? кто тут? Да никого нет. Я сам же сказал, а других ищу. Где я был? Постой, постой! Я помню, да, вот где, в саду. (Идет в сад Епишкина.)

Входит Елеся. Из лавки выходят Епишкин и Петрович.

Явление восьмое

Елеся, Епишкин, Петрович.

Епишкин. А, друг, ты с метлой никак?

Елеся. Истукарию Лупычу наше почтение! Петровичу особенное! С метлой-с.

Епишкин. Подмел бы ты уж кстати кругом лавочки.

Елеся. С нашим удовольствием. Я, как расхожусь, так мне только дела давай.

Епишкин. Ну, и действуй.

Елеся (смеется). Не пыльна работа, а выгодна. Так, Истукарий Лупыч, я говорю?

Епишкин. Так, так, не перетакивать стать.

Елеся (метет). Стойте-ко, находка! Вот она, в траве-то! (Поднимает сверток, который уронил Крутицкий.) Чур одному! Батюшки, что это такое?

Петрович. Покажи-ко!

Елеся. Нет. Чур одному! Шалишь, брат. Ты бы прежде меня закричал: «чур вместе», ну, нечего делать, половина твоя, а теперь все мое. Чур одному!

Епишкин. Да на что польститься-то! Кому тут потерять-то что-нибудь путное?

Петрович. Владей один, твое счастье.

Елеся (развертывая сверток). Нет, батюшки! Тут деньги, билеты. (Дрожит.)

Епишкин. Покажи, покажи!

Елеся (громко). Не выпущу из рук, не выпущу.

Епишкин. Да ты держи, мы в твоих руках посмотрим.

Елеся (громко). Смотрите, а из рук не выпущу. Умру, а не выпущу. Чур одному!

Входит Крутицкий.

Явление девятое

Елеся, Епишкин, Петрович, Крутицкий.

Крутицкий (хватает Елесю за ворот). Нашлись, нашлись! Держите вора, держите его!

Елеся (освобождаясь). Что меня держать, я и так не уйду. Отойди!

Крутицкий. Подай, подай! Все ли тут?

Елеся. Так и отдал, держи карман-то шире! А все ли, там сочтут, кому надобно.

Крутицкий хочет поймать руку Елеси.

Петрович (не допуская Крутицкого). Ишь ты, крапивное семя, где только завидит деньги, так и цапается за них.

Елеся (сжимает деньги в руке). Ну, да ведь уж я скорей жизни своей решусь, чем с этими деньгами расстанусь. Нет уж, конечно, замерли тут.

Крутицкий. Подай, подай!

Петрович (отталкивая Крутицкого). Ты поди в опекунский, там больше; там попроси, может, дадут тебе.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e Крутицкий (падая на колени). Елеся, пожалей старика! В гроб ведь ты меня вгонишь, в гроб. Мои ведь, отдай!

Елеся. Ловок ты больно! Отдай! Свое счастье отдать!

Петрович. Однако ты химик! На какую штуку взять хочешь! За столько-то тысяч, пожалуй, и я на колени стану. Ты что-нибудь новенькое выдумай! Это ведь не копеечку подать.

Елеся (плачет). Как отдать, посудите! Что мне маменька-то скажет! У нас дом валится.

Епишкин. Да что с ним разговаривать! Ты нашел – твои и деньги. Поди объявляй, мы свидетели.

Елеся. Так ведь, Истукарий Лупыч? Мои?

Епишкин. Еще бы.

Крутицкий (Елесе). Задушу я тебя!

Епишкин (удерживая его). Полно шалить-то, любезный, не маленький!

Петрович. Ишь ты, жадность-то до чего доводит. Вот таков-то он и секретарем был. Ухватит просителя за ворот, кричит: подай деньги!

Входит Лютов, за ним два будочника.

Явление десятое

Елеся, Епишкин, Петрович, Крутицкий, Лютов.

Епишкин. Дозор идет, вот и кстати.

Лютов. Что за шум?

Епишкин. История, Тигрий Львович.

Елеся. Я, стало быть, деньги нашел, заявить хочу. Вот свидетели.

Крутицкий. Меня ограбили, он украл у меня, вытащил из кармана.

Лютов. Не все вдруг. (Елесе.) Говори ты сначала!

Елеся. Вот вдруг Истукарий Лупыч говорит: «мети!»

Лютов. Да. Ну!

Елеся. Я, стало быть, мету, и вот вдруг...

Лютов. Ну!

Елеся. И вот вдруг деньги...

Лютов. Еще что?

Елеся. Вот видели.

Лютов. Подай сюда!

Елеся. Всех не отдам, Тигрий Львович, живого в землю закопайте, не отдам. Мне третья часть следует. (Плачет.) Дом заложен, на сторону валится, маменька бедствует. Долго ль нам еще страдать-то? Нам бог послал. Нет, уж это на что же похоже! Не троньте меня, грубить стану.

Лютов (будочнику). Возьми его!

Будочник берет Елесю за руку и достает веревку.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Елеся. В суд ведите! Вот что.

Лютов. Молчи!

Выходят из калитки Мигачева, из саду Фетинья.

Явление одиннадцатое

Елеся, Епишкин, Петрович, Крутицкий, Лютов, Мигачева, Фетинья.

Мигачева. Батюшки, что за беда!

Фетинья (про себя). Ох, и вижу я, да не подойду; затаскают, насидишься.

Мигачева. От слов моих, пропасти-то все я ему сулила.

Лютов (Крутицкому). Вы что?

Крутицкий. Ваше благородие, бедность моя...

Лютов. Да. Ну!

Крутицкий. Подаянием питаюсь, куска хлеба в доме нет...

Лютов. Потом что?

Крутицкий. Велите отдать! Не погубите старика! Он у меня отнял, украл. (Ловит руку Лютова, чтобы поцеловать.)

Лютов. Оставьте!

Петрович. Что же он говорит, ваше благородие! Копейки нет, куска хлеба нет, а тысячи у него были!

Крутицкий. Это не мои, это чужие.

Лютов. А не ваши, так, вам до них и дела нет. (Елесе.) Пойдем! (Будочнику) Веди его!

Крутицкий (громко). Стойте! Мои, мои деньги. Сто тысяч у меня, двести, миллион... Вы их разделить хотите! Ограбить меня! Я своей копейки тронуть не дам, умру за нее. Я вас под суд, в Сибирь, грабители!

Лютов (другому будочнику). Возьми его!

Будочник берет Крутицкого.

Ведите их! (Епишкину и Петровичу.) За вами пришлют, когда будет надо.

Елеся. Что делать-то, Истукарий Лупыч! Русская пословица: от сумы да от тюрьмы не отказывайся! Так я говорю?

Лютов. Ну, марш, без разговоров!

Уходят.

Мигачева. Батюшки, куда их повели-то?

Петрович. Да сначала, как по делу-то видно, надо быть, в острог. Посидят там года два, ну, а потом уж вдоль по Владимирской.

Мигачева. Как же мне быть-то? Батюшка, помоги ты мне!

Петрович. Изволь. Просудишь дом-то. Уж тогда буду я хозяином, а ты у меня в жильцах жить.

Мигачева. За что его взяли-то? Какая беда-то его?

Петрович. Ограбили кого-то с Михеем да не разделят. Вот и все. (Смеется.)

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Дело-то пустое, а люди-то вяжутся...

Действие пятое

ЛИЦА:

Крутицкий.

Анна.

Настя.

Епишкин.

Фетинья.

Лариса.

Мигачева.

Елеся.

Петрович.

Баклушин.

Декорация та же.

Явление первое

Входит Крутицкий, бледный и расстроенный.

Крутицкий. Куда я пришел, куда? (Осматривается.) Ах! Домой пришел. Зачем, зачем? (Берется за голову.) Нечего мне дома делать, нечего. Тоска меня загрызет, люта тоска загрызет. (Сквозь слезы.) Пойду я лучше погуляю. Меня немножко ветром пообдует. (Печально.) Пойду. Далеко пойду, за заставу куда-нибудь, от людей подальше. Тяжело на людей-то смотреть. Ох, как голова горит! (Снимает картуз и кладет его на крыльцо.) Пойду погуляю. В Тюфелеву рощу пойти? Там хорошо, глухо так, никто туда, никто не ходит. Кто туда пойдет? Пойдет бедняк какой-нибудь с горя да с тоски погулять, да уж... и удавится тут же. Вот, говорили, там нынче весной один закладчик повесился; обокрали его на двадцать тысяч. Да и есть от чего. Как это пережить! Как пережить? Невозможно! У всякого своя радость, своя утеха; он копил, берег, в том и вся жизнь его была; ничего ему не нужно, одни только деньги, одни свои деньги, а украли деньги, нет денег, зачем ему жить? Зачем жить-то? Что делать-то на свете? Плакать, тосковать, проклинать себя, биться об угол головою, двадцать раз в день на гвоздь петлю повесить да опять снять. Еще вот нам бог сон дал; ну, заснешь, забудешь, а проснешься-то? Опять та же тоска, и каждый день, каждый день. Так уж лучше один конец. Ох, ох! (С отчаянием.) Пойду, погуляю. Ох, как тяжело, душно как! Пойду, пойду. Далеко ведь! Что ж, я извозчика найму. На что мне деньги? На что они мне теперь? Возьму вот, возьму да и брошу. Столько ли Михай бросил. Убить его, убить! Ну, и кидай, ну, все и кидай! (Вынимает несколько медных денег и бросает.) Нате, подбирайте, кто хочет; не надо мне, не надо, я их беречь не умею. Пойду, сейчас пойду. (Идет, шатаясь, и видит на земле медную монету.) Ай! Вот он! (Поднимает пятак и с радостью бежит на прежнее место.) Нашел, нашел! (Судорожно прячет его в карман жилета.) Сюда его, спрятать его поскорей, благо не видали. (Помолчав, опускает руки.) Мало. А моих много было. Как скучно! Ах, тоска смертная! Пойду погуляю. (Идет нетвердыми шагами. Осматривается и, махнув рукой, поворачивает в сад Епишкина.)

Выходят Мигачева из калитки, Фетинья и Лариса из лавки.

Явление второе

Мигачева, Фетинья, Лариса.

Фетинья (Ларисе). Не видать нашего-то?

Мигачева (про себя). Ох, и моего не видать.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Фетинья (не глядя на Мигачеву). Очень нужно. Хоть бы и век его не видать, беда невелика.

Мигачева (не глядя на Фетинью). Всякому свое. Мне мой-то, может, дороже вашего втрое.

Лариса. Маменька, их совсем засудят или не совсем?

Фетинья. Никому неведомо. Каков судья: сердит, так засудит, а милостив так простит.

Мигачева. Ох, да, да! Не бойся суда, а бойся судьи. Пуще всего ты его бойся!

Фетинья. Да, вот причитай тут, еще голосом завой! По вашей милости и мой-то попал.

Мигачева. Ох, должно быть, по наговору, по чьему-нибудь наговору. От злобы людской, от соседей все больше люди погибают. Есть же такие соседи злодеи, ненавистники.

Фетинья. Уж именно злодеи, ненавистники. Сам ограбил кого-то, да взял да моего свидетелем и выставил назло, чтоб по судам таскали.

Мигачева. Есть же варвары, из-за малости, из-за сажи рады человека погубить.

Фетинья. Мало того, что взял да назло окрасил меня, взял да назло мужа запутал.

Мигачева. Вот она сажа-то! Шути с ней! Все квартальный виноват! За сажу да в острог попал. Оговорили по злобе.

Фетинья. Мало ему. Какой живописец проявился! Красил, красил заборы-то, да за людей принялся. Так ему и дать волю? И хорошо сделали, что в острог посадили.

Лариса. Маменька, у вас совсем никакой разности в разговоре нет. Наладите одно и твердите, как сорока. Ведь отмылось, что ж толковать!

Фетинья. Еще б не отмылось! Что ж мне арабкой, что ли, ходить прикажешь!

Мигачева. Сам тому не рад. По нечаянности...

Фетинья. Окрасил по нечаянности, а украл по отчаянности. Славный парень, смиренный.

Входит Петрович.

Явление третье
Мигачева, Фетинья, Лариса, Петрович.

Петрович (Мигачевой). Ну, прощайся ты с сыном. (Фетинье.) А ты с мужем. Только и видели.

Мигачева. Где они теперь?

Петрович. На цепи сидят.

Фетинья. А ты сорвался, что ли? Полно ты, не глупей себя нашел.

Мигачева. Каким судом моего судят-то?

Петрович. Шемякиным.

Мигачева. Полно ты! судов только и есть, что гражданский да уголовный; по гражданскому – в яму, а по уголовному – в острог.

Петрович. Много ты знаешь! И Шемякин есть.

Мигачева. Есть, да только в сказке.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Петрович. Да ведь сказка-то взята же с чего-нибудь. Чего нет, того не выдумаешь.

Входят Епишкин и Елеся.

явление четвертое
Мигачева, Фетинья, Лариса, Петрович, Елеся, Епишкин.

Елеся (запыхавшись). Маменька, невидимая рука, невидимая рука!

Мигачева. Где она, где она?

Елеся. Вот она! (Подает деньги.) Три тысячи с половиной! А? Довольно хорошо? Жив бог, жива душа моя. Так я говорю?

Епишкин. Верно, Елеся. Молодец!

Мигачева. Уж не с неба ли свалились?

Елеся. С неба, маменька, за правду за нашу. Нашел. Сейчас суд да дело, гвидетелев налицо. Судили, рядили, сосчитали все деньги, отсудили мне три тысячи с половиной; получай, говорят. Ух, устал! Получаю, говорю. Остальные Михею.

Мигачева. Да разве его деньги-то были?

Елеся. Его; на суде добрались. Вот теперь мы как миллионщики жить будем.

Мигачева. Есть-таки разница.

Елеся. Никакой, те же двадцать четыре часа в сутки.

Мигачева. Золотой ты мой! (Обнимает сына.) Как я рада-то!

Фетинья. Ну, как не обрадоваться! Не было ни гроша, да вдруг алтын!

Елеся. А уж как я-то рад! (Обнимает вместо матери Ларису.)

Фетинья. Что ты, что ты! Ишь ты, на чужое-то разлакомился! Это ведь не находка твоя; третью часть не дадим.

Епишкин. На что ему третью часть! Видно, уж ему ее всю отдать. Мы не как Михей, об этой потере не заплачем.

Фетинья (берет Елесю за руку). Не тронь, говорят! Что ты облапил, точно свою собственность? Еще крепости у тебя на нее нет.

Лариса. Как это вы, маменька, вдруг останавливаете! Коль скоро человек в таком чувстве, надо ему свободу дать.

Епишкин. Дай, Фетинья, свободу, дай.

Фетинья. Как ты говоришь свободу дать? Да что ж это у них будет-то?

Епишкин. Что у них будет-то? А нам-то что за дело! Нам какой убыток! Вот нашла печаль! Ты б лучше вспомнила, догадалась, что муж еще с утра водки не пил.

Фетинья. А если я роду их, мигачевского, видеть не могу.

Епишкин. Ты слушай, что тебе говорят-то. Я по два раза приказывать не мастер. Стало быть, надо тебе бежать закуску готовить. А что ты их видеть не можешь, это мы поправим; уж я, так и быть, трудов своих не пожалею, похлопочу около тебя, ты у меня на них, хоть исподлобья, а все-таки взглянешь.

Фетинья уходит.

Сватья, пойдем! Петрович, трогайся! (Уходит, за ним Мигачева и Петрович.)

Лариса. Надеюсь, что вы идете не для закуски, но для меня собственно.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Елеся. Что за неволя мне водкой огорчаться, коли я такую сладость перед собой вижу.

Лариса. Благодарю вас за комплимент. (Уходит с Елесей.)

Из дома выходят Анна и Настя.

Явление пятое
Анна, Настя.

Анна. Эх, пора бы нам идти, Настенька.

Настя. Ах, не говорите, пожалуйста, и не напоминайте.

Анна. Да ведь уж нечего делать.

Настя. Мне хоть немножко еще побыть у вас.

Анна. Нельзя, мой друг, нельзя; эти люди любят, чтоб их уважали, чтоб каждое приказание их исполняли в точности. Они гордые, – бедных людей ни за что не считают. Не исполни-ко его приказание-то, так он разгневается, что беда, а на первых-то порах это нехорошо. Как мне быть-то с тобой! Проводила б я тебя, да Михея Михеича дома нет. Не знаю, куда он делся! Не пойти ли тебе одной?

Настя. Ах, нет. Как одной? Мне все будет казаться, что на меня все пальцами показывают, и я буду все по глухим переулкам прятаться. Я не дойду одна.

Анна. Да мне-то несвободно, нельзя дом-то оставить. Когда еще Михей Михеич воротится, неизвестно, а идти надо. Нехорошо, обещали. (Гладит ее по голове.) Поди-ко ты одна, я после приду, принесу тебе кой-что твое.

Настя. Тетенька!

Анна. Что, мой друг?

Настя. Так уж я пойду. Прощайте! (Обнимает Анну.)

Анна. Прощай, душа моя!

Вбегает Елеся.

Явление шестое
Анна, Настя, Елеся.

Елеся. Анна Тихоновна! Анна Тихоновна!

Анна. Что тебе?

Елеся. Да пожалуйста сюда, в сад. Какая оказия-то, право!

Анна. Да что такое?

Елеся. Оказия вышла.

Анна. Что мне за дело? Зачем я пойду?

Елеся. Пожалуйста, сами увидите.

Анна. Да ты скажи толком.

Елеся. Да что мне говорить-то! Нет, уж лучше вы сами.

Анна. Ну, что я буду в чужом саду делать?

Елеся. Да Михей Михеич...

Анна. Что Михей Михеич?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Елеся. Да они... Нет, уж лучше вы сами...

Анна. Ты не пугай меня; начал говорить, так говори.

Елеся. Да гуляли, гуляли...

Анна. Ну, что же?

Елеся. Гуляли, гуляли да и... зацепились за дерево.

Анна. Как зацепились?

Елеся. Да так... Нет уж, помилуйте, лучше вы сами...

Анна (Елесе). Ну, ступай, я приду. (Насте.) Подожди меня. Пойду, посмотрю, что такое. (Уходит, за нею Елеся.)

Настя. У меня что-то повернулось на сердце; в голове мелькнуло что-то такое, что я во сне видела. Это беда какая-нибудь, непременно беда; но мне кажется, что эта беда для меня к лучшему. Какая-нибудь перемена будет. Какая – не знаю. Чего уж я ни передумала! Я думала, что если будет землетрясение или пожар большой, так я спасусь как-нибудь. А как спасусь – уж не знаю. Все это я вечером да ночью передумывала. А как проснулась сегодня утром и увидела, что ночью ничего не сделалось, что нынче день такой же, как и вчера, мне так страшно сделалось, так страшно! Я все ждала, что к утру перевернется что-нибудь в природе, что половина Москвы провалится, и будет озеро, а на той стороне горы...

Входит Баклушин.

Явление седьмое
Настя, Баклушин.

Настя (увидав Баклушина). Ах!

Баклушин. Не ожидали?

Настя. Не надо. Нет, нет, мне вас не надо.

Баклушин. А сейчас мое имя поминали.

Настя. Ну, так что же! Я долго, долго буду думать о вас, вспоминать вас, а видеть вас не хочу.

Баклушин. Отчего же?

Настя. Вы все мучите меня.

Баклушин. Чем?

Настя. Учите меня, как жить. Зачем говорить о жизни! Мне это очень больно. Вы живете по-своему, я по-своему. Вам жить хорошо, мне худо; так забудем про это. Конечно дело. Если хотите поговорить со мной последний раз, так скажите что-нибудь повеселее.

Баклушин. Очень бы я хотел сказать вам что-нибудь веселенькое, да в голову нейдет, самому не очень весело.

Настя. Ну, сделайте милость, придумайте!

Баклушин. Извольте!

Настя. Ну, рассказывайте.

Баклушин. Есть у меня одна смешная история, да не знаю, понравится ли вам.

Настя. Все равно, рассказывайте!

Баклушин. В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Баклушин...

Настя (оглядываясь). Хорошо, отлично.

Баклушин. Вот однажды, в минуту жизни трудную, занял по векселю этот Баклушин всего на месяц, и всего-то сто рублей у щипаного, рваного, вылинявшего ростовщика.

Настя (оглядываясь). Да, да. Как это смешно! Чем же это кончилось?

Баклушин. В том-то и дело, что это не кончилось и конца этому не будет. Через месяц, разумеется, Баклушин ста рублей не отдал, и через два не отдал, и через год, и так далее, а платил только проценты, да и то неаккуратно. Вексель этот, как водится, переписывался, и вышло...

Настя. Что же вышло?

Баклушин. Что за сто рублей переплатил Баклушин в три года процентов рублей триста да состоит должен теперь этому линючему ростовщику тысяч семь. А так как Баклушину заплатить нечем, то и будет этот долг в той же пропорции увеличиваться до бесконечности.

Настя. А, так вот для чего Баклушин ищет богатую невесту!

Баклушин. Именно для этого.

Настя. А невест не находится?

Баклушин. А невест не находится, а долг растет.

Настя. Да ведь говорят, что коли кто очень много должен, так все равно, что ничего не должен.

Анна Тихоновна, Епишкин, Петрович, Елеся проходят из сада в квартиру Крутицкого.

Баклушин. Вот я и жду, когда буду должен миллион; может быть, тогда тамому ростовщику смешно станет. А если б не этот долг, Баклушин женился бы на девушке, которую он любит.

Настя. Верю, верю; но вот что, Модест Григорьич! Тетенька прошла домой, теперь мне нужно переезжать на новую квартиру, которую мне добрые люди наняли. Нам время проститься.

Баклушин. Как, сейчас?

Настя. Да, сейчас и уж навсегда.

Баклушин. Как мне жаль, что я теряю вас!

Настя. Ну, что делать, голубчик! Прощайте! (Горячо обнимает Баклушина.) Прощайте, мой милый, хороший, красавец мой!

Баклушин (сквозь слезы). Прощайте!

Настя. Постой! Как я любила тебя! Боже мой! Нет меры, нет никаких границ! Нет того на свете, чего бы я для тебя не сделала.

Баклушин. Что я теряю, что я теряю! Боже мой!

Настя. Да, много, много. Мне очень жаль тебя.

Баклушин (берет ее за руку). Настенька!

Настя. Прощай! Нет... больше нельзя! Идите!

Баклушин отходит до угла лавки. Настя издали кланяется ему и посылает поцелуи. Из дома выходят Анна, Епишкин, Петрович, Елеся; из саду – Фетинья, Мигачева, Лариса.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Явление восьмое
Настя, Анна, Епишкин, Петрович, Елеся, Фетинья, Мигачева, Лариса, вдали
Баклушин.

Анна (тихо плача). Что он сделал! Что он сделал!

Настя. Тетенька, иди мне?

Анна (утирая слезы). Нет, мой друг, уж ты не покидай меня. Михай Михеич...
Господи, прости ему! Погубил он свою душу...

Настя. Ах, какое горе!

Анна. Да, горе; и с ним было горе, и умер – горе. До нас ли ему было, прости ему
господи, коли он души своей не пожалел! За деньги, за проклятые деньги... Ведь
всем умереть; да зачем же так!..

Настя. А разве дядя любил деньги?

Анна. Что это, господи! Вздумать-то, вздумать-то мне страшно! За что только он
мучил себя и нас? Сколько лет мы живем нищенски, а у него за подкладкой шинели
нашли мы больше ста тысяч, да вот теперь в его комнате под полом вещей и
брильянтов и числа нет. И так в мире босоты-наготы довольно, а мы ее, помимо
божьей воли, терпели. Как богу-то не разгневаться!

Настя. Вы теперь богаты, тетенька!

Анна. Тяжелы мне эти деньги, душа моя; меня теперь никакое богатство не
обрадует. Отвыкла я с ним и жить-то по-людски, убил и похоронил он меня заживо.
Десять лет я сыта не была, так теперь за один день не поправишь. Бог с ними и с
деньгами! Мы с тобой их разделим. А греха-то, греха-то что! Я было погубила тебя
совсем. С голоду да с холоду обезумела я, а ведь добра тебе желала. Меня-то б
удавить надо за тебя. Нет ума у голодного, нет!

Настя. Тетенька, милая! (Громко.) Модест Григорьич! (Анне.) Не плачьте, божья
воля, не плачьте! Ах! (Обнимает тетку.) Я живу, я живу! Не надо хоронить меня!
Тетенька, милая!

Баклушин подходит и останавливается в молчании.

Елеся. Вот уж она теперь за благородного выскочит.

Епишкин. Похоже на то.

Фетинья. Ей хоть миллион дай, все-таки видом и амбицией она против моей Ларисы
не выдет.

Лариса. Не только видом и амбицией, но и всем прочим супротив меня далеко.

Настя (Баклушину как бы с упреком). Вот вы тогда... А мы теперь богаты с
тетенькой. Вот вы и знайте.

Баклушин. Откуда вам бог послал?

Настя. Мне вдруг наследство...

Епишкин. Дяденька их у меня в саду удавились. Ах! (Берется за голову.) А ведь
говорили дураку, загороди забор.

Баклушин. А кто такой ваш дяденька?

Настя. Да он... я не знаю... как это?

Петрович. Отставной подьячий, Крутицкий.

Баклушин. Крутицкий? Да ему-то я и должен.

Настя. Ему? Вот и отлично! Уж теперь вы нам должны, вот мы вас в тюрьму, и

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
непреренно.

Баклушин. А много он вам оставил?

Настя. Я не знаю. Говорят, сколько-то тысяч.

Епишкин. Чего тут: «сколько-то»; побольше двухсот будет.

Настя. Ну, вот сколько.

Баклушин. Позвольте за вами снова поволочиться.

Настя. Позволяю.

Мигачева. Стыдно такие деньги и брать-то.

Фетинья. Да ведь уж, матушка, что ни говори, а впрок они не пойдут.

Настя (смеясь). Да, правда ваша, я знаю, что мы с Модестом Григорьичем промотаем их скоро.

Анна. Уж лучше промотайте, чем беречь так, как твой дядя берег.

Настя. Как страшна мне казалась жизнь вчера вечером, и как радостна мне она теперь!

Анна. А вот, душа моя, несчастные люди, чтоб не гневить бога, чтоб не совсем отчаиваться, утешают себя пословицею, что «утро вечера мудренее», – которая иногда и сбывается.

Комик XVII столетия*

Комедия в стихах, в трех действиях с эпилогом
Действие происходит в 1672 году.

Три действия – в воскресенье, в петровское заговенье, 2 июня; эпилог – 4 июня.

Действие первое

ЛИЦА:

Татьяна Макарьевна Перепечина, старая вдова из городского дворянства, золотная мастерица царицыной мастерской палаты.

Наталья, ее дочь, такая же мастерица.

Кирилл Панкратыч Кочетов, подьячий приказа Галицкой чети.

Анисья Патрикевна, жена его.

Яков, их сын, писец Посольского приказа.

Василий Фалалеич Клушин, подьячий приказа царицыной мастерской палаты.

Юрий Михайлов, режиссер в труппе Грегори, учитель Якова немецкому языку.

Небольшая, чистая брусная светличка, без печи, в доме Перепечиной, на кисловке. В глубине дверь в чистые сенцы полурастворена в левом (от зрителей) углу светлицы, в виде чулана, отгорожена тесовою филенчатою перегородкой спаленка Натальи; дверь в нее сбоку, близ входной двери. По обе стороны окна: с той стороны, где спальня, – одно, а с другой – два. Под окнами широкие лавки с полавочниками и изголовьем. С правой (от зрителей) стороны, близ авансены, у конца лавки, стол на точеных ножках; у стола скамьи. У перегородки, с лица, сундучок.

Явление первое

Наталья накрывает стол браною скатертью и ставит, на оловянном блюде, пряники, коврижки и другие сласти того времени. Из сеней впопыхах вбегает Яков.

Откуда ты? Не с цепи ли сорвался?
Яков

Наташа, спрячь меня!
Наталья

Да ты в уме ли,
Сердечный друг? Куда я спрячу? Яков
Кириллович, опомнись! Тотчас придут
Сюда твои родители.
Яков

Гляди,
Гляди в окно!
Наталья

чего?
Яков

Погони нет ли?
Наталья

Придумывай еще! Кому-то нужно
Погоню гнать! Беда твоя известна:
Без времени сбежал с приказа – дело
На ум нейдет, сегодня праздник. Завтра
Придешь в приказ, присадят плотно, снимут
Кафтан с тебя; не бойся, не повесят.
(Отворяя дверь своей спальни.)

Смотри сюда! Нарядно, хорошо?
И пяльчики, и зеркальце, кроватка
Тесовая и шитый положок.
А лучше-то всего, что никому-то
В уютный мой покой чик ходу нет.
(Кладет руку на плечо Якова и смотрит ему в глаза.)

Да здравствуй, что ль! Ах, глупый, и не видишь
Со страха-то, что ты один с девицей!
Стоит как пень; другой бы не зевал.
Целуй, пока помехи нет! Эх, парень!
(Целует его, убегает за перегородку и запирает дверь.)

Яков

(отшатнувшись, переводя дух)

Огнем ожгла. Ну, девушка! Да что уж
О девушках и думать, до того ли!
Досталось мне одно на долю: выть.
(Заслышав шаги, становится у самой притолоки.)

Входят Кочетов, Анисья и Татьяна.

Явление второе
Кочетов, Анисья, Татьяна и Яков.

Татьяна

Пожалуйте, в светелочку войдите,
Прохладно в ней в полуденное время.
Кочетов

И Яков здесь.
Яков

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
(с низким поклоном)

Со службы отпустили!
Татьяна

Да ел ли ты? Чай, голоден?
Яков

(кланяясь)

Маленько
Перехватил. Покорно благодарствуй!
Татьяна

Не полный стол, а что-нибудь найдется.
Яков

Сытехонек по горло.
Татьяна

Ну, как знаешь.
Неволи нет, отказу и подавно.
(Кочетову и Анисье.)

Не осудить прошу на угощенье!
Сиротское...
Анисья

Досыта угостила.
Чего еще!
Кочетов

И сыты мы и пьяны
Твоим добром сиротским.
Татьяна

Ну-ка, полно!
С чего тебе хмелеть-то? Угощала
Чем Бог послал.
Анисья

Ну, знать, не от вина,
От твоего раденья захмелели.
Кочетов

Насилу встал от трапезы.
Татьяна

Присядь
На лавочку, а подремать захочешь,
Привалишься на изголовье.
Кочетов

Сяду,
(Садится.)

Не сглазить бы, счастливый ноне день.
С утра еще я весел; к Артемону
Сергеичу ходил я на поклон,
Поздравствовать. Для радости великой
Окольничим пожалован; Татьяна
Макарьевна, велика честь. Другой бы
С ума сошел, за облаки вознесся,
А он так нет. Подьячим, мелкой сошке,
По-прежнему благоволит; холопы
Не гонят нас с боярского двора,
И за порог к нему ступаешь смело.
Не знаю, чем воздам ему за ласку

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
И милости его. Суди сама,
Не кто-нибудь – окольный Матвеев
Пожаловал, за службу похвалил
В глазах других приказных, к окладному
Пообещал придачу.
Татьяна

Ишь ты, право,
Какая честь тебе.
Кочетов

Не все; послушай!
Про Якова, пожаловал, спросил:
Мол, учится ль он грамоте немецкой?
И похвалил его, и молвил так:
«Учился бы; не все бродить в потемках;
Ученье свет. Робят разумных мало;
А нужда в них. Отдай-ка ты парнишка
В сынки ко мне!»
Татьяна

Да что ты?!
Кочетов

Право, так.
Татьяна

С руками б я...
Кочетов

А я не спохватился.
Душонка-то холопская давно
Радехонька, а лживый язычишко
Упрямится, нескладное бормочет.
Не справлюсь с ним никак.
Анисья

Грехи-то наши
Великие.
Кочетов

Боярин рассмеялся
На мой испуг: «Не бойся, говорит! –
Для Якова найдется дело лучше
Приказного письма. Дивиться будешь,
Своим глазам не верить».
Татьяна

Что ж за дело
Мудреное?
Кочетов

Не сказано про то,
А спрашивать не смел.
Татьяна

Оно вестимо,
Не сунешься, не свой брат.
Кочетов

Заикнися,
Замажут рот как раз.
Татьяна

Да и замажут.
Кочетов

Поклоны бью земные да молчу.

Махнул рукой боярин, значит: полно,
Не смей, дескать, боярских глаз мозолить
Поклонами холопскими; вставай!
Последний раз отвесил, да и с Богом
Бежать домой. От радости без шапки
До Гребенской, никак, бежал.
Татьяна

Да диво ль!
И думай вот, гадай по пальцам! Дал
Заботу нам боярин.
Кочетов

Он сказал бы,
Застал-то я накоротке; к царю
На званный пир родильный снаряжался.
Анисья

Уж эта мне немецкая наука!
Дождемся с ней беды. Живут же люди
Без грамоты немецкой.
Кочетов

(Якову)

Не слышать ли,
Не молвят ли чего у нас в Посольском,
Какую вам, робятам, Артемон
Сергеевич служить укажет службу,
На диво всем?
Яков

Не знаю, государь
Родитель мой, не чуть в приказе.
Кочетов

Много
Заводится порядков новых?
Яков

Много.
Царицына родня веселье любит:
В своем дому окольный Матвеев
Заводится музыкой сладкогласной.
И во дворце тому же быть, Фанстаден
По трубачей поехал к иноземцам.
Кочетов

А по что их?
Яков

У прочих потентатов
Ведется так давно, и не пригоже
Дворцу стоять без музыки. Забавы
Великие для матушки царицы
Готовятся.
Кочетов

А нам-то что за дело!
Ни мы хвалить, ни мы судить.
Анисья

Уж видно,
Доходчивы мои молитвы: будешь
В такой чести, чего не ожидаешь.
Яков

(кланяясь матери)

Молись еще! Молитвами твоими
Авось Господь избавит от напасти.
Кочетов

Чего же ты боишься?
Яков

Провиниться
Перед тобой, родитель. Не гневись
На глупое, робяческое слово!
Навяжут мне невесть какую службу:
По нраву ли придет тебе.
Кочетов

Не бойся.
Учись, служи и делай, что укажут
Одно блюди и помни: православным
Родился ты; обычай иноземский
Узнать не грех, перенимать грешно;
А паче их забавы, в них же прелесть
Бесовская сугубая.
Яков

Родитель,
Не гневайся! Мизинные мы люди,
Боярские приказы разбирать
Не смеем мы; велят плясать, запляшешь.
Кочетов

Еще б ты смел послушаться бояр!
Яков

А стать плясать, тебе не угодишь.
Кочетов

Еще б ты смел отцу не угодить!
Служи царю, боярам покоряйся,
Безропотно, беспрекословно, рабски,
И чти отца да мать!
Яков кланяется в ноги.
Вот, Татьяна
Макарьевна, родительскому сердцу
Не лестно ли такую зреть покорность
Сыновнюю! Когда тебе взгрустнется,
Иль пьян придешь домой, на что утешней
Поклоны их земные! Заставляешь
Поклоны бить и веселишься духом,
Что как-де ты ни мал, ни приобижен
От властных лиц, а детям, домочадцам
В своем дому и ты-де государь.
А что ж твоя красавица Наталья
Не кажется гостям? Диви б чужие!
А Якова стыдиться ей не след,
С ребячества знакомы.
Татьяна

Все ж зазорно
При людях-то. Видаются, поди,
От матери тихонько; при народе
Не вызовешь ее ни за что. Я звала,
Невестится, нейдет.
Кочетов

А приказала б.
Татьяна

Само собой, коль прикажу, придет.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
(У двери спальни.)

Поди сюда, Наталья!

Входит Наталья, принаряженная, кланяется и останавливается, потупя глаза.

Явление третье

Кочетов, Анисья, Татьяна, Яков и Наталья.

Татьяна

Хвастай, хвастай

Сынком своим! Я дочкой похваляюсь.

У матушки возвращенное дитя,

Лелеяно и нежено на воле!

Бесстрашная росла, отцова гнева

Не видела грозы великой; все же

Нога моя захочет, и поклоны

Дочерние увидит. Поклонися,

Натальюшка, перед гостями земно

И матушку потешь!

Наталья

Изволь, родная,

Покланяюсь; бесчестья мне не будет,

А только честь, что матушке своей

И государыне живу покорна.

(Кланяется.)

Кочетов

Чего еще! За наше умоление,

Послал Господь, живем изрядно. Дети

Покорствуют, трудами нажитого

Достаток есть, невпрожить нам. Ликует

Душа моя, и веселится дух мой.

Чего еще, ведь не рожна же!

(Жене.)

Плачешь?

Анисья

(махнув рукой)

Заплакала, прости... Не утерпела...

От радости...

Татьяна

(плача)

Да как и не заплачешь

На деток-то! Свои, а не чужие.

Анисья

Легко отцам...

Татьяна

А нам-то каково!

Анисья

Родили их...

Татьяна

Аль муки не видали?

Анисья

Растили их...

Татьяна

Как око соблюдали.
Кочетов

Да полно вам!
Татьяна

Пылинки обдували.
Анисья

Кормили их...
Татьяна

Куска недоедали.
Анисья

И выросли...
Татьяна

Как яблочки наливны.
Кочетов

(топнув ногой)

Да полно вам!
Анисья

Не каменны сердца.
Кочетов

Так что ж бы вам, без дальней волокиты,
Чем плакать—то на них да убиваться
Неведомо о чем, за ум приняться!
Женили б их, покуда сами живы!
Не знатные бояре, с нас не взыщут,
Что наскоро, без сватов и без сборов...
Татьяна

Ах, батюшки!
Кочетов

Чего ты испугалась?
О рядной речь сперва, да по рукам
Ударимся; а после, для порядка,
Пошлем к тебе и свата.
Татьяна

То—то разве...
А то уж я... Да не люди мы, что ли?
Нельзя же так... дворяне... не сиротку,
Безродную, отецкое дитя
Хотите взять. Не знатные мы люди,
А все—таки хоть дрянь, да из дворян,
Не нищие. Меня бояре знают,
Царицына до нас доходит ласка,
Не крайность мне какая.
Кочетов

Не неволим.
Насильно мил не будешь. Это дело
Любовное: и приказать вольна,
И отказать вольна. За словом стало,
Да рядную покончить.
Татьяна

Я не прочь,
Отказу нет. Хоть дело не корыстно,
Да я—то не завистна.
Кочетов

Вот и ладно,
О рядной бы... да и покончить разом.
Татьяна

Хмельненька я, пожалуй, прошибешься,
Сулить добро под силу надо.
Анисья

Ну, уж
Не скоро ты расступишься.
Татьяна

Не знаю.
Для дочери жалеть не стану; разве
Заломите, чего невмочь.
Кочетов

Не грабить
Пришли к тебе.
Татьяна

(Якову и Наталье)

Как словно вы чужие,
Глядите врозь да жметесь по углам,
Сойтись рядком боитесь.
Наталья

Как прикажешь?
На все твоя родительская воля.
(Подходит с поклоном к Якову.)

Татьяна

Хоть пряничком его попотчуй, что ли!
Наталья

(берет со стола пряник и подает Якову в руках на ширинке)

Пожалуй-ка, отведай, не побрезгай!
Яков

Благодарю на угощенье сладком.
Наталья

Да сладко, что ль?
Яков

Нешто себе.
Наталья
Не надо
Подслащивать? Тебе и пряник сладок?
И слаще ты не знаешь ничего.
Ломают пряник пополам и едят.

Анисья

Вперед всего о Божьем милосердьи.
Татьяна

Отцовское у ней благословенье,
Исконное в ее роду.
Кочетов

Добро!
Покончена статья, теперь другая.
Татьяна

А кузнь ее ларешную ты знаешь.

Анисья

Из кузни-то не грех тебе прибавить.
Особенно низанья маловато.
Татьяна

(достав из сундука ларчик)

Ссыпного есть в ларце. Смотрите сами –
Окатистый и чистый.
Кочетов

Покажи-ка!
Рассматривают жемчуг в ларчике.

Наталья

(Якову)

Торгуются, как лошадь продают.
Яков

Аль не любо?
Наталья

Теперь какие спросы!
Возьмешь меня, не все ль тебе равно,
Охотой шла иль силой?
Яков

Ой, заспорят,
Поссорятся, боюсь.
Наталья

Не обойдется
Без брани-то. На Кисловке недавно,
Из рядной-то, дралися смертным боем,
На улицу из дома выбивались;
Сошлись опять. Нельзя не спорить, дело
Торговое. Твои охочи взять,
А матушка не вдруг отдаст, копейка
Гвоздем у ней прибита.
Кочетов

(отдавая ларец)

Что смотреть-то!
Чего тут взять на поднизь!
Татьяна

Наберете.
Прибавите из своего.
Анисья

Куда же
Беречь тебе? Дивлюсь. Одна всего-то,
А ты для ней жалеешь. Хоть бы серьги;
Полны ларцы, а ведь сама не носишь,
Давно уж ты с ушами повязалась.
Татьяна

Мои они, и воля в них моя:
Хочу – отдам, а то и подождете,
Никто меня заставить не волен!
Анисья

Отдай теперь!
Татьяна

Не дам.
Кочетов

упряма больно.
Татьяна

Какая есть; на старости меняться
Не стать для вас. Наталья! отойди
От Якова!
Наталья отходит к стороне.

Анисья

(Татьяне)

Да что ты, полно! Детки,
Не слушайте, уйдите в уголок!
Наталья подходит к Якову.
Татьяна

Не все ль равно: не чье, ее же будет,
Как мать умрет.
Анисья

Теперь-то и рядиться.
Во младости милей наряды нам;
Пройдет пора, на что они!
Татьяна

Недолго
Прождет она.
Анисья

И в животе, и в смерти
Господь волен. Господь прибавит веку,
Переживешь и дочь свою.
Кочетов

Другая
Обдержится старуха, веку нет,
Как дереву скрипучему.
Татьяна

Да что ты!
Никак, с ума сошел!
Кочетов

Годов полсотни
За срок живет, весь род перехоронит,
Детей, внучат, себе-то надоест.
И взмолится ко Господу старуха,
Что позабыл ее.
Татьяна

Беда родниться
С такой семьей завистливой! Охота ль
Себе назло молельщиков нажить!
(Наталье.)

Бесстыдница! Совсем прильнула к парню!
Не муж еще! По их речам безумным,
И не бывать, как вижу. Отойди!
Наталья отходит.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Анисья

Не трогай их! Пущай ведут беседу.
Не их вина.
Делает рукой знак Якову; он подходит к Наталье.

Кочетов

Меня ругать–то надо;
А то прости, пожалуй! Ненароком
Сказалось; на хмельном не взыщи!
Татьяна

Ну, Бог с тобой.
Кочетов

Некстати молвишь слово,
Спохватишься, а воротить нельзя.
Анисья

Вот грех какой ведется в человецех,
Что доброе и праведное дело
Не сладится, чтоб враг не помешал;
Мутит народ крещеный. Тьфу! Чтоб сгинуть
Проклятому.
Кочетов

А мы не поддадимся.
Анисья

Ну, кузнь твою оставим. Ты б казала
Коробьи нам.
Татьяна

Не здесь они, в избе.
Идите ин, смотрите. Недостачи
Ни в чем у нас не будет, все с залишком.
Уходят Кочетов, Анисья, Татьяна.

явление четвертое
Яков и Наталья.

Яков

Попался я, влетел в беду.
Наталья

В какую?
Яков

Робею так, что не найду и слов,
Лишь вздумаю, душа уходит в пятки.
Наталья

Рассказывай, полегчает авось.
Яков

Такая страсть, такая страсть!
Наталья

Да молви
Хоть что–нибудь!
Яков

Язык–то прилипает.
Как кол во рту. Куда деваться?
Наталья

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Яков!

Не мучь меня, скажи!

Яков

Тебе известно

Житье мое проклятое: из дома
Ни в праздник мне, ни в будни ходу нет;
Украдкой я, как пес из подворотни,
На вольный свет гляжу. В приказе разве
Обмолвишься веселым словом; дома
Не смею рта разинуть; с постной рожей
Молчальником брожу, повеса нос.
Уж если я веселого лица
Показывать родителю не смею,
Боясь побой и ругани безмерной,
Чего мне ждать, когда узнает он...
Наталья

О чем?

Яков

Крестись, Наташа! В скоморохи
Поставили меня. Ломают, учат
Скакать, плясать, вертеться, беса тешить.
Наталья

Убьет тебя отец.

Яков

Убьет – не страшно;
Проклятия боюсь.
Наталья

Куда ж деваться
Головушке твоей?
Яков

Хочу отбегать,
Спиной отбыть от службы. Оттерплюся,
И кончено. Отдуют батогами,
Все ж легче мне отцовского проклятья,
Душа–то мне нужнее, чем...
Наталья

Вестимо,
А в службу взят неволей или волей?
Яков

Спросили нас, подьячих молодых,
Не хочет ли который обучаться
В аптекарской палате у Грегори
Какому–то неслыханному действию;
Охотники нашлись, и я за ними,
Да сдуру–то и продал душу черту.
Наталья

Куда ж бежать тебе?
Яков

Куда придется;
Куда глаза глядят; хоть в омут с камнем.
Наталья

Господь с тобой. Скрывайся здесь пока,
Ходи тишком. В моей девичьей спальне
Кому вдомок искать тебя.
Яков

А ну-ка
Увидит мать?
Наталья

Увидит, только ахнет
И замолчит: находка не корыстна,
Похвастаться нельзя. А мне, хошь срам,
Да так и быть, парнишка молодого
Жалеючи, стыда не побоюсь,
А матушки родимой и подавно.
Яков

Дознаются, не быть тебе за мной.
Наталья

Возьмусь за ум, так буду, не печалься.
У нас вверху, у мастериц золотных,
Обучишься уму – такая служба,
В котле кипим. Одна другой хитрее,
И все-то мы такие проидохи,
Что ты в Москве со свечкой не найдешь.
Яков

Никак, идут.
Наталья

Ну, врозь да по углам.
Расходятся.
Яков

Ты где?
Наталья

В углу. А ты?
Яков

В другом.
Наталья

(прислушивается)

Не чуть ли?
Яков

Почудилось, аминь-аминь, рассыпья!
Сходятся.

Наталья

В чем служба-то твоя и как зовется,
Скажи ты мне на милость!
Яков

Как зовется,
Не знаю сам покуда. Действом либо
Игрой какой – мудреное прозвание.
Наталья

А весело?
Яков

Да так-то хорошо,
Что, кажется, кабы не грех великий,
Не страх отца... Вот так тебя и тянет,
Мерещится и ночью.
Наталья

(с участием)

Без крестов
Играете игру-то? Перед действием
Снимаете кресты-то?
Яков

Не снимаем.
Наталья

Греха-то что!
Яков

Греха не оберешься.
Наталья

Теперь идут уж вправду. Разойдемся.
Входят Кочетов, Анисья, Татьяна.

Явление пятое
Кочетов, Анисья, Татьяна, Яков и Наталья.

Татьяна

Довольны вы?
Анисья

Уж так-то мы довольны,
Сказать нельзя, по горло.
Татьяна

Слава Богу.
Кочетов

Запас велик, добра преизобильно.
Анисья

(Якову и Наталье)

А вы опять по сторонам. Сойдитесь,
Беседуйте! Произволением Божиим
У нас на лад идет.
Татьяна

Так по рукам?
Кочетов

Ударимся, благословясь. А надо б
С тебя еще черевью шапку взять.
Анисья

На что она, черевья шапка?
Кочетов

Так уж
Задумал я.
Татьяна

Завистные глаза!
Наталья! прочь от Якова.
Наталья отходит.

Анисья

Постойте!
Уладимся. Детей-то пожалейте!
Не ссориться ж из шапки. Стойте рядом.
Яков подходит к Наталье.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Греха-то вы, как вижу, не боитесь,
Из пустяков да ссора.
Кочетов

Я от шапки
Не отступлюсь.
Татьяна

А я не уступлю.
Кочетов

А я упрям.
Татьяна

А я тебя упрямей.
Кочетов

А мы и прочь.
Татьяна

А я и очень рада.
Кочетов

Даешь иль нет?
Татьяна

И думать позабуди.
Наталья, вон! Из спальни ни шагу
Шагнуть не смей. Иль запереть тебя?
Анисья

Да полно вам! Поговорите толком,
Безумные! Ей-богу, ну!
Кочетов

Не хочет,
И кончено. Какие разговоры!
Чего еще! Пойдем, жена, пойдем!
Простите нас!
Входит Юрий Михайлов. Яков заглядывает за перегородку и разговаривает с
Натальей.

Явление шестое
Кочетов, Анисья, Татьяна, Яков и Юрий Михайлов.

Юрий

Челом тебе, Татьяна
Макарьевна. Не обессуди, без зову,
За делом я к тебе. Кирилл Панкратыч,
Здоров ли ты? Анисья Патрикевна!
Не с вами ль сын? Не здесь ли Яков?
Кочетов

(показывая)

Здесь.
Юрий

Так вот где ты! Где мед, и мухи там,
Заметим мы для переду! Отец,
Пугни его, гуляет от ученья,
Задуровал, от рук отбился.
Кочетов

Яков,
Кто бегают, того сажают на цепь
И больно бьют, – приказных батогов

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Не миновать тому, а ты в придачу
Попробуешь родительских, домашних.
Яков

Родитель мой, уж лучше я..
Юрий

Не слушай!
Иди, иди, не очень прохлаждайся!
Возись с тобой, а делу остановка.
(Уходит, уводя с собой Якова.)

Татьяна

Хорош жених Натальин! На веревке
В приказ тащат.
Анисья

Робячье дело.
Татьяна

Видно,
Соскучился боярин о сынке.
Кочетов

Пойдем, жена!
Анисья

Простите, Бога ради!
Уходят.
Явление седьмое
Татьяна и Наталья.

Наталья

(выходя из спальни)

Ушли они?
Татьяна

(смеется)

Ушли, спесивы больно.
Ну, вот у нас и радость. Побранимся
Еще разок, другой и сладим дело.
Не шапка мне черевья дорога,
А уступать нельзя, не мой обычай.
Сначала их повадь, они запросят
Невесть чего. А вот теперь сойдемся
На малости; за малую прибавку
Ухватятся обеими руками.
Подай убрус и опашень, Наталья.
Наталья

Куда же ты собираешься?
Татьяна

К Абраму
Никитичу.
Наталья

А по што?
Татьяна

Объявить
Про сватанье. Царица обещала
К приданому прибавку, коль найдется
Жених тебе хороший. Нам чего же

Искать еще! Велика милость Божья!
За старого не хочется отдать;
А Яков наш из молодых, да ранний,
Матвееву пришел по нраву. Ну, уж
Прибавлено, что взял в сынки, а значит,
Хоть сын – не сын, а все же на знати!
А по мужу жене почет.
Наталья

(у окна)

Гляди-ка,
Счастлива я: один жених с двора,
Другой на двор.
Татьяна

А кто?
Наталья

Василий Клушин.
Татьяна

Запри скорей!
Наталья

Да он в сенях и пьяный.
Татьяна

Скажи, что мать ушла; а то пристанет,
Рассядется, и кланяйся, и потчуй
несытую утробу! Наказанье!
(Уходит за перегородку.)

Входит Клушин.

Явление восьмое
Наталья и Клушин (в сенях).

Наталья

Без матери пустить тебя не смею.
Клушин

А где ж она?
Наталья

В гостях, сегодня праздник.
Куда идешь! сказала, не пущу.
Клушин

А ты меня попотчуй!
Наталья

Чем прикажешь?
Березовым поленом?
Клушин

Эка девка
Бедовая!
Наталья

Уйди! Девичье дело,
Стыднешонько соседей.
Клушин

Ничего.
Послушай ты...
Наталья

Мое девичье дело..
Уйди путем.
Клушин

Эх, молодость прошла.
Не выгнала б.
Наталья

Мое девичье дело.
Возьму ухват..
Клушин

Ну, Бог с тобой! Прощай!
А матери скажи, чтоб ожидала,
что свата я хорошего найду,
Лопухина, боярина.
Наталья

(смеясь)

Неужто?
Клушин

Ну, вот и все. Прощай покуда!
Наталья

С Богом.
Клушин уходит. Входит Татьяна.

Явление девятое
Татьяна и Наталья.

Татьяна

Натальюшка! Беда! Бежать скорее,
С добра ума к боярину с поклоном!
Не опоздать бы; забежит вперед
Подьячишка, наделает хлопот.
(Уходит.)

Действие второе
ЛИЦА:

Артемон Сергеевич Матвеев, окольник.

Абрам Никитич Лопухин, царицын дворецкий.

Иоган Готфрид Грегори, аптекарь.

Юрий Михайлов.

Яков Кочетов.

Клушин.

1-й, 2-й и 3-й ученики Грегори, комедианты.

Несколько комедиантов, два сторожа – без речей.

Лица в интермедии:

Цыган, Кочетов.

Лекарь.

Слуга его.

Палата в государевом дворце, над аптекой. В ней три двери: с правой стороны, в заднем углу, входная; с левой, тоже в заднем углу, в другую палату; в глубине – в комнату, назначенную для комедиантов. Посреди палаты невысокие подмостки, в виде четырехугольной площадки; сход с подмостков сзади к средней двери. Близ боковых стен скамьи. К задней стене, по обеим сторонам двери, приставлено несколько небольших рам перспективного письма, то есть декораций.

Явление первое

Несколько учеников–комедиантов: одни стоят кучками, другие ходят с тетрадями в руках и читают про себя. У входной двери два сторожа. Входят Юрий Михайлов и Яков Кочетов.

Юрий

(сторожам)

Смотреть за ним! Блюдайте хорошенько!
(Якову, который садится на скамью и опускает голову на руку.)

А если ты вдругорядь имешь бегать
И своего безделья не отстанешь,
Сидеть тебе в палате на цепи.
1-й комедиант

Проведает боярин, на орехи
Достанется.
2-й комедиант

За первую провинность
Нигде не бьют.
3-й комедиант

Помилуют небось!
Юрий

Не шутки ведь! По царскому указу
Комедию Есфирь готовим наспех,
Стараемся, из кожи лезем вон,
Чтоб угодить царю, лишь ты, паршивик,
Мешаешь всем.
Яков

И убегу опять.
Юрий

Чего и ждуть от дурака! Поучат,
Разок–другой отдуют батошьем,
Прибавится ума в тебе.
Яков

(сердито)

Не знаю,
Не пробовал.
Юрий

Отведаешь, узнаешь.
1-й комедиант

И что тебе нейметя! Наша служба
Веселая, работы нет большой.
Яков

Отца боюсь.
Юрий

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e

Ну, вот велика птица!
Проведает боярин Артемон
Сергеевич, что из его приказа
Подьячишка, в поруху воли царской,
От дела прочь сынишка отбивает,
Задаст ему.
(Уходит в другую комнату.)

Яков

Когда еще задаст,
А я за все про все, и здесь, и дома,
Побоев жди! Хоть в петлю полезай!
2-й комедиант

Житье твое нельзя хвалить.
Яков

Мое-то?
Мое житье, что встал, то за вытье.
Протер глаза, взглянул на солнце красно
И взвыл, как волк на месяц.
(Плачет.)

2-й комедиант

Полно плакать!
Несколько комедиантов
Не стыдно ль? У!!
Яков

Толкуйте! Вам живется
Сполагоря, и отдых есть, и радость
На праздничных гулянках, в песне звонкой,
В ребяческих забавах и во всем,
Чем жизнь робят красна; а мне веселье
Заказано.
2-й комедиант

Слезами не можешь;
Что плачь, что нет – все то же будет! Лучше
Махни рукой, да покажи нам в лицах
Быть-е-житье домашнее!
Яков

(сердито отталкивая его)

Отдайся!
1-й комедиант

Оставь его! Зачем мешаешь парню?
Ты видишь, он за дело принялся;
Пуцай сидит да воет на досуге.
3-й комедиант

Потешь-ка, брат, приятелей!
Яков

Отстаньте!
1-й комедиант

Да ну его! Не хочет – и не надо.
3-й комедиант

А знатно ты рассказывал, бывало,
Животики со смеху надорвешь.
«Сидит отец, а ты стоишь».
Яков

Пристали,
Как банный лист, от вас не отвязаться.
Ну. вот: сидит отец в очках, читает,
А я стою поодаль, и, на грех,
Смутил меня лукавый, рассмеялся.
Отец очки снимает полегоньку.
«Чему ты рад, дурак? Аль что украл?
Не знаешь ты, что мы в грехах родились
И казниться должны, а не смеяться?
Не знаешь ты, так я тебе внушу.
Достань-ка там на гвоздике двухвостку!
Уныние пристойно отрочати,
Уныние, а не дурацкий смех,
Уныние, уныние...» И лупит
От плеч до пят, как Сидорову козу,
Без устали, пока не надоест.
И взмолишься, причитыванья вспомнишь,
И чешешься потом да унываешь,
Неведомо чему.
1-й комедиант

Яган Готфридыч.
Входят Грегори и Юрий Михайлов.

Явление второе
Грегори, Юрий, Яков и ученики.

Грегори

(Якову)

Ты для чего убегал, Яков кочет?
Нехорошо. Ты думал, dummer Junge[1],
Что грех тут есть? Не думай так! Не надо.
У нас и Бог один, и грех один.
Я пастор сам, такой, как поп у русских;
Что я греху учу, сказать лишь может
Кто не учен, совсем не штудирован.
И глупость есть невинные забавы
Грехом считать. Теперь тебя прощаю;
А будешь, мой голубчик, уходить,
Тогда себе достанешь... Что достанешь –
Узнаешь сам. Не будет хорошо.
(Отходит.)

Яков

(про себя)

Толкуй себе: не грех. Тебе уж к стати
В аду кипеть, а мне так нет охоты.
Комедианты смеются.

Грегори

Ну, вы! Пошел, готовься начинать.
Комедианты уходят. Входят Матвеев и Лопухин.

Явление третье
Матвеев, Лопухин, Грегори и Юрий Михайлов.

Грегори

(с низкими поклонами)

Das ist sehr schoen, dass Sie gekommen sind[2].
Матвеев

Здоров ли ты, Яган Готфридыч?
Грегори

Очень
Благодарю за милость, понемножку,
и так, и сяк, Негг Лопухин!
(Кланяется Лопухину.)

Лопухин

Здорово!
Ну, что твои робята?
Грегори

Потихоньку,
Не торопись, идем подальше.
Матвеев

Дело!
А много ль их?
Грегори

Тридесять человек.
Матвеев

И дельные робята есть?
Грегори

Немножко.
Матвеев

А Кочетов? Мне Юрий говорил,
что больно он к немецкому языку
Старателен и шел к тебе в науку
Охотой сам. Да годен ли парнишка
на что-нибудь?
Грегори

Талант большой имеет.
Матвеев

Чему горазд?
Грегори

Такой смешной.
Матвеев

Покажешь
Сегодня нам?
Грегори

О да! Сегодня будем
Показывать смешную штуку. Начал
Готовить их для interludium[3].
Что делать, Негг окольниковичий, покуда
Своих смешных мы не имеем штук,
Из Киева достали. Без смешного
никак нельзя, мой господин; наскучит
Материя одна без перемены.
Да только жаль, что нет свое; а надо
Свое писать смешное.
Лопухин

Нам смешного
Не занимать; и своего напишем,
Лишь волю дай. Гляди да слушай только,
С три короба насыплешь. Что другое,

Уж не взыщи, не вдруг у нас найдется,
А за смешным недалеко ходить.
Идя сюда, подьячего я встретил,
Как водится, для радости царевой,
Изрядно пьян. С великим челобитьем,
Как сноп, упал; да, прах его возьми,
Перепугал. Как что его скосило
У самых ног моих. Как боров пегий,
Валяется, являет о бесчестье.
Послушал бы, о чем он просит.
Матвеев

Что же,
Послушаем, вели позвать.
Лопухин

(сторожу)

Эй, малый!
Шатается тут некакий подьячий
Из мастерской царицыной палаты,
Так приведи сюда!
Сторож уходит.

Матвеев

(Грегори)

А скоро ль будет
Комидия «Есфирь» готова?
Грегори

Скоро,
Мой господин.
Матвеев

Для матушки царицы
Библейская Есфирь по сердцу будет.
Грегори

О да, mein Herr, я понимаю. Можно
Показывать сегодня вам немного
Комидию «Есфирь», а только прежде
ProIudium[4] покажем небольшое.
Матвеев

Какое же?
Юрий

(с низким поклоном)

Цыган и лекарь.
Матвеев

Ладно.
(Отводит Лопухина в сторону.)

Комидию для чести государской
Иметь давно пора, и речи нет.
Недаром же у прочих государей
При всех дворах она заведена.
Что можно взять, возьмем у иноземцев.
Чего нельзя – покуда подождем.
Абрам Никитич! Как ты полагаешь,
Для царской ли забавы лишь годна
Комидия? Для русского народа,
Для всех чинов и званий – от посадских
До нас, бояр, – немало пользы в ней.

Не стыд ли нам, не грех ли потешаться
Калечеством, убожеством людским!
На дураков смеемся; эго диво,
что глуп дурак! А разве то умнее:
Сберем шутов, сведем их в кучу, дразним,
Как диких псов, пока не раздерутся,
И тешимся руганьем срамословным
И дракою кровавой. То ль забавы
Бояр, думцов, правителей земли?
А наших жен, боярынь, пированья?
Глядеть-то срам! От сытного обеда,
От полных чар медов стоялых встанут
Алёхоньки, как маковы цветочки,
По лавочкам усядутся рядком,
Велят впустить шутих, бабенок скверных,
И тешатся бесстыжим их плясаньем,
С вихляньем спин и песнями срамными.
И чем срамней, тем лучше, тем угодней
Боярыням. И сами бы пошли,
Да совестно, а плечи так и ходят,
И каблуки стучат, и громкий хохот
Дебелые кольшет телеса.
А дочери, на те потехи глядя,
С младенчества девичий стыд теряют,
И с бабами и девками санными
Без матери изрядно стерю пляшут.
Пора сменить шутов, шутих и дур,
Неистовства на действия комидийны.
Подьячего винят за пьянство; разве
Без чарки он, без хмельного питья
Найдет себе веселье? Вековечным
Обычаем указаны ему:
По праздникам попойки круговые
С задорными речами, с бранью, с боем
И на три дня тяжелое похмелье.
За что ж винить его! Иных приятств,
Иных бесед, речей и обиходов
Не знает он. А покажи ему
Комидию, где хитрым измышленьем
И мудростью представлены, как въявь,
Царей, вельмож, великих полководцев,
Философов дела и обхожденья;
И дум, и чувств изведав благородство,
Весельем он бесчинства не почтет.
Простой народ, коль верить иноземцам,
В комидии не действие, правду видит,
Живую явь: много похваляет,
Других корит и, если не унять,
Готов и сам вмешаться в действие. Хочешь
Испробовать? Подьячему прикажем
Остаться здесь, на действие поглядеть.
Лопухин

Ну, что ж, изволь! А зашумит, так можно
И в шею гнать, боярин не велик.
Входит Клушин.

Явление четвертое
Матвеев, Лопухин, Грегори, Юрий и Клушин.

Лопухин

(Клушину)

Поди сюда, и снова без утайки
Рассказывай порядку, кто и как,
И чем тебя обидел.
Клушин

Государь,
Абрам Никитич, милости боярской
Прошу твоей.
Лопухин

Проси.
Клушин

Сиротским делом
Обижен я и, государь, являю
Перед тобой обиду.
Лопухин

На кого?
Клушин

На Якова Матвеева, палаты
Царицыной закройщика.
Лопухин

А чем же
Обидел он тебя?
Клушин

Сидел в палате
Сегодня я на месте, где садятся
Подьячие, а он, Матвеев Яков,
За поставцом сидел, где платье шьют,
И молвил мне: «Хорош бы ты подьячий;
Зачем-де пишешь, высуня язык?
Зайти тебе с затылка да ударить,
И ты себе язык откусишь». В том
И жалоба моя, и челобитье.
Лопухин

И лаял ты его, я чаю.
Клушин

Лаял
Неистово. Ужли ж стерпеть?
Матвеев

Обида
Не малая.
Лопухин

Уж это ль не обида!
Какой еще! И как ты перенес?
Диковина, Василий.
Клушин

Государь,
Абрам Никитич, смилуйся, пожалуй!
Лопухин

Еще чего не скажешь ли?
Клушин

Боярин,
Вдовею я без мала пять годов;
Греха боюсь, от скуки упиваюсь.
Лопухин

А мне-то что? женись!
Клушин

Не раз собирался –

Никто нейдет.

Лопухин

Уж я не виноват;
Недобрую себе ты нажил славу
Между невест.
Клушин

Твое велико слово:
Посватаешь, пойдут. В твоём приказе
Невеста есть, из мастериц, золотных.
Лопухин

Посватаю, женю тебя, Василий!
Останься здесь, дождись меня в палате;
Смотри туда!
(Указывая на подмости.)

Гляди смиренненько в оба!
Не прогляди смотри! А что увидишь,
Не сказывай!
Грегори

Начать могу?
Матвеев

Хозяин
Не я, а ты в палате.
Грегори

(в дверь комедиантам)

Начинаем.
Юрий Михайлов и несколько комедиантов ставят и укрепляют на заднем краю площадки раму, на которой написан домик. Рама ставится несколько отступя от края, чтобы сзади ее оставался проход, а так как рама уже площадки, то и по обеим ее сторонам остаются небольшие из-за нее проходы. Перед рамой ставят скамью. Юрий Михайлов остается на площадке с тетрадь в руках. Матвеев и Лопухин садятся на скамью с левой стороны. Грегори сажает Клушина на скамью с правой стороны; тот упирается, он сажает его за плечи насильно и садится с ним рядом.

Юрий

(на площадке)

Ci ganus exit[5]. Яшка, выходи!
Уходит за раму, с другой стороны выходит Яков Кочетов, одетый цыганом.

Явление пятое
Матвеев, Лопухин, Грегори и Клушин.

Pro ludium (на площадке). Цыган, потом лекарь и слуга.

Цыган

(печально)

Чахбей, чахбей!
Клушин

(хохочет)

Охо, гого!
Грегори

(Клушину)

Молчи!

Чахбей, чахбей!
Когда ж люди видали,
Чтоб цыгане с голоду пропадали!
А уж я ныне того дождался,
До самого нельзя – вплоть домотался.
Такая, право, забота:
Работать не берет охота,
А бродишь день до вечера,
И украсть тебе нигде нечего.
Нашла на меня напасть,
Приходит с голоду пропасть,
И стал я без хлеба в тоске,
Как без воды рыба на песке.
Да что ж я сдуру стою да плачу,
Лягу-ка я спать наудачу!
Уж либо голод переспится,
Либо что съестное приснится.
(Ложится на лавку.)

Клушин

Ну, как не так! Приснится, дожидайся!
Ложись, ложись!
Грегори

Не надо говорить.
Молчи, гляди и слушай!
Клушин

Замолчу.
Цыган видит во сне сало, ловит его зубами, понемногу приподнимаясь, и просыпается.

Цыган

Вот кой-что и хорошенькое приснилось,
Около губ ветчинное сало билось.
Я было за ним потянулся,
Да так ни с чем и проснулся.
Лягу на счастье сначала,
Не увижу ли опять сала,
А увижу, так хвачу зубами,
Что твой кузнец клещами.
(Ложится опять. Клушин хохочет. Грегори зажимает ему рот. Цыган опять видит сало и тянется за ним.)

Ну-ка, еще, ну-ка, еще поближе,
Опустись маленько пониже!
Вскакивает, ловит руками и бежит за раму. С другой стороны выходят лекарь и слуга с ящиком медикаментов. Цыган, не поймав сала, возвращается печальный.

Цыган

Распропавшая голова моя!
Лекарь

Doles?[6]
Цыган

Да кака тут лиха болись?
Не ел, никак, две недели,
От того все черевья помлели.
Лекарь

Varia sunt mi medicamenta ad manus[7].
Цыган

Знаю, что ты обманешь;
Да уж ты поверь мне, цыгану,
Мало стало проку от обману.
Знать, что обман плохо помогает,
Коли цыган с голоду пропадает.
Мне бы теперь кусок сала,
Вся бы моя боль в животе отстала.
Лекарь

O, quam pulsus est gravis![8]
Цыган

Что ты меня давишь!
Вот чудак, щупает да в сторону плюет,
А что цыган голоден, того не чувствует.
Лекарь

Nis medicamenta[9].
(Показывает лекарство.)

Цыган

Да не пойдет это в губы.
Слуга

Говорит, что болят у него зубы.
Лекарь

Ubi dolor?[10]
Слуга

(на ухо громко)

Болят у него денте![11]
Лекарь

Ubi sunt instrumenta?[12]
Слуга

(цыгану)

Сядь-ка, брат, благо все готово.
Цыган

Вот мне любезное слово.
Теперь-то я обеда дождался,
Слава богу, добрый человек попался.
Надо мне поплотней усесться,
Чтоб за все голодные дни отъесться.
Привалило счастье цыгану.
(Садится.)

Слуга

Господин лекарь, принимайся! а я держать стану.
Цыган

Зачем держать? Стол подставьте,
Да печеное поросю поставьте,
Да глядите издали, коли не видали,
Как люди поросят с костями едали.
Слуга

Болтай еще! Поросю ему дать!
(Берет цыгана за голову сзади.)

Цыган

Аль ты меня хочешь, что кобылу, взнуздать?
Лекарь

(раскрывая рот цыгану)

Quam dentes sunt lati! [13]
Цыган

Да что вы, черти прокляти!
Лекарь

(вырывая зуб)

Ecce habes! [14]
Цыган

(вырвавшись, воет)

Ай, ай, ай-ай.
Батюшки мои!
Клушин

(привстает)

Ой, смёртушка! Ой, смерть моя приходит!
Грегори

(берет его за плечи)

Сиди, сиди, молчи!
Клушин

Да мочи нет.
Лопухин

Заткните рот ему тряпицей старой!
Клушин

Ой, замолчу! Ой, смерть! Ой, замолчу!
Слуга

(цыгану)

Присядь-ка, мы еще дернем.
Цыган

Да и так вытянули зуб с корнем.
Я думал, он от голоду полечит,
А он меня же калечит.
Знать, ума у тебя много,
Вздумал ты, жид тонконогой,
Коли зубов не станет,
Так и голод от человека отстанет.
От таких чертей лекарей
Бежать было цыгану поскорей.
Слуга

Беги, благо ты парень вострый,
А то вытащит тебе зубы вдосталь.
Цыган убегает.

Лекарь

Деньги где? Деньги заплати-ка!
Слуга

Попробуй цыгана догони-ка!

(бьет слугу)

Так вот тебе! Вот тебе! Получай!
Без денег больного не отпускай!
Слуга

Ох! Много мне от тебя передачи!
Нечего делать, давать тебе сдачи.
По-русски вот как! Отведай мою закуску.
У меня и черту не бывает спуску.
(Берет немца поперек, бросает на землю и бьет палкой.)

Лекарь

Hei, hei!
Слуга

(бьет палкой)

Вот тебе гей! лекаришка!
Некрещеный лоб, паршивый паричишко!
Клушин

Валяй его! Валяй! Вот так! Прибавь!
Прибавь еще!
Грегори

Сиди!
Клушин

Пусти-ка, немец.
Постой-ка, я пойду ему прибавлю.
(Лезет на подмости.)

Лопухин

Гоните вон его! Гоните в шею!
Сторожа выталкивают Клушина.

Матвеев

(Грегори)

Изрядно, брат! Зело потешно видеть
Робят твоих.
Лопухин

Смешить горазды!
Грегори

Очень
Благодарю.
Матвеев

Теперь Есфирь?
Грегори

Сейчас.
Пожалуйте, войдите здесь в палату!
В минуту все у нас готово будет.
Провожает Матвеева и Лопухина в соседнюю комнату. Комедианты и сторожа прибирают на сцене; выходит Яков Кочетов, переодевшись в свое платье.

Явление шестое
Яков, комедианты и сторожа.

С добра ума убраться поскорее!
Потешно им, а мне веселья мало.
Смеются все, а у меня мурашки
По коже-то от пяток до затылка,
И волосы вздымает дыбом, словно
С загривка-то кто чешет. Убегу.
Отбегаюсь, хоть на цепь посадите,
Хоть режь меня. Парнишка молодой,
Душонка-то изныла. Мне ли тешить,
Ломать себя, чужую образину,
Цыганскую, жидовскую, чудскую,
Напяливать на облик православный,
Веселым быть и веселить других,
Когда в глазах зияет ад кромешный,
Над головой отцовское проклятье!
Кому Есфирь, а мне душа нужна.
Греха боюсь, уйду. Прощайте, братцы!
(Убегает.)

Комедианты

Ушел, ушел! Держите!
Сторожа подходят к двери. На шум выходят Матвеев, Лопухин, Грегори, Юрий Михайлов и остальные комедианты.

Явление седьмое
Матвеев, Лопухин, Грегори, Юрий Михайлов, комедианты и сторожа.

Сторожа

(у двери)

Не догонишь.
Держи его! Как вихорь полетел.
Юрий

(толкая сторожа)

ловить его! ловить его бегите!
Грегори

Что делать нам, mein Gott?[15]
Никак не можно
Показывать Есфирь.
Матвеев

О чем тревога,
И кто ушел?
Юрий

Да Кочетов Яшутко.
Не в первый раз ему. Отца боится,
И бегаёт от дела.
Матвеев

Разве мимо
Отцовского согласия Яков взят?
Юрий

Охотился, и взяли, государь.
Его печаль отца спросить, не наша.
Уж больно лют старик, ему забота
Лишь бражничать да сына теревить,
Как ястребу курчонка. Батогами
Пугнуть бы их обоих – то ли дело!
И Якову наука, и отец

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Помягче б стал.
Матвеев

В уме ли ты! Иль мало
Ругают нас бояре, так и ловят
Поймать у нас хоть малую оплошку,
Царю донести и делу помешать.
Грегори

Без Якоба не можно и не будет
Комидия готова.
Матвеев

Постарайся!
Грегори

Один ушел, другой и все уйдут,
И я уйду.
Матвеев

А ты сердит, я вижу.
Взамен его возьми другого!
Грегори

Разве
Талант башмак, что можно их менять,
Один долой, другой надел?
Матвеев

Ну, как же
Помочь беде? Помехи, вижу, много
Со всех сторон: кто с умыслом, кто спросту
Мутит народ, по всей Москве разносит,
Что будто мы готовим государю
Бесовскую потеху. Не уймешь
Народную молву, пока не скажешь
С Постельного крыльца, что действие будет
Из Библии, Есфирь.
(Отводит Лопухина в сторону.)

Да не нажить бы
Себе беду другую, горше первой!
Указывать на Мордохея будут,
Отыскивать Амана меж собой.
(Юрию.)

Парнишка ты сведи к отцу, скажи:
Не надо, мол, не плачьте, пошутили.
Грегори

Нельзя, никак не можно мне без Якоб.
Другого нет, и нет, и негде брать..
Матвеев

Ну, как же быть, не знаю, право. Палкой
Медведей лишь к плясанию понуждают,
Людей нельзя.
Юрий

Дозволишь молвить слово?
Матвеев

Ну, молви, что ль, скорее!
Юрий

Государь,
Затеяно, так надо кончить дело;
Берясь за гуж, не говори: не дуж.

Ужли ж теперь, людей бездельных ради,
ломать, бросать иль портить початое?
Ужли отстать от Якова? Да я
возьмусь тебе, что Кочетов Кирило
и сам придет, и сына приведет
в палату к нам.
Матвеев

Схлопочешь, рубль за мною.
Юрий

Рублем на рубль ответить мне немочно,
а голову кладу свою в поруки,
что Кочетов-старик придет просить
и кланяться, чтоб только взяли сына.
Матвеев

Ну вот, не плачь, Яган.
(Взглянув на часы, Лопухину.)

Приспело время,
пора идти к царю на званный пир.
Уходят, все с низкими поклонами их провожают.

действие третье
ЛИЦА:

Кирилл Кочетов.

Анисья.

Яков.

Клушин.

Татьяна.

Наталья.

Юрий Михайлов.

Слуга Кочетова – без речей.

Чистая изба в доме Кочетова. Посередине входная дверь; налево, у печки, дверь за перегородку, у двери поставец; направо под окнами лавка, у лавки стол, на котором большие и малые книги.

явление первое
Анисья и Татьяна входят.

Анисья

Пожалуй-ка! Тебя Господь несет,
а я гляжу в окно да не узнаю:
как словно ты, – опять же то мекаю,
что виделись сейчас, зачем-де ей!
Ну, милости прошу.
Татьяна

Такое дело
приспелось; без нужды б не пошла.
Анисья

Само собой. За делом иль без дела,
а все же я радехонька.
Татьяна

С Кириллом
Панкратычем повздорили за роспись
Маленько мы.
Анисья

До брани не дошло?
Татьяна

А долго ли!
Анисья

Да диво ль побраниться,
Лиха беда заспорить.
Татьяна

Не святые,
На всякий час не опасешься.
Анисья

Нам бы
И спорить-то не для чего. Конечно,
Ведется так: нельзя не торговаться.
Ну, муж глава, при нем и я по нем;
А я тебе перечить бы не стала.
Для матери дитя всего больнее;
Тебе печаль Наташу замуж выдать,
Моя – сына женить. Хоть поглядели б
На их житье. И радость-то одна
На старости: внучат скорей понячить,
Коль Бог пошлет.
Татьяна

я, так и быть, прибавлю
Тафтяную сорочку, рудо-желту.
Да вошвы есть на летник, по атласу
Червчатому шелки и серебро.
Совсем было про них забыла – стала
В коробьях рыть, нашла, так что таить.
Анисья

Скупенька ты, а вот и расступилась
Для дочери. Да что и говорить:
Затеяли, так надо кончить дело.
Убытка нет тебе: такого зятя
С огнем ищи, так не найдешь, поверь.
Не матери б хвалить.
Татьяна

И не хвалила б.
У нас глаза не слепы – парня видим.
Дурным его не назовешь, из роду
Не выкинешь; а поискать приняться,
Так есть и лучше на Москве; не клином
Сошлась она. Да вот беда какая:
Искать-то мне не время; тороплюсь,
Приходится сбывать Наталью с рук,
Послушай-ка! На Кисловке, бок о бок,
Сосед у нас, из нашего приказа
Подьячишка, – да, Господи прости!
Такой-то пес постылый! Наберется
Угару-то хмельного, колобродит
По всем дворам; а чаще всех ко мне.
И потчую, нельзя. По разговорам,
Как вижу я, присвататься он хочет.
Анисья

Не Клушин ли?
Татьяна

Ну, он. А разве знаешь?
Анисья

Кумой зовет – крестили вместе. Ходит
Частенько к нам и пить, и похмеляться.
Докучлив так-то часом, что не знаешь,
И выжить как. Чего ж его бояться?
Не отдавай! Не кто тебя неволит,
Не оторвет с руками.
Татьяна

Оторвет;
Сильна рука у плута. Подслужился
Боярину Лопухину и нашим
Боярыням верховым, казначеям.
Боярское для нас велико слово,
Велят отдать, не станешь спорить, выдашь
За пьяницу.
Анисья

Ахти! Беда какая!
Татьяна

Ну, сватьяшка, еще ли ты не видишь
Любви моей? Другая набиваться
Стыдилась бы, а я вас упреждаю:
Не мешкайте!
Анисья

Чего же дожидаться!
Хоть завтра же! Спасибо, что сказала.
Проснется муж, поговорим да с Богом,
Благословясь, и по рукам ударим.
А там, честным пирком.. Уж так-то рада,
И слов тебе не вдруг найду.. Ну, сватья,
В светелочку ко мне! На всей прохладе
Медку испить пожалуй, за любовь.
Уходят. Из боковой двери, спросонков после полуденного сна, выходит Кочетов,
отворяет поставец, достает сулейку и чарку и, оглядываясь, наливает.

Явление второе
Кочетов один.

Кочетов

(со вздохом)

Единую. Жена не увидала б,
Храни Господь! Хоть в доме я глава,
А все-таки...
(Пьет.)

Закусочки пошарить.
(Закусывает.)

А все-таки блюдуся шуму. Звонок,
Пронзителен их голос бабий.
(Откашливаясь.)

Знатно!
Винца испить любезно скуки ради;
Да только жаль, что чарочка мала,
И потому вторично.
(Пьет.)

Вот и полно.
(Ставит сулейку на место, закрывает поставец и садится к столу.)

Теперь начну прохладно насыщаться
Премудростью чужой.
(Раскрывает рукопись Домостроя, лежащую на столе.)

Где ни откроешь,
Словесный мед и пища для души.
(Надевает очки и читает.)

«А дети еще небрегомы будут,
В ненаказании отцов живя,
Что согрешат иль злое что содеют, –
Отцам и матерям от Бога грех,
А от людей укор и поношение,
В дому тщета, и скорби, и убыток,
А от судей соромота, продажа».
Премудрые слова отца Сильвестра!
А далее читаем: «Какое дети
Спасати страхом». «Не ослабевай,
Бия младенца! Аще бо жезлом
Биешь его, на здравие бывает,
Казни измлада сына своего
И ребра сокрушай, покуда мал;
А вырастет – не дастся». Это правда.
Великий был мудрец отец Сильвестр!
Для сына я не пожалел жезла,
И вырастил стыдливее девицы:
Как рыба, нем пред старшим пребывает,
Родителя приказы принимает
В молчании, с поклоном исполняет.
На праздничных пирушках у родных,
Склоня главу, сидит, а очи долу
Опущены имеет. Глумотворства,
веселия бежит. А наипаче
Учил его блюстися скоморохов,
Гудельников, сопельников, глумцов
И песен их бесовских; грех тягчайший
Сие бо есть. Могу хвалиться смело
Перед людьми, что Яков мой не знает
Мирских забав и всяческих соблазнов.
Входит Клушин.

Явление третье
Кочетов и Клушин.

Клушин

Хозяину и дому благодать
И мир!
Кочетов

(снимая очки)

Добро пожаловать, приятель
Особенный, Василий Фалалеич!
Присядь!
Клушин

Сажусь. Хозяйка поздорову ль,
Кума моя, Анисья Патрикевна?
Кочетов

Старуха-то? Старуха ничего,
Кой-как плетется.
Клушин

Яков понавык ли
Писанию приказному?

Под страхом
Родительским помалу навывает.
Обучится, не вдруг же.
Клушин

Ну, и ладно.
Все слава Богу, значит?
Кочетов

Слава Богу!
Клушин

Ну, и восхвалим Бога!
Кочетов

И восхвалим
За милости его.
Клушин

Ему во славу
Даров его употребим посильно
От лозного плода.
Кочетов

Да негде взять-то.
Подьячему вкушать не подобает
От гроздия. Копейки трудовые
В моей мошне дырявой шевелятся,
А не рубли, и нам о фряжских винах
И греческих и думать непригоже.
Простое есть.
Клушин

Приказывай!
Кочетов

Поспеешь!
Приятелю душевно рад; понеже
Скудаюся давно беседой умной.
По-дружески прошу тебя, Василий,
Поговорим с тобой, покуда трезвы.
Диковина ль напиться! Мы успеем
Осатанеть. Не прочь и я от чарки,
Лишь не люблю безумного веселья.
Беседовать прохладно я желаю,
От разума и от писаний книжных,
О том, о сем, о суете житейской.
Вопросами друг друга испытую,
Паришь умом над сей земной юдолюю,
Красноглаголиво, преизощренно,
Витийственно свои слагаешь речи,
И мнишься быти новый Златоуст.
Люблю словес извитие и жажду
Его душой. Подьяческих пирушек
Не жалею; в них брань да уреканье,
Да пьяный шум, воистину бесовский.
Не мерзость ли, когда они вприсядку
Пускаются по целому десятку!
Клушин

А я хмельной умнее.
Кочетов

Друг Василий,
Не похвались! Ума-то не теряешь,
Воистину; да на руку-то скор

И дерзостен бываешь в разговоре, –
Частехонько за бороду чужую
Имаешься, как за свою, без спроса
Иль, сохрани Господь, чем ни попало
По лысине огреешь.
Клушин

В этом грешен.
Нечто, начнем. Рассыпать разговор
И я не прочь.
Кочетов

Вот мы заговорили,
Что милостив Господь до нас. Вопрос:
А милостей достойны ль мы Господних?
Клушин

Ответ: никак.
Кочетов

А почему? вопрос.
Клушин

Ответ: зане греха и всякой скверны
Соделтели; живем скотоподобно
И пьянственно; а грех лихоиманья,
Грабительства, прижимки, волокиты
И всякого томленья православных
Первейший в нас; и мы ничем не лучше
Разбойников, сидящих по оврагам,
В темных лесах, под ветхими мостами.
Кочетов

Разбойников?
Клушин

И татей полунощных...
Кочетов

Постой, постой! Я изловил тебя.
Еще вопрос, и сам ты повинисься.
Не первому ль новозаветный рай
Разбойнику отверзся?
Клушин

Эко дело!
И вправду так. Винюсь. Скажи, пожалуй,
Из памяти ушло.
Кочетов

(со вздохом)

Кому ж и помнить
Разбойника спасенье, как не нам.
Нашлось ему в раю местечко, будет
И нам с тобой. В миру живем, приятель,
Не согрешить нельзя – питаться надо,
Кормить семью. Греха не убежишь,
В грехе рожден. А наше лихоимство
Велико ли? Обычная подачка
От воевод.
Клушин

А те посадских грабят.
Кочетов

Такой черед от века предустановлен,
А то бы как мирская–то копейка

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Из дальних стран России неоглядной,
Из Галича, из Вологды иль Перми,
До наших рук сиротских доходила!
(У двери.)

Жена, войди! Василий Фалалеич
В гостях у нас.
Входит Анисья.

Явление четвертое
Кочетов, Клушка и Анисья.

Анисья

(целуясь с Клушиным)

Ах, куманек любезный!
Надумался, в кой-то веки. Легко ль,
Кажись, уж год тебя я не видала;
А Кисловка-то под боком у нас,
Не за морем. Не грех бы толконулся
Когда-нибудь куму проведать.
Клушин

Видишь,
Дела у нас. Царица молодая
Повеселей живет. Ее дворецкий,
Абрам Никитич Лопухин, покою
Не знает сам, да не дает и нам.
Во всем дворце у всех теперь работы
Прибавилось; то новых нянек, мамок
Готовили, а вот теперь родины,
Так некогда, не обессудь.
Анисья

Да полно
Виниться-то! Я рада, что пришел.
Кочетов

Поди-ка ты да принеси..
Анисья

Уж знаю,
Чем потчевать. Не яства же сахарны
Поставить вам! И хлебом не корми,
Да дай винца.
Клушин

Не то чтоб я любил,
А, видишь ты, у государя радость,
Так веселы и слуги. Погляди-ка!
Пьяна Москва от мала до велика.
Бояре пьют с почетом у царя,
Промеж себя дворяне, духовенство
И всякий чин придворный; а подьячий
Где потчуют его. И всякий пьет,
Где есть вино и где ему придется.
В такие дни и пьется как-то ходко,
Особенно за умною беседой
С приятелем.
Анисья

Да что греха таить,
Захочешь пить, так радости найдутся.
Не первый год с тобой знакома, знаю
Обычай твой: до чарочки охоч.
Клушин

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
И не запрუსь, кума.

Анисья

Не в осужденье
Слова мои. Пилось бы на здоровье!
Хозяева таким гостям и рады
Податливым; спесивый, право, хуже,
Поклонами замучает. Всю спину
Сведет тебе, не разогнешься после.
А ты не ждешь поклонов, и спасибо.
А, чай, тебе постами тяжело
Без пенного? повадка-то неволит,
А разрешенья нет. А кто привычен,
Так, слышала, ой-ой непереносно
Говенья-то.
Клушин

Ну, что уж! Умираю.
Анисья

А ведь гретишь, поди?
Клушин

Не потаюсь.
Грешить грешу, да каюсь в окаянстве,
По тысячам поклоны отбиваю
Частехонько, все лестовки ошмыгал.
Кочетов

(жене)

Да ты бы шла.
Анисья

Иду. Затолковалась.
Сейчас велю подать. И у самой-то
В гостях сидит знакомая старушка.
Так у меня припасено. Сидите,
Беседуйте! Я гостью провожу
И к вам приду, присяду.
(Уходит.)

Явление пятое
Кочетов, Клушин и потом слуга.

Кочетов

Друг любезный,
Про новости, какие есть, скажи!
Клушин

И то хочу сказать тебе из свежих.
Слуга вносит вино и закуску, ставит на стол и с поклоном уходит.

Кочетов

(наливая чарку)

За здравие царя и государя
И матушки царицы.
(Пьет. Хочет закусывать.)

Клушин

(наливая по другой)

Погоди!
Пожди, постой! Тотчас же по другой

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
За здоровье царевича Петра,
Новорожденного!
Кочетов

На многи лета!
Пьют.

Клушин

И новости теперь. Вдову, Татьяну
Макарьевну, из мастериц золотных,
Знавал ли ты?
Кочетов

Ну, как ее не знать.
Клушин

И дочь ее, Наталью, знаешь?
Кочетов

Знаю.
Клушин

А деньги есть у них?
Кочетов

Еще ль не быть!
Накоплено, и не прожить.
Клушин

Наталья
На возрасте, и люди девку хвалят.
Так вот тебе и новость: я собираюсь
Присвататься.
Кочетов

Недурно ты задумал,
Да поздно, друг.
Клушин

Ничуть.
Кочетов

Поверь, что поздно.
Клушин

И старше есть, да женятся. Завистно
Приданое. А сватовство ведется
Не женихом, а сватом; плох жених,
Да сват хорош, и ладно. Я Абрама
Никитича посватать попросил.
Я стар и вдов, а скажет только слово
Боярское – и люб и молод буду.
Кочетов

Да поздно, друг. Ищи себе другую,
Наталью нам оставь; сговорена
За Якова.
Клушин

Я, чай, Василий Клушин –
Не Яков твой. Его за человека
Не всяк сочтет. Помеха не велика.
В подружье быть ему на нашей свадьбе
И то за честь великую.
Кочетов

За сына

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Горой вступлюсь. Не тронь его.

Клушин

Вступайся,
Недороги вы оба.
Кочетов

Ты велик ли?
Клушин

Велик иль мал, а все ж не скоморох.
Кочетов

Уж врать так врать, Василий. Ври уж вдосталь!
Когда его видал ты скоморохом?
Клушин

Сегодня, друг.
Кочетов

Кого же Яков тешил?
Клушин

Матвеева.
Кочетов

Не лги! У Артемона
Сергеича холопы есть
Клушин

Холопы
Холопами, и Якову есть место.
Кочетов

Да спьяну-то не только скоморохи,
Покажутся тебе и черти.
Клушин

Ладно,
Покажутся, так открещусь!
Кочетов

Василий,
Не пустословь! Облай его, как хочешь,
Грабителем казны, церковным татем,
Убийцею, коль Бога не боишься,
Коль бес в тебя засел; а скоморохом
Не обзывай!
Клушин

Кричи себе, пожалуй,
Не страшно мне ничуть.
Кочетов

Да где ж ты видел?
Скажи, злодей!
Клушин

В аптекарской палате.
Дворцовую аптеку знаешь?
Кочетов

Знаю.
(С ужасом.)

И там внизу потешная...
Клушин

Не то.
Над царскою аптекой есть палата
Просторная; с великим береженьем,
Тихонько там, обычаем немецким,
Подьяческих детей и иноземцев
Немецкий поп потехе новой учит,
Комидии.
Кочетов

Немецкий поп?
Клушин

Яган
Готфридович, Григорьев.
Кочетов

Боже!
Немецкий поп крещеных, православных
Подьяческих детей потехе учит!
Клушин

Комидии.
Кочетов

О, Господи помилуй!
Клушин

Немецкая потеха мудрена,
Не всякому под силу. Яков понял,
На диво всем дался.
Кочетов

Да в чем она,
Потеха-то немецкая?
Клушин

Примерно,
Хоть Якова оденут чертом, лешим,
И выпустят ломаться на потеху.
Кочетов

(хватаясь за голову)

Ах, ужас, страсть!
Клушин

Ну, и крутись, как знаешь.
Кочетов

Не верю я лжецу. Уйди, исчезни!
Убью тебя, клеветника!
Клушин

(испугавшись)

Я, друже,
Не виноват ни телом, ни душой,
У Якова спроси, не отопрется.
Кочетов

Не вижу я, не помню ничего.
О, Господи! Такое испытанье
Тяжелое! Не пережить его.
Тоска и стыд грызут меня. От сына
На голову седую поношенье,
Позор и срам. Змея в моей груди.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Прискорбно мне! Душа горит. Покоя
Не обрету вовек. Жена! Анисья!
(Берет со стола Домострой.)

Отец Сильвестр! Я прокляну его.
(Садится и закрывает лицо руками.)

Входят Анисья и Татьяна.

Явление шестое
Кочетов, Клушин, Анисья и Татьяна.

Анисья

Ну, что у вас? Никак нельзя без крику!
Лишь выпили, и зашумели.
Кочетов

Ох!
Не спяну я кричал.
Анисья

А мы с Татьяной
Макарьевной и выпили, да тихо,
Не ссоримся, и пьяны, да умны.
Покончили дела, Кирилл Панкратыч.
С чего завял? Не вешай головы!
Сынка женю, Василий Фалалеич!
От радости не чуя ног хожу,
Вставай, отец, молиться Богу будем!
Кочетов

Сынка женить? А где сынок?
Анисья

Вернется.
У дела, чай.
Кочетов

У дела? У какого?
Анисья

Приказного.
Кочетов

Ну, вот ему неволя
В приказе быть, тянуть сызмала лямку
Отцовскую. Сынок-то лучше службу
Нашел себе.
Анисья

Какую ж?
Кочетов

Скоморошью!
Анисья и Татьяна
Ай-ай! Ахти, беда!
Входит Юрий Михайлов, за ним Яков. Наталья прокрадывается за ними в угол.

Явление седьмое
Кочетов, Клушин, Анисья, Татьяна, Юрий Михайлов, Яков и Наталья.

Кочетов

Его ли надо?
Куда зашел, бесоугодник? С нами
Не быть тебе, служитель сатанин!
В покое сем иконы, и куренья

От ладана возносится почасту.
Молитвой я встречаю утро здесь,
Молитвой день мятежный провожаю.
Изыди вон! Изыди, окаянный!
Тебе вольно везде бродить; не смей
Вступать под кров родительский! На свете
Простор велик глупцам и скоморохам,
По смерти им одно готово место
С диаволом. И буди про...
Наталья

(выбегает из угла)

Постой!
Молчи, старик! Не то своей рукою
Замкну твой рот, нечистый, богохульный!
Родительским проклятьем не шути!
Легко тебе, у пьяной браги сидя,
Над детищем безвинным потешать
Хмельную блажь свою; а жить на свете
(плача)

Проклятому, подумай ты, легко ль?
Так знай же ты! Неправое проклятье
От грешных уст, до неба не дойдя,
Воротится назад в уста и свяжет,
Замкнет навек, и будешь нем.
(Со слезами отходит.)

Татьяна

Наталья,
Откуда ты взялась?
Анисья

(со слезами)

Господь послал.
А мы-то! Мы стоим...
Юрий

Кирилл Панкратыч,
Не для того привел к тебе я сына,
Прислал его боярин не затем.
Возьми его! По царскому веленью
В аптекарской палате обучают
Подъяческих робят библейским действиям,
Готовятся с великим поспешеньем,
Чтоб действовать перед царем «Есфирь»
В недолгий срок. Радея государю
И жалуя тебя не по заслугам,
А ради лет преклонных, Артемон
Сергеевич велел, чтоб Яков с теми
Робятами учился вместе. Яков,
Боясь греха и твоего проклятья,
Противен стал и бегаёт от службы,
Хвали его, а не брани, что волю
Отцовскую поставил выше царской.
Тебя ж, Кирилл, боярин похваляет:
«Что нынче-де таких благочестивых
Подъячих вряд сыскать, чтоб воле царской
Перечили – повиноваться власти
Грехом себе считали. Он-де знатно
Вперед других задумал в рай попасть».
Кочетов

(женщинам)

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Уйдите–ка покуда! После кликнем.
Анисья, Татьяна и Наталья уходят.

Явление восьмое
Кочетов, Клушин, Юрий и Яков.

Кочетов

А боле мне, холопу, нет приказа?
Юрий

(кланяясь)

Приказа нет к тебе, а челобитье,
Чтоб ты простил его, да грешных нас
И с Яковом.
Кочетов

Почесть ли за посмех
Слова его боярские?
Юрий

Не знаю.
Клади в мешок, опосле разберешь,
А я сказал боярину: мол, старый,
Одумавшись, и сам придет просить,
Чтоб Якова опять в ученье взяли.
Кочетов

Смеяться ты над старым молоденек
И глуп еще.
Юрий

Я воли не снимаю
С тебя, Кирилл Панкратыч; не снимай
И ты с меня! Твори елико хочешь;
А мне сказать никто не запретил.
Прощай!
Кочетов

Постой! Какая же Есфирь!
Когда робят чертями рядят?
Юрий

Кто же
Сказал тебе?
Кочетов

Василий Фалалеич.
(Сыну.)

Вот я тебе ужо!
Юрий

За что, помилуй!
Прости его!
Кочетов

Простить–то я прощу,
А все же страх внушить.
Юрий

(Клушину)

Ты что ж болтаешь!
Каких чертей ты видел? Агасфера
В величии, в парче и багрянице,
Есфирь в слезах, Амана, Мордохея.

Цыгана я лохматого...
Юрий

Свяжите
Скорей его! Не ты ли к Агасферу
На трон полез? Прибить хотел? И в шею
Велел тебя погнать боярин.
Клушин

Только
Не Агасфер, а лекарь из жидов...
Юрий

(перебивая)

Постой, скажи! По шее били?
Клушин

Били.
Юрий

(Кочетову)

Ну, вот тебе.
(Клушину)

Царя на троне видел?
Клушин

Да кто же мне глаза отвел?
Юрий

Не знаю.
Клушин

Во все глаза глядел, а не видал,
Не немец ли глаза-то отводил?
Все в бок меня толкал. Ни Агасфера,
Ни трона я...
Юрий

Кому ты говоришь!
Мы трезвые, а ты с утра затмился.
Нет, вы его свяжите!
Кочетов

Ну, Василий,
Запутался, шальная голова.
Юрий

Прощай!
Кочетов

Пожди часок! А что такое
Комидия?
Юрий

Видал пещное действо?
Ну, вот, точь-в-точь. Особую палату
Поставят нам в селе Преображенском
И действовать прикажут ежедённо
В глазах царя.
Кочетов

Так вот что!
Юрий

После действия
К руке пойдём.
Кочетов

А жалованье будет?
Юрий

Великое. И есть за что. Поверишь,
Ночей не спим, забот, хлопот! Любезно
Житье твое, Кирилл Панкратыч! Можно
Сидеть тебе за чаркой, прохладиться,
Беседу весть, над Яковом мудрить:
Уму учить иль по головке гладить.
Уж ты его прости скорей!
Кочетов

(грозя пальцем)

Ну, Яков!
(Показывая Домострой.)

Вот книга-то! Вся жизнь как на ладони
Показана. Читай о скоморохах
И бахарях и казись.
Яков с поклоном принимает книгу и отходит в угол.

Ты сказал,
Что жаловать хотят робят?
Юрий

Нельзя же,
Не даром же трудились.
Кочетов

По полтине?
Аль больше, чай?
Юрий

Толкуй тут! по полтине.
Кочетов

Чего ж еще?
Юрий

Полтина! Соболями!
Не всех равно: по делу, по заслуге,
А больше-то пожалуют отцов.
Прощай пока!
Кочетов

Постой!
Выходят Татьяна, Анисья и Наталья.

Явление девятое
Кочетов, Клушин, Юрий, Яков, Анисья, Татьяна и Наталья.

Татьяна

Кирилл Панкратыч,
Ты Бога-то боишься ли? Затеял
Обманом жить. Сироты мы с Натальей,
А ты сирот выводил из ума.
Смотри-ка, сплел какую небылицу
На Якова, что Артемон Сергеич
В сынки берет; а мы-то сдуру верим.
А вышло-то на деле, в скоморохи,
С холопами ломаться перед ним.

Уж вам бы так и брать ему под пару,
Женить его на дуре неумытой,
В покровишной, суконной телогрее,
С гремушками на кике; а не сватать
У честных вдов отецких дочерей!
Уж нечего, хорош жених!
Клушин

Помилуй,
Какой жених! Молокосос, Татьяна
Макарьевна. Ну, мне ль чета! Примерно,
Как я теперь, в года вошел, как должно,
На степень стал и чертом не ряжусь...
Юрий

А, ты опять заговорил.
Татьяна

Не хвастай!
Хорош и ты; а все уж лучше. Я-то,
Безумная, сокровище такое,
Красавицу свою, отроковицу,
Смиреницу...
Юрий

Постой-ка ты, Татьяна
Макарьевна, с смиренством-то. Недавно,
И часу нет, как Якова нашли
В твоём доме, у ней в опочивальне,
У дочери-смиреницы. Я сам
Волок его у ней из-под кровати.
Татьяна

Ах, батюшки! Да как же ты?
Наталья

Не помню,
Хмельна была.
Татьяна

Ах, срам! Не верьте ей!
Ни отроду хмельного в рот. Наталья,
Да есть ли стыд в тебе? Опомнись!
Клушин

Парня
Хмельная ты пустила; иль не знаешь:
Хмельная вся чужая!
Татьяна

Что ж молчишь-то?
Да плюнь ему! Мол, полно завираться!
У матушки в дому живу, что в келье.
Честней, мол, нас на свете нет. Ты вот как
Скажи ему, бесстыжему.
Наталья

(отворотясь)

Не знаю,
Хмельна была.
Татьяна

Да что же ты, срамница,
Куда глядишь? Аль вправду, что ль?
Наталья

Не знаю.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Хмельна была.

Татьяна

Зарезала меня.

Ах, батюшки! Отцы мои родные!
Не мне людей корить, самой приходит
Кориться вам. Простите, Бога ради!
Возьмите с рук, избавьте от стыда!
Анисья

Какой те стыд! За честь родня такая.
Кочетов

Ну, то-то же. Вот так-то лучше будет.
Наталья

(Якову)

Ну, ловко ли?
Яков

(из-за домостроля)

Наташа молодец!
А я-то глуп, теперь лишь догадался.
Наталья

Есть заповедь.
Яков

Какая?
Наталья

Не зевай!
Юрий

Прощай теперь. Живите поздорову;
А доброму началу добрый час.
Постой, забыл. Велел тебе боярин
Во вторник быть пораньше на Постельном.
А что сказать боярину, подумай,
Чтоб глупостью людей не насмешить.
(Уходит.)

Анисья

Теперь начнем моления и поклоны,
Благословясь, ударим по рукам.
Родители, возьмитесь за иконы;
Ну, детушки, валитесь в ноги к нам.
Клушин

Кому жена, да радость, да веселье,
А Клушину в чужом пиру похмелье.

Эпилог
(4 июня 1672 года)
ЛИЦА:

Богдан Матвеевич Хитрово, дворецкий государя.

Василий Семенович Волынский.

Александр Иванович Милославский.

Матвеев.

Думный дьяк.

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Грегори.

Кочетов Кирилл.

Яков.

Юрий Михайлов.

Клушин.

Комедианты.

Бояре, дворяне и всякие служилые люди.

Постельное крыльцо.

Явление первое

На авансцене, перед каменной преградой, стоят дворяне, дети боярские, подьячие и прочие служилые люди, которым вход за каменную преграду был запрещен. Между ними Грегори с своими учениками, Юрий Михайлов, Кирилл и Яков Кочетовы и Клушин. За преградой несколько бояр.

Клушин

(Кочетову)

Чего-то ждут; бояре что-то шепчут
Между собой.
Кочетов

А нам какое дело!
У них свои, у нас свои заботы.
На то оно Постельное крыльцо,
Что всякий тут с своей печалью.
Юрий

Ты-то
С какою же? Проситься в воеводы?
Кочетов

Куда уж нам? Не лезь в чужую душу,
Оставь меня! Я знаю, что мне надо.
1-й комедиант

Беглец пришел, глядите-ка, Яшутка.
2-й комедиант

(Якову)

А нас вчера боярин пирогами
Попотчевал торговыми.
1-й комедиант

На квас
Сыченный дал.
2-й комедиант

И ангельское платье
Пошить велел, чтоб действовать Товита.
Юрий

Да что к нему пристали! Он не наш,
Особь статья. В овчарню возвратилась
Заблудшая овца – на радость дому.
Яков

Уйти бы нам отсюда!

Подождем
Боярина.
Яков

Да страшно показаться.
В глаза ему не взглянешь от стыда.
Кочетов

А ты молчи, за сына я в ответе.
Яков

Уж лучше мне сквозь землю провалиться.
Юрий

Молчите вы! Идут бояре с верху.
Выходят дьяк, Хитрово, Волынский, Милославский, Матвеев и несколько бояр.

Явление второе
Хитрово, Волынский, Милославский, Матвеев, дьяк, Грегори, Юрий Михайлов,
Кочетов, Яков, Клушин, комедианты, бояре и разные люди.

Матвеев

Поди сюда, магистр Яган Грегори.
Грегори с поклоном подходит к преграде.
Дьяк

Великий государь, царь и великий князь Алексей Михайлович всея великие и малые,
и белые России самодержец, указал тебе, иноземцу Ягану Готфриду, учинити
комедию. А на комидии действовать из библии книгу Есфирь, и для того действия
устроить хоромину вновь.

Бояре выходят за преграду.

Хитрово

Яган Готфрид за все дела берется:
Магистр, и поп, и лекарь, и аптекарь;
И скоморох.
Грегори

Нет, я не скоморох.
Хитрово

Так кто же ты? Потешник, шпильман, что ли,
По-вашему? Все тот же скоморох,
По-нашему сказать тебе, по-русски.
(Уходит.)

Милославский

За что, Яган, шутов-то обижаешь?
Ну, как не грех! нашел кого обидеть!
Ведь, право, жаль! Тяжелый хлеб у них,
Горбом берут. Побои да увечья
За малую подачку переносят
И кормятся. А ты отнять задумал
Сиротский хлеб!
(Уходит.)

Грегори

я хлеб не отнимаю.
Шутов кормить еще вам долго будет.
Какой кто ум имеет, то и смотрит:
Комидии один, другой медведя,

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Как пляшет он. Хороший танец! Славно!
(Пляшет медведем.)

Волынский

Покажешь нам Есфирь, Юдифь, Товита,
А что ж потом? Одно ведь надоест,
И примешься неволей за скомрашьи
Потешные погудки.
Грегори

Нет, mein Herr!
О, много есть написано у тех,
Которые живут от нас подальше.
И будем мы писать – материй разных
Найдем себе. И всякий там увидит
И жизнь свою, и что тихонько делал,
И что он сам один с подушкой думал.
А совесть кто свою забыл, не знает
Суда ее – он там свой суд найдет.
Волынский

А кто же мне судьей будет?
Грегори

Комик.
Волынский

Ну, это, брат, в других землях ведется,
У нас не так.
(Уходит.)

Грегори

А будет и у вас.
Коль есть у всех, и вам уйти неможно
От комика. В душе у человека,
В числе даров господних, есть один
Спасительный: порочное и злое
Смешным казать, давать на посмеянье.
Величия родной земли героев
Восхвалять и честно и похвально;
Но больше честь, достойно большей славы
Учить людей, изображая нравы.
(Кланяется и уходит.)

Матвеев

Комидия в иных землях ведется,
На свете нам не мало образцов,
И стало быть, что недурное дело,
Когда она угодна государям
Таких земель, которым свет ученья
Открыт давно. И в нашем государстве
Комидию заводит царь великий
На пользу нам; народ ее полюбит
И доброго царя добром помянет.
Кочетов кланяется.
Ну, что, старик? Какое челобитье?
Кочетов

Сынка привел; возьми его, боярин!
Да будет он царев комедиант!
Поздняя любовь
Сцены из жизни захоlustья в четырех действиях
Действие первое
ЛИЦА:

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
фелицата Антоновна Шаблова, хозяйка небольшого деревянного дома.

Герасим Порфирыч Маргаритов, адвокат из отставных чиновников, старик благообразной наружности.

Людмила, его дочь, немолодая девушка. Все движения ее скромные и медленные, одета очень чисто, но без претензий.

Дормедонт, младший сын Шабловой, в писарях у Маргаритова.

Онуфрий Потапыч Дороднов, купец средних лет.

Бедная, потемневшая от времени комната в доме Шабловой. На правой стороне (от зрителей) две узкие однопольные двери: ближайшая в комнату Людмилы, а следующая в комнату Шабловой; между дверями изразчатое зеркало голландской печи с топкой. В задней стене, к правому углу, дверь в комнату Маргаритова; в левом растворенная дверь в темную переднюю, в которой видно начало лестницы, ведущей в мезонин, где помещаются сыновья Шабловой. Между дверьми старинный комод с стеклянным шкафчиком для посуды. На левой стороне два небольших окна, в простенке между ними старинное зеркало, по сторонам которого две тусклые картинки в бумажных рамках; под зеркалом большой стол простого дерева. Мебель сборная: стулья разного вида и величины; с правой стороны, ближе к авансцене, старое полубодранное вольтеровское кресло. Осенние сумерки, в комнате темно.

Явление первое

Людмила выходит из своей комнаты, прислушивается и подходит к окну.

Потом Шаблова выходит из своей комнаты.

Шаблова (не видя Людмилы). Словно кто калиткой стукнул. Нет, почудилось. Уж я очень уши-то насторожила. Экая погодка! В легоньком пальте теперь... ой-ой! Где-то мой сынок любезный погуливает? Ох, детки, детки – горе матушкино! Вот Васька, уж на что гуляющий кот, а и тот домой пришел.

Людмила. Пришел?.. Разве пришел?

Шаблова. Ах, Людмила Герасимовна! Я вас и не вижу, стою тут да фантазирую сама промеж себя...

Людмила. Вы говорите, пришел?

Шаблова. Да вы кого же дожидаетесь-то?

Людмила. Я? Я никого. Я только слышала, что вы сказали: «пришел».

Шаблова. Это я тут свои мысли выражаю; в голове-то накипит, знаете... Погода, мол, такая, что даже мой Васька домой пришел. Сел на лежанку и так-то мурлычет, даже захлебывается; очень ему сказать-то хочется, что, мол, я дома, не беспокойтесь. Ну, разумеется, погрелся, поел, да опять ушел. Мужское дело, дома не удержишь. Да вот зверь, а и тот понимает, что надо домой побывать – понаведаться, как, мол, там; а сынок мой Николенька другие сутки пропадает.

Людмила. Как знать, какие дела у него?

Шаблова. Кому ж и знать, как не мне! Никаких у него делов нет, баклуши бьет.

Людмила. Он адвокатством занимается.

Шаблова. Да какое абвокатство! Было время, да прошло.

Людмила. Он хлопочет по делам какой-то дамы.

Шаблова. Да что ж, матушка, дама! Дама даме рознь. Ты погоди, я тебе все скажу. Учился он у меня хорошо, в новерситете курс кончил; и, как на грех, тут заведись эти новые суды! Записался он абвокатом, – пошли дела, и пошли, и пошли, огребай деньги лопатой. От того от самого, что вошел он в денежный купеческий круг. Сами знаете, с волками жить, по-волчьи выть, и начал он эту самую купеческую жизнь,

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
что день в трактире, а ночь в клубе либо где. Само собою: удовольствие; человек же он горячий. Ну, им что? У них карманы толстые. А он барствовал да барствовал, а дела-то между рук шли, да и лень-то; а тут абвокатов развелось несть числа. Уж сколько он там ни путался, а деньжонки все прожил; знакомство растерял и опять в прежнее бедное положение пришел: к матери, значит, от стерляжей ухи-то на пустые щи. Привычку же он к трактирам возымел – в хорошие-то не с чем, так по плохим стал шляться. Видя я его в таком упадке, начала ему занятие находить. Хочу его свести к своей знакомой даме, а он дичится.

Людмила. Робок, должно быть, характером.

Шаблова. Полно, матушка, что за характер!

Людмила. Да ведь бывают люди робкого характера.

Шаблова. Да полно, какой характер! Разве у бедного человека бывает характер? Какой ты еще характер нашла?

Людмила. А что же?

Шаблова. У бедного человека да еще характер! Чудно, право! Платья нет хорошего, вот и все. Коли у человека одёжи нет, вот и робкий характер; чем бы ему приятный разговор вести, а он должен на себя осматриваться, нет ли где изъяну. Вы возьмите хоть с нас, женщин: отчего хорошая дама в компании развязный разговор имеет? Оттого, что все на ней в порядке: одно к другому пригнато, одно другого ни короче, ни длинней, цвет к цвету подобран, узор под узор подогнат. Вот у ней душа и растет. А нашему брату в высокой компании беда; лучше, кажется, сквозь землю провалиться! Там висит, тут коротко, в другом месте мешком, везде пазухи. Как на лешего, на тебя смотрят. Потому не мадамы нам шьют, а мы сами самоучкой; не по журналам, а как пришлось, на чертов клин. Сыну тоже не француз шил, а Вершкохватов из-за Драгомиловской заставы. Так он над фраком-то год думает, ходит, ходит кругом сукна-то, режет, режет его; то с той, то с другой стороны покроит – ну, и выкроит куль, а не фрак. А ведь прежде тоже, как деньги-то были, Николай франтил; ну, и дико ему в таком-то безобразии. Уломала я его наконец, да и сама не рада; человек он гордый, не захотел быть хуже других, потому у нее с утра до ночи франты, и заказал хорошее платье дорогому немцу в долг.

Людмила. Молода она?

Шаблова. В поре женщина. То-то и беда. Кабы старуха, так бы деньги платила.

Людмила. А она что же?

Шаблова. Женщина легкая, избалованная, на красоту свою надеется. Всегда кругом нее молодежь – привыкла, чтоб все ей угождали. Другой даже за счастье сочтет услужить.

Людмила. Так он даром для нее хлопочет?

Шаблова. Нельзя сказать, чтоб вовсе даром. Да он-то бы пожалуй, а я уж с нее ста полтора выханжила. Так все деньги-то, что я взяла с нее за него, все портному и отдала, вот тебе и барыш! Кроме того, посудите сами, всякий раз, как к ней ехать, извозчика берет с биржи, держит там полдня. Чего-нибудь да стоит! А из чего бьется-то? Диви бы... Все ветер в голове-то.

Людмила. Может быть, она ему нравится?

Шаблова. Да ведь это срам бедному-то человеку за богатой бабой ухаживать да еще самому тратиться. Ну, куда ему тянуться: там такие полковники да гвардейцы бывают, что уж именно и слов не найдешь. Взглянешь на него, да только и скажешь: ах, боже мой! Чай, смеются над нашим, да и она-то, гляди, тоже. Потому, судите сами: подкатит к крыльцу на паре с пристяжкой этакий полковник, брякнет в передней шпорой или саблей, взглянет мимоходом, через плечо, в зеркало, тряхнет головой да прямо к ней в гостиную. Ну, а ведь она женщина, создание слабое, сосуд скудельный, вскинет на него глазами-то, ну точно вареная и делается. Где же тут?

Людмила. Так она вот какая!

Шаблова. Она только с виду великая дама–то, а как поглядеть поближе, так довольно малодушна. Запутается в долгах да в амурах, ну и шлет за мной на картах ей гадать. Мелешь, мелешь ей, а она–то и плачет, и смеется, как дитя малое.

Людмила. Как странно! Неужели такая женщина может нравиться?

Шаблова. Да ведь Николай горд; засело в голову, что завоюю, мол, – ну и мучится. А может, ведь он и из жалости; потому нельзя и не пожалеть ее, бедную. Муж у нее такой же путаник был; мотали да долги делали, друг другу не сказывали. А вот муж–то умер, и пришлось расплачиваться. Да кабы с умом, так еще можно жить; а то запутаться ей, сердечной, по уши. Говорят, стала векселя зря давать, подписывает сама не знает что. А какое состояние–то было, кабы в руки. Да что вы в потемках–то?

Людмила. Ничего, так лучше.

Шаблова. Ну, что ж, посумерничаем, подождем Николая. А вот кто–то и пришел; пойди свечку принести. (Уходит.)

Людмила (у двери в переднюю). Это вы?

Входит Дормедонт.

Явление второе
Людмила, Дормедонт, потом Шаблова.

Дормедонт. Я–с.

Людмила. А я думала... Да, впрочем, я очень рада, а то скучно одной.

Входит Шаблова со свечой.

Шаблова. Где же ты был? ведь я так полагала, что ты дома. Ишь как озяб, захвораешь, смотри.

Дормедонт (греясь у печки). Я брата искал.

Шаблова. Нашел?

Дормедонт. Нашел.

Шаблова. Где ж он?

Дормедонт. Все там же.

Шаблова. Другой–то день в трактире! Скажите, пожалуйста, на что это похоже!

Дормедонт. На биллиарде играет.

Шаблова. Что ж ты его домой не вел?

Дормедонт. Звал, да нейдет. Поди, говорит, скажи маменьке, что я совершеннолетний, чтоб не беспокоилась. Домой, говорит, когда мне вздумается, я дорогу и без тебя найду; провожать мне не нужно, я не пьяный. Уж я и плакал перед ним. «Брат, говорю, вспомни дом! Какой же ты добычник! Люди работы ищут, а ты сам от дела бегаешь. Нынче, говорю, два лавочника приходили прошение к мировому писать, а тебя дома нет. Этак ты всех отвадишь». – «Я, говорит, по грошам не люблю собирать». А вот у меня последний рубль выпросил. Что ж, я отдал – брат ведь.

Шаблова. Озяб ты?

Дормедонт. Не очень. Я все для дому, а он нет. Я если когда и дров наколоть, так что за важность! Сейчас надел халат, пошел нарубил, да еще моцион. Ведь верно, Людмила Герасимовна?

Людмила. Вы любите брата?

Дормедонт. Как же–с...

Людмила. Ну, так любите больше! (Подает Дормедонту руку.) Вы добрый, хороший человек. Я пойду работу возьму. (Уходит.)

Шаблова (вслед Людмиле). Приходите, поскучаем вместе. (Дормедонту.) Ишь ты, как перезяб, все не согреешься.

Дормедонт. Нет, маменька, ничего; вот только в среднем пальце владения не было, а теперь отошло. Сейчас я за писанье. (Садится к столу и разбирает бумаги.)

Шаблова. А я карточки разложу покуда. (Вынимает из кармана карты.)

Дормедонт. Вы, маменька, ничего не замечаете во мне?

Шаблова. Нет. А что?

Дормедонт. Да ведь я, маменька, влюблен.

Шаблова. Ну, что ж, на здоровье.

Дормедонт. Да ведь, маменька, серьезно.

Шаблова. Верю, что не в шутку.

Дормедонт. Какие шутки! Погадайте–ка!

Шаблова. Давай гадать! Давай, старый да малый, из пустого в порожнее пересыпать.

Дормедонт. Не смейтесь, маменька: она меня любит.

Шаблова. Эх, Дормедоша! не из таких ты мужчин, каких женщины любят. Одна только женщина тебя любить может.

Дормедонт. Какая же?

Шаблова. Мать. Для матери, чем плоше дитя, тем оно милее.

Дормедонт. Что ж, маменька, я чем плох? Я для дому...

Шаблова. Да ведь я знаю, про кого ты говоришь.

Дормедонт. Ведь уж как не знать, ведь уж одна. А вот я сейчас пришел, бросилась к двери, говорит: «Это вы?»

Шаблова. Бросилась? Ишь ты! Только не тебя она ждала. Не брата ли?

Дормедонт. Невозможно, маменька, помилуйте.

Шаблова. Ну, смотри! А похоже дело–то!

Дормедонт. Меня, маменька, меня! Вот теперь только б смелости, да время узнать, чтоб в самый раз всю душу свою открыть. Действовать?

Шаблова. Действуй!

Дормедонт. А как, маменька, карты? Что они мне говорят?

Шаблова. Путаница какая–то, не разберу. Вон, кажется, купец домой собирается; пойди велеть ему посветить. (Уходит.)

Выходят Дороднов и Маргаритов.

Явление третье

Дормедонт, Дороднов и Маргаритов.

Маргаритов. А ведь мы с тобой старые приятели.

Дороднов. Еще бы! Сколько лет. Герасим Порфирьич, знаешь что? Выпьем теперь. Сейчас я кучера к Бауеру...

Маргаритов. Нет, нет, и не проси!

Дороднов. Как ты это, братец, странно! Мне теперь вдруг фантазия; должен ты уважить?

Маргаритов. Тебе эта фантазия–то часто приходит. Ты об деле–то... Завтра нужно нам к маклеру...

Дороднов. Да что об деле! Я на тебя, как на каменную стену. Видишь, я тебя не забыл; вот где отыскал.

Маргаритов (жмет ему руку). Благодарю, благодарю! Да, вот куда занесла меня судьба. Ты добрый человек, ты меня нашел; а другие бросили, бросили на жертву нищете. Дел серьезных почти нет, перебиваюсь кой–чем; а я люблю большие апелляционные дела, чтоб было над чем подумать, поработать. А вот на старости лет и дел нет, обегать стали; скучно без работы–то.

Дороднов. Скучно–то бы ничего, а ведь, чай, поди и голодно.

Маргаритов. Да, да, и голодно.

Дороднов. Бодришь, Герасим Порфирьич! Авось с моей легкой руки... Уж ты, по знакомству, постарайся!

Маргаритов. Что за просьбы! Я свое дело знаю.

Дороднов. Заходи завтра вечером. Не бойся, неволить не буду, легоньким попотчую.

Маргаритов. Хорошо, хорошо, зайду.

Дороднов. Ну, так, значит, до приятного.

Маргаритов. Ах, постой, постой! забыл. Подожди немного!

Дороднов. Чего еще?

Маргаритов. Забыл тебе расписку дать, какие документы от тебя принял.

Дороднов. Вот еще! Не надо.

Маргаритов. Нельзя, порядок.

Дороднов. Да не надо, чудак. Верю.

Маргаритов. Не выпущу без того.

Дороднов. И зачем только эти прокламации?

Маргаритов. В животе и смерти бог волен. Конечно, у меня не пропадут, я уж теперь осторожен стал...

Дороднов. А разве было что?

Маргаритов. Было. Вот какой был случай со мной. Когда еще имя мое гремело по Москве, дел, документов чужих у меня было, хоть пруд пруди. Все это в порядке, по шкапам, по коробкам, под номерами; только, по глупости по своей, доверие я прежде к людям имел; бывало, пошлешь писарька: достань, мол, в такой–то коробке дело; ну, он и несет. И выкрал у меня писарек один документ, да и продал его должнику.

Дороднов. Велик документ–то?

Маргаритов. В двадцать тысяч.

Дороднов. Ого! Ну, что ж ты?

Маргаритов (со вздохом). Заплатил.

Дороднов. Все заплатил?

Маргаритов (утирая слезы). Все.

Дороднов. Как же ты извернулся?

Маргаритов. Все свои трудовые денежки отдал, дом продал – все продал, что можно продать было.

Дороднов. Так-то ты и в упадок пришел?

Маргаритов. Да.

Дороднов. Пострадал занапрасно?

Маргаритов. Да.

Дороднов. небось нелегко было?

Маргаритов. Ну, уж я про то знаю, каково мне было. Веришь ли ты? Денег нет, трудовых, горбом нажитых, гнезда нет, жена и так все хворала, а тут умерла – не перенесла, доверия лишился, (шепотом) хотел руки на себя наложить.

Дороднов. Что ты! Наше место свято! Полоумный ты, что ли?

Маргаритов. Будьешь полоумный. Вот так-то раз, вечером, тоска меня грызет, хожу по комнате, поглядываю, где петлю-то повесить...

Дороднов. Ишь ты, бог с тобой!

Маргаритов. Да заглянул в угол, кроватка там стоит, дочка спала, двух лет была тогда. Думаю, кто ж у ней-то останется. А? Понял ты?

Дороднов. Как не понять, голова!

Маргаритов. Кто у ней останется, а? Да так это гляжу на нее, воззрелся на этого ангела, с места не могу сойти; а в душе-то у меня точно тепло какое полилось, все мысли-то супротивные точно мириться между себя стали, затихать да улегаться по своим местам.

Дороднов. И такое это, выходит, произволение.

Маргаритов. Слушай, слушай! И с тех пор я так и молюсь на нее, как на мою спасительницу. Ведь уж кабы не она, ау, брат!

Дороднов. Да, оно, точно, бывает; только сохрани бог всякого!

Маргаритов. Так вот... Об чем я начал-то? Да, так вот с тех пор я осторожен, запираю на ключ, а ключ у дочери. Все у ней, и деньги и все у ней. Она святая.

Дороднов. Ну, к чему это ты такие слова?

Маргаритов. Что, что! Ты не веришь? Святая, говорю тебе. Она кроткая, сидит работает, молчит; кругом нужда; ведь она самые лучшие свои года просидела молча, нагнувшись, и ни одной жалобы. ведь ей жить хочется, жить надо, и никогда ни слова о себе. Выработает лишний рублик, глядишь, отцу подарочек, сюрприз. Ведь таких не бывает... Где ж они?

Дороднов. Замуж бы.

Маргаритов. Да с чем, чудной ты человек, с чем?

Дороднов. Ну вот, бог даст, ты мне дела-то на двести тысяч сделаешь, так уж

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
тогда...

Маргаритов. Ну, ты подожди, я сейчас тебе расписочку...

Дороднов. Ладно, подожду.

Маргаритов уходит в свою комнату.

Явление четвертое
Дороднов и Дормедонт.

Дороднов (садится). Дела-то на свете тоже всякие бывают, все разное, у всякого свое, и всякий должен о себе. И не пожалеть иного нельзя, а и жалеть-то всякого не приходится; потому вдруг с тобой самим может грех случиться, так жалость-то надо для себя поберечь. (Смотрит на Дормедонта.) Строчи, строчи! Разве поговорить с тобой?

Дормедонт. Чего-с?

Дороднов. Ты... как тебя?.. Пописухин, поди сюда поближе!

Дормедонт. Вы бы поучтивее, коли не знаете человека.

Дороднов. Ах, извините, ваше благородие! А ты живи без претензий, сытее будешь. Поди сюда, денег дам.

Дормедонт (подходя). За что-с?

Дороднов (дает три рубля). Так, здорово живешь.

Дормедонт. Покорно благодарю-с. (Кланяется.)

Дороднов (ерошит волоса Дормедонту). Ах ты, шаршавый, не нашей державы!

Дормедонт. Полноте! что вы?

Дороднов. А что, милый друг, этот самый стряпчий не сфальшивит, если ему документы поверить?

Дормедонт. Как можно, что вы!

Дороднов. Я бы и хорошему отдал, да те спесивы очень, надо его сударем звать, да и дорого. Так ежели ты какую фальшь заметишь, сейчас забеги ко мне, так и так, мол.

Дормедонт. Да что вы! Уж будьте покойны.

Дороднов. Ну, поди строчи!

Дормедонт. Да я кончил-с.

Дороднов. Только ты стряпчему ни гугу! Ты много ль жалованья получаешь?

Дормедонт. Десять рублей в месяц.

Дороднов. Что ж, это ничего, хорошо. Тоже ведь и тебе питаться надо чем-нибудь. Всякий от своих трудов должен; потому, взгляни: птица ли, что ли...

Входит Маргаритов, Дормедонт уходит.

Явление пятое
Маргаритов и Дороднов.

Маргаритов (отдавая расписку). На, спрячь!

Дороднов (прячет расписку). Что это у тебя за писарек такой?

Маргаритов. Что ж, писарек? Ничего. Глуповат, а парень исправный.

Дороднов. Плут, я вижу, большой руки. За ним гляди в оба.

Маргаритов. Ну, не болтай пустого!

Дороднов. Доглядывай, советую. Ну, гости посидят, посидят, да и поедут. (Хочет идти.) Постой! Вот было забыл. У меня дома еще документ, это дело особь статья; я его с теми и не мешаю. Уж я его хоть бросить, так в ту ж пору; да дай, думаю, посоветуюсь, что с ним делать, все-таки жалко.

Маргаритов. В чем же дело?

Дороднов. Этот самый документ достался мне по наследству от дяди, вот со всеми бумагами, которые я к тебе привез. Да какой-то он сумнительный. Ну, думаю, и так много досталось, этого и жалеть нечего, что по нем ни получи, все ладно, а то хоть и пропадай он.

Маргаритов. На кого документ-то?

Дороднов. На бабу. Тут вдова есть одна, Лебедкина прозывается. Путаная бабенка.

Маргаритов. Да у ней есть что-нибудь?

Дороднов. Как не быть! Поразмотала, а все-таки заплатить в силах.

Маргаритов. Так давай, получим.

Дороднов. Получить можно, коли пугнуть.

Маргаритов. Чем?

Дороднов. Документ выдан за поручительством мужа, ей-то не больно верили, а поручительство-то фальшивое. Муж-то в параличе был, безо всякого движения, как она документ-то выдала.

Маргаритов. Так и пугнуть.

Дороднов. Оно и следует; только обстоятельному купцу связываться с бабой, я так понимаю, мораль. Я тебе передам, ты, как хочешь, от своего имени, а мне чтоб не путаться.

Маргаритов. Ну, так ты считай, что эти деньги у тебя в кармане.

Дороднов. Получи хоть половину!

Маргаритов. Все получу.

Дороднов. Не пожалеешь, стало быть?

Маргаритов. Что плутов жалеть!

Дороднов. Бабенка-то оборотиста, не оплела бы тебя на старости лет; заговорит – растаешь.

Маргаритов. Ну, вот еще! Толкуй тут! Вот тебе рука моя, что через два дня все деньги у тебя.

Дороднов. Значит, эту статью из головы вон. Завтра я тебе документ отдам. Ну, да ведь всего не переговоришь, что-нибудь к завтраму оставим; а теперь, по-моему, коли не пить, так самое время спать. Прощай!

Маргаритов. Посветите там кто-нибудь! (Уходит с купцом в переднюю.)

Из передней возвращаются Маргаритов, Шаблова и Дормедонт. Людмила выходит из своей комнаты.

Явление шестое

Маргаритов, Шаблова, Людмила и Дормедонт.

Шаблова. Ужинать не прикажете ли?

Маргаритов. Ужинайте, коли хотите, я ужинать не буду. Людмилочка, я нынче долго просижу, ты спи, меня не дождайся. (Ходит по комнате.)

Людмила. Я сама хочу нынче посидеть подольше, поработать. (Шабловой.) Вы сейчас будете ужинать, никого ждать не будете?

Шаблова. Да надо бы подождать.

Людмила. Ну, так я с вами посижу.

Дормедонт. Нет ли уж дельца и мне, Герасим Порфирьич, за компанию?

Маргаритов. Погоди, будет и тебе дело. Людмила, у меня дела, опять дела. Фортуна улыбается; повезло, повалило счастье, повалило.

Людмила. Как я рада за тебя, папа!

Маргаритов. За меня? Мне уж, Людмила, ничего не нужно; я для тебя живу, дитя мое, для одной тебя.

Людмила. А я для тебя, папа.

Маргаритов. Полно! Бог даст, будет у нас довольство; в нашем ремесле, коли посчастливится, скоро богатеют – вот поживешь и для себя, да как поживешь-то!

Людмила. Я не умею жить для себя; в том только и счастье, когда живешь для других.

Маргаритов. Не говори так, дитя мое, не принижай себя; ты меня огорчаешь. Я знаю свою вину, я загубил твою молодость, ну, вот я же и поправить хочу свою вину. Не обижай отца, не отказывайся наперед от счастья, которого он тебе желает. Ну, прощай! (Целует Людмилу в голову.) Ангел-хранитель над тобой!

Людмила. И над тобой, папа.

Маргаритов уходит в свою комнату.

Шаблова. Вот что видеть-то приятно, а у меня сынки...

Дормедонт. Маменька, я-то? Разве я вас не покою, разве я для дому не радетель?

Шаблова. Так-то так, да ждать-то от тебя много нечего. А вот брат и с умом, да... уж и не говорить лучше! Замучил мать! Майся с ним, точно с калечищем каким. (Прислушивается.) Ну, стучится, недолго дожидались. Пойти велеть пустить, да ворота запереть. (Уходит.)

Людмила подходит к окну.

Явление седьмое
Людмила и Дормедонт.

Дормедонт (про себя). Не теперь ли начать? (Людмиле.) Людмила Герасимовна, вы как о брате понимаете?

Людмила. Я его не знаю совсем.

Дормедонт. Однако по его поступкам?

Людмила. По каким?

Дормедонт. Против маменьки.

Людмила. Что же он против нее сделал?

Дормедонт. А в трактире сидит.

Людмила. Может быть, ему там весело.

Дормедонт. Мало что весело. Этак бы и я пошел.

Людмила. Что ж вы нейдете?

Дормедонт. Нет-с, я не таких правил. Для меня дома лучше-с.

Людмила. Полноте! Что здесь хорошего! Ну, уж про нас нечего и говорить; а мужчине-то, особенно молодому...

Дормедонт. Да-с, когда он не чувствует.

Людмила. А вы что же чувствуете?

Дормедонт. Да я то-с, да я-с...

Входит Шаблова с запиской в руках.

Явление восьмое

Людмила, Дормедонт и Шаблова.

Дормедонт (про себя). Помешали!

Шаблова утирает слезы.

Людмила. Что с вами?

Шаблова. Да вот чадо-то мое...

Людмила (с испугом). Что такое?

Шаблова (подавая записку). Вот прислал с мальчиком из трактира.

Людмила. Можно прочесть?

Шаблова. Прочитайте!

Людмила (читает). «Маменька, не ждите меня, я заигрался. Со мной неприятный случай – я проигрываю; я связался играть с игроком, который гораздо сильнее меня. Он, как кажется, порядочный человек, ему нужно отдать деньги, а у меня денег нет; поэтому я не могу прекратить игры и все больше затягиваюсь. Если хотите спасти меня от стыда и оскорблений, пришлите мне с посланным тридцать рублей. Кабы вы знали, как я страдаю из-за такой ничтожной суммы!»

Шаблова. Скажите пожалуйста, «ничтожной»! Выработай-ка, поди!

Людмила. «Я, для скорости, послал мальчика на извозчике; я жду и считаю минуты... Если у вас нет, найдите где-нибудь, займите! Не жалеите денег, пожалейте меня! Не губите меня из копеечных расчетов! Или деньги, или вы меня не увидите больше. Деньги пришлите в запечатанном конверте. Любящий вас сын Николай».

Шаблова. Хороша любовь, нечего сказать!

Людмила. Что же вы хотите делать?

Шаблова. Что делать? Где же я возьму? У меня всего десять рублей, да и то на провизию отложены.

Людмила. А ведь надо послать.

Шаблова. Проиграл, видите ли! А кто его заставлял играть? Сидел бы дома, так дело-то лучше.

Людмила. Об этом уж теперь поздно разговаривать.

Шаблова. Диви бы в самом деле нужда! А то проиграл, крайность-то небольшая.

Людмила. Нет, большая. Вы слышали, что он пишет: «вы меня больше не увидите».

Шаблова. Ну, так, батюшки мои, не разорваться ж мне из-за него. Тиран, мучитель! Вот наказание-то! А за что, за что? Я ль его не любила...

Людмила. Позвольте! К чему эти разговоры? Только время проходит, а он там ждет, страдает, бедный.

Шаблова. Страдает он, варвар этакий! Бери, Дормедоша, бумагу, напиши ему: с чего ты, мол, выдумал, чтоб маменька тебе деньги прислала? Ты бы сам должен в дом нести, а не из дому тащить последнее.

Людмила. Постойте! Так нельзя, это бесчеловечно! Дайте мне конверт! Надпишите только! (Достает из портмоне пятидесятирублевую ассигнацию. Дормедонт надписывает конверт.)

Шаблова. Что вы, что вы! Пятьдесят рублей!

Людмила. Теперь менять негде, да и некогда.

Шаблова. Да еще не последние ли у вас?

Людмила. Это именно такой случай, когда посылают последние. (Берет конверт у Дормедонта, кладет деньги и запечатывает.)

Шаблова. Ведь он сдачи-то не принесет; теперь сколько же за эти деньги вам заживать у меня придется?

Людмила. Нисколько, вы свое получите. Эти деньги я не вам даю, с ним считаться и буду.

Шаблова. Да ангел вы небесный! Ах ты, боже мой! Где ж такие рождаются. Ну, уж я бы...

Людмила. Несите, несите! он ведь ждет, считает минуты.

Шаблова. Дормедоша, иди ужинать, пожалуйста и вы; я сейчас...

Людмила. Я не буду.

Шаблова. Дормедоша, иди! Есть же ведь на свете такие добродетельные люди. (Уходит.)

Дормедонт (про себя). Вот теперь, должно быть, в самый раз... (Людмиле.) Как вы к нашему семейству-то...

Людмила (задумчиво). Что вы?

Дормедонт. Какое, говорю, расположение...

Людмила. Да, да.

Дормедонт. Конечно, не всякий...

Шаблова за сценой: «Иди, что ли, я жду!»

Постойте, маменька. Конечно, я говорю, не всякий может чувствовать...

Людмила (в задумчивости). Я не понимаю.

Дормедонт. Вы вот для брата, а чувствую я. Разве он может...

Людмила (подавая руку). Покойной ночи! (Уходит.)

Шаблова за сценой: «Да иди! Долго ль ждать-то?»

Дормедонт. Эх, маменька! Тут, может, вся моя судьба, а вы мешаете!

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e (Оглядывается.) Вот ушла. Ну, в другой раз; кажется, дело-то на лад идет.

Действие второе
ЛИЦА:

Маргаритов.

Людмила.

Шаблова.

Николай Андреич Шаблов, старший сын Шабловой.

Дормедонт.

Варвара Харитоновна Лебекина, вдова.

Декорация та же.

Явление первое
Николай сидит у стола и спит, положив голову на руки. Маргаритов и Людмила входят.

Людмила. Прощай, папа!

Маргаритов. Прощай, душа моя! (Отдает Людмиле ключи.) Вот тебе ключи! Пойдешь из дому, так бери с собой, не оставляй! У меня в столе документы, а я здесь никому не верю. Здесь, Людмилочка, сторона голодная, народ живет изо дня в день, что урвет, тем и сыт. Утопающий, говорят, хватается за соломинку; ну, а голодающий за то, что плохо лежит. Здесь все украдут и все продадут, а ловкие люди этим пользуются. Нужно подкупить человека на подлог, на преступление, нужно купить девичью честь – иди сюда, купишь, и недорого купишь. Когда ты увидишь, что сюда зайдет или заедет человек богатый, хорошо одетый, так знай, что он не за добрым делом зашел – он ищет продажной чести или совести.

Людмила. А вчера к тебе купец приезжал богатый.

Маргаритов. Так ведь это чудо. Я сначала-то подумал, что либо ему фальшивое духовное завещание нужно, либо ограбить кредиторов собирается, так за добрым советом приехал. Ко мне являлись такие-то господа, не мало я их гонял от себя. А живи я в центре Москвы, разве бы смели показаться с такими предложениями. Помни еще, Людмила, что рядом с нуждой всегда живет порок – это страшнее. Нужде многое можно простить, ее и закон не так строго судит; а когда твое трудовое украдут, чтобы пропить с свистом, с гамом, промотать в буйной компании – вот когда обидно. Вот, гляди! (Указывает на Николая.) Ему нужны деньги, очень нужны – пропить в погребке, проиграть на биллиарде в трактире.

Людмила (с испугом). Папа, он услышит!

Маргаритов. Пусть слышит, я правду говорю. Бежать бы нам из этого дома, а куда? Дешевые квартиры все такие: либо за перегородкой мастеровые, которые уж совсем никогда не говорят по-человечески, а только ругаются с утра до ночи, либо у хозяйки муж или сын пьяницы. И ты, ангельская душа, должна жить под одной крышей с таким господином. Только видеть-то его для порядочной девушки уж есть оскорбление.

Людмила (с укором). Папаша, потише!

Маргаритов. Что за церемонии с этим народом! Как его не бояться? Он в неделю гроша не выработает, а каждый-то вечер сидеть в каком-нибудь Кенигсберге или Адрианополе нужны средства. Береги пуще всего документы, да и деньги запирай крепче! Кстати о деньгах; дай-ка ты мне на расходы!

Людмила. У меня нет денег.

Маргаритов. Куда ж ты их дела?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Людмила. Истратила.

Маргаритов пристально смотрит на нее.

Что ты так смотришь на меня? Что за инквизиция, папа! Если хочешь, я тебе скажу, куда...

Маргаритов (прерывая ее). Нет, нет, не надо... я знаю. Я что в глазах-то твоих ищу? Для себя ли ты истратила, бедненькая, на свои нужды, на свое необходимое, или опять на баловство для меня, негодного старика. Вижу теперь, вижу, ждать буду, Людмила, ждать... не умела ты скрыть. А денег я у купца возьму, не беспокойся. Прощай! (Уходит.)

Людмила (у двери передней). Прощай, папа! (Подходит к столу и смотрит с нежностью на Николая.) Милый мой, милый! как ему неудобно, бедному! Дождусь ли я, мой милый, когда ты успокоишь свою умную, красивую голову на моих руках? Какое бы это счастье было для меня! (Молча смотрит на Николая.)

Входит Шаблова.

Явление второе
Людмила, Шаблова и Николай.

Шаблова. Да, вот полюбуйтесь! каково матери-то смотреть! Ах, беспутная голова!

Николай (просыпаясь). А? Что? Знакомый голос. Здравствуйте, маменька! Я ваш голос, маменька, особенно когда вы бранитесь, из тысячи узнаю.

Шаблова. Ах ты, непутевый! с чего это ты выдумал к матери за деньгами присылать? Какие у матери деньги? Да диви бы на дело, а то...

Николай. Ну, что ж за беда такая! Знаете пословицу: «проиграл – не украл; денег нет, так сам дома». Покорно вас благодарю! Вот одолжили! (Хочет обнять мать.)

Шаблова. и не подходи!

Николай. Ну, как угодно. (Садится у стола и подпирает голову рукою.)

Шаблова. Долго это будет продолжаться! скажи ты на милость!

Николай. Что: «это»?

Шаблова. Гульба твоя.

Николай. А, право, не знаю. До первого дела, я думаю.

Шаблова. Не отговаривайся! что бога-то гневить! Были у тебя дела и теперь есть.

Николай. Нет, это не дела.

Шаблова. А что ж такое, по-твоему?

Николай. Делишки.

Шаблова. Ну, вот извольте с ним разговаривать, когда он никаких резонов не принимает. Деньги-то все ухнул? Много ль домой-то принес? Мне кормить вас нужно.

Людмила. Об этом говорить не нужно. Я прошу вас.

Шаблова. Ну, пожалуй, ну, как вам угодно. А ведь жалко, мы не миллиончики, по стольку-то зараз проматывать. Батюшки, что-то в кухне зашипело! Бежать скорей! (Уходит.)

Явление третье
Людмила и Николай.

Николай. Позвольте мне полюбопытствовать, с какой стати вы помешали маменьке говорить о деньгах и каким это чудом она вас послушалась?

Людмила. Я просила ее просто из деликатности. Ей нужно было говорить не о деньгах.

Николай. А о чем же?

Людмила. Ей нужно было пожалеть вас самих, а не...

Николай. То есть как пожалеть?

Людмила. Пожалеть, что вы тратите свое здоровье, и просить вас беречь его.

Николай. А вы бы стали ей поддакивать, конечно?

Людмила. Да, и я бы стала... умолять вас о том же.

Николай. Умолять? Это слишком много чести для меня.

Людмила. И я бы стала умолять вас оставить дурное общество, не тратить даром своих способностей.

Николай. И прочее и прочее... Знаю. Вы ведете себя, как и следует чувствительной барышне; чувствительные сердца всегда мешаются не в свое дело и лезут туда с советами, где их не спрашивают. Но маменька...

Людмила. Деньги можно приобрести, но расстроенное здоровье...

Николай. Невозвратно. Бесподобно. Но маменька... Она чувствительностью не отличается, деликатностью также; для нее дороже всего деньги, для нее нет выше преступления, как истратить лишние деньги, и она замолчала. Я ждал бури и уж заранее запасаю терпением на двое суток; и вдруг, вместо обычной рацеи: «мот, пьяница, растащил дом» – я слышу мораль от посторонних, которым до меня дела нет. Чудеса какие-то!

Людмила. Извините!

Николай. Нет, ничего. Разговаривайте, если вам это доставляет удовольствие.

Людмила. Для меня всегда большое удовольствие говорить с вами.

Николай. То есть поучать меня.

Людмила. О нет!

Николай. Отчего ж и не поучить! Это так дешево стоит.

Людмила. Не будьте несправедливы, не обижайте меня! Я не обиды заслуживаю от вас.

Николай. А благодарности. Разумеется, как же мне не благодарить вас! Вы учите меня, не имея на то никакого права; вы считаете меня дураком, потому что сообщаете мне за новость такие истины, какие всякий десятилетний мальчик знает.

Людмила. Не то, Николай Андреич, не то. Я только прошу вас... все это так просто.

Николай. Просите? Зачем? вы не знаете ни моей жизни, ни моего характера, ни положения, в котором я нахожусь... Маменька простая женщина, а и та поступила лучше: она знала, что мне деньги нужны, а не советы, и прислала мне денег.

Людмила. Я вам прислала денег, а не маменька.

Николай. Вы?

Людмила. Я не хотела сказывать, но вы сами меня заставили.

Николай. Вы прислали деньги? Что такое? Зачем вы это сделали? Кто вас просил? Маменька? Она заняла у вас, она обещала вам отдать?

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Людмила. Нет.

Николай. Как же это случилось?

Людмила. Я прочитала ваше письмо, я живо представила ваше положение; тут некогда было думать, нужно было торопиться.

Николай (с чувством берет ее за руку). Благодарю вас. Разумеется, я вам эти деньги отдам при первой возможности; но позвольте вам заметить: вы поступили неосторожно.

Людмила. Может быть.

Николай. Вы меня не знаете, я могу не заплатить вам; а вы не так богаты, чтобы бросать по пятидесяти рублей.

Людмила. Я об этом не думала; я думала только о том, что вам необходимо нужны деньги.

Николай. Позвольте вам удивляться.

Людмила. Чему тут удивляться, Николай Андреич? Мы живем в одном доме, я почти никого, кроме вас, не вижу... вы имеете столько достоинств...

Николай. Боже мой! (Закрывает лицо руками.) Вы меня любите?

Людмила. Удивительно было бы, если б я не полюбила вас.

Николай. Зачем это, зачем? По крайней мере я себя не виню, я, кажется, не подавал вам никакого повода.

Людмила. Нет, подали. Помните, с месяц тому назад, вот здесь, у этого окна, вы поцеловали мою руку и сказали, что вы бы умерли от счастья, если б вас полюбила такая женщина, как я.

Николай. Да ведь это фразы, это та же шутка.

Людмила. А зачем вы тогда же не сказали, что шутите? Вы бы спасли меня от страданий. А слезы на глазах? Ведь если слезы неправда, так притворство, обман, а уж не шутка. Какое надобно иметь сердце, чтоб шутить над такой девушкой, как я.

Николай. Боже мой! Простите! Нет, я не шутил, я...

Людмила. Я прожила свою молодость без любви, с одной только потребностью любить, я веду себя скромно, никому не навязываюсь; я, может быть, с болью сердца отказалась даже от мечты быть любимой. А ведь я женщина, любовь для меня все, любовь мое право. Разве легко побороть себя, побороть свою природу? Но представьте себе, что я поборолась себя и была покойна и счастлива по-своему. Разве честно опять будить мои чувства? Ваш только один намек на любовь опять поднял в душе моей и мечты, и надежды, разбудил и жажду любви, и готовность самопожертвования... Ведь это поздня, быть может последняя любовь; вы знаете, на что она способна... а вы шутите над ней.

Николай. Нет. Вы действительно заслуживаете и уважения, и любви всякого порядочного человека; но ведь я способен погубить вас, загубить вашу жизнь.

Людмила. А на что мне она? Губите! Я буду и тем довольна, если сумею чем-нибудь вашу жизнь усладить, утешить вас.

Николай. Только усладить, утешить, и за это губить себя! Вы слишком мало себя цените.

Людмила. Разумеется, мечты мои другие. Моя мечта – видеть вас покойным, счастливым, и для этого я готова на всякие жертвы, решительно на всякие.

Николай. Ангел мой, Людмила Герасимовна, за прежнее простите меня! А на этот раз я поступлю с вами честно – я вас разочарую. Ваши мечты так мечтами и останутся;

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e спасти меня невозможно, у вас нет средств для этого: я затянулся очень глубоко. Вы только себя погубите, и потому лучше посторонитесь с моей дороги. Ни спокойного счастья, ни такой женщины, как вы, я и не стою и желать не умею; мне нужно другое.

Людмила. Что же другое?

Николай. Стыдно вам сказать.

Людмила. Если стыдно сказать, так, значит, стыдно и желать и делать.

Николай. Да, вы правы. Но либо я рожден с дурными наклонностями, либо еще не перебесился. Ах, как я устал, как я изломан!

Людмила. Отдохните.

Николай (садясь у стола). Да, надо отдохнуть немножко, денька два дома посидеть.

Людмила. Как я рада!

Николай. Какая вы добрая! Эх, некрасива моя жизнь, Людмила Герасимовна; а впереди еще некрасивее.

Людмила (подходя к нему). По крайней мере не обегайте меня, когда вам нужно будет утешение или участие.

Николай (подавая ей руку). Благодарю вас, благодарю.

Людмила (заметив у Николая револьвер в кармане, берет его). А это вот отдайте мне.

Николай. Осторожнее, он заряжен.

Людмила. Зачем он у вас?

Николай. Я его купил дешево, мимоходом, у носящего, на глаза подвернулся. Деньги оставались, думал, все равно промотаю, а это вещь полезная, может быть и пригодится.

Людмила. Я его запру у себя; когда вам понадобится, вы мне скажите.

Николай (с улыбкой). Пожалуй, заприте. В самом деле, уберите лучше, а то глядишь, глядишь на него, да и пожалуй...

Людмила. О каких страшных вещах вы говорите так равнодушно.

Николай (смеясь). Вот толков-то наделаю. Не влюблен ли безнадежно, казенные деньги не затратил ли? Как будто нет причин проще...

Людмила. Какие же?

Николай. Жить незачем. Как хочется жить, так нельзя; а как можно, так не хочется. Да, уберите лучше... Скверно жить, Людмила Герасимовна.

Людмила. Перестаньте, не мучьте меня. За мою откровенность будьте и вы со мной откровенны.

Николай. Это чего ж вы хотите? Чтоб я рассказал вам всю гадость моего положения? Пожалуй, только не теперь, я устал очень.

Людмила. И мне нужно идти со двора; а вот уж, в сумеречках... Обещаете? Вы дома будете?

Николай. Дома.

Людмила. Ну, до свидания. (Заходит в свою комнату, оставляет там револьвер, надевает бурнус и платок, потом запирает свою дверь и уходит.)

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Николай. Вот некстати. Не в таком я теперь расположении, чтоб в эти сентиментальности путаться. А впрочем, что ж, помеха небольшая. Все-таки как-то теплее, когда тебя кто-нибудь любит.

Из передней выбегает Дормедонт.

Явление четвертое
Николай, Дормедонт, потом Шаблова.

Дормедонт. Маменька, маменька, Варвара Харитоновна приехала!

Шаблова входит.

Шаблова. Выдумывай еще! В наш-то курятник, да такая дама поедет. Не умеет она прислать-то! И лакея пошлет, так мать-то собачьей рысью к ней побежит; а то очень нужно ей самой ехать.

Дормедонт. Да ведь я не знаю-с; кому ж быть-то, как не ей! Посмотрите!

Шаблова (взглянув в окно). Что за чудо! И то ведь она. Видно, дело какое спешное!

Николай. Маменька, коли меня спросит, скажите, что дома нет! (Уходит.)

Шаблова. Ах ты алистократ! Видно, дело-то не тяга, видно, у ней получше тебя есть. Бежать, встретить! (Выходит в переднюю и возвращается с Лебедкиной.)

Явление пятое
Шаблова, Лебедкина и Дормедонт.

Шаблова. Какими судьбами, матушка благодетельница? Кому молиться-то прикажешь?

Лебедкина. Это кто у тебя?

Шаблова. Сынок, матушка.

Лебедкина (Дормедонту). Вы тоже адвокат?

Дормедонт. Нет-с, я так.

Шаблова. Где ж ему! Он по домашней части. (Дормедонту.) И что ты тут толчешься?

Дормедонт уходит.

Лебедкина. Душа моя, Фелицата Антоновна, поскорей!

Шаблова. Да что поскорей-то? Чаю прикажете?

Лебедкина. Ну вот, чай! Ты мне карточки.

Шаблова. Мигом, матушка. Карты всегда при мне. Как солдат с ружьем, так и я с ними. (Достает колоду из кармана.) По какой части? По амурной, что ли?

Лебедкина. Да, да, поскорей!

Шаблова. Трефового короля-то класть, все того же?

Лебедкина. Да, все того же, трефового; только выколи ему булавкой глаза!

Шаблова (колет булавкой короля). Вот тебе, обидчику! (Раскладывает карты.)
Матушка вантаж.

Лебедкина. Да какой от него авантаж! Другую неделю глаз не кажет; измучилась, не утерпела, к тебе бросилась.

Шаблова (рассматривая карты). Придет.

Лебедкина. Да ты погляди хорошенько! Займись этим делом, займись! Вот это какая

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
дама-то? При чем она тут? Вот за нее-то ему глаза и выколоть.

Шаблова. Не грехи! Она в стороне. Видишь, он от нее отвернулся.

Лебедкина. Да верно ли?

Шаблова. Гляди сама, коль не веришь! Что меня обижаешь! Я ль тебе не угадывала? Как, бывало, скажу «жди!», ну так и есть, к вечеру и тут как тут, ты и с радостью.

Лебедкина (смешивая карты). Ну, верю. Разложи-ка еще! Я было и забыла совсем.

Шаблова. Теперь на даму?

Лебедкина. На меня.

Шаблова (раскладывая). Дело, что ли, какое?

Лебедкина. Да ты гляди!

Шаблова. Вижу, дело денежное.

Лебедкина. Ты смотри хорошенько, платить мне или нет.

Шаблова (рассматривая карты). Пожалуй, что и заплатишь; по видимости так выходит.

Лебедкина. Ах, не хочется! Время-то к зиме; какие у меня зимой расходы, сама знаешь. Опера, вечера, новости из-за границы получают скоро, одни перчатки разорят.

Шаблова. Ну, да уж что говорить!

Лебедкина. Ах, не хочется платить. К зиме добрые люди занимают, а ты плати. Очень весело платить! Мне самой деньги нужны. Вот шляпка! Что в ней особенного? А с меня за нее взяли, что и не выговоришь. Хороша?

Шаблова. Хорошему все хорошо; а на волка хоть и лучше надень, все волк будет. Да ты должна, что ли?

Лебедкина. Разумеется, должна. Когда же я не должна бываю?

Шаблова. Кому?

Лебедкина. Купцу Дороднову. Я у дяди его занимала-то, а ему по наследству досталось. Тот был человек учтивый, подождал бы, а этот мужик серый.

Шаблова. Льготы не дает?

Лебедкина. Срок вышел, так я заезжала к нему сегодня утром, чтоб переписать документ. Вы, говорит, мне, сударыня, ничего не должны; я ваше заемное письмо передал стряпчему Маргаритову, с ним и извольте считаться. Видимое дело, что взыскать хочет.

Шаблова. Маргаритову? так ведь он у меня живет, в этих комнатах.

Лебедкина. Каков он?

Шаблова. Ефиоп.

Лебедкина. Не уступит?

Шаблова. Ни зерна макового.

Лебедкина. А чтоб ему на сделочку пойти; ведь не свои деньги. Взял бы с меня половину, а я бы за это ему тысячу рублей дала.

Шаблова. И заикнуться не даст. Честность-то уж больно некстати одолела его. А

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
велика ли половина?

Лебедкина. Шесть тысяч.

Шаблова. Ишь ты! Кажется, кабы руки подошли, украла бы документ для тебя.

Лебедкина. Укради, голубушка! Смерть не хочется платить!

Шаблова. Украдешь у него! Он за семь замков запирает. Вот тут и живет. Еще дочка у него барышня тонкая; но при всем том, кажется, с Николаем амурничает.

Лебедкина. Да ты говори прямо! Любовница, что ль, она его?

Шаблова. Нет, матушка, что ты! Девушка она скромная. А что влюблена как кошка, так это уж правда.

Лебедкина. Ну, и то хорошо. Мне отличная мысль в голову пришла. Пожалуй, мое дело и поправится. А он дома?

Шаблова. Не велел было сказывать.

Лебедкина. Занят?

Шаблова. Какое занятие! Прогулял всю ночь, отдыхает.

Лебедкина. Не нуждается ли в деньгах? Я бы с удовольствием. Нельзя ли его видеть?

Шаблова. Чего у меня для тебя нельзя? Все можно. (У двери.) Николая, поди сюда! Толкните, а я мешать не буду.

Николай входит, Шаблова уходит.

явление шестое
Лебедкина и Николай.

Николай (кланяясь). Чему обязан счастьем?..

Лебедкина. Уж скажите лучше: блаженством.

Николай (сухо). Что прикажете?

Лебедкина. Ничего не прикажу. Хотите кататься?

Николай. Что такое? Не понимаю.

Лебедкина. Очень просто, я хочу прокатиться и приглашаю вас с собой.

Николай. И вы не нашли никого, кроме меня? Кажется, у вас в провозатых недостатка нет.

Лебедкина. Ну, положим, что это мой каприз.

Николай. Нынче у вас каприз: приласкать человека, завтра каприз: оттолкнуть, чуть не прогнать его. Как хотите, а уважая себя и желая себе спокойствия, при всей...

Лебедкина. Договаривайте! Я позволяю.

Николай. При всей любви к вам, стараешься быть подальше от ваших капризов.

Лебедкина. Вы не знаете женщин. Их капризами нужно уметь пользоваться; женщина из каприза способна на многое.

Николай. Я не Дон-Жуан.

Лебедкина. Не всё Дон-Жуаны, иногда нравятся и мечтатели, идеалисты. (Помолчав.) Говорят, в Стрельне зимний сад хорош.

Николай. Да, говорят.

Лебедкина. Вот бы съездить.

Николай. Что ж, поезжайте!

Лебедкина. Да ведь Стрельна все-таки трактир, одной ехать неприлично.

Николай. А вдвоем с молодым мужчиной?

Лебедкина. Тоже неприлично. Но я из двух зол всегда выбираю то, которое приятнее. Посидеть под пальмой... и пообедать можно. Чего вы боитесь! Я вас не задержу, я вас обратно домой привезу, я заеду оттуда к вам чай пить. Ну, будьте полюбезнее!

Николай. Пожалуй!

Лебедкина. Ах, милый друг мой, как иногда бывает скучно жить на свете!

Николай. Ну, вам еще можно жить, а мне вот...

Лебедкина. Разве и вы тоже несчастны? Бедненький. А бежите от женщины! Да кто же может так утешить, как женщина? Дайте мне вашу руку!

Николай (подавая руку). Об чем же вы плачете?

Лебедкина. Ах, мой милый друг, как тяжело жить женщине без опоры, без руководителя! Вы не знаете. Я очень несчастна.

Николай. Видно, мне придется вас утешать, а не вам меня.

Лебедкина. О нет! это у меня на одну минуту; я сейчас опять развеселюсь. (Подходит к двери и громко.) Прощайте!

Выходят: Шаблова и Дормедонт и помогают Лебедкиной одеваться.

Явление седьмое

Лебедкина, Николай, Шаблова, Дормедонт, потом Людмила.

Лебедкина (Шабловой). Я твоего сына беру с собой.

Шаблова. Да возьмите, благо вам удовольствие. Чего он дома-то не видал.

Лебедкина. Мы в парк едем.

Шаблова. Разгуляйтесь! Неужто ж на месте сидеть? Еще мысли в голову ползут. А что за охота думать-то; нам не книги сочинять. От думы-то вред бывает.

Лебедкина (Николаю). Ну, идите! (Поет из «Периколы».) «Я готова, я готова!»

Николай берет шляпу, повязывает на шею кашне. Входит Людмила и, не раздеваясь, останавливается у своей двери.

Поживей, проживей, мой милый кавалер! (Шабловой.) Прощай, душа моя! Жди, мы вернемся к тебе чай пить.

Шаблова. Милости прошу.

Уходят: Лебедкина, Николай, Шаблова и Дормедонт.

Людмила. Отец говорит, что богатые люди в наше захолустье за добром не ездят. У меня что-то непокойно сердце; мне кажется, что это посещение не к добру. (Раздевается и подходит к окну.)

Дормедонт возвращается.

Явление восьмое

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Людмила и Дормедонт.

Дормедонт (про себя). Вот случай-то! Вот когда в самый раз. Людмила Герасимовна, не прикажете ли чего папеньке сказать? Я иду, он мне велел в окружной суд приходиться.

Людмила. Нет, ничего.

Дормедонт. Людмила Герасимовна, видите?

Людмила. Что?

Дормедонт (указывая на окно). Брат-то, точно барон какой развалился в коляске. Вот стыда-то у человека нет! Ему бы скрываться. Ух, покатили!..

Людмила (сажаясь у стола). Зачем скрываться?

Дормедонт. От добрых людей, ну и от кредиторов. Ведь его на цугундер, Людмила Герасимовна.

Людмила. Что, что?

Дормедонт. Завтра в яму опустят.

Людмила (с испугом). Как? в какую яму?

Дормедонт. К Воскресенским воротам, за долги: беспременно-с ему сидеть, и долго сидеть. Я сам и исполнительный лист видел, и кормовые представлены; только маменьке не сказываю; что ее беспокоить!

Людмила чуть не падает; облокачивается на стол и поддерживает голову руками.

Да и поделом ему! Конечно, по родству, жаль. Мы с вами, Людмила Герасимовна, станем навещать его – все-таки брат. Калачиков ему будем носить. Так ведь, Людмила Герасимовна? Ай, что такое? Маменька, Людмила Герасимовна умирает!

действие третье
ЛИЦА:

Шаблова.

Николай.

Дормедонт.

Людмила.

Лебедкина.

Декорация та же.

явление первое
Людмила сидит у окна, Шаблова стоит подле нее.

Шаблова. Самовар-то весь выкипел. Ишь закатились! Да и то сказать, что им торопиться-то! Сидят проклажаются, едят стерлядей да шампанское пьют. Уж нечего сказать, Варвара Харитоновна пожить умеет, со вкусом женщина. Ну, а моему это на руку: замашки барские, деньжонок нет; а с ней-то и в коляске проедется, и сигару выкурит, развалясь, – будто и в самом деле помещик. А вот и они катят.

Людмила. Сделайте одолжение, Фелицата Антоновна, когда эта дама уедет, скажите мне: мне необходимо поговорить с Николаем Андреевичем. Отдохну пойду, я так сегодня устала, много ходила. (Уходит.)

Входят Лебедкина и Николай.

явление второе

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Шаблова, Лебедкина и Николай.

Шаблова (помогая раздеваться Лебедкиной). Ну вот, матушка Варвара Харитоновна, опять я вас вижу. Эко счастье! В день по два раза. И самовар-то, точно знает, для кого поставлен, так-то старается, надселя, кипевши.

Лебедкина. Пей сама, я пила уж.

Шаблова. Да нельзя же! Хоть одну чашечку.

Лебедкина. Погоди, Фелицата Антоновна, не мешай нам; у нас интересный разговор.

Шаблова. Ну, как угодно. Может, после выпьешь, я подожду.

Николай. Людмила Герасимовна дома?

Шаблова. Дома; да ничего, она отдохнуть легла.

Николай (Лебедкиной). Во всяком случае, разговаривайте потише.

Лебедкина. А я тебе на твоего сына жалуюсь, может помочь мне, а не хочет.

Шаблова. Что это ты в самом деле, Николай! Ты меня не стыди перед благодетельницей! Важность-то надобно оставить. Мы для Варвары Харитоновны всё должны... как рабы... не разбирая.

Николай. Хорошо, маменька, хорошо!

Шаблова. Да, кажись... да заставь она меня человека убить – убью для нее, право; а не то что малость какую.

Лебедкина. Полно, Фелицата Антоновна, я шучу.

Шаблова. Да какие шутки! Нет, уж он такой зародился, ничего-то для дому. У нас, матушка, у бедных людей, кто в дом несет, тот и радетель.

Николай. Прежде нужно честно добыть, да потом в дом и нести.

Шаблова. Нет-то мне ничего противней этой твоей философии. Когда твоей чести дождешься-то, а есть-то всякий день хочется; так уж честно ль, не честно ль, а в дом тащить ты обязан.

Лебедкина. Оставь нас на минуту, нам поговорить нужно.

Шаблова уходит.

Явление третье
Николай и Лебедкина.

Николай. Ух, пообедали же мы!

Лебедкина. А вы не засните!

Николай. Не мудрено.

Лебедкина. Ну, как же, как же, друг мой? Говорите! Проснитесь!

Николай. Вот вам мой совет: привозите деньги, завтра же привозите! Другого вам ничего не остается.

Лебедкина. Хорош совет! Покорно благодарю! Вдруг столько отдать...

Николай. Об чем тут толковать! Сейчас деньги, сейчас; тогда только я своим влиянием обещаю спасти вас от уголовного суда. Ведь вы сами говорили, что поручительство фальшивое.

Лебедкина. Ну, что ж такое! Если бы я попросила, муж никогда бы мне не отказал, значит, это все равно.

Николай. Да ведь вы не просили? Ведь подпись не его!

Лебедкина. Как вы странно рассуждаете! Как же он мог подписать, когда был в параличе!

Николай. А это подлог. Ведь за это знаете что бывает?

Лебедкина. Ах, да не пугайте! Я знаю, что за это очень нехорошо.

Николай. Так привозите деньги. Нет, так достаньте, займите за какие бы то ни было проценты.

Лебедкина. Ах, как не хочется...

Николай. Да ведь вы должны, ведь вы под этот документ брали деньги.

Лебедкина. Вот мило, какие резоны! Разумеется, брала. Да ведь уж я те деньги, которые брала, истратила, а теперь должна отдавать свои. Поймите вы меня!

Николай. Поверьте вы мне, что я вам предлагаю самое лучшее, что только возможно.

Лебедкина. Нет, вы меня не любите, оттого так и говорите. Это не самое лучшее. Я поверить не хочу, чтобы нельзя было уговорить стряпчего обмануть этого Дороднова. Взял бы половину, а за хлопоты вы разделите пополам.

Николай. Как вы хотите, чтоб я к честному человеку обратился с таким предложением! Как он посмотрит на меня? Что он мне скажет прямо в глаза?

Лебедкина. Ну, так сделайте то, что я вам говорила.

Николай. Невозможно.

Лебедкина (тихо). Да ведь она вас любит ужасно, ведь вы сами говорили. Разве можно отказать в чем-нибудь тому, кого любишь? Я по себе сужу.

Николай. Ведь это чистое создание.

Лебедкина. И прекрасно. Тем легче обмануть. Тогда половина ваша. Деньги хорошие, мой друг, и не лишние для вас.

Николай. Не искушайте меня деньгами! Я в крайности, в ужасной крайности; за себя поручиться нельзя, может найти минута слабости, и упадешь так низко... Меня завтра поведут в яму за долги, меня ожидает срам, унижение. Пожалейте меня, не искушайте!

Лебедкина. Так спасайте себя от срама, вот вам средство.

Николай. Есть и другое.

Лебедкина. Это так легко.

Николай. То еще легче... Я скорей себе пулю в лоб...

Лебедкина (со слезами). Но что ж мне делать? У меня денег нет, достать мне негде, кто мне поверит? Я так много должна.

Николай. Слезы не помогут, нужно действовать. У вас есть вещи, брильянты?

Лебедкина (со слезами). И даже очень много.

Николай. Вот и прекрасно. Надо их заложить в опекунский совет.

Лебедкина. Да, в опекунский совет, только я не знаю, как это...

Николай. Я вам помогу.

Лебедкина. Покорно вас благодарю. Вы мой истинный друг.

Николай. Завтра пораньше поедемте вместе.

Лебедкина. Ну, вот видите, как все это прекрасно улаживается. (Хохочет.) Ха, ха, ха!

Николай. Что с вами? Чему вы смеетесь?

Лебедкина. И вы хотите, чтоб я рассталась с своими вещами? Да вы с ума сошли! Вот потеха! (Смеется.)

Николай. Извините, пожалуйста, я единственно из расположения...

Лебедкина. Ах, какой вы чудак! Да можно ль советовать такой женщине, как я, заложить вещи, брильянты?

Николай. Да что же делать-то?

Лебедкина. Нет, вы еще очень молоды. Неужели вы думаете, что у меня таких денег нет, что мне в самом деле трудно их найти? Столько-то денег я вам через час доставлю.

Николай. Так в чем же дело? я не понимаю.

Лебедкина. А в том, что хоть этот долг для меня и не очень важен, а мне его не хочется платить. Двенадцать тысяч, для кого бы то ни было, составляют расчет. И вот мне хотелось испытать, стоите ли вы моей любви, которой вы так давно добиваетесь.

Николай. Да, это совсем изменяет дело.

Лебедкина. Давно бы вам нужно было догадаться.

Николай. Но я не понимаю, как вы можете полюбить человека, который сделал гадость, хоть бы и для вас.

Лебедкина. Не беспокойтесь! Я и сама не очень добродетельна, и других сужу не строго. Если я вижу, что человек мне предан без границ, я и сама готова для него на всякие жертвы.

Николай. Об этом стоит подумать.

Лебедкина. Как? Вы еще хотите думать? Вы можете колебаться? Да ведь близко, ведь перед вами то, чего вы так долго и напрасно искали. Я не знаю, любите ли вы меня, но я знаю наверное, что вы самолюбивы... удовлетворение самолюбия...

Николай. Ах, черт возьми! вы меня сводите с ума.

Лебедкина. На ум навожу. Получить большие деньги, пользоваться расположением женщины, известной в обществе, за которой все ухаживают, возбуждать зависть, ревность! Для этого можно кой-чем пожертвовать. Вы очень милы, умны, но ведь все-таки вы...

Николай. Ничтожество перед вами. Конечно, я должен сознаться.

Лебедкина. Нет, это слишком. Зачем унижаться. Я вам скажу помягче: вы не из тех мужчин, которые опасны для нас. Вы не можете, не имеете средств преследовать... вас надо самой... отыскивать... в захолустье. Оцените это.

Николай. Ценю.

Лебедкина (целует его). До завтра времени много... Я привезу, на всякий случай, все деньги и посмотрю, любите ли вы меня. Позволяю и вам поцеловать меня вот здесь. (Подставляет ему щеку.) Фелицата Антоновна, еду.

Шаблова за сценой: «Со всех ног, матушка, бегу!»

Что вы задумались?

Николай. Мне кажется, я помешаюсь.

Входит Шаблова.

Явление четвертое
Николай, Лебедкина и Шаблова.

Шаблова. Уж и домой? Что ж мало погостили?

Лебедкина (тихо). Ну вот! Ведь ты мои дела знаешь, может, и сбудется, что ты пророчила, может, и придет, так надо быть дома.

Шаблова. Уж в таком случае задерживать не смею, поезжайте, поезжайте!

Лебедкина (Николаю). Прощайте! Целуйте! (Протягивает ему руку.) А то перчатку надену. Прикладывайтесь, пока не тесно! (Шабловой.) Ну, прощай! (Тихо.) Вот это тебе! (Дает ей крупную ассигнацию.) Забеги как-нибудь! (Запевает.) «Пьяная улица»...

Шаблова (целуя Лебедкину в плечо). Ах ты птичка! Ах ты птичка, ах ты птичка моя райская!

Лебедкина уходит. Шаблова и Николай ее провожают. Входит Людмила.

Явление пятое
Людмила, потом Николай и Шаблова.

Людмила. Кажется, она уехала наконец. Ждала, ждала, думала, думала... Но что же тут придумаешь! Тут нужны деньги. Видеть позор любимого человека!.. Несчастье видеть легче, чем позор! Молодой человек, полный сил, умный... и его запирают в тюрьму вместе с промотавшимися развратниками, с злостными банкротами. Я не выдержу, слезы хлынут у меня.

Входят Шаблова и Николай.

Шаблова (Людмиле). Вот вам и Николай; вы его видеть хотели. (Николаю.) Ну, повалило тебе счастье; от женщин отбою нет. Вот жизнь-то тебе пришла. (Уходит.)

Людмила. Не мешаю я вам?

Николай. Нисколько.

Людмила. Вы как будто расстроены? Вы беспокоитесь? Может быть, ожидаете чего-нибудь дурного?

Николай (пристально смотрит на нее). Вы знаете? Скажите, вы знаете?

Людмила. Знаю.

Николай. Только не презирайте меня, пожалуйста.

Людмила. Нет, за что же?

Николай. Ну, вот и хорошо, меньше хлопот, оправдываться не нужно.

Людмила. Оправдываться не нужно. Но если б вы были так добры...

Николай. Для вас все, что вам угодно.

Людмила. Мне нужно знать подробно о вашем настоящем положении.

Николай. Извольте.

Людмила. Только все, все, ради бога, ничего не скрывайте.

Николай. Вы просите не скрывать ничего; значит, вы подозреваете за мной что-нибудь очень дурное.

Людмила. Если б я подозревала, я б вас не любила.

Николай. Вся беда моя в том, что я должен много.

Людмила. Да, да, мне только и нужно знать, как вы задолжали, кому, сколько.

Николай. А вот когда я был маленьким Жюль-фавром и воображал, что я первый адвокат в Москве, я зажил очень широко. После студенческого безденежья, да вдруг тысячи три-четыре в кармане, ну голова-то и закружилась. Обеды да кутежи, обленился, да и дел серьезных не было, и оказалось к концу года, что денег нет, а долгов, хотя небольших, довольно. Вот тут-то я и сделал непростительную глупость, от которой теперь погибаю.

Людмила. Что же вы сделали?

Николай. Я подумал, что бросать мне этот образ жизни не следует, чтоб не растерять знакомства. Занял в одних руках значительную сумму за большие проценты, уплатил все мелкие долги и зажил опять по-прежнему, в ожидании будущих благ. Все мне казалось, что получу большой процесс. Ну, а дальше уж просто. Процесса большого я не получил, деньги прожил, а долг, как петля на шее. Петля давит, тоска, отчаяние... А от тоски праздная, трактирная жизнь... Вот и вся моя нехитрая история.

Людмила. Много вы должны?

Николай. Тысячи три. Для меня сумма огромная.

Людмила. И у вас нет надежды поправить ваши дела?

Николай. Никакой.

Людмила. И в виду нет ничего?

Николай. Ничего.

Людмила. Вам остается только...

Николай. Идти в тюрьму. Да. Как мне нездоровится! Как голова горит!

Людмила. Погодите, я принесу одеколон.

Уходит. Николай садится на кресло и опускает голову. Людмила выносит из своей комнаты в одной руке бурнус и платок, в другой склянку одеколону; бурнус оставляет на стуле у двери, наливает одеколону на руку и примачивает голову Николаю.

Николай. Благодарю, благодарю.

Людмила. Кому вы должны?

Николай. На что вам знать! Есть такой ростовщик, известный всей Москве.

Людмила. Говорите скорей фамилию. (Хочет надевать бурнус.) Я пойду просить его, чтоб он вам отсрочил. Буду умолять, плакать перед ним...

Николай. Напрасно. Ничто не поможет; это не человек, а железо. Оставайтесь!

Людмила (подходя к Николаю). Но как же вам помочь?

Николай. Никак нельзя. Я сделал глупость, которую нельзя ничем поправить... Нет... то есть можно.

Людмила. Говорите, говорите!

Николай. Я сделал глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сделать...

Людмила. Что сделать? (кладет руки на голову Николая.)

Николай. Ах, как хорошо мне!

Людмила. И мне хорошо.

Входит Дормедонт.

Явление шестое

Николай, Людмила и Дормедонт.

Дормедонт (про себя). Вот оно что! Ловко, брат! (Громко.) Людмила Герасимовна, я от вашего папеньки-с.

Людмила подходит к нему.

Вот приказали вам отдать. (Подает сложенную бумагу. Людмила раскрывает и рассматривает.) Чтоб сейчас, говорит, в портфель и на ключ.

Людмила. Хорошо, хорошо. (Прячет бумагу в карман) Больше ничего?

Дормедонт. Ничего-с. Но каково доверие мне-то-с! Тебе, говорит, я поверю, ты не то, что брат.

Николай. Он это сказал?

Людмила. Не сердитесь на папашу! Он что-то не любит вас. Это оттого, что он вас не знает.

Дормедонт. Брату твоему, говорит, гроша не поверю, а тебе могу.

Николай. Ну, хорошо же! (Дормедонту.) Поди вон!

Дормедонт. Ты что куражишься? Я к Людмиле Герасимовне с благородными намерениями, не то, что ты.

Николай (Людмиле). Бросьте его! Подите ко мне!

Дормедонт. Мне, Людмила Герасимовна, серьезно нужно с вами поговорить, очень серьезно.

Людмила. Да, да. Я очень рада. И мне нужно, только не теперь, после как-нибудь.

Николай. Говорят тебе, поди вон!

Дормедонт. Пойду. Ты не знаешь... Погляди, что еще у нас будет с Людмилой Герасимовной! (Уходит.)

Явление седьмое

Николай и Людмила.

Людмила. Вы сказали, что есть средство...

Николай. Да, есть. Я сделал глупость и запутался; чтобы распутаться, нужно сделать...

Людмила. Что?

Николай. Преступление.

Людмила (отстраняясь). Ужасно! Что вы говорите!

Николай. Вы требовали от меня откровенности, я говорю правду. Чтоб выпутаться из долга, чтоб избавиться от сраму, мне остается только одно средство – сделать преступление.

Людмила. Как легко вы говорите о таких вещах!

Николай. Вы очень чисты, вы редко слышите такие разговоры...

Людмила. Не делайте, не делайте преступления! О, боже мой! О, боже мой! Но если оно необходимо, заставьте меня, прикажите мне... Я сделаю... Какое преступление?

Николай. Воровство.

Людмила. Гнусно, гадко!

Николай. Да, некрасиво.

Людмила. Не шутите. Я исстрадалась, измучилась, слушая вас.

Николай. Так успокойтесь! Что вам напрасно страдать! Предоставьте меня моей судьбе. (Хочет идти.)

Людмила. Нет, постойте! Не отталкивайте меня! Я решилась сделать все для вас... Что бы вы ни задумали, я ваша сообщница. Что украсть? У кого?

Николай. У вашего отца.

Людмила. Вы смеетесь над моим горем! У моего отца нечего украсть.

Николай. Заемное письмо той женщины, которую вы сегодня видели, передано вашему отцу. Ей платить не хочется всех денег, и она предлагала мне половину, если я его украду.

Людмила. Ах, какие страдания! (Отирая слезы.) Что ж, этих денег достаточно, чтоб спасти вас?

Николай. Даже слишком.

Людмила. И когда вы заплатите долг, вы бросите праздную жизнь и будете трудиться?

Николай. Разумеется. Я не только брошу, я прокляну прежнюю жизнь; такой урок научит хоть кого. Испытать в другой раз, что я испытываю теперь, сохрани меня бог. Что у меня впереди, по выходе из тюрьмы, какая карьера? Быть писарем в квартале, и то надо кланяться, чтоб пустили. Репутация моя погибла навсегда. И если б мне удалось как-нибудь избавиться от этой напасти, клянусь вам всем святым на свете, я сделаюсь хорошим человеком. Но спасись мне, Людмила Герасимовна, невозможно. Не думайте обо мне дурно, успокойтесь! Чтоб спасти себя, я не стану искать никаких безнравственных средств. Я краснею за себя: как я мог колебаться, как я мог слушать, без негодования, это гнусное предложение!

Людмила. Милый, благородный человек! Но как же спасти вас? Я люблю вас. Для меня нет жизни без любви к вам.

Николай. Не тревожьте себя, успокойтесь! Я сделал глупость, я и должен поплатиться. Да вот что... возвратите-ка мне револьвер.

Людмила. Нет, нет, это тоже преступление, еще хуже.

Николай. Не бойтесь! Что вы! Я не решусь... разве уж очень невыносимо станет.

Людмила (делает несколько шагов к двери, останавливается в задумчивости, потом вынимает бумагу, принесенную Дормедонтом, и подает Николаю). Вот, возьмите!

Николай. Что это? (Рассматривает бумагу.) Заемное письмо Лебедкиной! Нет, я не приму от вас этой жертвы.

Людмила. Возьмите, возьмите! Пусть оно будет у вас, делайте с ним, что хотите, это ваша воля.

Николай. Невозможно, невозможно! Что вы! Опомнитесь!

Людмила. В моих руках есть средство... я должна помочь вам... Другой любви я не знаю, не понимаю... Я только исполняю свой долг. (Идет к двери.)

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Николай. Вы свой долг исполнили, теперь уж и я знаю, что мне нужно сделать.

Действие четвертое
ЛИЦА:

Маргаритов.

Людмила.

Шаблова.

Николай.

Дормедонт.

Лебедкина.

Декорация та же.

Явление первое
Шаблова, потом Лебедкина.

Шаблова (заглянув в печь). Прогорели совсем дрова, хоть закрывать, так в ту ж пору. Угару бы не было! Ну, да ведь голова-то своя, а за дрова деньги плачены. Что тепло-то на ветер пускать! Аль погодить? Кого это бог несет? Какая-то женщина, да словно как незнакомая. Отпереть пойти. (Идет в переднюю и отпирает.)

Входит Лебедкина, просто одетая и покрытая на голове платком.

Пожалуйте! Кого вам угодно?

Лебедкина (снимая платок). Ты меня не узнала?

Шаблова. Ах, матушка Варвара Харитоновна! И то не узнала. Как это ты подкралась?

Лебедкина. Я на извозчике; в карете-то ездить в вашу сторону неловко; сейчас явятся любопытные: кто приехал, да к кому, да зачем; прислуга болтлива. А мне не хочется, чтоб знали, что я у тебя была сегодня.

Шаблова. Да и не узнает никто.

Лебедкина. Стряпчий дома?

Шаблова. Нет, матушка, ушел спозаранку.

Лебедкина. А дочь его?

Шаблова. Она не войдет, что ей здесь делать! Мы только по вечерам здесь работаем вместе, чтобы врознь лишней свечи не жечь; а то целый день сидит в своей комнате. Да нынче же либо больна, либо расстроена... Тебе что нужно-то, дорогая моя?

Лебедкина. Николая Андреича.

Шаблова. Сейчас покличу. А ты не беспокойся, я постерегу; коли стряпчий придет, я тебя спрячу. (Уходит в переднюю.)

Входит Николай.

Явление второе
Лебедкина и Николай.

Лебедкина. Здравствуйте!

Николай молча кланяется.

Вот я приехала.

Николай. Вижу. Привезли деньги?

Лебедкина. Привезла.

Николай. Все?

Лебедкина. Все... А разве все нужны?

Николай. Конечно. Вы на что же надеялись?

Лебедкина. На вас, мой друг.

Николай. За кого же вы меня принимаете?

Лебедкина. Я вас всегда принимала за благороднейшего человека; но вы так меня любите... Для любимой женщины можно решиться...

Николай. И вы совершенно уверены в любви моей?

Лебедкина. Да разве это не правда, разве я не вижу по глазам вашим...

Николай. Вы проницательны. Вероятно, вам не раз приходилось испытывать силу ваших прелестей над мужскими сердцами?

Лебедкина. Да, бывало. Я в этом счастлива, для меня жертвовали очень многим.

Николай. Так что вы нисколько бы не удивились, если бы и я...

Лебедкина. Чему тут удивляться, мой друг!

Николай. Да, вы правы. (Подает ей бумагу.)

Лебедкина (взглянув мельком, прячет бумагу). Ах! Я так и ожидала. Благодарю вас, милый друг мой! Вот этой любви, этой страсти можно поверить.

Николай. И наградить.

Лебедкина. Да, конечно, вы стоите. Но, милый мой Николай Андреич, подождите немного. Ведь сердцем нельзя располагать по произволу... если оно занято, что ж делать?

Николай. Но, кроме сердца вашего...

Лебедкина. Деньги, хотите вы сказать? О! деньги я отдам. Хотя не вдруг – я сама нуждаюсь; но я вам понемногу выплачу все, что обещала – это мой первый долг.

Николай. Но позвольте! я дело сделал: у вас в руках ценный документ, а у меня ничего, только одни обещания, слова, которые не имеют никакой цены. Вы меня обманываете.

Лебедкина. Нет, я все исполню, только не вдруг. Подождите!

Николай. Возвратите мне документ!

Лебедкина. Вы либо сами очень просты, либо меня за дурочку считаете, мой друг.

Николай. В таком случае, я заявлю, что вы похитили у меня документ; вас обыщут... Я вас не выпущу отсюда.

Лебедкина. Ах, как страшно! Вы так не шутите! Ну что, если б я была женщина нервная, ведь вы бы меня ужасно перепугали. Хорошо еще, что у меня есть характер и никогда я не теряю присутствия духа. Вот и теперь я поступлю очень ловко и осторожно. (Идет к печке.)

Николай. Что вы делаете?

Лебедкина (бросая бумагу в печь). Посмотрите, как весело горит: как быстро

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
исчезают строчки! Вот даже и пепел улетел в трубу, не осталось и следа моего
долга.

Николай. Мне уж остается только удивляться вам.

Лебедкина. Ох, отлегло от сердца! Мне теперь совсем легко.

Николай. Верю.

Лебедкина. Как скоро и просто это сделалось! И знаете ли, мне и винить себя не в чем. Все чужими руками, не правда ли, я почти не виновата.

Николай. Разговаривайте, разговаривайте, я слушаю.

Лебедкина. Что вы так презрительно смотрите на меня? Вы разве лучше? Конечно, я предлагала деньги; но ведь надо было, чтоб нашелся такой джентльмен, который бы решился на такой подвиг. Когда за деньги все на свете можно сделать, поневоле соблазнишься. Я себя, как вам угодно, виноватой не считаю. Да мне бы и в голову не пришло; я живу хоть и открыто, но окружена все людьми более или менее порядочными. Ведь надо ж было, чтоб в наше общество явился такой милый, обязательный молодой человек, такой любезный, который... конечно, за деньги...

Николай. Ну, довольно уж! Дайте и мне поговорить немножко! Вы, поручая мне это нечистое дело, желали испытать, стою ли я любви вашей; по крайней мере вы так говорили. Ну, представьте себе, что и я, доверяясь вам, тоже желал испытать, стоите ли вы моей любви.

Лебедкина. И оказалось, что не стою. Очень жаль! Но что ж делать, на всех не угодишь. Впрочем, вам легко утешиться, вас любит девушка, которая, вероятно, имеет все достоинства, нужные для вас. Вы можете быть счастливы с ней.

Николай. Да, уж постараюсь.

Лебедкина. И прекрасно. Я не завистлива.

Входит Шаблова.

Явление третье
Лебедкина, Николай, Шаблова, потом Дормедонт.

Шаблова. Стряпчий, матушка, идет, я его издали признала.

Лебедкина (покрываясь платком). Спрячь меня покуда, душа моя; а когда он придет, ты меня выпроводи.

Шаблова. Я тебя задним крыльцом провожу.

Лебедкина. Помни, фелицата Антоновна, я у тебя не была и ты меня не видала.

Шаблова. Хорошо, матушка, не видала, в глаза не видала. Уж зачем тебе это нужно, я не знаю; а только, хоть побожиться, не видала. Чай, тоже ведь у тебя свои резоны есть.

Лебедкина. Само собой. Карету я оставила близехонько, у зоологического сада; погуляю да минут через десять опять к тебе подкачу, уж тогда, значит, взаправду приехала.

Шаблова. Да как твоей душеньке угодно, так и будет. Твори, что только в голову тебе придет, а наше дело потрафлять по тебе.

Николай. Как все это тонко и хитро!

Лебедкина. Нам, женщинам, нельзя жить без хитростей.

Шаблова. Вот правда-то, вот слова-то твои справедливые! Схитришь да солжешь, только и проживешь в свое удовольствие.

Лебедкина. Ну, идем! Скажи своему сыну, что я у него в долгу не останусь.

Шаблова. И говорить не хочу. Разве он смеет сомневаться.

Лебедкина и Шаблова уходят. Входит Дормедонт.

Дормедонт. Присесть за дело! (Разбирает бумаги на столе.) С одной только доверенности семь копий писать. Хоть бы помог, что ли, в самом деле.

Николай. Давай, я наверху займусь; а ты, Дормедонт, сделай милость, кликни меня, когда Людмила Герасимовна выйдет из своей комнаты, мне нужно поговорить с ней прежде, чем она увидится с отцом.

Дормедонт. Хорошо, кликну.

Николай уходит.

Как же, дождайся! Не о чем тебе с Людмилой Герасимовной разговаривать, у тебя только пустяки на уме. Нет, уж я, брат, глупостям не потатчик. Сиди себе наверху. Видно, не с чем в трактир идти, так ему скучно стало.

Входит Маргаритов.

Явление четвертое
Дормедонт и Маргаритов.

Маргаритов. Что ты смотришь на меня! Пиши, пиши! Устал, брат, я; хлопот куча, а уж стар становлюсь, не прежняя пора. А теперь бы мне бодрость-то и нужна; повалили дела, Дормедонт, повалили процессы. Вчера у Дородного был я на вечере, собралась эта пьющая компания, все тузы – замотали меня совсем: у того дело, у другого тяжба, у третьего иск. «Покажи, говорят, нам свою честность, так мы тебя озолотим». Честность! Да я, говорю, честней вас всех. «Ну, говорят, и покорно благодарим». Теперь только бы кончить дела два-три хороших, зарекомендовать себя; а то деньги-то лопатой греби. Что, Людмилочка не выходила?

Дормедонт. Не выходила-с.

Маргаритов. Принесла мне давеча стакан чаю, сунула ключи от комода и ушла в свою комнату. Я-то занят был и словечка с ней не перекинул. Уж здорова ли?

Дормедонт. Не знаю-с.

Маргаритов. Пиши, пиши! Я только портфель возьму да к тебе подсяду. Пишешь ты довольно четко, а зато уж врешь ты так, что только руки врозь разведешь.

Дормедонт. Врать я здоров-с, но без умыслу, Герасим Порфирьич, от мечты-с.

Маргаритов. Уж ты не мечтай, когда дело делаешь. А то третьего дня, вместо «департамент», написал: «фиксатуар», да еще как четко вывел-то.

Дормедонт. Это я завиться думал, так, чтоб волосы крепче держались, фиксатуар-то в уме и держал.

Маргаритов (качая головой). Надо «департамент», а ты «фиксатуар».

Дормедонт. Уж я теперь фиксатуара писать не стану-с.

Маргаритов. Ну, какой фиксатуар? Зачем фиксатуар? А ты пишешь!.. (Уходит.)

Дормедонт. Нет, шабаш! Мечтать мне невозможно. Все, что есть в голове, все и напишешь. Вот недавно гербовый лист в сорок копеек испортил, а ведь это расчет. Надо копию с купчей, «лета такого-то» выводить, а я: «Кольцо души девицы я в море уронил», да уж на четвертом стихе только опомнился да себя по лбу-то ударил.

Маргаритов входит с портфелем и садится у стола.

Маргаритов. «Докажи нам свою честность!» Каково это слышать, Дормедонт! Да чем же я, говорю, свою бесчестность доказал? Вы, говорю, сами ко мне придите

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
честности–то поучиться. Много ль у нас документов? посмотри–ка по списку.

Дормедонт. Шестнадцать, а семнадцатый я вчера принес.

Маргаритов (перебирая бумаги). Вы, говорю, сами народ обманываете; так будь ты, говорят, один между нами честный человек, нам очень нужно. Четырнадцать, пятнадцать, шестнадцать... Где же семнадцатый?

Дормедонт. Поищите!

Маргаритов. Где семнадцатый? Подай сюда список.

Дормедонт (подавая). Извольте–с.

Маргаритов проверяет по списку.

Да уж все тут; ошиблись, обсчитались.

Маргаритов. Заемного письма Лебедкиной нет.

Дормедонт. Тут.

Маргаритов. Нет, говорят тебе.

Дормедонт. Тут.

Маргаритов. Нет. Смотри сам.

Дормедонт. Не может быть, не верю!

Маргаритов. Ах ты глупый!

Дормедонт. Не может быть. Потому честность у нас: вы отдали мне, велели домой снести, а у меня все одно, что у вас в кармане, так же честно и благородно. Я отдал Людмиле Герасимовне, они еще честней нас с вами; говорю: положите в портфель; ну, значит, оно в портфеле. Вот хоть убейте, хоть к присяге ведите.

Маргаритов, перебрав еще документы, пристально смотрит на Дормедонта.

Что вы так смотрите? Что вы так страшно на меня смотрите?

Маргаритов. Ты разбойник!

Дормедонт. Ну, нет–с. Не надеюсь, Герасим Порфирьич; не надеюсь быть разбойником.

Маргаритов. Кто из вас бегал к Лебедкиной? Или она сама была здесь? Говори!

Дормедонт. Вчера была–с, даже два раза была–с.

Маргаритов. Ты разбойник!

Дормедонт (со слезами). За что обижаете?

Маргаритов (С отчаянием). Продали!

Дормедонт. Возможно ли продать, коли я его Людмиле Герасимовне отдал? Не в портфеле, так у них.

Маргаритов. Позови ее ко мне.

Дормедонт (у двери). Людмила Герасимовна, можно войти? (Маргаритову.) Не отвечают.

Маргаритов. Постучи хорошенько!

Дормедонт (стучит, дверь сама отворяется). А–а–й! караул! (Дрожит и топает ногами.)

Маргаритов. Что такое?

Дормедонт. Убита! Герасим Порфирьич, убита, без движения! А-а-й!

Маргаритов (идет, шатаясь). Как? Неужели? Кто ж из вас?

Из двери выходит Людмила, протирая глаза спросонков.

Явление пятое

Маргаритов, Дормедонт и Людмила.

Людмила (Дормедонту). Ах, как вы меня испугали!

Дормедонт (тихо). А зачем же у вас на столике, возле кровати, пистолет?

Людмила. Не ваше дело, молчите, пожалуйста! (Отцу.) Я ночью почти не спала, прилегла теперь и так сладко заснула.

Маргаритов (Дормедонту). Ах ты глупец! Ах ты глупец! Что ты со мной делаешь?

Дормедонт. Нет, вы спросите, что со мной-то было! Был ли я жив? У меня по сю пору сердце-то, как овечий хвост, дрожит.

Маргаритов. Ну, садись, пиши! Да не наври с перепугу-то.

Дормедонт. Так буду стараться, что на удивление.

Маргаритов. Людмила, отдал он тебе заемное письмо Лебедкиной?

Людмила. Отдал.

Дормедонт. Что? Говорил я вам.

Маргаритов. Извини, брат! Ну, теперь я спокоен. Пиши! пиши!

Дормедонт. Честность необыкновенная.

Маргаритов (Людмиле). Так оно у тебя?

Людмила. У меня его нет.

Маргаритов. Где ж оно?

Людмила. Я отдала его.

Маргаритов. Как! Кому отдала? Зачем?

Людмила. Так нужно было; я не могла иначе поступить.

Входит Николай и останавливается вдали.

Явление шестое

Маргаритов, Людмила, Дормедонт и Николай.

Маргаритов. Как! Как не могла! Дочь моя, ты ли это говоришь? Ты не могла сохранить, убережь чужого, что нам не принадлежит, что доверили твоему отцу, надеясь на его честность? Я ничего не понимаю.

Людмила. Да, не могла сохранить.

Маргаритов. Или я стар и глуп стал, или все перевернулось на свете – ни чужой собственности, ни честности не стало, воровство перестали называть воровством!

Людмила. Я не могла иначе поступить.

Маргаритов. Скажи ты мне, какими хитростями, ловушками поймали тебя? каких дьяволов вызывали из ада, чтоб обмануть, оболгать твою праведную душу?

Людмила. Ничего не было: никто меня не обольщал, не обманывал, я сама отдала. Я видела, что человек гибнет, что если не помочь ему сейчас же, ему грозит позор и, быть может, самоубийство. Когда мне было думать! Надо было помогать, спасать, отдавать все, что только было под руками.

Дормедонт (в слезах). Брат, мучил ты нас, мало тебе этого; погубить ты нас захотел совсем.

Маргаритов. Так это он?

Людмила. Он.

Маргаритов. Вот когда я нищий, презренный старичишка! Был я беден, был я жалок, но тогда была у меня дочь, теперь нет ее.

Людмила. Ты от меня отказываешься?

Маргаритов. Нет, нет, прости меня! я сам не знаю, что говорю. Как же мне бродить по свету без тебя? Поди ко мне, я тебя прощу, будем мыкать горе вместе, вместе оплакивать новый грех, твою слабость. О, нет, нет, я тебя не брошу! Мне самому страшно стало!.. Неужели я тебя оставлю ему?.. Моту, пьянице..

Людмила. Я тебя умоляю..

Маргаритов. Вору.

Людмила. Умоляю тебя.

Николай. Замолчи, старик!

Маргаритов. Чужим горем живет он, чужими слезами. Мать, брат в поте лица работают, а он пропивает их выстраданные копейки. Да какие деньги у бедной семьи? Разве их на разврат хватит? Нет ли еще где бедных тружеников попроще? И тех обобрать, пусть они плачут да горе мычут. Что ему за дело до чужих слез! Ему веселье нужно. Дитя мое, поди ко мне, уйдем от них!

Николай. На вашу брань я бранью отвечать не буду, вы очень стары. Без брани, но гораздо больнее я накажу вас за вашу несправедливость. (Людмиле.) Не к нему, а ко мне подите! Ко мне сюда. (Ударяет себя в грудь.) Меня надо утешить, я обижен и обижен напрасно.

Маргаритов. О чудовище! Людмила, беги! Ко мне, ко мне!

Людмила. Папа, я пойду..

Маргаритов. Иди ко мне, иди!

Людмила. Я пойду к нему. (Подходит к Николаю.)

Маргаритов. Стой, стой! Ты мне возвратила жизнь однажды, ты же сама и отнимаешь ее.

Людмила. Судьба связала меня с ним.. что же мне делать?.. Я вижу, я чувствую, что убиваю тебя.. Я и сама умираю, но я.. его. О, если б я могла жить для вас двоих! Оттолкни, прокляни меня, но.. полюби его!

Маргаритов. Его? Его? За что? Он все взял у меня: взял деньги, чужие деньги, которых мне не выплатить, не заработать во всю жизнь, он взял у меня честь. Вчера еще считали меня честным человеком и доверяли мне сотни тысяч; а завтра уж, завтра на меня будут показывать пальцами, называть меня вором, из одной шайки с ним. Он взял у меня последнее – взял дочь..

Николай (подходя к Маргаритову). Ничего я не взял у вас. Никогда ничего дурного я не сделал вам. Вот ваша дочь, вот ваш документ. (Отдает заемное письмо Лебедкиной.)

Маргаритов. Как, что, документ? (Рассматривает документ на свет.)

Дормедонт. Я говорил, что все честно и благородно.

Маргаритов. Что ж это значит? Ты не успел его продать? Тебя совесть зазрила?

Николай. Я жалею, что вам его отдал. Вы не умеете ценить благородства в других и не стоите, чтоб с вами поступали честно. Я нынче же видел Лебедкину.

Маргаритов. Зачем же этот документ был у тебя? Зачем ты его взял у Людмилы?

Николай. Я поверенный Лебедкиной; зачем мне нужен был документ, я вам не скажу... ну, положим, что мне нужна была с него копия.

Маргаритов (подавая руку). Извини, брат! Я горяч, я горяч... да ведь здесь сторона такая, что поневоле подумаешь...

Николай (Людмиле). Прощайте!

Людмила. Куда же вы? Что с вами будет? Мне страшно.

Николай. Не беспокойтесь, я решил покориться своей участи; у меня теперь есть хорошее впереди: это любовь ваша.

Входит Шаблова.

Явление седьмое

Маргаритов, Людмила, Николай, Дормедонт, Шаблова, потом Лебедкина.

Шаблова. Варвара Харитоновна Лебедкина подъехала, встречать бегу. (Уходит в переднюю.)

Маргаритов. Вот кстати, не заставила себя ждать.

Входят Лебедкина и Шаблова.

Лебедкина. Мне нужно видеть адвоката Маргаритова.

Шаблова. Вот он, матушка!

Лебедкина. Вы адвокат Маргаритов?

Маргаритов. К вашим услугам, сударыня. Коллежский ассессор Герасим Порфирьич Маргаритов. Прошу покорно садиться!

Лебедкина. Не беспокойтесь! Вам передано заемное письмо, выданное мной купцу Дороднову.

Маргаритов. Так точно, сударыня.

Лебедкина. Я желаю заплатить деньги.

Маргаритов. И прекрасно делаете, сударыня! Пожалуйста.

Лебедкина. Что?

Маргаритов. Деньги.

Лебедкина. Дайте документ! Я только тому отдам, у кого в руках документ. Без документа я не отдам денег ни за что.

Маргаритов. Совершенно справедливо. Пожалуйста деньги, тогда и документ получите.

Лебедкина. Ах, боже мой! Неужели вы осмеливаетесь сомневаться? Вот деньги! (Бросает на стол пачку крупных билетов.) Покажите мне документ, я хочу видеть его.

Маргаритов. Уж это порядок такой. Извольте! (Показывает из рук заемное письмо.) Это ваша подпись, сударыня? Вы ее признаете?

Лебедкина. Что такое? Позвольте, позвольте!

Маргаритов. Вы можете не признать подпись, если вам угодно.

Лебедкина. Нет, это моя рука.

Маргаритов. А в таком случае, я перечту деньги и сделаю на документе надпись. (Осторожно пересчитывает деньги, отодвигает их от себя и расписывается на заемном письме в получении. Николай, по знаку Лебедкиной, подходит к ней.)

Лебедкина (Николаю). Что же это значит?

Николай. Это значит, что я давеча был осторожнее вас, за что себе очень благодарен. Я вам отдал только копию; вам бы посмотреть хорошенько.

Лебедкина. Да, вот что!

Николай. Не станете ли упрекать меня?

Лебедкина. Нет, не стану.

Маргаритов. Вот, сударыня, вам документ, а мне деньги. (Передает Лебедкиной документ.) Людмила, я вчера просил у Дороднова денег на расходы, а мне он сказал: «Получи с госпожи Лебедкиной, так половина твоя, потому я эти деньги считал пропащими».

Лебедкина. Невежа!

Маргаритов. Действительно, невежа. Вот тебе, Людмила, половина.

Людмила. Мне, папа, мне?

Маргаритов. Тебе, тебе! бери, не бойся! Это твое приданое.

Людмила. Значит, это не мои, их надо будет отдать.

Маргаритов. Ах ты, глупенькая! Разумеется, отдать жениху.

Людмила (Николаю). Так вот вам! (Отдает деньги.)

Маргаритов. Что ты? Что ты делаешь?

Людмила. Ты сам сказал: отдать жениху. Это ему в задаток; он хочет быть твоим помощником.

Николай. Нет, писарем, только с одним условием.

Маргаритов. С каким?

Николай. Вы хороший адвокат, у вас доверенности с передоверием? Вы иначе не возьмете?

Маргаритов. Разумеется, с передоверием.

Николай. Так передоверьте мне все дела. Вы уж старый человек, вы окончили свою карьеру, а мне надо начинать.

Людмила (обнимая отца). Папа, тебе надо отдохнуть; мы тебя успокоим.

Шаблова (Дормедонту). А ты говорил, что она тебя любит.

Дормедонт (утирая слезы). Что ж, маменька, ничего, пушай! Я для дому. Ему хлопот будет много, по судам бегать, а я по домашней части; я, маменька, детей его буду нянчить.

Шаблова (Лебедкиной). Что, матушка, карты-то правду сказали, пришлось тебе заплатить.

Лебедкина. Э! Что я истрочу или заплачу, я никогда не жалею. Да и что жалеть-то! Кабы свои, а то я и эти заняла. Это все пустяки, а у меня есть серьезное дело до тебя: ты мне погадай!

Шаблова. Опять на трэфового?

Лебедкина. Нет, ну его! Надоел. Не знаю, какой его масти-то положить.

Шаблова. Разношерстный, что ли?

Лебедкина. Усы другого цвету.

Шаблова. Да какого ты ни избери, какой бы он шерсти ни был, хоть и в колоде такой не найдешь, я для тебя все-таки гадать буду. Рыжему червонному королю черные усы выведу и загадаю.

Лебедкина. Ну, пойдем скорее! (Кланяясь.) Совет да любовь.

Маргаритов. Так и будет, сударыня! Дормедонт, пиши от меня доверенность на имя Николая Шаблова. Только не ври!

Дормедонт. В аккурате сделаю. А вы не сомневайтесь, у нас все честно и благородно.

Комментарии
Лес*

Впервые комедия была напечатана в журнале «Отечественные записки», 1871, № 1.

Островский начал писать «Лес» в конце лета 1870 года в Щелькове. Упорная работа прерывалась хлопотами по имению (в связи со смертью управительницы Щелькова) и занятиями по переводу драмы П. Джакометти «La raorte civile» («Семья преступника»). 20 сентября 1870 года он сообщал своему другу Ф. А. Бурдину, артисту Александрийского театра: «Пьесу я пишу прилежно, но к октябрю едва ли кончу» (А. Н. Островский, Полн. собр. соч., М. 1953, т. XIV, стр. 190. В дальнейшем при ссылке на данное издание будут указываться лишь том и страницы).

4 ноября 1870 года Островский уже уведомлял Бурдина, что пьесу он оканчивает, «но едва ли будет расчет ставить ее в настоящий сезон,» (т. XIV, стр. 193). К этому времени Островским были написаны первое и второе действия и шесть явлений третьего действия. 6 ноября он работал еще над седьмым явлением третьего действия, что видно из авторской пометы на 36 листе черновой рукописи (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Первоначально «Лес» был задуман как семейно-бытовая комедия. Ее действующие лица связывались тесными семейными узами: Геннадий Несчастливцев и Аксюша были родные брат и сестра – дети брата Гурмыжской. Сюжет строился на любовных взаимоотношениях Гурмыжской и Буланова. Определяющую роль в развитии действия играла тема завещания Гурмыжской, она составляла его на имя племянника – Несчастливцева, отсутствовавшего в усадьбе в момент начала действия. Гурмыжская рисовалась как богатая помещица, не испытывающая нужды в деньгах. Образ Восмибратова не играл существенной роли в конфликте пьесы. Социальный фон пьесы намечался очень слабо.

Не было и глубокой обрисовки положительных героев. Например, образ Несчастливцева являлся эпизодическим. В нем драматург подчеркивал профессионально-актерские стороны, которыми определялось все его поведение. Так, в сцене с Восмибратовым (д. III, явл. 10) для Несчастливцева побудительным мотивом требовать у Восмибратова причитающиеся Гурмыжской деньги было не стремление к торжеству справедливости, а желание испытать силу своего актерского слова; получив деньги, он говорил (д. IV, явл. 1) Счастливцеву: «Какую прекрасную я сегодня роль сыграл» (оборот л. 41 черновой рукописи); Восмибратова Несчастливцев называл «хорошим парнем», «только надо уметь с ним обращаться». Аксюша появлялась на сцене лишь в четвертом акте; Петр Восмибратов вообще отсутствовал в числе действующих лиц.

С углублением творческого замысла менялась и сюжетно-композиционная структура

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e комедии, каждый образ приобретал идейно-художественную законченность. Островский усилил сатирический тон пьесы и расширил ее социальный фон. Из семейно-бытовой она превратилась в острую социально-сатирическую пьесу. Четко определился драматургом ее конфликт как столкновение различных социальных групп: с одной стороны – Несчастливцев, Аксюша, Карп; с другой – Гурмыжская, Буланов, Восмибратов и др. Ввиду этого изменились и родственные связи действующих лиц: Несчастливцев, Аксюша, Гурмыжская – теперь дальние родственники. Линия любовных отношений Гурмыжской и Буланова и тема завещания отошли на второй план, а на первый выдвинулись взаимоотношения Аксюши и Петра, борьба за их счастье и тема приданого Аксюши.

Несчастливцев и в идейном и в сюжетном развитии приобрел значение центрального образа. Островский стремился раскрыть в нем всю полноту не только профессионально-актерских, но и гуманных человеческих качеств. Несчастливцев – актер-труженик – обличает паразитизм обитателей «леса» – сов да филинов – в лице Гурмыжской, Восмибратова, Буланова и других.

Островский изменил и соотношение социальных сил: Гурмыжская – помещица-вдова, имение которой полуразорено. Теперь уже не Восмибратов просит Гурмыжскую о продаже леса, а Гурмыжская настойчиво предлагает ему купить у нее лес (л. 14, черновая рукопись). Почтительно-уважительный тон Восмибратова в отношении Гурмыжской заменился независимо-ироническим. Восмибратов рисуется драматургом как человек, сознающий свою силу. Он приходит к Гурмыжской не только покупать лес, но и посватать у нее Аксюшу. Первоначальную реплику Восмибратова: «А я было, признаться, зашел понаведаться, не продадите ли еще леску» (там же), – Островский зачеркнул и вместо нее вставил следующий диалог:

«Восмибратов. ...А я было, признаться, к Вам насчет другого товару.

Гурмыжская. Не понимаю.

Восмибратов. Сродственницу имеете, девицу небогатую?» (л. 13, черновая рукопись, – д. I, явл. 6).

Образы Милонова и Бодаева также получили более четкую социальную характеристику. В текст введены: их диалог по поводу прихода Восмибратова и реплика Милонова о «законах, определяющих отношения», диалог Бодаева и Милонова о свободе (д. I, явл. 4 и 5).

Рисуя в образе Буланова холодного расчетливого эгоиста, Островский в процессе работы изменил его отношение к Аксюше. Первоначально Буланов искренне был увлечен Аксюшей и добивался ее взаимности. Затем драматург реплику Буланова: «А разве мудрено от вас с ума сойти», – заменяет грубо-фамильярной фразой: «Ах!! Извините!.. Что вы такой герцогиней смотрите, красавица вы моя?» И затем вписывает заключительные равнодушно-цинические слова: «Нет, послушайте, в самом деле вы мне нравитесь» (л. 2, черновая рукопись, – д. I, явл. 2).

Эти и подобные изменения заострили сатирическую направленность комедии.

Для создания идейно целостного образа драматург иногда жертвовал яркими, художественно законченными сценами, монологами и т. д. Так, он не включил в окончательный текст поэтический рассказ Улиты о ее любви в молодости, интересный по своей антикрепостнической тенденции:

«А вы возьмите нашу жизнь, бывало... да и вспомнить-то тошнехонько... так жизнь-то, не живя, и коротали. Замуж тебя не пускают, любить тоже не велят, а не совладаешь с собой, полюбишь, так тебя тиранят, надругаются, косу обрежут, оденут в дерюгу. Да и то, бывало, избитая, обруганная, в дерюге, идешь к милому-то точно в подвенечном платье. Теперь, конечно, всякому свобода, так ее и не ценят. А прежде-то? Одни топились, другие рукой махнули, притерпелись, одеревенели, а третьи на хитрость пошли, к барыням подделяваться. Ползаешь...» (оборот л. 44, черновая рукопись, – д. IV, явл. 4, Более подробно о творческой истории см. в диссертации Е. Измайловой «Комедия А. Н. Островского „Лес“» – Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина).

Комедия «Лес» была закончена драматургом в середине декабря 1870 года. Как и многие предшествующие пьесы, она еще до своей публикации читалась в кругу артистов, в частных домах и была принята восторженно. Первое чтение ее в

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Петербурге состоялось у брата драматурга – М. Н. Островского. О впечатлении, произведенном на слушателей, М. Н. Островский писал драматургу 20 декабря 1870 года: «Пьесу твою я получил и успел уже прочесть ее в присутствии Анненкова, Филиппова и Феоктистова. Все в безусловном восторге... Впечатление, производимое ею, так сильно, что надо дать время пройти ему, чтобы что-нибудь заметить, и потому в настоящее время я, кроме безусловной похвалы, ничего не могу тебе сказать по ее поводу» (Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). 25 января 1871 года комедию «Лес» читал сам автор в зале Петербургского собрания художников в пользу Литературного фонда.

Брат драматурга советовал представить «Лес» на Уваровскую премию в Академию наук. В том же письме он писал: «Все единогласно советуют представить ее на премию... Конечно, никто не может ручаться, что Академия, наполненная педантами, признает пьесу достойною премии... Мы условились еще раз прочесть ее (у Анненкова) в присутствии Никитенки и Грота (члены жюри конкурса. – Н. Г.), надеясь, что то необыкновенное впечатление, которое она производит на всех, понимающих это дело, отразится и на них».

Пьеса была представлена на XV Уваровский конкурс. Но опасения брата и друзей Островского оправдались, острая сатирическая направленность «Леса» обусловила отказ в присуждении премии. А. В. Никитенко дал о ней отрицательный отзыв (см. Е. С. Кулябко, «А. Н. Островский и Академия наук». «Вестник Академии наук СССР», 1948, № 4, стр. 56). В связи с этим П. В. Анненков писал брату драматурга М. Н. Островскому 28 сентября 1871 года: «...В премии Александру Николаевичу отказано. Это порешили те чемоданы, набитые quasi-ученой трухой, которые заседают в Отделении российской словесности. Ни крошечки вкуса, ни искорки поэтического чувства, ни признака понимания мастерских построек в литературе – не обнаруживается давно уже у товарищей Безобразова, Никитенко, Б. Федорова» («Неизданные письма к А. Н. Островскому», М.-Л. 1932, стр. 683).

С углублением в 70-х годах критического отношения Островского к социальной действительности и ростом активности консервативных сил усилились и нападки на его произведения со стороны реакционной и либеральной критики. Комедия «Лес» не была исключением. Реакционный публицист В. П. Буренин писал, что она неактуальна, лишена серьезного содержания, построена на случайных происшествиях и случайных характерах («Санкт-Петербургские ведомости», 1871, № 76).

Критик-славянофил Н. Страхов полностью отрицал социальную значимость комедии. Он не принял сатирической обрисовки образов Гурмыжской, Буланова, Милонова и Бодаева. По его мнению, характеры Гурмыжской и Буланова «только набросаны»; Милонов и Бодаев «из рук вон плохи... На живых... людей они нимало не похожи; самое большее, что можно сказать, это то, что порою речи этих двух лиц смешны... Но этот смех не заключает в себе никакого настоящего комизма; этот комизм самого низкого рода, который вернее всего назвать щедринским... Столь же щедринским назовем мы и отношение к земству, мелькающее в конце комедии, где Буланов прочится в земские деятели». Резкое, близкое к щедринскому обличение в пьесе представителей дворянско-буржуазного общества обусловило и вывод критика, что изображенные в ней лица «принадлежат к несуществующей, сочиненной автором, среде» («Заря», 1871, № 2, стр. 71).

Высокую оценку комедия Островского получила со стороны передовых людей того времени.

Работа над «Лесом» протекала в атмосфере идейной близости драматурга с руководителями журнала «Отечественные записки» Н. А. Некрасовым и М. Е. Салтыковым-Щедриным. Некрасов 12 октября 1870 года писал Островскому: «Журнал наш... интересуется вами...» (Собр. соч., М. 1952, т. XI, стр. 178), а 28 ноября того же года он сообщал драматургу: «Мы дождаемся нетерпеливо Вашей новой комедии, которая могла бы войти в № 1 „Отечественных записок“» (там же, стр. 181).

Редакция «Отечественных записок» считала не совсем удобным на страницах своего журнала печатать рецензии на пьесы своего постоянного сотрудника А. Н. Островского, однако Некрасов отозвался о комедии «Лес» в письме к ее автору от 31 декабря 1870 года: «„Лес“ вещь великолепная» (там же, стр. 184).

Просмотрев постановку «Леса» в Александрийском театре, И. С. Тургенев писал Островскому 6 июня 1874 года: «...Какая это прелесть! Характер „трагика“ – один из

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e самых Ваших удачных» (Собр. соч., М. 1958, т. 12, стр. 459).

П. М. Садовский, великий русский актер и замечательный исполнитель многих образов в пьесах Островского (в «Лесе» он играл Восмибрата), высказался о комедии в письме к драматургу (середина ноября 1871 года) так: «С неописанным наслаждением прочитал я Ваше новое произведение „Лес“. Вижу, что гений творчества не стареет и не умирает... В числе личностей типичных, художественно обрисованных, есть лицо – гимназист, – я бы искренно желал, чтобы мой сын в этой роли испробовал свои молодые силы, чем Вы меня очень бы обязали...» («Культура театра», 1921, № 2, стр. 61).

Сын П. М. Садовского, Михаил, будущий выдающийся актер, выступил на сцене Малого театра в роли Буланова 26 ноября 1871 года.

Демократизм содержания, «щедринский смех», зазвучавший в комедии «Лес», определили и в последующие годы острую борьбу вокруг этой пьесы.

В то время как реакционная и либеральная печать кричала об упадке таланта Островского, представители прогрессивной общественности относили «Лес» к лучшим произведениям драматурга.

Поэт А. Н. Плещеев, сотрудник «Отечественных записок», в своей рецензии на постановку «Леса» в Клубе художников в Москве (1880) выражал возмущение, что эту «прекрасную вещь» «почему-то так давно не дают на казенной сцене, где, однако же, находят себе место пьесы вроде „Рокового шага“, „Владимира Заревского“» («Молва», 1880, № 62). Он отмечал глубокую типичность образов комедии, как представителей «темного царства», так и в особенности ее положительного образа, «светлого луча» – Геннадия Несчастливцева. «Что за типические, реальные личности все эти Гурмыжские, Восмибратовы, Булановы, Милоновы, – писал он. – ...Но ярче, рельефнее всех их этот достолюбезный провинциальный трагик – Геннадий Несчастливцев... Вы не можете не полюбить этого горемыку-оборванца, который один в этой темной среде, в этом дремучем лесу, куда он попал, является носителем гуманных, благородных, возвышенных идей» (там же).

Комедия «Лес» вызвала к себе огромный интерес и у любителей театрального искусства. Еще до постановки ее на сцене императорских театров начались репетиции пьесы в Клубе приказчиков в Петербурге (см., например, письма Бурдина и Островского от 6 и 8 марта 1871 года: «А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М.–Пг. 1923, стр. 124; А. Н. Островский, Полн. собр. соч., М. 1953, т. XIV, стр. 200 и др.). Артисты стремились получить «Лес» в свой бенефис или исполнить в пьесе ту или иную роль. Однако Островский не предполагал ставить комедию в конце сезона 1870–1871 года и поэтому, например, ответил отказом на просьбу А. А. Нильского предоставить ее ему в бенефис. Учитывая время, необходимое для прохождения пьесы через цензуру и Театрально-литературный комитет, он писал Нильскому 15 декабря 1870 года: «...Комитет, цензура, когда же ее ставить? Она может пройти раза три, не более, и на следующий сезон будет уже старая. Я так мало получаю с театра, что мне, имея четырех детей, терять свои выгоды непростительно. Вот единственная причина, по которой я Вам должен отказать, иначе я с удовольствием бы дал своею комедию в Ваш бенефис, зная Вашу любовь к делу и Ваши старания при постановке, которые всегда бывают в пользу автора» (т. XIV, стр. 194).

Театрально-литературный комитет одобрил «Лес» к представлению 14 мая 1871 года, а разрешение драматической цензуры было получено 14 августа того же года.

Премьера пьесы в Петербурге на сцене Александрийского театра состоялась 1 ноября 1871 года, в бенефис Бурдина. Бенефициант исполнял роль Несчастливцева. Другие роли были распределены между артистами: А. М. Читау – Гурмыжская, Е. П. Струйская 1-я – Аксюша, П. П. Пронский – Милонов, П. С. Степанов – Бодаев, П. В. Васильев 2-й – Восмибратов, И. Ф. Горбунов – Петр, П. И. Зубров – Счастливцев, Н. Ф. Сазонов – Буланов, М. М. Александрова-Улита, Н. Н. Зубов – Карп.

Островский не мог приехать в Петербург, чтобы принять участие в этой постановке, так как был занят работой над пьесой «Не было ни гроша, да вдруг алтын». Однако он всемерно помогал петербургским артистам, заботясь о правильном понимании сущности характеров комедии и о ее верном сценическом воплощении. В письмах к Бурдину драматург давал разъяснения о костюмах действующих лиц, о необходимых сокращениях текста и т. д. (см., например, т. XIV, стр. 216–217).

Островского глубоко волновала судьба петербургской премьеры. «Извести меня телеграммой, – просил он Бурдина, – только о крупном успехе или неуспехе пьесы, а если пройдет как себе, то телеграммы не посылай» (т. XIV, стр. 217).

После первого представления Бурдин известил Островского, что «пьесу принимали очень хорошо», но отсутствие автора «много повредило постановке» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М.–Пг. 1923, стр. 149–150).

Петербургская премьера прошла неудачно.

Одной из причин неудачи было отсутствие подходящего исполнителя на ответственную роль трагика Несчастливцева. Обсуждая возможные кандидатуры на эту роль, брат драматурга М. Н. Островский писал 24 сентября 1871 года: «...Если Бурдин будет дурен, что несомненно, то и все (кроме Самойлова, конечно)...будут дурны; в этом я убежден... Но может быть, Бурдин будет хуже всех?.. Не думаю; во всяком случае, здесь разница в игре будет столь ничтожна, что она с избытком окупится тем, что Бурдин прекрасно выучит и будет во всем слушаться тебя и меня» (Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). Сам Островский предполагал отдать роль Несчастливцева Самойлову, но в связи с болезнью последнего вынужден был согласиться на исполнение этой роли Бурдиным.

О неуспехе спектакля свидетельствовали и отзывы на страницах печати. Рецензенты отмечали прежде всего неудачную игру Бурдина. Роль Несчастливцева не была в возможностях этого артиста. Как писал рецензент «Всемирной иллюстрации» (1871, № 150, стр. 315), Бурдин «не обладает ни малейшим трагизмом, потому не был даже в состоянии войти в тон своей роли». Читая не поняла образа помещицы Гурмыжской, «всю роль свою она пропела в одну уныло-пискливую ноту» («Новости», 1871, № 186). Александрова, играя Улиту, «хватила через край, впав в утрировку и шарж» (там же). По свидетельству современников, в спектакле выделялись только артисты Зубров (Счастливец) и Васильев 2-й (Восмибратов): «Первый из них положительно создал тип, прямо выхваченный из жизни, без малейшей утрировки, без малейшего шаржа, все в игре его была правда.. Г-н Васильев 2-й очень рельефно представил тип самодура, тип, так мастерски разрабатываемый Островским» (там же).

В Москве «Лес» впервые был представлен на сцене Малого театра 26 ноября 1871 года, в бенефис С. П. Акимовой, исполнявшей роль Улиты. В других ролях выступали: Н. М. Медведева – Гурмыжская, Г. Н. Федотова – Аксюша, И. В. Самарин – Милонов, В. И. Живокини – Бодаев, П. М. Садовский – Восмибратов, Н. И. Музиль – Петр, М. П. Садовский – Буланов, Н. Е. Вильде – Несчастливцев, С. В. Шуйский – Счастливец.

Подготовка спектакля в Малом театре осуществлялась при непосредственном участии автора.

Спектакль прошел с большим успехом. В 1885 году Островский вспоминал: «Этот спектакль ясно показал, что московская публика любит и ценит меня: когда после пятиактной моей пьесы „Лес“ я вышел на сцену, вся публика в театре встала, этой чести из всех русских литераторов удостоился только один я» (т. XII, стр. 290).

Наиболее удачной была игра Шуйского, Медведевой и Акимовой, создавших классические образы Счастлильца, Гурмыжской и Улиты. Современников особенно восхищала талантливая игра Шуйского (см., например, «Русские ведомости», 1871, № 273).

После смерти Шуйского роль Счастлильца в Малом театре перешла к М. П. Садовскому, который наполнил ее новым содержанием. «У М. П. Садовского Аркадий Счастливец предстал иным, – писал советский исследователь С. Дурылин. – Шуйский был беспощаден к бродяге, Михаил Провович его пожалел, заглянул в его душу и увидел в нем актера, страстно приверженного к театру» (С. Дурылин, «Пров Михайлович Садовский. Жизнь и творчество-1874–1947», М. 1950, стр. 46).

Комедия «Лес» прочно вошла в репертуар русского театра. В 1880 году она была поставлена в Пушкинском театре в Москве с М. И. Писаревым в роли Несчастливцева и В. Н. Андреевым-Бурлаком в роли Счастлильца. Спектакли Пушкинского театра проходили с большим успехом. «Пьеса „Лес“, – писал Островский об этой постановке, – шла два сезона с таким успехом, что никогда накануне нельзя было достать ни одного места, а надо было заранее записываться, – и эта же пьеса, в

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e конце сезона, шла в бенефис одной артистки и дала полный сбор» (т. XVI, стр. 28–29).

Комедия давала благодатный материал для выявления дарований артистов и совершенствования их мастерства. М. И. Писарев, один из лучших исполнителей роли Несчастливцева, извещая драматурга о спектакле в Пушкинском театре, подчеркивал именно заслугу автора перед публикой. Он писал Островскому 2 марта 1880 года: «...Успех пьесы был так велик, что я не могу отказать себе в удовольствии сообщить Вам об нем, так как большая его половина принадлежит, конечно, всего более Вам...» (Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина).

М. И. Писарев как исполнитель наиболее глубоко раскрыл мысль автора, сочетая в образе Несчастливцева дар актера-трагика и глубокую человечность и гуманность труженика. Он именно «умел оттенить переходы от напускного, заученного пафоса к искренним сердечным порывам» («Молва», 1880, № 62). По воспоминаниям С. В. Максимова, после окончания спектакля Островский «пришел на сцену взволнованный, в слезах: „Что вы со мной сделали? Вы мне сердце разорвали! Это необыкновенно! – говорил он М. И. Писареву. – ...это высокохудожественно“» («Русская мысль», 1897, № 1, стр. 60).

Авторский замысел роли Счастливецва также глубоко раскрыл и Андреев-Бурлак; не оправдывая своего героя, артист показал, до какой степени условия самодержавного строя калечат человека, низводят актера до роли шута. Своим исполнением Андреев-Бурлак, по свидетельству того же рецензента «Молвы», «обнаружил много неподдельного юмора и веселости, которой недоставало в этой роли... Шуйскому».

Комедия «Лес», являясь образцом реалистического искусства, вдохновляла на творческое исполнение ее образов таких корифеев русской сцены, как П. М. Садовский (Восмибратов), К. Н. Рыбаков (Несчастливцев), О. О. Садовская (Улита), А. А. Остужев (Буланов) – Малый театр; В. Н. Давыдов (Милонов и Восмибратов), Ю. М. Юрьев (Буланов) – Александринский театр.

«Лес» широко ставился также на провинциальной и частной сцене. Замечательным исполнителем роля Несчастливцева был выдающийся артист Н. Х. Рыбаков, впервые сыгравший ее в Народном театре на Политехнической выставке в Москве (1872). В свой 50-летний юбилей сценической деятельности (5 февраля 1876 года) он также выбрал близкую ему роль Несчастливцева – провинциального трагика. Спектакль прошел блестяще. Островский, присутствовавший на этом спектакле, горячо приветствовал юбиляра от Общества русских драматических писателей.

«Лес» принадлежит к числу наиболее популярных пьес Островского. С 1875 по 1917 год комедия прошла 5106 раз. Особенно часто она ставится после Великой Октябрьской социалистической революции. Так, например, в 1939 году она игралась 514 раз, а в 1940 году – 588 (Вл. Филиппов, «Отечественная классика на русской сцене». «Театральный альманах», 1946, № 2, стр. 159). Со всей глубиной идейное содержание пьесы было раскрыто только в советском театре. Постановки осуществляли: московский Малый театр (1918, 1936, 1937), ленинградский государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина (1918, 1936, 1948), а также театры многих городов Советского Союза.

В ленинградской постановке 1936 года участвовали крупнейшие мастера театра: Ю. М. Юрьев – Несчастливцев, В. А. Мичурина-Самойлова – Гурмыжская, Е. П. Корчагина-Александровская – Улита, Б. А. Горин-Горяинов – Счастливец, и другие. Театр сумел дать «прекрасное реалистическое воплощение образов героев пьесы, поднял спектакль до уровня глубокого художественного обобщения» («Ленинградская правда», 1936, № 285). Раскрытие каждого образа было подчинено обличительной тенденции спектакля в целом. Мичурина-Самойлова вспоминает: «Гурмыжская мне была противна, но я с наслаждением работала над этой ролью, стремясь разрешить труднейшую задачу – обвинить не только Гурмыжскую, но и ее время и среду» (В. А. Мичурина-Самойлова, «Шестьдесят лет в искусстве», М.–Л. 1946, стр. 131).

Замечательным по составу исполнителей был также спектакль Малого театра (преьера–17 января 1937 года), поставленный в 50-летие сценической деятельности А. А. Яблочкиной. Юбилярша исполняла роль Гурмыжской. Артистка многосторонне показала характер Гурмыжской: «и ханжество ее, и наивную беспомощность богатой барыни, и, главное, непроходимый тупой эгоизм, движущий всеми ее поступками. Все эти свойства Гурмыжской раскрываются Яблочкиной мягко, без всякого нажима, без тени утрировки» («Известия», 1937, № 18).

В роли Несчастливцева выступал П. М. Садовский, который сосредоточил внимание на показе глубокой человечности и горячего протеста провинциального трагика против обитателей «сыдремучего бора». Н. К. Яковлев с исключительным мастерством играл роль Счастливецва. Его Аркадий был не просто комик, плут, забитое существо, а прежде всего человек, с чувством собственного достоинства, сохранивший творческие стремления, любовь к театру и свободе. С большим юмором вела В. Н. Рыжова роль ключницы Улиты. Создавая психологически яркий тип барской шпионки, Рыжова раскрыла и социальное содержание образа.

Позднее в спектаклях участвовали: В. Н. Пашенная (Гурмыжская), Е. Д. Турчанинова (Улита), И. В. Ильинский (Счастливецв).

Большим успехом у советского зрителя пользовался спектакль Московского Художественного академического театра СССР им. М. Горького (преьера-11 мая 1948 года), осуществленный к 125-летию со дня рождения Островского. Этот спектакль явился одним из выдающихся достижений в сценической истории «Леса».

Рецензенты особенно выделяли игру В. О. Топоркова (Счастливецв), С. К. Блиникова (Восмибратов), СР. В. Шевченко (Гурмыжская), А. И. Чебана (Бодаев). Как писал рецензент газеты «Советское искусство», Топорков исполнял роль Счастливецва с «глубоким пониманием драматической сущности судьбы этого надорвавшегося в жизненной борьбе человека» («Советское искусство», 1948, № 23). Раскрывая трактовку Блиниковым роли Восмибратова, рецензент указывал, что актер подчеркивал «не личную злобность купца, а то, что он, даже вопреки своему желанию, не может нарушить бесчеловечный закон купли-продажи. Не в деньгах даже дело, а в „идее“. Пусть униженно молит его сын, пусть в отчаянии готова покончить с собою Аксюша – все равно, купец не может нарушить главную заповедь своей жизни: стяжать! Грабь, круши, дави, воруй, но – копи рубль. И нет силы, что остановит его!» (там же). В исполнении Шевченко роли Гурмыжской был ярко отражен грубый, властный характер помещицы-крепостницы, но не подчеркнута ханжеская раздвоенность ее натуры, пошлая, комическая сущность этого типа.

Советский театр обогатил галерею образов Островского, создав яркие типы, полные глубокой социально-психологической правды.

«Лес» ставится и театрами стран народной демократии (Болгария, Чехословакия).

...играл я Велизария – герой из одноименной драмы в стихах немецкого драматурга Эдуарда Шенка (1788–1841). В 1839 году она была переделана для русской сцены П. Г. Ободовским.

Николай Хрисанфович Рыбаков (1811–1876). – Здесь речь идет о знаменитом русском актере-трагике, выступавшем в провинции.

Он Ляпунова играл, а я Фидлера-с – действующие лица в драме Н. Кукольника (1809–1868) «Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский».

Так, говорит, Каратыгин делал. – Имеется в виду Каратыгин Василий Андреевич (1802–1853), русский актер-трагик, с 1832 года играл в Петербурге на сцене Александрийского театра.

Корнелий Непот (ок. 100 до н. э. – ок. 27 до н. э.) – римский историк и писатель.

Менестрель – (от франц. *menestrel*) – в средние века странствующий поэт-музыкант, трубадур.

Комлот (от франц. *complot*) – заговор против кого-нибудь.

Комик XVII столетия*

Впервые пьеса была напечатана в журнале «Отечественные записки», 1873, № 2.

28 января 1872 года Островский писал Ф. А. Бурдину: «...Занят очень сильно новой пьесой...» (т. XIV, стр. 226). К этому периоду, по всей видимости, относится

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e непосредственная работа драматурга по ознакомлению с историческими документами, связанными с эпохой XVII столетия. Островский тщательно изучал летописи, «Домострой», исторические исследования Н. С. Тихонравова о русском театре, труды И. Е. Забелина «Домашний быт русских царей», «Домашний быт русских цариц» и другие источники. Он сам указывал на некоторые из них. В том же письме он извещал Бурдина: «От Николая Савича (Тихонравова. – Н. Г.) я получил интересные материалы» (там же, стр. 227).

В одном из своих писем к драматургу Тихонравов сообщил ряд историко-литературных сведений о режиссере в труппе Грегори – Юрии Михайлоне; о представлении комедии «Есфирь» и т. д. (см. «Неизданные письма к А. Н. Островскому», М. – Л. 1932, стр. 563–564). Прося Бурдина хлопотать о присылке ему десяти оттисков напечатанной пьесы, драматург объяснял: «Мне нужны они для подарков тем лицам, от которых я пользовался материалами: Тихонравову, Забелину и, кроме того, еще кой-кому из близких знакомых» (т. XIV, стр. 239).

К писанию комедии Островский приступил 2 марта 1872 года, что видно из авторской пометы на черновой рукописи (Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина). Но и во время работы над пьесой Островский продолжал знакомиться с историческими материалами. Так, 28 марта 1872 года Н. А. Дубровский (чиновник Московской дворцовой конторы, археолог и архивист) уведомлял драматурга: «Записка А. Матвеева помещена в издании Сахарова под названием „Записки русских людей“. Эти записки ты можешь найти в Чертковской библиотеке, а потому и обратись к Петру Ивановичу Бортеневу» (Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). Однако Дубровский сам достал для драматурга записки А. Матвеева, о чем сообщил 30 марта Островскому (там же).

«Комик XVII столетия» был приурочен к 200-летию юбилею официального открытия театра в России, праздновавшемуся 30 октября 1872 года.

Приступив к написанию комедии, драматург не сразу определил в ней количество актов и последовательность событий. Пьеса была задумана сначала в четырех действиях с прологом. На первом листе черновой рукописи есть запись: «Комик XVII столетия, комедия в IV действиях. С прологом. Пролог. Постельное крыльцо (4 июня 1672 года)». Островский начал пьесу со сцены кочетова и клушина (д. III, явл. 3, печатный текст). Но первый акт в этом виде не был полностью написан драматургом. Продумывая заново весь ход пьесы, он составил следующий сценарий: «1. Сватовство. 2. Аптека. 3. У кочетова. 4. Двор. 5. Постельное крыльцо». Продолжая работать над сценарием, драматург хотел включить в него как пятую сцену – сцену «У мастериц», но затем отказался от этой мысли, а четвертую сцену изменил так: «Двор и заднее крыльцо» – и набросал план ее: «Боярыня Хитрая и Клушин. Лопухин и Клушин у казначея с жалобой. Две девки, Хитрая и Лопухин. Лопухин и Матвеев и Кочетов Яков. Матвеев».

В процессе работы комедия неоднократно подвергалась существенным композиционным изменениям. Драматург очень тщательно продумывал ход событий, в рукописи встречается несколько вариантов сценария пьесы. Здесь, например, имеется разработанный план первой и второй сцен, который в своей основе совпадает со структурой первого и второго актов в окончательном тексте.

Островский поставил перед собой задачу раскрыть в своей пьесе народные корни русского театра, показать, что театр на Руси был основан в 1672 году не для «царской потехи», а явился результатом потребности народной жизни.

До XVII века представителями театрального искусства на Руси были скоморохи, которые «разносили по всей стране „лицедейства“ и песни о событиях „великой смуты“, об „Ивашке Болотникове“, о боях, победах и о гибели Степана Разина» (М. Горький, «О литературе», М. 1955, стр. 605). Но профессия скомороха считалась позорным и греховным занятием, осуждалась правительством и церковью. Следуя исторической правде, Островский и положил в основу своей пьесы противоречие между влечением талантливого актера к театру и его суеверным страхом перед профессией скомороха.

Однако этот конфликт не сразу нашел глубокое выражение в комедии. К этой мысли драматург пришел лишь в процессе работы. Первоначально драматизм положения главного героя – Якова – заключался в том, что он оказывался насильно завербованным в комедианты окольным Матвеевым, который «сгонял подъячих молодых в потешную палату» для «потехи царской». Сам Яков не обнаруживал

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
призвания к театральному искусству. В черновой рукописи имеется такой диалог
Якова и его отца – Кочетова:

Яков

Несут молву, что для некакой потехи царской
Неведомый окольный Матвеев
Сгонять велел подъячих молодых
В потешную палату.
Кочетов

Эта служба
Не хитрая: охотников найдется
Хоть пруд пруди; да чести в ней нисколько,
А грех велик.
Яков

...Охотников не ищут.
В потешную сбивают силой: жизни
Своей не рад, брожу, как полоумный,
Навяжут мне невесть какую службу.
Островский неоднократно возвращался к мысли о том, что Яков не по своему желанию
попал в скоморохи. Зачеркнув диалог Кочетовых – отца и сына, – драматург ввел
эту мысль в сцену Якова с Натальей; Яков говорил Наталье: «Вот видишь ли,
безвинно я страдаю. Моей вины и моего хотенья нисколько тут, ни на волос». И в
первом и во втором действиях именно сцены, в которых идет речь о новой службе
Якова, подвергались наибольшей правке. Глубокое проникновение в историю русского
театра и в психологию актера-скомороха XVII столетия заставило Островского
отказаться от первоначального замысла и дополнить драму главного героя комедии
конфликтом между его добровольным стремлением служить искусству и суеверным
страхом перед профессией актера. Уже в черновой рукописи монолог Якова (д. II,
явл. 6) имел такую редакцию:

Яков

С добра ума убраться поскорее.
Потешно им, а мне хоть волком вой.
Душа моя трепещет, сердце ноет
И день и ночь. Не силой, не неволей
Заставили грешить меня. – Тогда бы
И грех на них и вся вина. – Я сам,
Охотой шел, свое хотенье было.
И сам держи ответ перед отцом,
Перед судом Господним. Страшно дело,
Охотой шел, охотой и уйду.
Отбегаюсь, веди хоть на веревке
В потешную, хоть бей, а буду бегать.
Хоть режь меня. Я бегать не отстану
До той поры, когда родной отец
Прикажет мне комедиантом зваться
И действовать меня благословит.
Всяк о себе. Кому нужна Есфирь,
А мне душа нужна. Прощайте, братцы!
В окончательном тексте противоречие между призванием талантливого артиста к
театру и его боязнью преступить общепринятые нормы приобрело еще более острую
форму, а положение Якова стало еще драматичнее: он не верит в благословение отца
на его скоморошью службу и вынужден бежать от любимого дела.

Островский упорно работал над пьесой, торопился написать ее к бенефису Д. В.
Живокини 2-го.

26 августа 1872 года он сообщал Бурдину: «Новую пьесу я кончу на днях и тогда
буду просить тебя употребить все усилия, чтобы она скорее прошла цензуру и
Комитет. Она должна пойти в Москве 19-го октября в бенефис Живокини 2-го» (т.
XIV, стр. 236).

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871-1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e «Комик XVII столетия» был закончен 9 сентября 1872 года. 12 сентября Островский послал пьесу брату М. Н. Островскому в Петербург для передачи ее в театральную цензуру и в журнал для печати. Отдав пьесу Некрасову, брат 22 сентября уведомлял драматурга: «Некрасов пьесу твою взял с величайшей охотой и деньги мне заплатил» (Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). В связи с отъездом за границу М. Н. Островского все хлопоты о пьесе перешли к Бурдину. «...На тебя я надеюсь как на каменную стену, – писал ему драматург 27 сентября. – Кому бы ты не отдал комедию, попроси, чтобы, во-1-х, не торопились ее печатать, а во-2-х, чтоб поисправней была корректура, – мне хочется, чтоб она была напечатана точь-в-точь как есть в моем оригинале» (т. XIV, стр. 239).

Некрасов предполагал поместить пьесу сначала в первом номере «Отечественных записок». Она была даже набрана, но затем он обратился к драматургу со следующей просьбой:

«Пишу я Вам по особому случаю. У меня есть поэма в три печатных листа да в Вашей комедии четыре листа. Семь листов стихов на одну книгу журнала много, между тем мне хочется пустить свою поэму („Княгиня Волконская“. – Н. Г.) в 1-ю книгу по той причине, что цензурные условия ухудшаются с ужасною быстротою; в лишний месяц может дело дойти до того, что поэму мою (из времен декабристов) запретят. Итак, не будет ли для Вас в каком-нибудь отношении неудобно, если я „Комика“ (уже набранного – не прислать ли Вам корректуру?) пушу во 2-й книге. Говорите откровенно. Если Вам это не понравится, то я обе вещи пушу в 1-ю книгу» (Н. А. Некрасов, Собр. соч., М. 1952, т. XI, стр. 230-231).

Таким образом, по просьбе Некрасова «Комик XVII столетия» был напечатан во втором номере журнала.

Бурдин деятельно хлопотал о скорейшем прохождении комедии через театральную цензуру. 25 сентября он уведомлял Островского: «Пьеса представлена в Комитет, а теперь еду просить цензора поскорее прочитать ее. Вероятно, в середине будущей недели она будет совсем готова» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М.-Пг. 1923, стр. 163).

Комедия была одобрена Театрально-литературным комитетом 30 сентября 1872 года, а разрешена театральной цензурой 3 октября того же года.

Бурдин советовал Островскому поставить ее на Александрийской сцене и для этого приглашал приехать в Петербург (там же). Но по неизвестным соображениям драматург не хотел ставить пьесу в Петербурге. В письме от 17 ноября 1872 года он просил Бурдина: «Если бы ты мог как-нибудь устроить, чтобы „Комик“ совсем не пошел в Петербурге, то оказал бы мне величайшую услугу» (т. XIV, стр. 240). Бурдин же считал, что пьесу «нет причины... не играть, только нужно переделать конец и сделать его более сценичным» («А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин. Неизданные письма», М.-Пг. 1923, стр. 167). В конце концов Островский уступил Бурдину: «С „Комиком“ делайте что хотите, если захотят поставить, ты меня уведошь, – тогда я пришлю переделку окончания» (т. XIV, стр. 240).

Однако постановка «Комика XVII столетия» в Петербурге при жизни драматурга не была осуществлена. Следов работы Островского над изменением окончания пьесы также не имеется. Цензурованный экземпляр комедии (Центральная театральная библиотека в Ленинграде) совпадает с первопечатным текстом, если не считать незначительных разночтений в заключительных словах Грегори в эпилоге: печатный текст полнее цензурованного.

Премьера пьесы состоялась в Москве 26 октября 1872 года, в бенефис Д. В. Живокини 2-го, исполнявшего роль подъячего Клушина. В других ролях выступали: С. П. Акимова – Препечина, Г. Н. Федотова – Наталья, И. В. Самарин – Кочетов, Н. И. Музиль – Яков, В. И. Живокини – Лопухин, Е. Н. Васильева – Анисья, С. В. Шуйский – Иоган Грегори, Н. Е. Вильде – Матвеев, М. А. Решимов – Юрий Михайлов.

Островский стремился к исторической верности сценического оформления спектакля. 12 сентября 1872 года в письме к Дубровскому он просил со свойственным ему юмором: «Сходи к Иваиу Егоровичу Забелину и поклонись ему в ноги (а после я тебе поклонюсь), а проси его вот о чем: чтобы он начертил тебе на бумажке постановку декораций для Постельного крыльца, так, чтобы та часть его, которая выходила к нежилым покоям, приходилась к авансцене, далее, чтоб видна была каменная преграда, место за преградой и ход на государев верх. Мне это очень нужно для

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e комедии, которую я кончил и которая пойдет у Митоса в бенефис» (т. XIV, стр. 238).

Дубровский передал просьбу драматурга историку Забелину и 22 сентября 1872 года известил Островского: «...Забелин с полным удовольствием взялся исполнить твою просьбу, прибавив при этом, что он всегда рад содействовать тебе во всем, в чем только может быть полезным... Он хочет составить тебе верный и подробный план местности старого дворца... План будет готов к 26 сентября» (Государственный Центральный театральный музей им. А. А. Бахрушина). Островский действительно получил от Забелина подробный чертеж с объяснениями, пересланный историком через Дубровского (там же, письмо Дубровского от 27 сентября 1872 года).

Московская премьера «Комика XVII столетия» не получила широкого освещения в театральной критике. Подробный отзыв был помещен на страницах либеральной газеты «Русские ведомости» (1872, № 239). Рецензент свидетельствовал о том, что, несмотря на участие в спектакле лучших сил театра, пьеса прошла «скучно, безжизненно». Даже Шуйский «был ниже своей всегдашней игры», а Федотова в роли Наташи «утрировала до крайности». «Эта молодая девушка, – писал рецензент, – по прихотливой воле автора, то кроткая голубица, то какая-то до неприличия развязная баба, сама по себе уже крайне неизящна и неестественна, а потому отнюдь не нужно было того до чрезвычайности резкого подчеркивания, с каким г-жа Федотова произнесла хотя бы свой троекратный ответ: „Не помню, хмельна была!“».

Театрального рецензента совершенно не удовлетворила и игра Музиля, который, изображая якобы «неудавшегося г. Островскому комика XVII столетия, представил собою такого жалкого комика XIX века, что смотреть было невозможно». Так же неудачным, по мнению рецензента, было исполнение Решимовым роли Грегори: «...Он к роли режиссера театра аптекаря Грегори, в XVII столетии, приурочил жесты и дикцию Чацкого, с присоединением безукоризненной храбрости капитана Маржерета».

Отрицательная оценка пьесы в известной мере объясняется непониманием сущности комедии Островского. Ее рассматривали просто как «юбилейную» пьесу, вне юбилейной даты она будто бы лишена не только смысла и значения, но, «напротив, лишенная всякого самостоятельного внутреннего достоинства „комедии“, не имела даже и тени успеха» («Голос», 1872, № 184).

Консервативная печать не хотела признать в пьесе ее народной основы, исторической и бытовой достоверности. Критик «Нового времени», например, считал, что комедия построена на ложной коллизии: «Так как самый мотив борьбы крайне фальшивый, потому что влечение Якова к ремеслу комика решительно ни в чем не выражается, то она и не возбуждает в нас ни малейшего сочувствия» («Новое время», 1873, № 61).

«Комик XVII столетия» ставился на сцене редко. После премьеры в Москве вторая постановка этой комедии была осуществлена на сцене Александрийского театра в Петербурге только 30 августа 1894 года, опять-таки в связи с юбилейной датой – 138-летием основания императорских петербургских театров. Роли исполняли: В. В. Стрельская – Перепечина, В. А. Мичурина – Наталья, В. Н. Давыдов – Кочетов, Р. Б. Аполлонский – Яков, П. Д. Ленский – Матвеев, Н. Л. Глазунов – Иоган Грегори.

По свидетельству современников, спектакль не был удачным прежде всего «из-за отсутствия ансамбля». В исполнении не было естественности и простоты («Петербургская газета», 1894, № 239). «Актеры играли старательно, – писал рецензент „Нового времени“, – но этого недостаточно... Исполнители не жили на сцене, а именно представляли. Все они, впрочем, имели внешний успех, если соизмерять успех числом вызовов. Только г-н Давыдов в роли подъячего Кочетова, г-жа Мичурина в роли Натальи да г-н Глазунов в небольшой роли аптекаря Грегори были живыми лицами» (1894, № 6648). Однако хроникер газеты «Биржевые ведомости» отмечал, «что г-жа Мичурина, игравшая... роль с усердием, достойным лучшего дела, выделяла свою игру именно развязность, смелость и находчивость молоденькой мастерицы», совсем забывая о том, что Наталья – узица московских теремов XVII века («Биржевые ведомости», 1894, № 240).

На сцене Малого театра «Комик XVII столетия» был возобновлен в 1898 году, в бенефис Н. И. Музиля (Клушин), с участием К. Н. Рыбакова (Кочетов), М. П. Садовского (Матвеев), О. О. Садовской (Анисья), А. П. Ленского (Лопухин) и др.

После Великой Октябрьской социалистической революции пьеса была поставлена в

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
1922 году одновременно в Москве, Вологде и Омске в ознаменование 250-летия русского театра. В Москве «Комиком XVII столетия» начала свою деятельность студия Малого театра. «Самая комедия Островского, – писал П. Марков об этой постановке, – имеет... специфический, почти этнографический интерес – интерес лирических воспоминаний, исторических воссозданий, бытоизображения... Ее сюжетная основа и ее романическая интрига только фон, на котором разыгрывается „комедь“ о первых русских комедиантах. Играючи и смеясь написана эта „комедь“, в которой, однако, такое точное знание быта и такое великолепное ощущение начал Домостроя, крепкой и ядреной русской жизни... Общий замысел режиссера лежал в воскрешении отделенных от нас 250-летним промежутком трудов и дней актеров придворной комедиальной храмины. В целом этот замысел был достигнут» («Театр и музыка», 1922, № 10, стр. 163–164).

В 1923 году, в 100-летнюю годовщину со дня рождения Островского, «Комика XVII столетия» показал Ленинградский театр юного зрителя. Спектакль был выдержан в реалистических тонах, хотя в нем обнаруживались элементы внешней театральности.

В сезон 1935–1936 года пьеса игралась на сцене МХАТа 2-го. Но эта постановка была неудачной (см., например, оценку в газете «Советское искусство», 1935, № 49); текст комедии подвергся театром большим произвольным изменениям, вычеркнут эпилог, В. Каминским заново написан пролог и т. д.

Примечания

1

Глупый малый (нем.).

2

Очень хорошо, что вы пожаловали (нем.).

3

Интермедия (лат.).

4

Пролог (лат.).

5

Цыган выходит (лат.).

6

Болен? (лат.)

7

У меня под рукой есть разные лекарства (лат.).

8

О, какой учащенный пульс! (лат.)

9

Вот лекарства (лат.).

10

Где болит? (лат.)

11

Искаженное латинское dentes – зубы.

12

сочинений в шестнадцати томах. Том 6. Пьесы 1871–1874. Александр Николаевич Островский ostrovskya1e
Где инструменты? (лат.)

13

Какие огромные зубы! (лат.)

14

Вот и готово! (лат.)

15 Боже мой? (нем.)

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://ostrovskyaalexander.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!